

Дагестанский филиал АН СССР
Институт ИИА им. Г. Цадасы

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том IV

1958

72/2P. 64)
И 71

Дагестанский филиал АН СССР
Институт истории, языка и литературы
им. Г. Цадасы

Ученые записки

ТОМ IV

Махачкала — 1958

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. А. АЛИКБЕРОВ, В. Г. ГАДЖИЕВ,
Г.-А ДАНИЯЛОВ (ответственный редактор),
Ш. И. МИКАИЛОВ, Г. Б. МУРКЕЛИНСКИЙ,
А. С. ОМАРОВ, Е. В. СКАЗИН, Р. Ф. ЮСУФОВ

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

И С Т О Р И Я

О ПРЕБЫВАНИИ МОНГОЛОВ В РИЧА И КУМУХЕ (1239—1240 г. г.)

В исторической литературе о Кавказе немалое место занимают исследования, авторы которых в той или иной степени затрагивают вопросы, связанные с татаро-монгольским нашествием. Ряд статей посвящен непосредственно монгольским походам на Дагестан и мужественной борьбе горцев против иноземных захватчиков¹. Однако исследователи не ставили перед собой задачу специально изучить маршрут татаро-монгольских войск. Поэтому до сих пор остается неосвещенным вопрос о пребывании татаро-монгольских войск в нагорном Дагестане, в частности в селениях Рича и Кумух.

Правда, еще в середине XIX в. известный русский востоковед-эпиграфист Н. В. Ханыков дважды издал надпись о приходе татарских войск в селение Рича², но известие это и поныне остается вне поля зрения исследователей. Имеется также сообщение известной исторической хроники «Тарихи Дагестан» о приходе в Кумух «турок» во главе с Каутаршахом, однако отсутствие в изданном тексте даты и точного указания на татар явилось причиной того, что исследователи или вообще не принимали во внимание это важное сообщение или же в редких случаях пользовались им без указания даты. Исключением является дагестанский историк Багадур Маллачиханов. Он первый обратил внимание на текст «Тарихи» и, используя ряд других данных, установил, что под назва-

¹ Р. М. Магомедов. Дагестан в эпоху татаро-монгольского ига. Махачкала, 1940; М. М. Ихилов. Татаро-монгольское нашествие и борьба народов Дагестана за свою независимость. «Очерки истории Дагестана». Т. 1. Махачкала, 1957, стр. 68—74.

² Сел. Рича расположено в 10 км к ю-з. от сел. Тпиг (Агульский р-н) на правом берегу р. Чирачай.

нием «турки» здесь следует понимать татар, пришедших в 637 г. хиджры (1239) в Кумух и разрушивших его¹.

Тем не менее полная картина татарского нашествия на внутренний Дагестан не была дана, ибо целый ряд источников остался неиспользованным. По всей вероятности Б. Маллачиханову не были еще известны упомянутые выше публикации Н. В. Ханыкова (в библиографии или же в тексте они не упоминаются), хотя в работе и говорится о наличии в сел. Рича надписи, повествующей о приходе сюда татарских войск в 637 г. хиджры. В списке использованной литературы Б. Маллачиханов указывает на «неопубликованные сведения из материалов, почерпнутых у Али Каяева»². Последний же, известный дагестанский ученый-краевед, в своих «Материалах по истории лаков»³ сохранил для нас ценные тексты надписей, среди которых особое место занимают надписи из селения Рича и Кумух, рассказывающие о прибытии в эти селения монгольских войск в 637 г. хиджры. Тем не менее ни одна из этих надписей не использована в работе Б. Маллачиханова.

Арабский автор XIII в. Ибн-ал-Асир писал, что «весною 1239 г. Кукдай... завоевал Дербент и окрестные страны на севере от города». Известие это находит подтверждение в лапидарных текстах, обнаруженных в Дагестане. Более того, местные источники дают возможность установить факт пребывания монгольских войск, захвативших Дербент, в южном Дагестане, а именно в Рича и Кумухе.

Первое известие, помогающее установить один из пунктов монгольского маршрута после захвата Дербента, — это куфическая надпись из сел. Рича, изданная Ханыковым сначала в газете «Кавказ» (1850, № 52), в статье под названием «Археологическое известие», а затем в «Journal Asiatique» за 1862 г. (арабский текст и французский перевод):

«Истинно, войска проклятых татар, — да оставит их без помощи аллах — пришли в Бабилькист Рича, когда оставалось десять дней до конца месяца раби'аль-авваль. И сражались с ними жители Ричи до середины раби'аль-ахир в шестьсот тридцать седьмом году. Затем приказал Сабадж ибн Су-

¹ Б. Маллачиханов. Материалы по истории нагорного Дагестана. Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1167, л.л. 25—26.

² Там же стр. 41.

³ Али Каяев. Материалы по истории лаков. Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1642 (на лакском яз).

лейман построить эту крепость в месяце зуль-хиджжа, один из месяцев шестьсот тридцать восьмого года»¹.

Двадцатое число месяца раби'аль-авваль 637 г. хиджры соответствует 20 октября 1239 г., а середина (если взять 15-й день) раби'аль-ухра 637 г. хиджры — 14 ноября 1239 г. Следующая дата, указанная в надписи, т. е. месяц зуль-хиджжа 638 г. хиджры, падает на октябрь—ноябрь 1240 г.

Сообщение приведенной надписи подтверждается и дополняется текстом другого памятника эпиграфии из того же селения:

هذا المسجد الجامع باب القسط رجا قد خرب عسكر تانار
حين قد خرب (كرود رجا) في شهر ربيع الاخر من شهور
سنة سبعة و ثلاثين و ستمائة ثم امر اميراجل كبير مؤيد
مظفر مجاهد مرابط تاج الدنيا و الدين آدم بن عبد الملك
بن محمد ادام الله علوه قد امر بعمارة هذا المسجد في شهر
ربيع الاول من شهور سنة ثمانية و اربعين و ستمائة. 2)

«Эта соборная мечеть Бабуль-кист Рича разрушена войском татар, когда разрушен был (город?) Рича) в месяце раби'аль-ахир, один из месяцев шестьсот тридцать седьмого года. Затем приказал эмир славнейший, великий, поддерживающий, победоносный, борец за правое дело, стоящий на страже венца мира и религии Адам сын Абд-ал-Мелика сына Мухамеда, да продлит аллах славу его — приказал (он) построить эту мечеть в месяце раби'аль-авваль, один из месяцев шестьсот сорок восьмого года».

Эта надпись в свое время была широко известна дагестанским арабистам. Как писал Маллачиханов, относительно ричинской надписи, отмеченной 637 г., дата эта встречается в различных записях-памятниках, «разбросанных в копиях по разным рукописям и в частности зафиксирована в надписи на одном камне в стене мечети аула Рича...»³.

Раби'аль-ахир 637 г. хиджры соответствует ноябрю 1239 г., раби'аль-авваль 648 хиджры — июнь 1250 г. Конец этой надписи, как видим, рассказывает о восстановлении разрушенных монголами зданий в 1250 г., т. е. через десять лет после монгольского нашествия.

¹ N Khanikoff. Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. Journal Asiatique, août, 1862, p 126.

² А. Каюев, Указ. соч. л. 271.

³ Б. Маллачиханов, Указ. соч. л. 25.

Таким образом, обе надписи из сел. Рича¹ посвящены одному и тому же событию, а именно прибытию монгольского войска в сел. Рича, борьбе ричинцев с завоевателями и разрушении селения. Надписи эти не дают, однако, возможности судить о дальнейшем пути татаро-монгольских войск. Все же есть все основания предполагать, что путь монгольских войск из Ричи лежал на северо-запад, по направлению к Кумуху.

Две надписи из сел. Кумух могут подтвердить это. Вот содержание первой надписи:

خراب غمق بيد الترك اعنى قريم فى يوم الاثنين فى اول
رمضان فى عهد نجم الدين و استشهد جميع عسكر غمق الا
الف و ثلاث و ثلاثين. 1)

«Разрушение Гумика турками, имею в виду Крым — в понедельник в начале (месяца) рамазан во время Наджм уд-дина, и погибло смертью воителей за веру все войска Гумика, за исключением тысячи тридцати трех (воинов)».

Вторая надпись дает точную дату разрушения Кумуха:

خراب غمق على يد الترك فى عهد نجم الدين سنة سبع
و ثلاثين و ستمائة، 2)

«Разрушение Гумика турками во время Наджм уд-дина — год шестьсот тридцать семь».

Эти две надписи позволяют установить дату прихода татар в Кумух и разрушения селения — второй день начала месяца рамазан 637 г. хиджры, что соответствует 8 апреля 1240 г.

Значит за короткий срок после пребывания в сел. Рича и разрушения его (октябрь—ноябрь 1239 г.) монголы пришли в Кумух и подвергли его такому же разрушению.

Из всего приведенного выше можно установить, что татаро-монгольские войска, захватив весной 1239 г. Дербент, осенью того же года захватили сел. Рича, перезимовали здесь и весной следующего, т. е. 1240 года прибыли из Ричи в Кумух, который был захвачен после ожесточенной борьбы.

¹ Вот что пишет Маллачиханов о сел. Рича: «Аул этот, игравший большую стратегическую роль, как этап на пути из южного Дагестана, а Нагорье в арабской местной манускриптной литературе имеет почетнейшее название «Баб-уль-кист», что означает «Ворота справедливости». В ауле Рича указывают возвышающиеся на скале развалины той крепости, которая некогда была разрушена татарами при их вторжении в горы». См. Б. Маллачиханов. Указ. соч., л. 25.

² А. Каяев. Указ. соч., стр. 275. (А. Каяев точно не указывает о каких надписях идет речь — о надписях на камне или же на полях книг).

³ Там же, стр. 254.

Мы имеем, таким образом, три основных пункта маршрута татаро-монгольских войск: Дербент, Рича, Кумух. Из Дербента в сел. Рича можно попасть через Белиджи—Мамраш—Касумкент. От последнего пункта до сел. Рича ведут две дороги. Одна — через пункты Алкадар, Хив, Друштул, Тпиг, т. е. вдоль р. Чирахчай, другая же идет южнее, через Икра, Курах, Усуг, т. е. вверх по течению реки Курах, сливающейся с Чирахчаем за Касумкентом. Трудно установить, какой из названных двух путей избрали монголы при движении в сторону Ричи. Более благоприятным для передвижения войск был второй (вдоль реки Курах). В то же время представляет интерес тот факт, что первый путь (т. е. вдоль р. Чирахчай) имеет местное название «мугъу-дере», которое можно перевести как «монгольское ущелье» (мугъул дере). Вопрос этот требует уточнения.

Что касается пути от Ричи до Кумуха, то определить его не трудно. Единственная дорога, соединяющая эти два селения, проходит вдоль рек Чирахчай и Кули, через пункты Чирах, Хосрек, Вачи, Шовкра.

Исходя из изложенного можно установить более подробный маршрут татаро-монгольских войск при походе 1239—1240 г. по внутреннему Дагестану: Дербент — Белиджи — долина р. Гюлгеричай до современного Касумкента — сел. Рича — и далее по долине р. Чирахчай и Кули через селения Чирах, Хосрек, Вачи — на Кумух.

Можно предположить, что путь через внутренний Дагестан был известен монголам до 1239 г. Еще при первом походе (1222 г.) монголы, как на это впервые обратил внимание Б. Маллачиханов, проникли из Закавказья на Северный Кавказ именно по нагорному Дагестану, в обход пути, проходившего через Дербент и прибрежную полосу Дагестана.

Какие же источники давали автору право на такое предположение? Это арабский автор Рашид-ад-дин и армянский историк XIII в. Киракос Ганзакец. По сообщению первого, монгольские войска во главе с Субэдэ и Джебе в 1222 г. прибыли в Ширван, подошли затем к Дербенту, но не смогли занять его. Тогда монгольские предводители обратились к ширваншаху с предложением послать несколько человек для заключения мира. Ширваншах послал десять вельмож (акабир), причем «одного из них (монголы) убили, а другим сказали: если вы покажите нам путь через Дербент мы вас пощадим, в противном случае мы вас тоже убьем». Те указали путь, и монголы дошли до алан¹.

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2, М.-Л., 1952, стр. 228—229.

Быть может монголы обошли Дербент и вышли на приморскую равнину? Сведения Киракоса Гандзакеци позволяют ответить на этот вопрос отрицательно. Как пишет армянский историк «таджики, владевшие Дербентом, не пропустили и их. Тогда татары по местам неприступным перешли Кавказские горы, заваливая пропасти деревьями, камнями, бросая туда свой багаж, даже лошадей и военные снаряды и таким образом, пошли в свою родину»¹.

Стало быть в данном случае с наибольшей достоверностью можно говорить о прохождении войск Субэдэ и Джебе через внутренний Дагестан. Еще задолго до татаро-монгольских походов этим путем пользовались в ряде случаев гунны и арабы. Так, например, гунны, совершив набег на Медию (Атропатен), вернулись к Аланским воротам через внутренний Дагестан². В 739 г. арабы совершили поход на Дагестан со стороны Грузии по следующему маршруту: Серир (Авария) — Туман (Кумух) — Зирихгеран (Кубачи) — Хамзин (Кайтак).

Судя по сообщению «Тарихи» кумухские и кайтагские правители, жившие раньше в дружбе, поссорились между собой, и правитель Кайтага заключил союз с Саратаном, «сыном царя аварского». Последний обратился за помощью к «султану Каутар-шаху» из «страны турок». Каутар-шах не замедлил выступить против мусульманского Кумуха, и объединенные войска Каутар-шаха, Саратана и «князей хайдакских» совершают нападение на Кумух «во вторник первого рамазана, в дни Нажмуддина»³.

И месяц рамазан и имя Нажмуддина уже упоминались в кумухских надписях, относящихся к апрелю 1240 года. Очевидно, что в «Тарихи-Дагестан» речь идет о тех же событиях, которые упомянуты в надписях из Кумуха. Следовательно представляется возможным целиком использовать при изучении татаро-монгольского похода оба вида источников (надписи и «Тарихи-Дагестан»), тем более, что они не только подтверждают, но и дополняют друг друга.

«Тарихи-Дагестан» дополняет надписи подробностями о событиях, связанных с захватом Кумуха, особенно сообщением об упорном сопротивлении кумухцев. Сухая констатация фактов, данная в надписи, оживляется ярким рассказом автора «Тарихи» о судьбе мусульманского Кумуха и его жителей: «Они (обитатели Кумуха) сражались с великим мужеством,

¹ Цитируем по Маллачичанову.

² J. Marquart. Eransahr... Berlin, 1901. S 96—97.

³ Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом Рафи. «Сборник сведений о кавказских горцах». Т. 5, стр. 25—27.

и семьдесят юношей пали мучениками. Эти (т. е. монголы — А. Ш.) заняли укрепление выше мечети (называемое) Кекели и обязали себя клятвой сражаться и пожертвовать своим имуществом, жизнью и телами. Когда эти юноши исполнили свой долг в укреплении (т. е. все были убиты), оба князя, Сартан и Каутар, опустошили Кумух в субботу в месяце саффар и все князья кумухские, происходящие от Хамзы рассеялись по разным частям света...»¹. После этого, как сообщает автор «Тарихи», Каутар-шах и Саратан «возвратились в свою землю».

Власть монголов в горах не утвердилась и в последующее время. Свидетельствуют об этом не только указанные выше надписи (о восстановлении зданий), но также сообщение Рубрука, относящееся к 1253 г., о том, что аланы и черкесы борются против татар и что «некие сарадины, именуемые ласгами (имеются в виду дагестанцы — А. Ш.), равным образом не подчинены татарам»².

¹ Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом Рафи. «Сборник сведений о кавказских горцах». Т. 5, стр. 27.

² Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. В кн. «Путешествие в восточные страны П. Карпини и Рубрука». М., 1957. Стр. 111, 186.

ТАРКИ ДО XVIII ВЕКА

Кумыкское селение Тарки (4 км от г. Махачкалы) имеет большую историю. Это один из древнейших в Дагестане населенных пунктов, первоначальная столица Хазарского каганата, в прошлом второй по значению военно-стратегический и торговый пункт Дагестана (после Дербента), и, наконец, некогда столица крупнейшего в Дагестане феодального княжества — шамхальства Тарковского. К сожалению, до сих пор нет даже маленького очерка по истории этого селения. Целью настоящей статьи является частичное заполнение этого пробела.

Археологические раскопки последних лет на территории Тарков и в ближайших окрестностях выявили погребения, относящиеся ко II тысячелетию до н. э., а также к первым векам I тысячелетия до н. э. и I—III векам н. э.¹ Результаты раскопок заставляют сделать предположение о непрерывном существовании здесь селения, начиная со II тысячелетия до н. э. Древнейшее население его занималось скотоводством, о чем говорят находки костей барана, козы, коровы и лошади. Предположение К. Ф. Смирнова о том, что в начале н. э. здесь жило племя утидорсов или (по толкованию этого автора) смесь удинов с аорсами², пока остается недоказанным и

¹ М. И. Исаков. Археологическая раскопка Таркинского могильника. «Труды Первой научной сессии Дагестанской базы Академии Наук СССР». Махачкала, 1948; А. М. Твердохлебов. Об археологических работах в Дагестане в 1947—48 гг. Там же; Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 23, М., 1951; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг.

² К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 272; его же. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. «Краткие сообщения ИИМК», вып. 37, М., 1951, стр. 160; его же. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 годах. Там же, вып. 45, М., 1952, стр. 91.

мы до сих пор не знаем, к какому народу принадлежало древнейшее население Тарков.

Так как имеются основания считать, что известный средневековый город Семендер находился на месте Тарков (об этом ниже), то наиболее ранним письменным известием о Тарках можно признать упоминание «гуинского» города М-с-н-д-р (т. е. очевидно, Семендера) в армянской географии VII в.)¹.

Под нынешним своим названием Тарки впервые упоминаются в VIII в. у армянского историка Гевонда, который рассказывает, что при вторжении арабов в Дагестан, предводитель последних Мслим (Муслим), в 716—717 гг., пройдя через Дербент на север, «расположился лагерем при гуинском городе Таргу». Далее Гевонд передает, что «жители той страны (т. е. страны, где находился город Таргу), при виде хищников (так Гевонд называет войско Муслима), устремившихся на них, тотчас дали знать о том царю хазарскому Хагану», который подошел со своим войском к Таргу и заставил Муслима без боя бежать².

Заметим, что Тарки по-кумыкски называются Таргъу, т. е. так, как именуется его Гевонд. Из слов последнего видно, что Тарки в начале VIII в. входили в состав Хазарии или же находились с ней в союзных отношениях. Показательно, что из дагестанских городов Гевонд упоминает только Дербент и Тарки. Это говорит о том, что Тарки уже в VIII в. являлись крупным центром.

Рассказ о вторжении арабов в северный Дагестан есть не только у Гевонда, но и у других авторов. Однако они, умалчивая о Тарках, говорят в одних случаях о взятии арабами столицы гуннов, города Варачан (армянский историк Вардан Великий), а в других хазарского города Семендер (арабский писатель Табар). Следует также учесть, что арабские и еврейские источники X в., перечисляющие наиболее крупные центры Дагестана, знают Семендер и молчат о Тарках. Автор «Дербент-намэ» отождествляет Семендер с Тарками. Расстояние от Дербента до Семендера, которое указывают арабские авторы (4 дня пути), соответствует расстоянию между Дербентом и Тарками.

Не считаясь с этими фактами, большинство современных исследователей несправедливо отказываются признать, что хазарский город Семендер это и есть Тарки. М. И. Артамонов

¹ К. Патканов. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. «Журнал Министерства народного просвещения», 1883, март, стр. 31.

² История халифов Вардапета Гевонда, писателя VIII века. СПб., 1862, стр. 28.

считает, что «Семендер надо искать не на Тереке и не в Тарки, а вблизи Сулака»¹. М. С. Саидов утверждает, что «Тарху и Семендер не являются одними и теми же населенными пунктами»². Недавно изданный капитальный труд по истории СССР обнаруживает отсутствие у его авторов определенного мнения по этому вопросу. Так, в тексте говорится о Семендере, что «местоположение его точно не установлено»³, в географическом указателе, которым сопровождается соответствующий том этого труда, сказано, что Семендер находился к югу от нижнего течения р. Сулак»⁴, а на приложенной карте он обозначен на месте Тарков или Махачкалы⁵.

М. С. Саидов и составители «Очерков истории СССР» не аргументируют свое мнение. Что же касается М. И. Артамонова, то его вывод основывается на двух ошибочных положениях. Во-первых, он отождествляет название города Берау или Бергху, встречающееся у Табари, с Тарками. Так как, по Табари, Берау находился южнее Семендера, то, заключает М. И. Артамонов, нет основания отождествлять Семендер и Тарки. Но нет никаких оснований считать Берау и Тарки одним и тем же пунктом. Во-вторых, М. И. Артамонов, неправильно видит в городе Инджи, помянутом в «Дербент-намэ», сходство со второй частью названия Сем-ендер. На основании этого, он считает его Семендером, а, так как Инджи находился севернее Тарков, то М. И. Артамонов исключает возможность сопоставления Тарков и Семендера⁶.

С. Т. Еремян обстоятельно доказал, что Семендером назывались Тарки⁷. Не собираясь пересказывать доказательства С. Т. Еремяна, я со своей стороны лишь кое-что прибавлю к его доказательствам.

Семендер (точнее Самандар) — скорее всего термин персидский и означает он «крайняя (или порубежная) дверь». Персидское слово «дверь» (дар) издавна применялось для обозначения различных дефиле, напр. Дербент, Дари-ял и пр. Старинный торговый путь по западному берегу Каспия имеет два узких места, где горы близко подходят к морю. Одно из этих мест находится у Дербента, а другое в районе

¹ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар, Л., 1936, стр. 97.

² М. Саидов. Дербент-намэ. «Труды Второй научной сессии Дагестанской базы Академии Наук СССР», Махачкала, 1949, стр. 105.

³ Очерки истории СССР, IX—XIII вв. М., 1953, стр. 667.

⁴ Там же, стр. 967.

⁵ Там же, карта.

⁶ М. И. Артамонов. Указ соч., стр. 96.

⁷ С. Т. Еремян. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу. «Записки Института Востоковедения АН СССР», т. VII, М.-Л., 1939.

Тарков и Махачкалы. Персы, назвавшие ближайшее к ним узкое место прикаспийской дороги — «Железной дверью» (Дербент), району Махачкалы могли дать название «Крайняя дверь». Более того, если исходить из значения термина Семендер, то город им обозначенный не мог находиться нигде, кроме как в районе Махачкалы, так как дальше на север горы отступают от моря и дорога из Закавказья выходит на просторы северо-кавказской степи. В районе Махачкалы известен в прошлом только один крупный исторический центр, именно Тарки.

Не исключено также, что в названии «Таргъу» первая часть («тар») восходит к персидскому «дар», т. е. «дверь».

Известный востоковед проф. В. Ф. Минорский в письме на имя автора настоящей статьи соглашается с возможностью отождествления Семендера с Тарками, но пытается иначе объяснить их названия. Он пишет: «Самандар никак не может происходить от саман-дар, да еще по-персидски! Я твердо уверен, что это след имени одного из тюркских племен оканчивающегося на д-р. См. напр. Байундур (откуда русские берендеи). Гласные С-м-н-д-р не установлены. Возможно, что это и С-м-ндур (*сумун* по монгольски «стрела» и «отряд» — турецкие и монгольские имена путаются). Арабские источники несколько неопределенны, но Худуд аль-Алам прямо говорит, что Самандар на берегу моря. (Был ли у автора особый источник, неизвестно, повидимому был). Возможно, что Тарку другое более позднее название С-м-н-д-р'а. Таргъу, Таргъу значит «шелк», а *может* (?) быть и «подношения путешествующим» (хотя *обычно* тузгъу или тургъусу)¹.

К сожалению, В. Ф. Минорский не объяснил, почему именно Самандар «никак не может происходить от саман-дар», но его сопоставления имени города с племенными названиями оканчивающимися на «дур», как и предложенные им варианты объяснения имени Тарков безусловно требуют осторожности при решении этого вопроса. Мы придерживаемся мнения, что Семендер означает «крайняя дверь», и что первая часть имени Тарков также означает «дверь». Но это не значит, что такая гипотеза в дальнейшем не может быть заменена более убедительной. Для нас сейчас важна не столько филологическая сторона вопроса, сколько то, что Семендер и Тарки — одно и то же, а против этого нет убедительных доводов.

По словам Мас'уди (X в.) Семендер был первоначальной столицей Хазарии и лишь после захвата этого города арабами (в VIII в.) столица была перенесена в город Итиль на Волге. Мас'уд говорит, что и в его время Семендер был насе-

¹ Письмо от 18 апреля 1957 г.

лен хазарами¹. По словам Ибн-Хаукаля (X в.) правитель Семендера, подобно хазарским правителям, исповедывал иудейскую религию и состоял в родстве с хазарским каганом. Несмотря на сообщение Мас'уди о завоевании Семендера арабами, другие источники X в. (Ибн-Хаукаль², Ал-Мукаддасий³, автор «Худуд ал-алем»⁴, автор так называемого письма царя Иосифа⁵) единодушно считают его входящим в состав Хазарского государства. Таким образом, утверждение в нем арабов могло быть только временным. За это же говорит и разорение его киевским князем Святославом во время похода на хазар.

Источники рассказывают, что в X в. Семендер представлял собою большой город, богатый садами и виноградниками. Постройки его были сделаны «из дерева, переплетенного камышом; крыши у них остроконечные» (Ал-Мукаддасий). В городе были мечети, христианские храмы и синагоги, так как население состояло из людей разных вероисповеданий. Торговое значение города видно из слов «Худуд ал-алем», что Семендер — это богатый город, имеющий базары и купцов»⁶.

В 966 г. Семендер, вместе с Итилем и другими хазарскими центрами, был взят и разрушен дружиной Святослава⁷ и с этого времени имя его не упоминается в документах до середины XIII в., когда оно снова встречается в сочинении Плано Карпини в форме «Тарки». Этот автор говорит, что Тарки завоеваны монголами⁸.

Когда в 1395 г. Тимур пошел через Дербент на Золотую орду, то его войско, «дойдя до местности Дарки, стало лагерь». Оттуда Тимур пошел за Терек. После разгрома Золотой орды, на обратном пути в Закавказье, в 1396 г., «придя в Тарки, Тимур отделился от обоза, устроил победоносное войско» и совершил набег в горы Дагестана⁹.

Источники того времени не упоминают таркинских феодалов. Это по-видимому, говорит о том, что после монгольского

¹ Н. А. Караулов. Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Хр., о Кавказе, Армении и Азербайджане. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 38, Тифлис, 1908, стр. 43.

² Там же, стр. 115.

³ Там же, стр. 3.

⁴ Худуд ал-алем. Рукопись Туманского. Л., 1930, стр. 31—32.

⁵ П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, стр. 100.

⁶ Н. А. Караулов. Ук. соч., стр. 5, 43, 114, 115; Худуд ал-алем, стр. 32.

⁷ Н. А. Караулов. Указ. соч., стр. 114.

⁸ И. де Плано Карпини. История монголов. СПб., 1911, стр. 36.

⁹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. II. М.-Л., 1941, стр. 119, 123, 175 и 185.

нашествия город потерял свое бывшее политическое значение и, несмотря на важную роль, которую он продолжал играть, как транзитный пункт на важном торговом пути из Передней Азии в Восточную Европу, он превратился в ту пору в периферийный центр одного из феодальных владений Дагестана. В эту тревожную эпоху местные князья предпочитали иметь свои резиденции в горах, где им легче было отстаивать свою независимость.

О том, что Тарки в XV в. не были крупным самостоятельным политическим центром, говорит эпизод с ограблением кайтагцами Афанасия Никитина у самых степ Тарков («Тархи», «Тархы»)¹.

Не исключено, что в XIII—XV вв. Тарки находились в зависимости от кази-кумухских шамхалов, которые, как сообщает Мухаммед Рафи, брали с Тарков подать по 2 саха рису с каждого дома². Зависимость Тарков от шамхала имела место и в середине XVI в.

Вражда шамхала с кабардинскими князьями и дипломатические шаги, предпринятые последними в Москве, привели в 1560 г. к походу русских войск под командованием И. С. Черемисинова на Тарки. После полудневного боя с войсками шамхала Черемисинов сжег Тарки, а затем отошел к Теркам³.

На борьбу с шамхалом толкали московского царя не только кабардинские князья, но и грузинские цари. В 1589 г. грузинские послы в Москве выразили недовольство тем, что русские войска не остались в Тарках. Они доказывали, что падение Тарков неизбежно приведет к падению мощи шамхала. При этом послы называли этот город столицей шамхала («город шевкальской начальной Тарки»)⁴. Русским послам в Тифлисе в 1590 г. грузинское правительство повторило свое настоятельное требование, чтобы русские войска взяли Тарки и основали бы там укрепление с постоянным русским гарнизоном⁵. То же самое имело место и во время пребывания грузинского посольства в Москве в 1592—1593 гг.⁶.

Результатом этого явился поход русских войск во главе с кн. А. И. Хворостининым в 1593 г. Тарки были взяты, но

¹ Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. М.-Л., 1948, стр. 10 и 11.

² Ивлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом Рафи. «Сборник сведений о кавказских горцах» вып V, Тифлис, 1871, стр. 23.

³ Полное собрание русских летописей, т. XIII, 2 половина СПб., 1906, стр. 324, 330.

⁴ С. Белокуров. Отношения России с Кавказом, 1, М., 1888, стр. 58—60.

⁵ Там же, стр. 207.

⁶ Там же, стр. 255.

шамхал, собрав большую армию, снова овладел Тарками, а Хворостинин с большими потерями отступил в г. Терки¹.

Послы грузинского царя и после этого продолжали настаивать на основании в Тарках русского укрепления. В 1604 г. они заявили в Москве, что для постройки укрепления Тарки «место угоднее, стена самородная камена и двор тут шевкалов и лесу и пашни у того города добре много и к городовому делу камена и извести туто много и воды ключевые в том городе есть многие родники, а на истоках стоит мельница». Московские дипломаты возразили послам, что по словам побывавшего уже в Тарках кн. Хворостинина, «те места к городовому ставлению не пригожи и безводны и лес далеко и горы над месты великие из гор кумыцкие люди учнут в городе делати тесноту и побивати станут».

В ответ на эти возражения грузинский посол старец Кирилл сообщил следующие интересные сведения о Тарках: «Те места к городовому ставленью добре угодны и шевкалу и всей Кумытцкой земле утеснение будет великое. Городище Тарки в Кумытцкой земле от морсково берегу версты з две, из стари город бывал каменной, стоит на горе; а та гора поотошла от болших гор к морю пребенем, и по ней лес большой, а вверх ее сажен с 30, и ныне на той горе на само верху стоит башня каменная и с тое башни мочно очищат из наряду² до моря и на все стороны. А с одну сторону у той горы от моря залом каменной самородной³; а под заломом внизу от верху сажен з 20 и болши стоит на той же горе двор шевкалов, полаты каменные и избы. Да туто ж с одново края позади шевкалова двора башня другая каменная да городище старое. З дву сторон горы стена была каменная. И для крепости к тем к старым башням по старому городищу и вново з дву сторон делати стена каменная или деревяная. А к городовому делу камена туто добре много и извесной камен есть же; а лес большой— дуб и всякой погожей лес от Тарков с версту и менши⁴. А ниже шевкалова двора, на самом низу мечет каменная. Да туто ж было в ту пору, как он Кирило был, дворов чорных⁵ с 300 и живут пашенные люди, а ныне деи туто дворов з 20 или с

¹ Там же, стр. 257, 266 и 273; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. I. «Труды Восточного отделения Русского археологического общества», т. XX, СПб., 1890, стр. 220, 362; То же, т. II. «Труды Восточного отделения Русского археологического общества», т. XXI, СПб., 1892, стр. 48; Полное собрание русских летописей, т. XIV. СПб., 1910, стр. 46.

² Т. е. из артиллерии.

³ Т. е. каменоломня.

⁴ Леса теперь нет.

⁵ Т. е. принадлежащих простолюдинам

30 и чайт и болши, а живут не съезжая; и без людей в Тарках не бывает. А воинские люди приезжают тут от шевкала временем, как хлеб поспеет, и они тут хлеб хоронят по ямам и по горам, блюдаца приходу государевых людей с Койсы; а устроив хлеб, съезжают опять к шевкалу в горы. А реки тут нет, а ключевые родники на горе и под заломом приходили многие; и людям и скоту то место и воды добре здоровы. А на истоках ключевых ставят мельницы. А шевкал и дети его живут болши в Казы-Кумукех в горах.. А турского города Дербень от Тарков днища; и город Дербен ис Тарков из верхние башни видит»¹.

Таким образом, Тарки еще в начале XVII в. не являлись постоянной резиденцией шамхалов. Последние имели здесь свой дом, но жили большей частью в Кумухе². Сообщение Кирилла свидетельствует о резком сокращении населения Тарков после похода Хворостинина. Он говорит, что из 300 хозяйств к 1604 г. оставалось только 20—30. Тарки имели крепостные стены и башни. Часть их была построена перед XVII в., а другая часть (полуразрушенная) относилась, очевидно, еще к семендерскому периоду. Кирилл допустил ошибку, говоря, что Дербент находится от Тарков на расстоянии одного дня пути и, что, будто бы Дербент виден с таркинской башни.

После настойчивых требований грузинского царя, царь Борис Годунов в 1604 г. приказал занять Андрей-аул, Таркалу и Тарки и соорудить в них постоянные укрепления. Войска под командованием И. М. Бутурлина в 1605 г. взяли указанные пункты и приступили к строительству укреплений. В то же время на Руси началась польская интервенция, а шамхал, собрав войска, осадил Тарки. После упорного боя Бутурлин согласился выйти из Тарков, получив заверение шамхала, что русскому войску позволено будет беспрепятственно отойти к г. Терки. Шамхал слова своего не сдержал и почти весь семитысячный отряд Бутурлина был истреблен, как только он покинул Тарки³.

Вследствие ослабления Русского государства во время польской интервенции, в шамхальстве усилилась позиция

¹ С. Белокуров. Указ. соч., стр. 391—405.

² Л. И. Лавров. Некоторые итоги Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг. «Краткие сообщения» Ин-та Этнографии, XIX, М., 1953, стр. 5—6; его же. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции «Сборник Музея этнографии и антропологии», т. XVII, М.-Л., 1957.

³ Полное собрание русских летописей, т. XIV. СПб., 1910, стр. 57 и 58; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. III. «Труды Восточного отделения Русского археологического общества», т. XXII, СПб., 1898, стр. 32, 34.

Персии. В декабре 1613 г. кн. Дм. Пожарский доносил в Москву: «А кумыки де... ныне все под шахом, и шаховы де люди ныне живут в Тарках»¹. Слух, появившийся в 1614 г., что шах Аббас хочет взять Тарки и построить там укрепление, обеспокоил жителей шамхальства и они сочли нужным обратиться к царю московскому за заступничеством². Это сопровождалось улучшением отношений между кумыками и подданными царя московского.

В это время Тарки не были резиденцией шамхала. В Тарках жили братья Андий-шамхала, Гирей и Ильдар. Правителем Тарков считался Гирей, которого русские документы называли князем. Несмотря на покровительство шаха Аббаса, которым пользовались Гирей и Ильдар, оба они придерживались мирной политики по отношению к Руси. Жители Тарков свободно ездили в русские пределы, а русские находили гостеприимный прием в Тарках. Так, сохранились сведения о приезде в 1614—15 гг. из Тарков в русское укрепление Терки кумыка Битуя³, из Терков в Тарки: стрелецкого сотника Степана⁴, стрельца Микитки Солодова (ездившего покупать хлеб)⁵ и царского посла в Персию И. Брехова⁶. В 1615 г. в Тарках останавливался ехавший из Персии русский посол М. Н. Тиханов⁷.

Шах Аббас настаивал, чтобы царь московский основал укрепление в Тарках. Последнее нужно было шаху для того, чтобы воспрепятствовать подходу турецких и татарских войск к Дербенту. Но московское правительство не склонно было повторять поход на Тарки и отговаривалось тем, что война с Польшей мешает удовлетворить просьбу шаха⁸.

В 1619 г. в Тарках останавливалось возвращавшееся из Персии русское посольство во главе с кн. М. П. Барятинским. При этом, «не доезжая Тарков с версту, встретил послов Илдар князь кумытский... и поехал с послами в Тарки... А велел корм давать тем людям, у которых послы стояли», но Барятинский от дарового корма отказался, так как «пчели давать мало, а лепешки просяные, а дурны добре»⁹.

Русский купец Ф. А. Котов, побывавший в Тарках в 1624 г., так описывает этот город: «А в Тарках посад невелик

¹ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. II, стр. 170.

² Там же, стр. 223, 248, 351 и 353.

³ Там же, стр. 353.

⁴ Там же.

⁵ Там же, т. III, стр. 54.

⁶ Там же, т. II, стр. 333 и 381.

⁷ Там же, стр. 304.

⁸ Там же, т. III, стр. 452, 453, 466.

⁹ Там же, стр. 486—489.

о острожек деревянной стоячей. И тут сидит Илдырхан шурин шахов того зовут крымшахом. А люди живут в Тарках кумычаны, а послушны шаху... А Тарки стоят под горами от моря с версту». Важной статьей дохода таркинских правителей являлись, говорит Котов, «великие пошлины», которые они получают с проезжих купцов¹.

Есть известие, что в 1636 г. Тарки подверглись нападению шамхала, который в это время враждовал со своими родственниками, управлявшими Тарками².

Интересные сведения о Тарках, и особенно о быте местной знати, содержатся в сочинении А. Олеария, ездившего с голштинским посольством в Персию в 1636—1638 гг. Там сказано: «Что касается города Тарку, то это главный город в Дагестане. Он лежит в высокой местности на склоне и между гор, среди обрывистых скал... Над этими скалистыми горами была ровная местность и хорошее пастбище для скота. Город лишен стен и лежит совершенно открыто; в нем до тысячи домов, почти на персидский манер, но построены они несколько хуже. Из скалы вытекают различные обильные водою ключи, которые через город стекают с горы с приятным шумом... Главный правитель этого города Тарку и всей этой местности был Сурхов-хан... Рядом с ним живут еще другие мурзы, его двоюродные братья. Младший из них, сын его брата, Иманмирза, управлял также частью города. Тарковские татары³ были дики и дерзки не менее бойнаков⁴, но их женщины были любезны. Женщины, как и девицы, без стеснения, с открытыми лицами, ходили среди людей. Девицы заплетали свои косы в 40 косичек, которые свисали вокруг головы; они были очень довольны, когда мы трогали и считали эти косички. Среди жителей Тарков Олеарий встретил немца, попавшего в плен к туркам, потом проданного в Тарки и здесь обращенного в ислам, и двух русских женщин, состоявших в браке с местными кумыками».

Значительное место занимает у Олеария описание обедов у таркинской знати, на которых он присутствовал. Так, у Сурхай-хана обед «был приготовлен на земле. Угощение состояло из четырех блюд, наполненных нарезанною в виде небольших кружков и жареною на деревянных вертелах бараниною, нескольких кусков белужины, творогу и нескольких

¹ Ф. А. Котов, О ходу в Персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индию и в Урму, где корабли приходят. «Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук», 1907 т. XII, кн. 1, стр. 79 и 81.

² А. Олеарий, Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, стр. 453.

³ Татарями Олеарий называет всех дагестанцев.

⁴ Т. е. жителей селения Буйнак.

посудин с рисом, сваренным с крупным изюмом и выложенным вареною бараниною... Напитком служила вода в немецких (? — Л. Л.) кружках и водка в серебряных чарах, так как здесь уже нельзя достать вина». Через 3 часа после первого угощения «вновь было подано на стол; между прочими кушаньями поданы были вареная целая баранья печень и овечий хвост... Эти кушанья один из кравчих..., сильно посолив их, очень мелко изрубил и смешал; ...с виду это была серая каша, ...но на вкус она была вовсе не плоха». На другой день у Имам-мирзы обед «происходил в длинной зале, построенной только из глины. Имам-мирза сидел с нами и с некоторыми из знатнейших людей своего двора на стульях у небольшого высокого стола. На стол приносились... кушанья, в том числе и целиком изжаренный ягненок, от которого каждый мог отрезать, сколько ему хотелось. По стенам кругом сидели на земле многие старые, осанистые мужчины. Их сосудами для питья являлись длинные коровьи роги, в которых проворно передавали кругом напиток, именовавшийся «брагою», варенный из пшена, ...а также и водку»¹.

Из сочинения Олеария видно, что со времени старца Кирилла Тарки значительно выросли, но за это время успели исчезнуть существовавшие там до этого крепостные укрепления. Показательно также, что если Кирилл говорил о лесе в окрестностях Тарки, то Олеарий упоминает только пастбища. Очевидно имел место интенсивный процесс обезлесивания.

В 1640 г. в Тарках останавливалось русское посольство во главе с кн. Мышецким, следовавшее в Кахетию. В 1643 г. Тарки подверглись нападению со стороны уцмия Кайтагского и владельца Андрейаульского, которые выступили против шамхала Сурхая, постоянно проживавшего в Тарках. Напавшие сожгли дом шамхала, перебили многих жителей и увели с собою значительный полон, в числе которого были и жены шамхала².

Нужно заметить, что с конца 1630-х гг. Тарки окончательно становятся столицей шамхальства, но это не оградило Тарки от нападений соседей. Через несколько лет после набега кайтагцев и андрейаульских кумыков, Тарки подверглись зимней атаке со стороны терских воевод, в наказание за антирусскую политику Сурхай-шамхала. Население успело скрыться в горы³.

Несмотря на этот эпизод, русский монах А. Суханов, возвращавшийся из паломничества в Иерусалим, в 1652 г. оста-

¹ Там же, стр. 497—508.

² Посольство кн. Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию 1640—1643 гг. Тифлис, 1928, стр. 107, 108 и 179.

³ Акты исторические, т. IV, стр. 163—165.

навливался в Тарках и, будучи принят в палатах шамхала, вел с ним дискуссию на религиозные темы. Суханов, между прочим, встретил среди шамхальской челяди, полонянку, родом из Киева¹.

Во время Персидского похода Степана Разина Тарки подверглись нападению. Еще в 1667 г. грамота царя Алексея Михайловича предупреждала астраханских воевод, что С. Разин со своими казаками «хотят идти на Тарковского Суркая шевкала»², а в 1668 г. астраханские воеводы доносили царю, что, по полученным сведениям, «воровские казаки во многих стругах шли морем от Дербени к Таркам»³. Через месяц после этого царицынские воеводы донесли в Москву, что Разин с казаками, после взятия Дербента, «у Тарковского Суркай шевкала город же взяли»⁴. В последнем документе речь идет, очевидно, о Тарках. Но Тарки, кажется не очень пострадали от Разина. Во всяком случае его поход не смог нарушить торговой деятельности таркинских купцов. В том же 1668 г. в Астрахань приезжали легкие корабли «с тарковскими торговыми людьми»⁵. В 1673 г. армянский купец прибыл в Астрахань на судне, которое он нанял в Тарках, где были наняты им и гребцы⁶.

Представляет интерес описание Тарков у турецкого путешественника XVII в. Эвлия-Челеби. «Этот город, — говорит он, — расположен на равнине и является прекрасным сооружением, но в нем нет таких красивых домов и других зданий, как в городах Сирии... Однако здесь имеются не плохие здания. Их насчитывается около 7000⁷. Они построены из камней на каменном основании. Здесь имеются такие прекрасные здания, как дворец шамхал-шаха Вифи, ханский дворец, дворец Хурхур-бека, дворец Улу-бека, дворец Касум-бая, дворец Алиб-бая. Дворец султана Махмуда⁸ не похож на дворцы других падишахов потому, что он не является большим и красивым зданием». В другом месте Эвлия-Челеби говорит, что, по его мнению, город «Тарху» с давних пор является столицей дагестанских шамхалов, которая не подверглась разрушению во время нашествия Тимура. В городе, говорит

1 Проскинитарий Арсения Суханова 1649—53 гг. «Православный палестинский сборник», т. VII, вып. 3(21), СПб., 1889, стр. 116—120.

2 Акты исторические, т. IV, стр. 377.

3 Там же, стр. 384.

4 Там же, стр. 392 и 393.

5 Там же, стр. 390.

6 Армяно-русские отношения в XVII веке. М., 1955, стр. 100.

7 Нужно иметь в виду, что Эвлия-Челеби был склонен к преувеличениям.

8 Т. е. шамхала.

он, «живут весьма религиозные и святые люди». Есть здесь несколько мечетей¹.

Несколько больше подробностей о Тарках второй половины XVII в. содержится в сочинении голландского географа Витсена, который составил свой труд на основании различных сочинений и устных рассказов путешественников. У него сказано: «Шавкал... имеет у себя в Тарку около 500 человек телохранителей, оставшихся после чумы 1694 года, так как тогда там... умерли многие тысячи людей... Город Тарку самый большой в Дагестанском крае и это его главный город. Он лежит между скал ракушняковых гор... Кроме этих гор там в окрестностях имеются красивые луга... Тарковские татары...² злые и гордые. Но их женщины приятны, привлекательны и общительны; ходят они с открытыми лицами и не робкие. Дома в Тарку строятся из глины. Около города имеется крепость, построенная из дерева... Один из путешественников рассказал мне, как он в Тарку... зашел в дом к одному своему знакомому татарину. Женщина, в отсутствие мужа, сейчас же, по обычаю страны, помыла гостю ноги, вычистила его белье и одежду и сейчас же поставила перед ним пищу. Муж, возвратясь домой, в знак радости, что пришел гость, поцеловал свою стрелу и свой лук, бывшие у него за спиною, и предложил их вознице, который доставил гостя; ...это... означает там радость и благодарность. Дома их плоские и четырехугольные, построенные из камня, глины и извести; некоторые из них сложены из природного камня, другие из кирпича, глины и жердей... Замок в Тарку³ очень большой. Говорят, что в нем столько окон и дверей, сколько дней в году. Его значение определяется местоположением, так как он построен высоко на скале. В остальном же он является отдельным домом или несколькими домами, соединенными вместе и расположенными в своих собственных стенах, без какого бы то ни было укрепления. Дороги, которыми к нему пробираются, настолько круты и узки, что один пеший человек может отражать толпу людей. Размеры его приблизительно равны рынку в Амстердаме, что перед ратушей. У входа в этот замок, снаружи поставлены пушки для защиты. Охраняют его несколько сот конных и пеших солдат, вооруженных мушкетами, турецкими ружьями и луками... В море около Тарку ловят рыбу, называемую севрюгой... Тарковские татары имеют могильники, подобные персидским... Женщины в Тарку — это самые лучшие хозяйки в этих краях. Они хранят ключи и пользуются властью над семьей. Они разговорчивы и ведут себя

1 سياحت نامسی اولیا چلبی том VII, стр. 783, 784 и 788.

2 Витсен называет татарами всех дагестанцев.

3 Очевидно имеется в виду дом шамхала.

свободно... Город Тарку лежит в своего рода горном ущелье, так что дома стоят один над другим. Жители его это независимые люди. Живет там около 8000 человек... В Тарку... самой лучшей и ценной мебелью дома являются постели и матрацы, которые складываются друг на друга в большом количестве, у наиболее состоятельных до самого потолка. Постели стелют прямо на полу»¹.

Итак:

1) Возникновение Тарков можно отнести ко II тысячелетию до н. э.; первые упоминания в письменных источниках встречаются в VII—VIII вв. н. э.,

2) Ко времени арабского нашествия (VIII в.) Тарки, называвшиеся также Семендером, являлись столицей Хазарского каганата. После арабского нашествия на Дагестан Тарки остались в составе Хазарии, в качестве крупного пограничного города.

3) Татарское нашествие подорвало политическую роль Тарков, ставших одним из периферийных центров какого-то дагестанского феодального владения, скорее всего — шамхальства Кази-Кумухского.

4) В XVI в. шамхалы превратили Тарки в свою вторую (после Кази-Кумуха) резиденцию.

5) С 40-х гг. XVII в. Тарки окончательно становятся столицей шамхальства.

instituteofhistory.ru

¹ N. Wilsen. Noord en oost Tartarye. II, Amsterdam, 1705. стр. 558—560, 563, 565, 566.

РАССЛОЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В ДАГЕСТАНСКОМ АУЛЕ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ

Настоящая статья представляет собою, главным образом, изложение основной главы изучаемой автором темы о развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана в конце XIX — начале XX вв. Изложение данных о расслоении крестьянства в дагестанском ауле в дореволюционный период в какой-то степени может помочь также освещению проблемы об экономических предпосылках победы Великой Октябрьской социалистической революции на окраинах бывшей царской России, одной из которых был Дагестан до Октября. Изложение этих данных дает возможность показать положение дагестанского крестьянства накануне Октябрьской революции на конкретном статистическом материале.

К концу XIX в. крестьянство составляло 95% населения Дагестана¹, однако в его пользовании находилось только 59% всех земель. Привилегированные же сословия, составляя лишь 1,2% населения², владели почти третью земель (31%)³. Остальные земли принадлежали казне и мечетям. Из общего количества земли, находившейся в пользовании крестьян, пахотных земель было приблизительно 16%. В среднем накануне Октябрьской революции на один крестьянский двор в Дагестане приходилось приблизительно менее 8 десятин всех угодий, в том числе пашни — 1,2 дес. Из них в горных округах на крестьянский двор приходилось 0,7 дес. пашни, а на плоскости — 1,5 десятины.⁴

¹ «Первая всеобщая перепись населения Российской империи», вып. 62, 68. СПб, 1905. (Данные вместе с Хасавюртовским округом).

² Там же.

³ Данные о количестве земли у различных сословий также вместе с Хасавюртовским округом.

⁴ Подсчитано по данным о земле, опубликованным в «Кавказском календаре на 1917 г.»; количество дымов взято у Г. М. Заикина. — «Населенные места Дагестана», Темир-Хан-Шура, 1917.

Вряд ли можно было найти в царской России другую территорию, где было бы налицо такое малоземелье, как в Дагестане. Несмотря на это, царизм, проводя свою колонизаторскую политику, всячески ухудшал и без того тяжелое положение крестьянства. Все земли крестьян, даже крохотные пахотные участки в горах, созданные огромным трудом горцев, были зачислены в государственный фонд и обложены непомерно высокими налогами.

Анализируя налоговую политику на Кавказе, Погожев писал, что «все кавказские крестьянские земли обложены в 10 раз выше, чем наиболее обложенные крестьянские земли в России»¹. При этом он указывал, что такая разница получилась при сравнении поземельных налогов Кавказа с наиболее высоко обложенными губерниями, если же сравнить обложение на Кавказе со среднеобложенными губерниями, то эта разница значительно повысится.²

Более половины земских средств на Кавказе расходовалось на содержание полицейской стражи. Так, в трехлетие 1904—1906 г.г. эти расходы составили 55% расходной части земской сметы³, в то время как расходы на эти же цели в Таврической, например, губернии, не превышали 8%⁴. Таким образом, расходы на содержание полицейской стражи составляли 40 коп. на душу, на здравоохранение же из земской сметы расходовалось по 10 коп., на образование — 2,6 коп., а на сельскохозяйственные мероприятия только 0,2 коп. на душу⁵.

Основная тяжесть налогов ложилась на крестьянство. Если на одну десятину частновладельческих земель в то же трехлетие приходилось государственного поземельного налога и земских сборов 26 р. 11 коп., то на одну десятину крестьянской земли — 75 р. 8 коп.⁶, или почти в три раза больше.

Пагубность этой налоговой политики признавал и сам наместник на Кавказе, который во всеподданнейшей записке от 10 февраля 1907 г. писал, что налоговое бремя на Кавказе ложится почти целиком на крестьян и что «при таких условиях для кавказского крестьянства создалась полная невозможность внесения каких-либо улучшений в культуру земли, требующих затрат. Малочисленность рабочего скота, примитивные земледельческие орудия, отсутствие удобрения и как результат всего этого — все прогрессирующее уменьшение урожайности земель, — вот что явилось последствием той эконо-

¹ В. П. Погожев. Кавказские очерки, СПб, 1910, стр. 250—251.

² Там же.

³ П. М. Кара-Мурза. Накануне земской реформы на Кавказе. Баку, 1909, стр. 13.

⁴ В. П. Погожев. Указ. соч., стр. 253—254.

⁵ И. Араксский. В Закавказье. СПб, 1910, стр. 89.

⁶ «Кавказ», 1905 г., № 5.

мической политики, которая возлагала всю тяжесть податного бремени на кавказское крестьянство»¹.

Вряд ли требуются комментарии к этому признанию одного из вдохновителей колонизаторской политики русского царизма.

Лучшие земли нередко изымались у крестьян, зачислялись в казну, часть которых была роздана русским чиновникам и представителям русского дворянства.

В конце XIX — начале XX вв. часть земель в Хасавюртовском и Темир-Хан-Шуриновском округах была отведена для переселенцев из различных губерний России. Таким образом, количество земли, и в первую очередь пастбищ, находившихся в пользовании дагестанских крестьян, еще более сократилось.

Острое малоземелье в Дагестане усугублялось еще и господством экстенсивного земледелия и скотоводства. В земледелии преобладали такие отсталые формы полеводства, как двухполье и трехполье, а в ряде мест — и однопольная система; из земледельческих орудий в горах господствовала соха, а на плоскости сабан;² железные плуги стали распространяться с конца 90-х годов прошлого века лишь на плоскости, главным образом, на территории Хасавюртовского округа.

В скотоводческом хозяйстве преобладали малопродуктивные породы скота. Развитие скотоводства было ограничено отсутствием достаточной кормовой базы.

Сохранившееся общинное землепользование и широко распространенные сервитутные права на земли также тормозили развитие земледелия и скотоводства.

Остатки феодально-крепостнической системы, нередко переплетавшиеся с пережитками патриархальщины, при особом старании царского правительства, продержались в Дагестане дольше, чем в любом другом районе страны. Зависимые отношения крестьян к бекам отменены были только в 1913 году. Но за этот «милостивый» акт царского правительства, крестьяне обязаны были выплатить выкуп в сумме более 300 тыс. рублей, т.е. они должны были уплатить за земли, которые фактически принадлежали им.

Все крестьянство в Дагестане после реформы 60-х годов вплоть до 1913 года делилось на две категории: узденей и раят. Раяты — это категория зависимых крестьян в Южном Дагестане, отбывавшая повинности бекам. Остальное крестьянство носило название узденей; незначительная часть их в

¹ П. В. Гугушвили. Экономическая история Грузии и Закавказья, т. IV. Сельское хозяйство и аграрные отношения (источники и материалы). Тбилиси, 1955, стр. 94.

² Сабан — тяжелый деревянный плуг, который могли тянуть только 4—6 пар волов.

Темир-Хан-Шуринском и Казикумухском округах также находилась в зависимых отношениях к бекам. Зависимое крестьянство (раяты и зависимые уздени) к концу XIX в. составляли 11,7% всего крестьянства области¹.

Остальные уздени, составлявшие подавляющее большинство крестьянства, были свободными. Однако термин «свободные» может быть применен к ним лишь условно, так как основные земельные фонды, главным образом пастбища, принадлежали князьям и бекам, и уздени, по необходимости пользовавшиеся этими землями, неизбежно попадали в зависимое отношение. Кроме того, все крестьяне были обременены налогами в царскую казну, множеством натуральных повинностей (дорожная, аробная, квартирная и т. д.), а также всевозможными взносами на содержание мечетей и духовенства.

Таково было в общих чертах положение крестьянства в Дагестане до революции. Однако, задачей настоящей статьи является показать положение крестьянства не в целом, а процесс его расслоения, положение отдельных его групп.

Несмотря на то, что после отмены крепостного права в России товарно-денежные отношения усиленно развивались и на территории Дагестана, буржуазные историки отрицали наличие процесса дифференциации в дагестанском ауле, считая, что там господствовали патриархально-родовые отношения. Так, П. И. Ковалевский в 1912 г. писал, что «по социальному строю лезгин² — наисовершенный демократ...», что «все они (лезгины — А. М.) были равны»³. Они были все «уздени», т. е. свободные и независимые люди»⁴.

Той же точки зрения придерживались и ряд советских авторов. Н. Самурский писал, что «ни торговый, ни промышленный капитал не проникал в дагестанские горы, не разложил родовой общины, и в Великую социалистическую революцию дагестанские горцы вошли с нетронутым, от веков окаменевшим патриархально-родовым бытом», что «родовой уклад мешал классовому расслоению»⁵.

¹ Данные о количестве всего крестьянства взяты по материалам переписи 1897 г., а количество зависимых крестьян из материалов ЦГИА (ф. 718, оп. 1, д. 758, л. л. 13—71).

² Лезгинами в дореволюционной литературе часто называли всех горцев Дагестана.

³ П. И. Ковалевский. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 годах. СПб, 1912, стр. 53.

⁴ П. И. Ковалевский. Народы Кавказа, т. 1. СПб, 1914, стр. 201.

⁵ Н. Самурский (Эфендиев). Дагестан, М.-Л. 1925, стр. 6—7.

Однако ряд источников показывает, что подобное утверждение ни на чем не основано. Отдельные авторы, побывавшие в Дагестане в 80-х годах прошлого столетия, современники и очевидцы писали уже тогда о резком различии, существовавшем между богатой узденской верхушкой и беднейшей частью крестьянства. Так, разительное отличие богатых узденей от бедных в Аварском округе показывает К. Н. Россиков, описывая их жилища.

Сакля зажиточного узденя Шериба, которая, как писал Россиков, была типична, состояла из трех отдельных комнат: кунацкой, комнаты для Шериба с семьей и третьей — для взрослых сыновей и работников. Последняя отличалась «меньшими удобствами»; в ней же помещалась кухня. На стенах кунацкой и комнаты хозяина были дорогие украшения, много ковров, дорогой металлической посуды. «В углах кунацкой на громадных крючьях висела копченая и сушеная баранина, говорящая тоже в пользу зажиточности семьи». В комнате Шериба — европейская кровать и т. д.

«В ином виде сакля бедняка, большей частью маленькая и тесная: если она просторна, то темна, сыра и закопчена, редко когда оштукатурена. Об обстановке нечего и говорить — она так жалка и убога. Если попадаются кровати, то они самого первобытного устройства: сложены из камней или из дров, прикрываются соломой и ворохами грязного и рваного хлама, а иногда одной подстилкой из стеблей кукурузы»¹. Вместо дорогой посуды на стене у входа жалкая домашняя утварь: «черепки битой посуды преобладают над металлической; последняя же, можно сказать, совершенно отсутствует, за исключением одного-двух маленьких котлов. Дорогих сосудов «эрхт» и в помине нет, их заменяют глиняные кувшины. Часто в такой сакле скучены вместе и животные и весь скромный запас провизии»².

Россов пишет, что «бедность в аулах округа развита неравномерно: большой процент падает на аулы промышленные и близкие к ним, где эксплуатация над слабым в последнее время становится ощутительной»³. Вместе с тем он указывает, что в «глухих уголках округа это явление (деление на богатых и бедных — А. М.) еще неизвестно, а поэтому, как передавали мне, там очень часто встречаются аулы, в которых сохраняются почти во всей неприкосновенности принцип

¹ К. Н. Россиков. Поездка в Чечню и нагорный Дагестан (В 1882 г.) «Записки Кавк. отд. русского географ. общества» т. 13, в. 1. Тифлис 1884 г., стр. 244—245. (Дается описание жилищ богатых и бедных узденей с. Ботлиж, Аварского округа).

² К. Н. Россиков. Указ. соч., стр. 245—246.

³ Там же, стр. 249.

равномерности как во владении землей, так и в несении платежей и повинностей.¹

Из воспоминаний Абдуллы Омарова можно заключить о наличии имущественного неравенства среди узденей Кази-Кумухского округа. Воспроизводя в памяти то, как готовились к весеннему севу, он писал, что, встречая весну, жители *«искали... компаньона, чтобы удружить быка, так как, кроме богачей, редко кто имел собственную пару быков. Было много и таких, которые вовсе не имели быков или потому, что у них его не было, или же потому, что они продали его осенью прошедшего года за неимением корма на зиму... Были и такие хозяева..., которые не имели... возможности распахать свою землю, а потому искали людей отдать им засеять поле с половины»*. Часть жителей уходила на заработки.²

О дифференциации жителей аула Куруш, Самурского округа, писал А. В. Пастухов. Характеризуя некоторых жителей этого аула, он отмечал, что «только двое из них обладают большими материальными средствами, несколько человек — средними, остальные — просто бедны».³

Все эти примеры свидетельствуют о наличии имущественного расслоения среди узденей и в самых высокогорных округах различных частей Дагестана в конце XIX в.

Конечно, нельзя иметь полного представления о расслоении крестьянства, только располагая отдельными наблюдениями. Этот вопрос требует более глубокого изучения, чему до настоящего времени мешало отсутствие обработанных статистических материалов. Известно, что земских переписей в Дагестане не было, а имеющиеся материалы военно-конских переписей недостаточны, тем более для Дагестана, где лошадь не была рабочим скотом.

Поэтому при написании настоящей работы пришлось обратиться к первичным материалам переписей 1886 и 1917 г.г.,

¹ Это замечание автора подтверждается статистическими данными о расслоении крестьянства по материалам переписи 1886 г. в Кутур-Кюринском наибстве Кюринского округа. Там тоже расслоение было крайне неравномерным, и было немало селений, где крайние группы совершенно отсутствовали: в 9 селениях (из 53) не было обезземеленных, в 23 селениях — хозяйств, имевших 10 и более десятин пашни, а в 5 селениях — ни тех, ни других.

² А. Омаров. Как живут лаки. («Сборник свед. о Кавказ. горцах», вып. III, Тифлис, 1870, стр. 29).

³ А. В. Пастухов. Поездка по высочайшим селениям Кавказа, («Записки Кавказск. отд. русского географ. общества», кн. XVI, стр. 207), Тифлис, 1894.

которые соответствующим образом не были обработаны¹ По посемейным спискам 1886 года автором произведена группировка крестьянских хозяйств Кюринского округа (14.480 хозяйств), а по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года — группировка более 30.000 крестьянских хозяйств (Гунибский округ, Южно-Табасаранский участок Кюринского округа, часть Хасавюртовского, Темир-Хан-Шуринского и Самурского округов).

Выбор округов производился автором таким образом, чтобы охватить исследованием различные районы области, нередко значительно отличавшиеся своими особенностями. Выбор Кюринского округа из Южного Дагестана оправдывается тем, что, благодаря своему географическому положению, он даст возможность изучить степень дифференциации крестьянства как в горной зоне, так и на плоскости. Кроме того, только в Кюринском округе (на плоскости) повсеместно существовало подворное пользование пахотной землей, и переписью было зафиксировано количество этой земли в каждом крестьянском хозяйстве. Наконец, Кюринский округ был характерным для тех районов Дагестана, где после крестьянской реформы 60-х годов сохранились зависимые отношения крестьян к бекам.

Хасавюртовский округ, наоборот, выделялся среди плоскостных округов тем, что, во-первых, в нем полностью были ликвидированы зависимые отношения в период крестьянской реформы 1860-х годов; во-вторых, крестьянство этого округа было значительно лучше обеспечено землей, в-третьих, значительный удельный вес здесь имели хозяйства крестьян-переселенцев.

Из горных районов был избран Гунибский округ, до некоторой степени характерный для нагорного Дагестана, где ведущей отраслью хозяйства было скотоводство с развитым овцеводством, и где кустарные промыслы были развиты очень слабо.²

Учитывая неодинаковое хозяйственное направление в различных округах области, в основу группировки хозяйств были положены и различные имущественные показатели. При

¹ Имеющиеся «Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков 1886 г.» и «Труды Дагестанского статистического управления» (вв. I—VI, где сведены данные переписи 1917 г. по селениям и участкам Хасавюртовского, Гунибского, Казикумухского, Кюринского, Даргинского, Аварского и Самурского округов) содержат лишь средние показатели по различным селениям, а не по группам дворов.

² Выбор округа со слабым развитием кустарных промыслов объясняется тем, что в противном случае состоятельность крестьянского двора должна была определяться мощью кустарного производства, о развитии которых в материалах переписи данных нет.

группировке крестьянских хозяйств по одному какому-либо имущественному признаку автор одновременно учитывал в данном хозяйстве и все остальное имущество, зафиксированное переписью.

Наряду с материалами вышеуказанных двух переписей, использованы также данные первой всеобщей переписи населения 1897 г. и архивные документы Центрального государственного архива Дагестанской АССР, а также мемуарная литература.

Обработка большого статистического материала переписей 1886, 1897 и 1917 гг., относящегося к различным районам Дагестана, как горным, так и плоскостным, а также привлечение ряда других источников позволяют считать результаты исследования в известной мере характерными для всего Дагестана.

Темой данной статьи является расслоение дагестанского крестьянства накануне Великой Октябрьской социалистической революции, поэтому основное внимание автор сосредоточил на анализе материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.; на данных обработки первичных материалов переписи 1886 г. остановимся лишь вкратце.

Некоторые данные о расслоении крестьянства по материалам переписи 1886 года.

Изучение материалов переписи 1886 года показало, что уже в середине 80-х годов XIX в. в аулах Дагестана было налицо глубокое имущественное расслоение, и крестьянство распалось на четыре основные группы:

а) безземельные хозяйства, которые фактически были нищими; таких хозяйств в Кюринском округе было 10,2⁰/₀¹; они были лишены средств производства и жили продажей рабочей силы;

б) малоземельные хозяйства, имевшие менее трех десятин пахотной земли; их в округе было 51,6⁰/₀; эта группа не могла существовать доходом от своего хозяйства, так как имела в среднем на один крестьянский двор по 1,4 дес. пашни и только по 2,9 голов всех видов скота в переводе на крупный рогатый; более трети крестьянских дворов этой группы (38,2⁰/₀) отпускали работников по найму;

в) среднее крестьянство, имевшее от 3 до 10 дес. пашни и по 7,5 гол. скота в среднем на двор; такие хозяйства составля-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп.5, д.д. 76, 78, 80, 81, 85-88 (Эти и все нижеприведенные данные извлечены из посемейных списков 1886 г.)

ли 33,6% всех дворов¹; они обходились доходами от своего хозяйства в основном только в урожайные годы, когда незначительная часть их (хозяйства, имевшие от 5 до 10 дес. пашни) имела даже излишки хлеба; однако 14% хозяйств этой группы даже в высокоурожайный год, каким был 1886-й, отпускало работников по найму;

г) богатые крестьянские хозяйства, имевшие по 10 и более десятин пашни и почти по 20 гол. скота (в переводе на крупный рогатый) в среднем на двор; их было 4,6%; они даже в средние по урожайности годы имели излишки хлеба, а к продаже рабочей силы почти не прибегали; эта небольшая группа дворов концентрировала у себя значительную долю средств производства — 23,4% всех пахотных земель, почти 30% поголовья овец и коз, примерно столько же лошадей и значительную долю других видов скота.

Установлено также, что уже в те годы степень расслоения крестьянства в нагорных и плоскостных районах была неодинакова. На плоскости она была более глубокой, крайние группы хозяйств здесь были почти вдвое больше, чем в горах. Это показывает таблица 1.

Таблица 1²

Группы хозяйств (Кюринский округ)	Количество хозяйств в %/о/о:		
	в нагорной части округа	в плос- костной части	в целом по округу.
1 группа: хозяйства, не имевшие земли в подворном пользовании	7,1	13,1	10,2
2 группа: хозяйства, имевшие до 3-десятин пашни.	58,5	45,2	51,6
3 группа: хозяйства, имевшие от 3 до 5 десятин пашни.	22,1	22,0	22,0
4 группа: хозяйства, имевшие от 5 до 10 десятин пашни.	9,2	13,9	11,6
5 группа: хозяйства, имевшие 10 и более десятин пашни.	3,1	5,8	4,6
	100,0	100,0	100,0

Источники свидетельствуют, что в Дагестане в конце XIX в., наряду с различными формами докапиталистической эксплуатации, в богатых хозяйствах применялся и вольнонаемный труд.

¹ В силу того, что этот средний слой крестьянства был далеко неоднородным, при группировке хозяйств выделялась отдельная группа, имевшая от 5 до 10 десятин пашни. Это позволило проанализировать хозяйства средней группы более глубоко. Одна часть этой группы тяготела к бедным крестьянским хозяйствам, а другая, имевшая от 5 до 10 десятин пашни, была зажиточна и приближалась к богатой прослойке.

² ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, д.д. 76, 78, 80, 81, 85—88 (Посемейные списки 1886 г.).

Однако ограниченные рамки настоящей статьи не позволяют полно осветить вопрос о найме рабочей силы в этот период. Укажем лишь, что, согласно переписи 1897 года, 3,4% хозяйств области применяли наемный труд в форме постоянных наемных работников¹. Те же данные свидетельствуют, что число хозяйств с наемными работниками в 6 горных округах составляло только 1,3%, а на плоскости — 4,6%. Это подтверждает правильность нашего вывода о соотношении различных групп крестьянских хозяйств в горах и на плоскости. Так, в горных участках процент богатых хозяйств в Кюринском округе составил 3%, а на плоскости — 5,8%. Процент хозяйств, применявших наемный труд, по нагорным округам, по данным переписи 1897 года, составлял 1,3%, а на плоскости — 4,6%.

Несовпадение процентов богатых хозяйств и хозяйств, применявших наемный труд, можно объяснить тем, что в этот период не все богатые хозяйства применяли вольнонаемный труд. Многие из них, особенно в горных округах, пользовались такими формами завуалированной эксплуатации, как привлечение к работе обедневших родственников, использование различных форм взаимопомощи и т. п.

Такая, например, влиятельная фигура в дагестанском ауле, как старшина, всегда пользовалась услугами односельчан, которые по установившемуся обычаю работали на него бесплатно. Н. И. Кузнецов писал, что старшине «по обычаю односельчане пасут скот, несут известную часть своих урожаев»².

Наиболее распространенной формой такой завуалированной эксплуатации были патриархально-родовые формы взаимопомощи, называвшиеся в северном Дагестане «вукой», у аварцев «гвай», у лезгин — «эврез», у даргинцев — «булха», у лакцев — «марша». Сущность их сводилась к тому, что сельские богачи в разгар сельскохозяйственных работ привлекали к ним в порядке взаимопомощи родственников и односельчан. При этом хозяин участникам работ ничего не платил, а ограничивался угощением, т. е. устраивал «той» (пир). По свидетельству одного из современников, в «вуке» иногда принимало участие до 100 человек.³ Но не всегда хозяин устраивал «той», он мог ограничиться и небольшим угощением «обе-

¹ «Первая всеобщая перепись населения Российской империи», вв. 62, 68, СПб, 1905. (Процент выведен вместе с Хасавюртовским округом).

² Н. И. Кузнецов. В делях Дагестана. СПб, 1913, стр. 134.

³ Г.-М. Амиров. Среди горцев северного Дагестана. («Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 7, стр. 76, 77). Амиров пишет, что при этом готовится «буза» или покупается водка, режут баранов для угощения участников «вуки».

дом и ужином с куском курдюка, сухой бараншсы, яичницей...».¹

Эти формы феодально-патриархальной эксплуатации существовали наряду с капиталистической. Какая из них господствовала в 80-х годах XIX в., сказать трудно. Но, судя по данным переписи 1897 г., можно предположить, что капиталистическая форма эксплуатации беднейшего крестьянства в виде найма батраков получила более широкое распространение на плоскости.

Следовательно, как данные группировки крестьянских хозяйств, так и данные о продаже и найме рабочей силы показывают, что уже в конце XIX в. в дагестанском ауле было лицо не только имущественное, но наметилось и классовое расслоение. Трудящиеся крестьяне эксплуатировались и угнетались не только феодалами, князьями, беками и чанками, на которых обязаны были работать раяты и значительная часть узденей, они угнетались не только царским правительством, облагавшим их налогами и всякого рода натуральными повинностями, но и узденской кулацкой верхушкой, у которой многие из бедняков вынуждены были работать из-за куска хлеба, чтобы не умереть с голоду.

Но если к середине 80-х г.г. XIX в. процесс социального расслоения крестьянства только еще наметился, а в ряде мест, особенно в горах, еще господствовали патриархально-феодальные отношения и натуральное хозяйство, то в конце 90-х и начале 900-х годов в Дагестане произошел сдвиг в сторону ломки этих отношений и превращения натурального крестьянского хозяйства в мелко-товарное и капиталистическое.

Важнейшим фактором в этих существенных преобразованиях было проведение Владикавказской железной дороги в начале до города Петровска (1894 г.), а затем и до Баку через всю Прикаспийскую низменность (1899 г.). Это вызвало приток русских и немецких переселенцев в область, развитие ряда товарных отраслей в сельском хозяйстве и рост товарности сельскохозяйственного производства в целом. Все это не могло не отразиться на дальнейшем ходе процесса расслоения дагестанского крестьянства.

Расслоение крестьянских хозяйств по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года

В. И. Ленин указывал, что «все общие данные об экономике нашей деревни свидетельствуют о непрерывном и быстром росте разложения: с одной стороны, «крестьяне» забрасывают и сдают землю, растет число безлошадных, «крестьяне»

¹ Н. Львов. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев. («Сборник сведений о кавказских горцах», вып. III, стр. 13).

бегут в город и т. д., — с другой стороны, идут своим чередом и «прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве», «крестьяне» покупают землю, улучшают хозяйство, вводят плуги, развивают травосеяние, молочное хозяйство и т. д.»¹.

Материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., при сравнении их с материалами переписи 1886 г., дают возможность проследить динамику процесса расслоения.

Кюринский округ. Чтобы иметь сравнимые данные о расслоении крестьянства для 1917 г., нами произведена группировка 3,5 тыс. крестьянских хозяйств Южно-Табасаранского наместничества по тем же показателям, по каким были сгруппированы хозяйства этого округа и по переписи 1886 г. (за основу группировки было принято наличие пахотной земли²).

При рассмотрении полученных данных, следует иметь в виду, что уровень техники сельского хозяйства в Кюринском округе за истекшие с 1886 г. 30 лет почти не изменился. В земледелии, как и раньше, преобладала двухпольная и кое-где трехпольная система, травосеяние не практиковалось. Методы обработки земли также не претерпели существенных изменений: соха попрежнему господствовала в крестьянском хозяйстве этого округа. Так, согласно данным переписи 1917 г., во всех 9.561 хозяйстве, охваченных переписью, из усовершенствованных с. х. орудий было учтено только 59 однолемешных и 1 многолемешный плуг³, или приходилось 1 усовершенствованное сельскохозяйственное орудие (плуг) на 159 хозяйств.

Итак, приведем сравнительные данные о числе крестьянских хозяйств в Южно-Табасаранском участке Кюринского округа: (см. таблицу 2).

Таблица 2 показывает, что средняя и высшая группы численно резко сократились, а низшие группы заметно увеличились. Отсюда следует, что произошло дальнейшее обезземеливание и разорение крестьянской массы рассматриваемого участка, в результате чего первая группа увеличилась в абсолютных цифрах на 105 хозяйств, вторая, бедняцкая группа, выросла в 1,4 раза, или на 920 хозяйств; средние группы (третья и четвертая) сократились в общем в 1,8 раза и последняя (пятая группа) сократилась в 2,5 раза.

¹ В. И. Ленин, Соч. т. 3, стр. 149.

² Несомненно, что группировка хозяйств по наличию посева была бы более правильной, хотя и она еще недостаточно полно характеризует степень расслоения; но так как по переписи 1886 г. данных о посевах не было, то для более точного сопоставления группировка хозяйств этого округа и по переписи 1917 г. произведена также по наличию пашни. Для данного округа, где аренда земель была развита слабо, такая группировка до некоторой степени оправдана.

³ «Труды Дагестанского статистического управления», вып. II. Махачкала, 1924, стр. 27.

Таблица 2

Группы хозяйств	в 1886 г. ¹		в 1917 г. ²	
	Колич. хозяйств	в %/о к итогу	Колич. хозяйств	в %/о к итогу
I группа — без земли	257	8,6	362	10,0
II группа — до 3 дес. пашни	1390	47,0	2310	66,0
III группа — от 3 до 5 дес.	703	23,6	556	16,0
IV группа — от 5 до 10 дес.	468	15,7	227	6,0
V группа — 10 и более дес.	150	5,1	62	2,0
Итого:	2968	100,0	3517	100,0

Процесс расслоения шел здесь в одну сторону, в сторону увеличения низших групп за счет резкого сокращения высшей и средних групп. Это был процесс обнищания всего крестьянства. Его можно также проследить по обеспеченности крестьянских хозяйств разных групп землей и скотом в 1917 г., по сравнению с 1886 г. (см. таблицу 3).

Таблица 3

	Годы	Приходилось в среднем на 1 крестьянское хозяйство ³			
		пашни (дес.)	крупно-го рогатого скота	лощадей	овец и коз
Беднота	1886	1,2	2,5	0,1	4,5
(I и II группы вместе)	1917	1,15	2,7	0,1	3,5
Середняки	1886	5,0	5,8	0,5	23,0
(III и IV группы вместе)	1917	4,2	5,5	0,6	19,8
Зажиточные и кулаки	1886	15,3	13,5	3,4	118,0
(V группа)	1917	16,0	13,6	4,7	164,0

Приведенные данные показывают, что наряду с полным обезземеливанием известной части крестьянства, в хозяйствах всех групп, кроме пятой, сократилось количество земли и почти всех видов скота. В то же время в крестьянских хозяйствах пятой группы произошло приращение богатства по всем показателям.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, дд. 80—81.

² Там же, ф. 59, оп. 1, дд. 168, 169, 172, 173, 175—178, 180, 181, 183, 184.

³ Там же.

Среди хозяйств пятой группы встречались довольно крупные скотоводы с наемными пастухами. Так, три крупных овцевода, братья Джафар, Бекверды и Алаверды Аким-оглы из с. Чара, имевшие 54, 66 дес. пахотной земли в подворном пользовании, 163 головы крупного и 2467 голов мелкого скота, держали 17 батраков.¹

Всего в Южно-Табасаранском наибстве было 38 крестьянских хозяйств с наемными батраками, в них было занято 73 постоянных наемных работника. Наибольшее их число приходилось на V группу (48 человек) и IV — (16 батраков), при этом из числа хозяйств пятой группы имели батраков 40% дворов.²

Если же учесть, что богатыми хозяйствами применялся наем не только постоянных, но также поденных и срочковых рабочих, которые, к сожалению, переписью не учтены, то эксплуататорская сущность этой небольшой горстки хозяйств пятой группы выступает еще отчетливее.

Вторым важным выводом, вытекающим из приведенных данных, является то, что в целом по участку в 1917 г. процент хозяйств, державших батраков, был очень низкий. Произошло сокращение числа таких хозяйств, по сравнению с 1897 годом. Если в 1897 г. в Кюринском округе хозяйств с наемными работниками было 2,7%, то в 1917 г. — только 1,3%.

Если даже учесть, что в 1897 г. в подсчет числа хозяйств, пользовавшихся наемным трудом, вошли не только крестьянские хозяйства, но и хозяйства беков, все равно число таких хозяйств явно сократилось. Предположив, что в 1897 г. все бекские хозяйства держали наемных работников, то с исключением их³ процент остальных (крестьянских) хозяйств с наемным трудом составлял 2,4%.

Таким образом, данные о применении постоянных наемных работников подтверждают вывод о сокращении высших групп крестьянских хозяйств. Это было именно обнищание массы крестьянства, ибо 76% хозяйств, или более трех четвертей всех дворов этого участка, были либо совершенно неимущими, либо владели столь незначительными средствами производства, что явно не могли обеспечить даже полуголодное существование семьи. Да и как могло быть иначе, если в среднем на один крестьянский двор у основной массы приходилось по 1

¹ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 177, л. л. 98, 99, 100.

² ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. д. 168, 169, 172, 173, 175—178, 180, 181, 183, 184.

³ Примерное количество бекских хозяйств подсчитано нами, основываясь на общем количестве душ обоего пола по данным переписи 1897 г., полагая, что средний состав семьи у беков, (согласно подсчетам, сделанным по материалам переписи 1886 г.) был 5,6 душ.

дес. пашни, по 2,7 голов крупного рогатого скота, по 3,5 голов овец и на 10 дворов — одна лошадь. Немногим лучше было положение крестьян средних групп, где пашни в среднем приходилось 4,2 дес. на двор, крупного рогатого скота — 5,5 голов, овец — около 20 и половина лошади. Но и таких хозяйств было лишь 22%, а богатое крестьянство составляло только 2%.

Об усилении разорения крестьянских хозяйств в начале XXв. свидетельствуют также данные с сдачи земель в аренду. В. И. Ленин писал: «Такое явление, как сдача крестьянами паделной земли, еще более наглядно показывает капиталистические отношения внутри общины, разорение бедноты и обогащение меньшинства за счет этой разоряющейся массы»¹.

В Южно-Табасаранском наибстве, где подавляющая масса крестьянства не была достаточно обеспечена землей, все же 195 крестьянских хозяйств сдавали свои участки в аренду, из них 135 хозяйств были бедняцкими; размер сдававшихся участков здесь не превышал одной десятины².

Данные об аренде земель показывают, что аренда земли хозяйствами низших групп была арендой из нужды, в то время как аренда земель хозяйствами пятой группы носила несколько иной характер³. Это можно видеть из таблицы 4.

Таблица 4

Группы хозяйств	Сдача земель		Аренда земель			
	колич. хозяйств	размер сдаваемого участка на 1 хозяйств. (в дес.)	колич. хозяйств в абсолютных цифрах	в % к общему числу хозяйств	размер арендуем. участка в среднем на 1 хозяйств. (в дес.)	арендованной земли в % к итогу
I	—	—	11	3	0,8	1,9
II	135	0,9	233	10	0,8	38,0
III	36	1,4	56	10	1,3	14,0
IV	17	1,7	17	8	1,1	3,1
V	7	4,4	25	40	8,4	43,0
Итого:	195(5,5%)	2,1	342	10	(2,5)	100,0

Данные таблицы 4 показывают, что в участке преобладала мелкая аренда земли, и наем земли преобладал над сдачей. Если к сдаче земель в аренду прибегало 5,5% хозяйств, то к найму — 10%. Объяснение этому надо искать в малоземелье.

¹ В. И. Ленин. Соч. т. 15, стр. 83.

² ЦГА ДАССР. ф. 59, оп. 1, д. 168, 169, 172, 173, 175—178, 180, 181, 183, 184.

³ Там же.

Преимущественно же мелкая аренда свидетельствует о потребительском ее характере.

Более крупными участками арендовались отдельными хозяйствами, отнесенными к пятой группе, только пастбищные земли. Так, один богатый крестьянин из селения Кондик, имея в собственности пахотной земли 33,5 дес., 52 головы крупного скота и 728 мелкого, снимал в аренду 125 дес. пастбищных земель¹. А всего в хозяйствах пятой группы этого участка сосредоточивалось 43% всей арендованной земли. Наиболее крупная аренда пастбищных земель хозяйствами пятой группы имела место в Самурском округе, где из 535 хозяйств, отнесенных к пятой группе, снимали в аренду пастбищные земли 361, или 67,5% хозяйств этой группы. Арендовалось ими 75801 дес². из общего количества 115.988,9 дес. арендовавшихся пастбищ всеми хозяйствами округа³, или две трети их. Отдельные овцеводы снимали в аренду до 2 тыс. дес. пастбищ. Подавляющая же часть крестьянских хозяйств арендовала небольшие участки пахотной земли.

Примером аренды из нужды может служить хозяйство крестьянина Гамзата Нюдюр-Магомед-оглы из с. Заза. Семья его состояла из 4 человек (мужа, жены и двух малолетних детей). Своей земли в хозяйстве было 7,5 рубе и арендовалось у двух соседей 5 рубе⁴. В хозяйстве имелась пара волов; никакого другого скота, а равно и мертвого сельхозинвентаря не было. Сам хозяин вынужден был заниматься отхожим промыслом. Сдавали ему землю в аренду такие же бедняки: Магомед Гюль-Али-оглы, имевший 10 рубе земли, из которых 3 сдавал в аренду⁵, и Вилихан Тураб-оглы, имевший 7 рубе земли, из которых 5 сдавал в аренду; у этого последнего не было трудоспособных, из-за отсутствия скота и сельхозинвентаря обрабатывать землю было нечем.⁶

Эта аренда небольших клочков земли выражала собой ту «отчаянную борьбу», о которой В. И. Ленин писал, что «бегству крестьянина в город неизбежно предшествует его разорение. А разорению предшествует отчаянная борьба за свою экономическую самостоятельность...».⁷ В Дагестане эта борьба мелкого крестьянства за самостоятельность протекала особенно мучительно. Крайнее малоземелье, полуголодное сущест-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 169, л. 267.

² Там же, ф. 59, оп. 1, д.д. 190—216. Подсчитано по карточкам переписи 1917 г.

³ «Труды Дагестанского статистического управления», вып. V, Махачкала, 1924, стр. 21.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 172, л. 306, (Рубе — 1/8 десятины).

⁵ ЦГА ДАССР, д. 59, оп. 1, д. 172, л. 294.

⁶ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 172, л. 298.

⁷ В. И. Ленин. Соч. т. 5, стр. 171.

вание низводили подавляющую массу крестьянства до уровня нищих, которым ничего не оставалось делать, как бежать из аулов в поисках средств к жизни. Но и бежать-то этому крестьянству было некуда, так как промышленность здесь развивалась очень слабо, и имевшиеся небольшие промышленные предприятия и рыбные промыслы поглощали лишь незначительную часть этой огромной армии разорившегося крестьянства. Это обстоятельство приковывало их к земле, заставляло прибегать к мелкой и мельчайшей аренде, а трудоспособных членов семьи отпускать на заработки. При этом лишь немногим удавалось найти работу в богатых хозяйствах в пределах Дагестана. Большинство же пополняло ряды отходников.

Хасавюртовский округ. При группировке хозяйств этого округа за основу был принят другой имущественный показатель: учитывая, что в округе ведущей отраслью хозяйства было земледелие, и в частности хлебопашество, группировка хозяйств производилась по размерам посевной площади.

В отличие от Кюринского, в культуре земледелия Хасавюртовского округа за 30 лет произошли существенные изменения. Переселившиеся сюда в значительном количестве русские и немецкие крестьяне, способствовали расширению посевных площадей и росту зернового производства. Оснащенность сельского хозяйства усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями и машинами сильно увеличилась. Все это не могло не отразиться на процессе расслоения крестьянства.

По этому округу были изучены 5107 крестьянских хозяйств из 12591 общего их числа, взятые подряд по нескольким участкам¹. Основные данные этой группировки представлены в таблице 5.

Т а б л и ц а 5

Группы хозяйств	Колич. хозяйств	В % к итогу	У них всей земли (в дес.)	в том числе посевов	
				десятин	в % к итогу
I группа — не имевшие посевов	1438	28,1	1768,25	—	—
II группа — имевшие посевов до 3 десятин	2486	48,6	8951,00	3442,0	34,9
III группа — имевшие посевов от 3 до 5 дес.	766	15,0	7515,38	2609,65	26,5
IV группа — имевшие посевов от 5 до 10 дес.	254	5,0	4060,75	1564,15	15,8
V группа — имевшие более 10 дес. посевов	163	3,3	16635,12	2236,50	22,8
Итого:	5107	100,0	38930,50	9852,3	100,0

¹ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д.д. 244, 254, 265—276 (Селения Андреево и Костек из-за утери карточек переписи 1917 г. взяты по переписи 1916 г.).

В число хозяйств первой группы вошли 1010 безземельных дворов, что составляет почти 20% всего числа дворов. Сюда же были отнесены 428 дворов, которые хотя и имели 1768,25 дес. земли (в среднем 4 дес. на двор), но не имели посевов. Таким образом, 28,1% крестьянских хозяйств в округе совсем не имели посевов. Почти половина крестьянских дворов (48,6%) располагали 34,9% посевной площади (по 1,8 дес. в среднем на двор); 15% хозяйств имели 26% всей посевной площади (по 3,4 дес. на двор). Наконец, две последние группы крестьянских хозяйств, составляя 8,3% всего числа хозяйств, имели в своих руках 38,6% всей посевной площади. В четвертой группе хозяйств приходилось по 6,2 дес. посевов в среднем на двор, и в пятой группе — по 18,5 дес.

Рассмотрим теперь данные о крестьянском землепользовании в Хасавюртовском округе (таблица 6).

Таблица 6 наглядно показывает второстепенную роль наделенной земли, которая составляла только 40% всей земли, находившейся в пользовании крестьян, а купчая и арендованная — 60%. Мы видим, что земля в значительной мере превратилась в полном смысле слова в товар, в предмет купли—продажи. При этом роль купчих и арендованных земель была далеко не одинакова для различных групп крестьянства.

Процент хозяйств, имевших купчую и арендованную землю, неуклонно возрастает при переходе от низших групп к высшим, равно как и среднее количество таких земель на один двор. Богатые крестьяне прибегали к аренде, главным образом, с целью извлечения прибыли. Иначе чем можно объяснить такое сравнительно большое количество арендованной земли, приходившейся в среднем на одно хозяйство в пятой группе — более 100 дес.; и, наоборот, в двух низших и в средней группах земля арендовалась в силу недостатка или непригодности своих земель. Средний размер арендуемых участков во второй группе не превышал 3,4 дес. на двор, и в четвертой — 7,8 дес.

То же самое можно сказать о сдаче земли в аренду. Низшая группа прибегала к сдаче земли в аренду в силу крайней нужды. Здесь господствовала сдача в аренду небольших площадей; 3,2 дес. в среднем на один сдающий двор. А в высшей группе происходила сдача в аренду излишков земли громадными участками — в среднем по 131 дес. на один двор¹.

Рассмотрим теперь данные об обеспеченности крестьянских хозяйств разных групп скотом и мертвым сельскохозяйственным инвентарем.

Скот, как и земля, распределялся также далеко неравномерно между указанными группами крестьянских хозяйств.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 59. оп. 1, д.д. 244, 254, 265—276.

Группы хозяйств	Всей земли		В т о м ч и с л е							
	десятин	в ‰ к итогу	надельной		к у п ч е й			арендованной		
			всего десятин	в ‰ к общему колич-ву земли у данн. гр.	десятин	‰ дво- ров, имевш. купчую землю	прихо- дилось на 1 двор (дес.)	всего земли (дес.)	‰ дво- ров, имевших аренд. землю	прихо- дилось земли на один двор. (дес.)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I	1768,25	4,5	1244,75	79,5	436,50	2,4	10,3	87,0	9,5	3,4
II	8951,00	23,0	7312,00		548,00			1091,0		
III	7515,38	10,4	4715,13	62,7	1624,75	15,3	13,7	1175,5	30,0	5,1
IV	4060,75	19,1	1525,25	37,5	1545,50	28,0	21,4	990,0	50,0	7,8
V	16635,12	43,0	440,62	2,6	6695,50	50,0	76,4	9499,0	60,0	104,0
Итого:	38930,50	100,0	15237,75	(40,0)	10850,25	—	—	12842,5	—	—

Группы хозяйств	Крупного рогатого скота		В т. ч. молочного		Лошадей		Рабоч. скота (в пер. на лошадей) ²		Овец и коз	
	всего голов	в средн. на 1 хоз-во	всего голов	в средн. на 1 хоз-во	всего голов	в средн. на 1 хоз-во	всего	в средн. на 1 хоз-во	всего	в средн. на 1 хоз-во
I	3116	2,0	1234	0,8	600	0,4	839	0,6	4524	3,0
II	11111	4,5	3702	1,5	1525	0,6	3281	1,3	12602	5,0
III	4761	6,2	1763	2,3	858	1,0	1388	1,8	6542	8,5
IV	2373	9,3	892	3,5	618	2,3	765	3,0	9273	36,0
V	2304	14,7	934	5,7	880	5,4	863	5,3	20939	122,0
Итого:	23665	(4,6)	8525	(1,6)	4481	(0,9)	7136	(1,4)	53880	(10)

Из таблицы 7 видно, что хозяйства, лучше обеспеченные землей, также намного лучше были обеспечены и скотом. Хозяйства пятой группы имели в среднем на один двор крупного рогатого скота в 7,3 раза больше, лошадей почти в 16 раз, рабочего скота — в 9 раз, а овец и коз — в 40 раз больше, чем хозяйства первой группы.

При этом скот внутри каждой группы крестьянства также распределялся неравномерно. В хозяйствах низших и средних групп обычно скот предназначался для собственных потребностей семьи. Но наряду с этим, даже в этих группах имелись немногие хозяйства, которые разводили скот с явно промышленной целью. Особенно большой удельный вес такие хозяйства занимали в высших группах. В четвертой и пятой группах встречались скотоводческие хозяйства довольно крупных размеров, имевшие 60—70 и даже более 100 голов крупного рогатого скота, отдельные дворы имели до 60 коров³; в то же время более половины беспосевных хозяйств совсем не имели молочного скота. Довольно высок процент таких хозяйств и во второй группе, где они составляли более четверти дворов. То же самое наблюдалось и в распределении поголовья овец и коз, концентрация которых выступала еще более резко: 90% хозяйств округа совсем не имели овец, а 24 крупных овцевод-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 244, 254, 265—276.

² При переводе рабочего скота принят коэффициент: лошадь—1, вол и буйвол=0,75. В таблицу не вошел прочий скот, которого насчитывалось во всех хозяйствах 646 голов, в том числе в хозяйствах пятой группы — 297.

³ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 267, л.л. 374, 377.

ческих хозяйства сосредоточивали в своих руках около 42% овец в округе.

О степени расслоения крестьянства говорят также данные о применении усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин различными группами хозяйств¹ (см. табл. 8).

Т а б л и ц а 8

Группы хозяйств	Колич. хозяйств	Наличие усовершенствованного сельскохозяйственного инвен. и машин. ²										
		плугов 1-лемешн.	плугов многолемешн.	сеялок	жнеек	молотилок	веялок	косилок	конных граблей	фур., арб. и др. инв.	проч. инвентарь	двор. без с-х инвентаря
I	925	26	2	1	2	1	1	22	18	174	—	753
II	1824	297	6	1	7	11	6	100	64	1193	—	659
III	581	233	15	1	14	2	12	76	54	475	2	106
IV	191	112	28	1	23	2	24	51	39	197	3	17
V	154	100	69	4	57	8	46	78	63	203	7	6
Итого:	3675	768	120	5	103	24	89	327	238	2242	12	1541

Таблица 8 показывает, что основная масса усовершенствованных сельскохозяйственных орудий так же, как земля и скот, была сконцентрирована в руках зажиточных групп крестьянства. Хозяйства четвертой и пятой групп, составляя только 9,3% всех учтенных дворов, сконцентрировали более трети всех плугов, в том числе 80% многолемешных, все 100% сеялок, 60% жнеек, 41% молотилок, около 80% веялок, почти 40% косилок и около 50% конных граблей. Остальное количество усовершенствованных сельхозорудий и машин распределялось между остальными крестьянскими хозяйствами, составлявшими по численности более 90% всего количества дворов.

В хозяйствах второй группы, в количественном отношении составлявших почти половину учтенных дворов, приходился один однолемешный плуг на 6 хозяйств, а многолемешных почти не было (6 плугов на 1824 двора); сеялок в хозяйствах

¹ ЦГА ДАССР. ф. 59, оп. 1, д.д. 265—276. В данной таблице сельскохозяйственный инвентарь дан по 3675 хозяйствам, вместо 5107, фигурировавших в предыдущих таблицах. Сюда не вошли два крупные селения Костек и Андреево, так как разработка данных по этим селениям производилась по переписи 1916 года, в которой сельскохозяйственный инвентарь вообще не был учтен.

² В Хасав-Юртовском округе во всех хозяйствах в 1917 г. было учтено 3904 плуга. из них 444 многолемешных, 55 сеялок, 340 жнеек, 859 косилок, 568 конных граблей, 130 молотилок, 318 веялок и другой инвентарь («Труды Дагестанского статистического управления. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г.», вып. 1, Махачкала, 1924, стр. 27).

второй и третьей групп не было совсем, на 170 хозяйств этих групп приходилась только одна молотилка, на 17 хозяйств — жнейка или косилка, на 30 хозяйств — одни конные грабли. Даже транспортным инвентарем обеспечены были не все хозяйства второй группы. Не на много лучше были обеспечены сельхозинвентарем и хозяйства третьей группы.

Можно себе представить те огромные трудности, какие испытывали земледельцы низших групп при обработке своих полей, не имея не только достаточного количества плугов, но даже и транспортного инвентаря. При этом 36% хозяйств второй группы и 18% третьей, вообще не имели никакого инвентаря. Вполне понятно, что обработка супрягой или наемным инвентарем удорожала затраты на хозяйственные нужды, работы в таком случае выполнялись паспех и кое-как. Все это, несомненно, понижало урожайность полей бедноты.

Чтобы показать истинное социальное лицо каждой из этих групп, остановимся на вопросе продажи и найма рабочей силы¹. Данные об этом представлены в таблице 9.

Т а б л и ц а 9

Группы хозяйств	Колич. хоз-в, имевших наемных работников (в %/о) ²	Количество наемных работников в них	% хозяйств, прибегавших к продаже рабочей силы. ³
I	1,1	25	50,0
II	1,2	43	13,5
III	2,7	27	0,6
IV	11,0	46	0,5
V	25,0	111	—
Итого:	—	252	—

Как видно из таблицы 9, в крестьянских хозяйствах низших групп прибегали к найму постоянных наемных работников лишь незначительное число дворов, к тому же это были фактически зажиточные и богатые хозяйства, но не по наличию земли, а по другим признакам⁴. Основная же масса хозяйств первой группы прибегала к продаже рабочей силы. Это и понятно, ибо эти беспосевные крестьянские дворы фактически были в большинстве своем неимущими. Из 1438 крестьянских хозяйств первой группы 1010 были безземельными, 622—

¹ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д.д. 244, 254, 265—276.

² Здесь учтены только постоянные наемные работники, без сезонных и сроковых.

³ Данные без селений Костек и Андреево. Сюда включались чернорабочие, батраки, пастухи, поденщики, сельхозрабочие.

⁴ Сюда вошли 21 хозяйство с поголовьем овец более 200 и несколько хозяйств кустарей с мелкими мастерскими, имевших наемных работников.

бескотных, 923 — без рабочего скота, 810 — без молочного скота, 1135 — безлошадных и 753 — без сельхозинвентаря.

Однако, согласно приведенным выше данным, только 50⁰/₀ хозяйств этой группы жили продажей рабочей силы. Фактически же этот процент, повидимому, значительно выше, так как в отношении 638 неимущих хозяев вид занятий неизвестен¹.

В значительно большей степени, чем это показано переписью, прибегали к продаже рабочей силы и хозяйства второй группы. Из приведенных выше данных видно, что в среднем на один двор в этой группе приходилось 1,8 дес. посева. При среднем урожае хлебов по 35 пудов с дес.², каждое хозяйство второй группы с 1,8 дес. посевной площади могло получить 63 пуда. Средний состав семьи в этой группе составлял, по нашим расчетам, 4,5 души. Минимальное количество хлеба, необходимое на продовольствие семьи, принято здесь в среднем по 15 пудов на душу. Следовательно, с исключением 18 пудов семян для 1,8 дес. посева, оставалось 45 пудов. Этого количества зерна могло хватить на продовольствие семьи только в течение двух третей года. А надо учесть, что, кроме расходов на семена и продовольствие, в хозяйстве были и другие расходы (на корм скоту, уплата налогов); следовательно, на продовольствие семьи оставалось и того меньше.

Выше было отмечено, что эта группа была плохо обеспечена также и скотом. Только незначительная доля хозяйств этой группы могла извлекать дополнительный доход от скотоводства. Более четверти хозяйств этой группы (27⁰/₀) совсем не имели коров, около 40⁰/₀ дворов имели по одной корове; по 4 и более коров было только в 193 хозяйствах, которые составляли 7,7⁰/₀ всего числа хозяйств этой группы. Следовательно, только эта незначительная часть хозяйств могла получать незначительный дополнительный доход от молочного скота.

Другим видом скота, служившим дополнительным источником дохода, были овцы. В среднем на хозяйство в этой группе приходилось 50 овец и коз. Но это лишь средний показатель. Фактически же от овцеводства могло извлечь дополнительный доход еще меньшее число хозяйств. Ибо более 92⁰/₀ дворов этой группы вовсе не имели овец, 102 двора имели не более 25 овец, и только 32 двора — более чем по 100 голов.³ Отсюда следует, что существенный доход от овцеводства могли получать только эти последние 32 двора, составлявшие немногим более 1⁰/₀ всего числа дворов этой группы. Кустарными промыслами, торговлей и другими видами занятий добывали

¹ Имеются в виду селения Костек и Андреево.

² Средняя урожайность подсчитана по данным «Отчетов начальника Терской области» за последние 10 лет (1906—1915 г.г.).

³ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 244, 254, 265—276.

средства для пополнения своего бюджета в данной группе 144 хозяйства, или менее 6% всех дворов. Следовательно, подавляющее большинство крестьянских хозяйств и этой группы должны были пополнять недостающие средства существования семьи продажей рабочей силы.

Согласно аналогичным расчетам, часть хозяйств третьей группы также вынуждена была прибегать к сторонним заработкам, но таких хозяйств в этой группе насчитывалось лишь 0,6%. Ибо хозяйства третьей группы, имевшие по 3,4 дес. посева в среднем на двор, при среднем составе семьи в 5,5 душ, в средние по урожайности годы с покрытием расходов на продовольствие и посев, имели еще на уплату налогов, корм скоту и прочие нужды приблизительно 12,5 пудов в среднем на двор. Извлекать сколько-нибудь значительный дополнительный доход от скотоводства подавляющее большинство хозяйств этой группы не могло, т. к. 86% дворов не имело овец, около половины были либо без молочного скота, либо имели 1 корову. По 4 и более коров имели только 179 хозяйств.

Четвертая группа хозяйств, имевшая в среднем на двор 6,2 десятины посева, при среднем составе семьи 6,3 души и среднем урожае 200 пудов, с исключением продовольственного и семенного фонда, имела на все другие нужды 50 пудов хлеба. Если учесть, что в этой группе часть зерна шла на корм скоту (в среднем на 1 хозяйство здесь приходилось более 11 голов крупного скота и 36 овец), то эта группа в средние по урожайности годы могла дать лишь незначительную долю товарного хлеба. В этой группе хозяйств товарную продукцию скорее давало скотоводство. Более 37% хозяйств этой группы имели по 4 и более коров, и 17% хозяйств — по 100 и более овец. И эта группа хозяйств, как и третья, уже почти не прибегала к продаже рабочей силы.

Как третья, так и четвертая группы крестьянских хозяйств нами отнесены к среднему крестьянству. Среднее крестьянство, как указывал В. И. Ленин, отличалось наименьшим развитием товарного хозяйства¹. Этот признак вполне применим и к крестьянству двух рассмотренных выше групп Хасавюртовского округа: к продаже рабочей силы оно почти не прибегало и товарной продукции почти не производило. Однако IV группа хозяйств более тяготела к богатому крестьянству: 11% дворов этой группы прибегало к найму постоянных наемных работников, и у части хозяйств были налицо некоторые товарные излишки сельхозпродуктов.

Пятая группа хозяйств, наоборот, прибегала к найму рабочей силы, за счет которой она в большом количестве производила товарный хлеб. При средней посевной площади 18,5

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 148.

дес. в этой группе хозяйств могло получаться около 650 пудов хлеба. С исключением продовольственного фонда (средний состав семьи здесь 7,4 души), а также хлеба, выделявшегося на хозяйственные нужды, корм скоту и семена, оставалось еще более 300 пудов. Кроме того надо учесть, что средний урожай в этой группе был несравненно выше.

Далее, хозяйства пятой группы значительно лучше были обеспечены и скотом, от которого они также могли получать значительный доход. Более 50% хозяйств этой группы имели по 4 и более коров, а 20 дворов (из 163) имели в среднем по 20 коров на двор; почти четверть дворов этой группы имели по 100 и более овец. Таким образом, пятая группа хозяйств, производившая товарное зерно и значительную долю товарной продукции скотоводства за счет эксплуатации наемного труда, представляла собой сельскую буржуазию.

Как было показано выше, четвертая часть хозяйств этой группы держала постоянных наемных батраков, а значительно большая доля хозяйств этой группы пользовалась поденными и сроковыми наемными рабочими. И хотя перепись 1917 г. не учитывала этот вид найма, о его широком распространении говорят другие источники. Так, начальник Даргинского округа в отчете за 1901 г. писал, что «на заработки уходят преимущественно беднейшие жители, нанимаются чернорабочими в приморских городах и в Терской области. В отчетном году уходило 11837 чел.»¹.

В сведениях об экономическом положении населения Гунибского округа за 1902 г. указывалось, что в Каратино-Технуцинском участке «отхожим промыслом существуют все сельские общества, причем из 6290 душ мужского пола в участке на заработки, главным образом, в соседнюю Терскую область отправляется ежегодно около 35%. Находясь на промыслах большую часть года, не зная ремесла, они нанимаются, главным образом, в качестве чернорабочих, караульщиков, сторожей на нефтяных промыслах, косарей в страдную пору и т. п.»².

Эти документы показывают, что в Терскую область только из Даргинского и одного участка Гунибского округов уходило наниматься на работу «в страдную пору» значительное количество горцев.

Мы не располагаем статистическими материалами, подобными тем, какие имеются по Кюринскому округу, чтобы установить в целом динамику расслоения крестьянства в Хасавюртовском округе в период между 1886 и 1917 годами. Но

¹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 16, л. 461 (Хасавюртовский округ до революции входил в состав Терской области).

² ЦГА ДАССР, ф. 73, оп. 1, д. 8, л. л. 37—38

факт разорения основной массы крестьянства и здесь очевиден. Более того, этот процесс зашел здесь значительно дальше: если в Кюринском округе к 1917 г. безземельных хозяйств было 10%, то в Хасавюртовском их было 20%, а хозяйств без посевов — более 28%.

В целом по Хасавюртовскому округу процесс обезземеливания крестьянства в исследуемый период виден из следующих данных:¹

	1886 г.	1917 г.
Всего крестьянских дворов, подвергавшихся статистической обработке	9214	5107
В том числе безземельных	910	1010
Процент безземельных дворов	9,8	19,7
	(рост в 2 раза)	

Особенно интенсивно обезземеливание крестьянства происходило на плоскости этого округа. Это можно видеть на примере трех самых крупных кумыкских селений: Аксай, Костек и Андреево. Если в 1886 г. в этих трех селениях из 2712 дворов 301 двор, или 11,1%, были без надела², то в 1917 г. количество их возросло до 40%³. Следовательно, неимущий слой крестьянства увеличился почти в 4 раза. Кроме того, число крестьянских дворов в этих селениях за последние 20 исследуемых лет сократилось почти в 1,3 раза¹, что также говорит о разорении местного крестьянства этого округа.

Расслоение крестьянства нагорного Дагестана

Гунибский округ. Этот округ занимал территорию в 1643 кв. версты на отрогах Главного Кавказского хребта и входил в состав так называемого внутреннего Дагестана. Поверхность его представляла собою возвышенное пространство, изрезанное глубокими ущельями, а горы в ряде мест образовали громадные плато. Склоны ущелий в ряде мест имели несколько обрывистых уступов. Горные плато использовались, как правило, под летние пастбища, а уступы ущелий — для развития террасного земледелия.

В отличие от рассмотренных выше округов, в Гунибском округе почти отсутствовало частное землевладение. У крестьян здесь повсеместно существовало подворное пользование пахотными землями; пастбищные и сенокосные угодия, а также леса были, как правило, в общем пользовании сельских обществ.

¹ Данные за 1886 г. — См. рук. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 1994; за 1917 г. — ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 244, 254, 265—276.

² Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1994.

³ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. д. 244, 254, 266, 267.

¹ Согласно переписи 1897 г. в этих селениях было 3020 крестьянских дворов, а по переписи 1917 г. — 2336, или число их уменьшилось за 20 лет на 684 двора

В этом округе, как и в других горных округах, ощущался острый недостаток пахотных земель. Согласно переписи 1917 г., в округе было 6940,3 дес. пашни на 16586 крестьянских дворов,¹ или в среднем по 0,4 дес. на двор. Пастбищ было 170797 дес.², или 10,3 дес. на двор. При таком малоземелье население округа не могло обеспечивать себя своим хлебом. Согласно данным о сборе урожая хлебов за пятилетие с 1911 по 1915 г.г.,³ продовольственного хлеба могло хватать здесь (из расчета двух четвертей на душу) в среднем на 5 месяцев, при том условии, что сбор всех хлебов, за вычетом семенного фонда, шел только на продовольствие населения. Если же учесть, что ячмень в этом округе занимал более 40% посевной площади, а вместе с овсом более 45%,⁴ значительная доля которых шла на корм скоту, то на продовольствие населения оставалось хлеба и того меньше.

Основная масса жителей не имела условий и для развития скотоводства в более или менее значительных размерах, ибо пастбищных земель также было очень мало. При этом зимних пастбищ не было совсем. Сенокосных угодий в округе было только 4200 дес.,⁵ или менее четверти десятины на двор. При самом высоком урожае трав, какой был за первое десятилетие XX в. в 1907 г., в Дагестане было собрано в среднем 92 пуда с десятины.⁶ Следовательно, в лучшем случае с четверти десятины собирали лишь 20—25 пудов сена, что едва ли достаточно, чтобы прокормить 1—2 головы крупного рогатого скота в течение холодных месяцев.

Поэтому, хотя скотоводство и было главным источником существования основной массы населения округа, сколько-нибудь значительных размеров оно не достигало, за исключением овцеводства. Овцеводством же занимались преимущественно состоятельные крестьяне.

Учитывая, что ведущей отраслью сельского хозяйства являлось скотоводство, крестьянские хозяйства в этом округе группировались нами по наличию скота. При этом в селениях с развитым овцеводством за основу принималось наличие овец,

¹ «Труды Дагестанского статистического управления», вып. 6, Махачкала, 1924, стр. 80—81.

² «Кавказский календарь на 1917 г.» статистич. отдел, стр. 332—333.

³ «Обзоры Дагестанской области» за 1911—1915 г.г.

⁴ ЦГА ДАССР, ф 72, оп. 2, д. 3, л. 51 и ф. 21, оп. 3, д. 100, л.л. 7 и 104.

⁵ «Кавказский календарь на 1917 г.», статистич. отдел, стр. 332—333.

⁶ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств», СПб, 1912, отдел II А, стр. 81.

в остальных — наличие рабочего скота. Данные этой группировки видны в таблице 10.

Таблица 10¹

Группы хозяйств	Колич. дворов	В %/о к итогу	У них все-го скота ²	Всей земли	В том числе пашни	Колич. дворов без посевов	В т. ч. без-земельных
I—бесскотн. хоз-ва	1744	13,5	—	1674,3	1172,5	378	316
II—без раб. скота	2476	19,2	3386			97	54
III—с 1 гол. раб. скота и не более 25 овец	4694	36,3	14408	2837,0	1906,5	63	43
IV—с 2 гол. раб. скота и до 100 овец	3056	23,6	12852	2387,3	1625,8	20	15
V—с 3—4 гол. раб. скота и до 200 овец	840	6,5	8286	962,3	652,6	7	7
VI—более 4 гол. раб. скота или 200 и более овец	111	0,9	5989	166,6	127,5	—	—
Итого:	12921	100,0	44916	8027,5	5484,9	565	435

В горных условиях хозяйства, не имевшие скота, — это хозяйства, лишенные средств существования. Из общего количества дворов в округе, не имевших посевов (565), около 70% их падает именно на хозяйства бесскотные, 17% — на хозяйства без рабочего скота и только, примерно, 13% — на остальные группы. Остальные бесскотные хозяйства, хотя и имели посевы, но это были настолько мизерные участки, что какой-либо существенной роли в материальном обеспечении этих дворов они не играли. Поэтому 13,5% дворов Гунибского округа, по существу, были неимущие.

Хозяйства без рабочего скота составляли почти одну пятую часть дворов округа, а вместе с бесскотными эта беднейшая часть крестьянства составляла около трети дворов (32,7%). Более третьей части хозяйств составляли крестьянские дворы с одной головой рабочего скота, т. е. имевшие или одного вола, или одну лошадь (в редком случае), или только осла (в большинстве своем). Такие хозяйства также не могли самостоя-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д.д. 50—82. (Данные по округу неполные, т. к. переписью были охвачены не все хозяйства. За рабочий скот приняты волы, рабочие лошади и ослы).

² Скот показан в переводе на крупный рогатый. Коэффициент перевода: лошадь = 1, крупный рогатый скот = 0,75, овца = 0,13, осел = 0,5. Коэффициент взят из книги «Основные перспективные показатели по характеристике зон производственной специализации сельского хозяйства СССР», АН СССР, 1955. Предисловие, стр. 3.

тельно обрабатывать даже те незначительные пахотные участки, какие они имели. Они вынуждены были пахать только супрягой с подобными им хозяйствами. По 2 головы рабочего скота имели только 23,6% хозяйств, а более — незначительная доля дворов (7,4%).

В Гунибском округе также видна прямая зависимость обеспеченности скотом от наличия земли: хозяйства, имевшие больше земли, имели больше скота, и наоборот.

Из приведенных данных видно, что хозяйства первых трех групп (составлявшие 69% всех хозяйств округа), не имели почти никакого имущества: 13,5% из них были бесскотными, а остальные имели от 1,4 до 3 голов скота (в переводе на крупный рогатый скот) и в среднем на двор от 0,27 до 0,4 дес. пашни. Следовательно, крестьяне этих групп не могли прокормить семью ни за счет скотоводства, которое товарной продукции не давало, ни за счет земледелия, которое велось на крохотных участках земли.

Мало чем отличалось и положение хозяйств четвертой группы. И эта группа хозяйств в подавляющем большинстве не могла обеспечить существование своей семьи без побочных заработков, без продажи рабочей силы. Несколько выделяются только две последние группы, которые имели значительно больше скота, особенно последняя, имевшая 53,4 головы (в переводе на крупный рогатый скот) в среднем на двор, или в 40 раз больше, чем хозяйства II группы; пахотной земли — в 4 раза больше. В то же время средний состав семьи последней группы (6,8 душ) только в два раза превышал состав семей первых трех групп.

Для полноты характеристики социально-экономического лица каждой из рассмотренных шести групп крестьянства укажем, что около половины хозяйств низших групп прибегали к продаже рабочей силы, а около трети дворов высшей группы прибегало к ее найму.¹

Таким образом, к 1917 г. в горных аулах Гунибского округа было налицо социальное расслоение крестьянства, но степень расслоения здесь была значительно ниже, чем на плоскости. Неимущий и малоимущие слои составляли 69% всех дворов округа, средний слой (IV и V группы) составляли 30,1%, а богатые хозяйства — менее одного процента.²

На примере Гунибского округа не представляется возможным показать динамику расслоения крестьянства, так как в 1886 г. здесь подымной переписи не производилось. Но эту

¹ Данные извлечены из карточек переписи 1917 г. (ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1 д.д. 50—82.

² В плоскостных округах средние слои составляли в Кюринском — 22%, в Хасавюртовском — 20%, а богатое крестьянство соответственно — 2% и 3%.

динамику расслоения можно проследить на примере нагорного Кутур-Кюринского участка, Кюринского округа (по сел. Кочхюр). Число безземельных хозяйств в этом селении в период между 1886 и 1917 годами увеличилось вдвое, малоземельных — немного меньше, чем вдвое, а количество среднего крестьянства уменьшилось более чем в 2 раза. Из 7 крестьянских хозяйств пятой группы осталось только одно.¹

Несмотря на то, что количество хозяйств в с. Кочхюр за указанные 30 лет возросло на 7 единиц, население уменьшилось на 26 человек.² Сократились средние земельные площади с 3,8 до 2,3 дес. и количество скота во владении крестьян (в переводе на крупный рогатый) — с 5,2 до 4,1 гол. в среднем на двор.³

Разоренное крестьянство с. Кочхюр все более прибегало к продаже рабочей силы; если в 1886 г. отпускали работников на заработки только 17 хозяйств, то в 1917 г. — 168 хозяйств, или 74% всех дворов селения.⁴

Обнищание крестьянства в Дагестане происходило в течение всего исследуемого периода. Об этом говорят ряд документов. Так, поверенные сельского общества Чулат Кюринского округа в прошении от 30 июля 1913 г. на имя военного губернатора Дагестанской области писали, что доверители их, «разорившись окончательно повторившимися за последние годы хлебными недородами и другими стихийными бедствиями, очутились в крайне стесненном материальном положении, почему вынуждены были, распродав за бесценок все, что можно было продать, искать заработка в других местах, и из своих скудных заработков кое-как платили числившиеся за каждым членом нашего общества государственные налоги. О своем обиженном судьбою положении не раз заявляли местным правительственным органам, когда настоятельно требовали и взыскивали налог, но на это не обращали должного внимания, благодаря чему многие из общества с. Чулат, бросив свои жилища, поразошлись кто-куда добывать средства к жизни. Оставшиеся в селении... до того обеднели, что для уплаты государственного налога вынуждены были продать последнее, вплоть до кухонной посуды, необходимой для домашнего обихода...»⁵.

О подобном положении крестьян писали поверенные общества с. Кумторкала Темир-Хан-Шуринского округа 2 мая

¹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, д. 86, л.л. 348—415; ф. 59, оп. 1, д. 182, л.л. 36—264.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 70, л.л. 102—105.

1905 г., указывая, что за недоимки их «штрафуют и отбирают самые необходимые домашние принадлежности».¹

Жители с. Атлы-букон, этого же округа, в своем прошении в том же году писали: «Общество наше обнищало, так как не имея посевов, пришлось покупать хлеб на деньги, добываемые поденными заработками».²

О бегстве крестьян из аулов писал начальник Нижне-Кайтагского участка Кайтаго-Табасаранского округа 22 марта 1908 г., указывая, что в с. Янгикент названного участка изчисляющихся 149 семейств «осталось не более 50, остальные разбрелись по разным городам и местечкам...», «а большинство этих дымов хотя и живут в селении, имея обильные пашни, луга и леса,³ но, не имея ни одного рабочего скота, не могут извлечь из этой земли никакой для себя пользы».⁴

То же самое произошло в селении Мугарты, того же округа. В записке о сословно-поземельном строе в Дагестане говорилось, что в этом селении «до недавнего времени проживало довольно много раят-евреев, «но лет пять тому назад⁵ они оставили его почти поголовно, выселившись в г. Дербент, оставшись в с. Мугарты лишь в количестве 6 дымов».⁶

О тяжести повинностей и разорении крестьян поверенные крестьян Северного Табасарана в 1910 г. заявляли в сословно-поземельной комиссии Дагестана; они указывали, что «беки имели власть в руках, пользовались поддержкой русской администрации и делали с нами, что хотели, увеличивали самовольно повинности, гнали нас на работы на свои поля при помощи своих нукеров. В конце-концов, 10 лет тому назад все мы до того были истощены, что были не в силах более отбывать повинности, хотя бы нас убивали. Беки, действительно, и убивали многих из нас за отказ от уплаты повинностей. Но мы не могли уплачивать».⁷

Обнищание крестьян-ногайцев видно из данных об их экономике, приведенных Н. Семеновым, который в 1895 году писал: «По свидетельству самих ногайцев, а также соседей их — кумыков, экономические условия ногайского общества еще 25—

¹ «Революционное движение в Дагестане (1905—1907)». Махачкала, 1956, стр. 33.

² Там же, стр. 35. (Речь идет о захвате пахотных земель крестьян беком Далгатовым).

³ В данном случае слово «обильные» надо понимать относительно, так как количество земли у крестьян было невелико.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 98, л.л. 10, 10а.

⁵ Записка была написана в 1910 г., следовательно, выселение произошло, примерно, в 1905 г.

⁶ ЦГА ДАССР, ф. 71, оп. 1, д. 758, л. 14.

⁷ «Красный Архив», 1936, № 6, стр. 104—105.

30 лет тому назад были неизмеримо лучше теперешних».¹ Тот же автор, сопоставляя данные о количестве скота у ногайцев за 1885 и 1893 годы, указывал, что «благосостояние ногайцев падает с чудовищной быстротой..., за какие-нибудь 8—9 лет количество производительного, необходимого в хозяйстве скота с цифры почти 21 тыс. опускается в обществах до цифры 7.647».²

Н. Семенов указывал, что такое обнищание было следствием уменьшения земли в пользовании крестьян-ногайцев³ и увеличения земских и других налогов, которые увеличились за тот же период (с 1885 по 1893 гг.) с 1 рубля до 2 р. 62 коп.⁴

В дальнейшем также продолжалось обезземеливание крестьян-ногайцев. Если в 1886 г. хозяйства крестьян без надела составляли 8⁰/₀ всех крестьянских дворов, то в 1917 году их стало уже 27⁰/₀.⁵

Все эти факты подтверждают выводы, сделанные на основе статистических данных, об обнищании дагестанского крестьянства, которое началось еще задолго до первой империалистической войны.

Приведенные нами примеры касаются крестьянства преимущественно плоскостной части Дагестана, но в дореволюционной литературе немало свидетельств и относительно экономического положения горцев. Один из скотоводов из с. Верхний Дженгутай в беседе, описанной Алихановым-Аварским, жалуясь на суровую природу гор, говорил: «Мы здесь бьемся ради куска хлеба... Кругом аулы Апши, Урма, Кулецма, Унхели, Кахаб-Росо, в них не менее 6 тыс. населения. И разве только какие-нибудь две—три сотни из них могут сказать, что бывают сыты круглый год, и то кукурузными лепешками».⁶

Другой аварец (хозяйство которого, по словам автора, было зажиточное) заявил, что в самый счастливый год, когда пшеница родит сам 6—7, ее хватает его семье только на полгода. «Здесь все так живут, продают последних баранов или другой скот. Охотно пошел бы в работники, но стар стал, да и стыдно перед людьми».⁷ Этот факт говорит об упадке крестьянских хозяйств, имевших еще видимость зажиточности, но уже фактически разорившихся.

¹ Н. Семенов. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб, 1895, стр. 377.

² Там же, стр. 374—375 (сноска).

³ Там же, стр. 377.

⁴ Там же, стр. 375.

⁵ Рук. фонд ИИЯЛ, дело 1994; ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1. д.д. 265, 268, 269, 271, 272, 274, 275. (Карточки переписи 1917 г.).

⁶ Газ. «Кавказ», 1895, № 60.

⁷ Там же, № 184.

В другом месте дается описание должника-крестьянина, задолжавшего государству 3 рубля: «Сакля вся состояла из мазаного глиной плетеного короба. В одном отделении ее стоял вол и корова, в другом жил несчастный Курбан-оглы. На его жене были лохмотья, голый ребенок, какой-то жалкий, напуганный, словно дикий зверек, выглядывал из-за дверей». Далее из текста выясняется, что и упомянутый вол был чужой.¹

Н. А. Буш отмечал, что дидойцы вообще поразительно бедны, а селения западной части Дидо (Асахо, Шаури, Сагада и др.) самые бедные. Лошадей у них почти нет, есть только небольшое количество ишаков, и люди живут впроголодь»². Касаясь характеристики аулов Андийского округа вообще, К. Ган писал, что они «имеют убогий вид, более убогий, чем в Чечне»³. А. Калинин, побывавший в Дидо накануне первой империалистической войны, отмечал, что «жалкие кусочки земли в 200—300 кв. саженей не дают своим владельцам... обеспечения, несмотря на поразительную скромность их потребностей», когда смотришь на эти жалкие аулы (аулы, расположенные в Дидо — А. М.), то кажется, что весь мир забыл об их существовании...» «вечный мрак стоит в этих жалких звериных лачугах. Полов нет. Грязь ужасная»⁴.

Один из революционеров-большевиков М. Кундухов писал из с. Анди (в 1920 г): «Положение беднейшей части населения таково, что даже женщины одеваются в бараньи шкуры вместо женского белья»⁵.

Отчаянное положение большинства населения признавал и генерал-губернатор Дагестанской области, который в своем отчете за 1913 г. писал: «...третий год подряд Дагестанская область страдает от неурожая хлебов, трав и фруктов... Озлобленный голодный народ восприимчив ко всякой пропаганде»⁶.

Все изложенное говорит о полной несостоятельности выводов, сделанных авторами книги «Дагестан в 1905 году»⁷; относительно положения крестьянства в дореволюционном Дагестане их «выводы» сводились к следующему:

¹ В. И. Немирович-Данченко. Дагестанские захолустья. СПб, 1894, стр. 13.

² «Известия Русского географического общества», т. XII, в. III, 1905, стр. 488.

³ «Известия Кавказского отдела русского географического общества», т. XV, № 4, 1903, стр. 226.

⁴ А. Калинин. В делях Кавказа, М, 1917, стр. 64—67.

⁵ З. Орджоникидзе. Путь большевика. М, 1956, стр. 298.

⁶ ЦГИА, ф. 718, оп. 1, д. 758, л. 2.

⁷ Указанная книга была издана Центральной комиссией по проведению XX-летия революции 1905 года при ЦИК ДАССР (Махачкала, 1925).

1. «мелкое крестьянское хозяйство с каждым днем усиливается» и через «крестьянскую общину начинает подтачивать...» бека-помещика¹;

2. положение дагестанского крестьянина было лучше, чем русского, «дагестанский крестьянин эксплуатировался меньше русского»².

К таким выводам авторов привели их антинаучные, народнические взгляды на крестьянство, как единый класс-сословие. Обогащение отдельной горстки овцеводов в горах и кулаков на плоскости они выдавали за «усиление всего местного крестьянства», не желая видеть разорения и обнищания его подавляющего большинства. «Бека «подтачивало» отнюдь не «мелкое крестьянство», а представители сельской буржуазии, узденская кулацкая верхушка в деревне, скупившая у беков значительную часть земель.

Что касается того, что положение крестьянства Дагестана было лучше, чем в русских губерниях, то это утверждение не соответствует действительности. Крестьяне даже плоскостного Кюринского округа имели пашни в 4 раза меньше, чем крестьяне Днепровского уезда Таврической губ., в 3 с лишним раза меньше, чем крестьяне Саратовской губ., почти в 3 раза меньше, чем крестьяне Орловской губ. и т. д.³

Бюджетные данные о дагестанском крестьянстве, извлеченные из материалов переписи 1917 г., также подтверждают факт полуголодного, нищенского существования крестьянства низших групп. Нами было обработано 44 карточки крестьянских хозяйств, на которых был записан приход и расход основных продуктов. Из 44 обработанных карточек 13 — по хозяйствам I группы, 15 — по хозяйствам II группы, 9 — по третьей, 3 — четвертой и 4 — пятой группы.

¹ «Дагестан в 1905 году», стр. 4.

² Там же, стр. 11.

³ Данные о количестве пашни в среднем на крестьянский двор в указанных губерниях взяты из книги В. И. Ленина «Развитие капитализма в России».

Такое голое сравнение данных о количестве посевов или пашни у крестьян различных районов страны, конечно, далеко недостаточно для иллюстрации их экономического положения. Ибо в отдельных участках Кюринского округа, кроме полеводства, было развито и скотоводство. Но при этом нами учитывалось, что и скота здесь в среднем на один крестьянский двор приходилось не больше, а даже меньше, чем в ряде центральных районов России. Кроме того, в Кюринском округе земледелие было более отсталым (главное орудие — соха, двухпольная система и т. д.), разведение интенсивных культур почти не практиковалось. Все это дает основание считать допустимым указанное сопоставление, а разница в экономическом обеспечении крестьянства Дагестана и центральных губерний России была более глубокой, чем это показывают приведенные статистические материалы.

Среднее потребление на душу в год:

Группы хозяйств	Среднее потребление на душу в год:					
	хлеба и картофеля (пуд)	мяса (фунтов)	жиров (фунтов)	сахара (фунтов)	соли (фунтов ²)	мыла (фунтов)
I	14,3	19,0	5,0	7,0	26,0	2,9
II	17,95	16,0	4,2	6,4	25,0	1,7
III	16,3	10,8	3,3	5,5	27,0	2,5
IV	15,02	69,0	24,0	15,0	45,8	8,0
V	18,12,	252,5	52,3	25,7	4 пуда	12,0

Средние нормы потребления сельским населением по 18 губерниям России (в пудах)³

	24,31	1,63	0,25	0,99	—	0,13
в фунтах ⁴	—	65,00	10,00	39,60	—	5,20

Приведенные данные со всей отчетливостью подтверждают ту пропасть, которая лежала между бедняцкими и батрацкими хозяйствами, с одной стороны, и кулацкими — с другой, особенно в отношении потребления мяса и жиров. Эта разница между I и V группами по потреблению продуктов может быть выражена отношением: по потреблению мяса — 1:13 и жиров 1:10. При этом потребление этих видов продуктов в хозяйствах первой группы (неимущих) даже несколько выше, чем у хозяйств малоимущих.

Низшие группы крестьян Дагестана, составлявшие подавляющее большинство населения, потребляли основных видов продуктов менее средних норм потребления сельского населения 18 губерний России:

хлеба и картофеля	в 1,4—1,7 раза
мяса и животных продуктов	в 2,7—6 раз ⁵
сахару	в 1,4—2 раза

¹ ЦГА ДАССР, ф. 59. (Во время переписи 1917 г. такой учет проводился не по всем хозяйствам. Нами было взято 44 хозяйства выборочно из различных округов).

² Сюда вошла также соль, скармливавшаяся скоту.

³ «Нормы потребления сельского населения по данным бюджетных исследований (1915 г.)». Экономический отдел союза городов, 1915

⁴ Перевод в фунты сделан нами.

⁵ Разница эта еще больше, так как в 18 губерниях масло коровье вошло в отдельную группу молочных продуктов, а у нас оно вошло в категорию жиров и сравнивается вместе с мясом и животными продуктами.

В то же время потребление в крестьянских хозяйствах высших групп, составлявших по своей численности незначительную долю населения, намного превышало эти средние нормы.

Вот что писал А. Калинин о питании дидойцев накануне Октябрьской революции: «Весь круглый год дидовец может прожить одним толокном — слегка поджаренный ячмень обращается в муку, которая смачивается водой и получается тесто, составляющее блюдо бедного горца. И толокна не всегда хватает дидоевцам...»¹.

Постоянное полуголодное существование большинства дагестанских крестьян отрицательно сказывалось на естественном росте населения. Врач Аварского округа в 1900 г. писал, что причина большой смертности и малой рождаемости населения кроется в хроническом голодании...². В «Обзоре Дагестанской области за 1898 год» говорится, что «невероятно малый прирост, наблюдавшийся в предшествующие годы, объясняется крайне стесненными экономическими условиями жизни дагестанских горцев»³. При этом в отдельных округах области, — в первую очередь в Аварском, смертность нередко превышала рождаемость. Об этом ярко свидетельствуют данные двух переписей населения 1886 и 1897 годов, когда за 11 лет население области уменьшилось на 19202 чел.⁴. Сравнительные данные переписи 1897 и 1917 гг. показывают, что при незначительном приросте населения по области за 20 лет, в Аварском округе за этот период население снова уменьшилось на 1759 человек⁵. По данным И. Дударова, ежегодный прирост населения в Дагестане в среднем равнялся 0,43%, в то время как в Азербайджане он равнялся 1,4%, у горцев Северного Кавказа от 1,5 до 2,2%, а в других местах Кавказа он был еще выше⁶.

Наконец, обнищание и разорение крестьянства подтверждается общими данными о развитии производительных сил в сельском хозяйстве области. Статистические данные показывают, что поголовье скота за исследуемый период не только не возросло, а сократилось. (См. таблицу 12).

¹ А. Калинин. В дебрях Кавказа, Москва, 1917, стр. 67.

² «Русская мысль», май 1902 г. и «Новое обозрение», 1900 г., № 5460.

³ «Обзор Дагестанской области за 1898 год» стр. 11.

⁴ «Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья». Дагестанская область. Тифлис, 1890, стр. 1. «Первая всеобщая перепись населения Российской империи», вып. 62, СПб, 1905, стр. 2.

⁵ «Первая всеобщая перепись населения Российской империи», в. 62, стр. 2; «Труды Дагестанского статистического управления», вып. VI, стр. 22.

⁶ «Плановое хозяйство Дагестана», 1927 г., № 1, стр. 18.

Годы	Приходилось на 1000 душ населения голов скота всех видов (в переводе на крупн. рогат. скот) ¹
1886	1120
1890—1899	940
1900—1909	960
1910—1914	830

Количество скота, являвшегося одним из главных источников благосостояния всего крестьянского населения нагорных округов и части населения остальных округов, за исследуемые 28 лет, при наличии, хотя и незначительного, роста населения области, сократилось даже в абсолютных цифрах: если в 1886 г. в области было 737283,5 голов всего скота (в переводе на крупный рогатый), то в 1914 г. его стало 649933,3 головы².

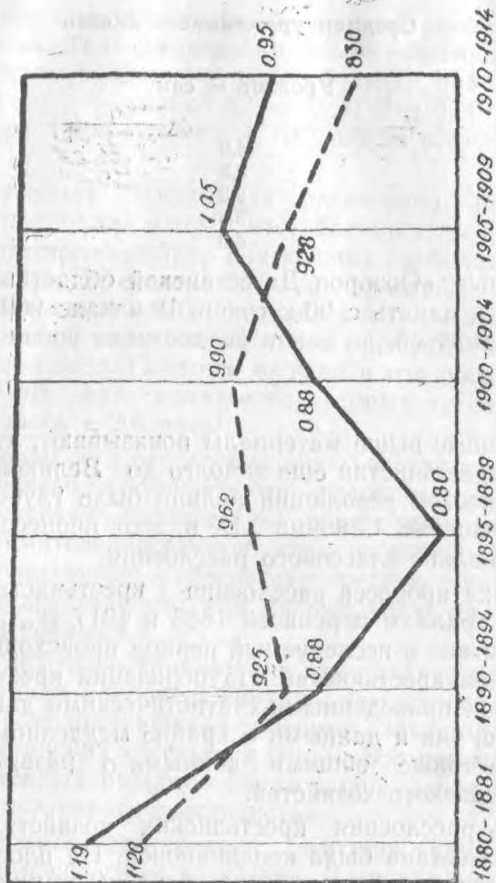
Не произошло сколько-нибудь значительного роста и производства хлеба³. Если в 1883—1899 годы всех видов хлеба в переводе на пшеницу производилось на душу населения в среднем 0,95 четверти, то и в последующие 15 лет (с 1900 по 1914) — 0,96 четверти. Развитие двух основных отраслей сельского хозяйства Дагестана (скотоводства и полеводства) в исследуемый период можно представить в виде кривой, изображенной на таблице 13.

Некоторый подъем в полеводстве на территории 9 округов Дагестана с начала XX века, который можно видеть на изображенной схеме, обеспечивался, главным образом, за счет расширения посевных площадей на плоскости. Урожайность же к концу исследуемого периода, по сравнению с началом

¹ Данные о поголовье скота: а) по 9 округам: 1886 г. — «Свод статис. данных...» Тифлис, 1890, стр. XVI; 1890, 91, 92 г.г. — «Кавказский календарь» на 1893, 94 и 1901 г.г.; остальные — «Обзоры Дагестанской области» за соответствующие годы; б) по Хасавюртовскому округу: 1886 г. — «Статистические таблицы, населенных мест Терской области», т. 2, вып. VI, Владикавказ, 1890; 1892, 1896 г.г. — «Терский календарь»; за остальные годы — «Отчет начальника Терской области». (перевод скота на крупный рогатый сделан нами).

² Источники те же, что и в таблице 12.

³ Там же. Исключением здесь является Хасавюртовский округ, который при данных расчетах не был принят во внимание. Кроме того, наблюдался рост производства продукции садоводства и виноградарства, но этими отраслями хозяйства жила незначительная доля населения.

его, также снизилась. Это видно из следующих данных об урожайности хлебов в Дагестане:
(См. таблицу 14).

¹ Пунктирная линия — динамика развития скотоводства: голов всех видов скота в переводе на крупный рогатый скот на 1000 душ населения в среднем за указанное пятилетие.

Сплошная линия — производство всех хлебов в переводе на пшеницу на душу населения в четвертях. Источники: «Кавказские календари», «Обзоры Дагестанской области», «Терский календарь», «Отчет начальника Терской области». Кривая о производстве хлебов — без Хасавюртовского округа. Коэффициент перевода всех хлебов на пшеницу взят у Г. Н. Казбека — «Военно-статистическое описание Терской области», ч. 1, Тифлис, 1888, стр. 146—152.

Примечание: даты первой графы не 1880—81 г.г., а середины 80-х годов. (1884, 1886 г.г.); за остальные годы данных нет.

Средняя урожайность хлебов

Годы	Урожай — сам
1883—1890	4,9
1891—1895	3,5
1896—1900	2,8
1901—1905	3,5
1906—1913	4,3

По данным «Обзоров Дагестанской области» урожайность хлебов стала падать с 90-х годов. В начале 900-х годов она стала подниматься, но так и не достигла уровня 80-х годов

* *

*

Изложенные выше материалы показывают, что среди дагестанского крестьянства еще задолго до Великой Октябрьской социалистической революции налицо было глубокое имущественное расслоение. С конца XIX в. этот процесс приобрел характер социально-классового расслоения.

Динамика процесса расслоения крестьянства, прослеженная по материалам переписей 1886 и 1917 гг., говорит о том, что в Дагестане в исследуемый период происходила усиленная пауперизация крестьянства. Пауперизация крестьянства доказывается как приведенными статистическими данными о расслоении его, так и данными о крайне медленном приросте населения, а также общими данными о развитии основных отраслей сельского хозяйства.

Степень расслоения крестьянских хозяйств в различных районах Дагестана была неодинаковой. На плоскости крайние группы среди крестьянских хозяйств (неимущие и богатые) были более ярко выражены, чем в нагорном Дагестане. Если в плоскостном Хасавюртовском округе неимущие крестьянские хозяйства составляли к 1917 году 28,1% всех хозяйств округа, а богатые — 3,3%, то в нагорном Гунибском округе — соответственно 13,5% и 0,9%.

В общем для Дагестана характерен был высокий процент беднейшего крестьянства, составлявшего почти три четверти всего крестьянства области, и незначительный процент богатого крестьянства, составлявшего в 1917 г. немногим более 3% на плоскости и не более 1% в горах. Этим же объясняется высокий процент хозяйств, прибегавших к продаже рабочей

¹ Подсчеты произведены по данным об урожае хлебов в Дагестане, опубликованным в «Кавказских календарях» и «Обзорах Дагестанской области» (без Хасавюртовского округа).

силы, и, наоборот, незначительный процент дворов, прибегавших к найму ее. Так, согласно данным переписи 1917 г., в Гунибском округе к продаже рабочей силы прибегало 5.957 дворов, а к найму — только 67 дворов. Эти 5.957 дворов отпускали в наем 7.505 человек, а 67 дворов нанимали только 119 человек.

Эта характерная особенность расслоения дагестанского крестьянства приводила к тому, что большинство разоренного крестьянства не могло найти применения свободным рабочим рукам в пределах Дагестана: богатая прослойка была малочисленна и поглощала лишь незначительную долю рабочей силы, частновладельческое хозяйство и промышленность были развиты крайне слабо. Поэтому из года в год росло число отходников из Дагестана, количество которых за исследуемые 30 лет увеличилось в 2,6 раза¹.

Все эти особенности расслоения крестьянства можно объяснить лишь конкретно-историческими условиями. В. И. Ленин писал, что разложение крестьянства, образование класса сельских предпринимателей-фермеров, или сельской буржуазии, тем быстрее, «чем лучше... обеспечено крестьянство землей...», «чем свободнее крестьянство, чем меньше давят на него остатки крепостного права...».²

Для Дагестана были характерны, как крайнее малоземелье крестьянства, так и наиболее живучие, чем где-либо, остатки крепостничества, сохранившиеся в форме зависимых отношений части дагестанских крестьян к бекам. Это несомненно обусловило замедленный процесс образования сельской буржуазии из числа зажиточного крестьянства.

Поэтому, характеризуя уровень развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана по материалам расслоения крестьянских хозяйств, следует постоянно иметь в виду указанную специфику Дагестана. Высокий процент хозяйств, прибегавших к продаже рабочей силы, не означал еще высокого уровня развития социально-экономических отношений в самой дагестанской деревне. Большинство крестьян Дагестана, в силу крайнего малоземелья, вынуждено было прибегать к продаже рабочей силы, а для этого отправлялось на поиски работы вне пределов области.

Поэтому данные о расслоении дагестанского крестьянства, хотя и являются несомненным свидетельством развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана, они

¹ Количество отходников подсчитано по данным, опубликованным в «Кавказских календарях» и «Обзорах Дагестанской области» за 1883—1915 г.г.

² В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 118.

одновременно указывают на сравнительно невысокий уровень их развития.

Тем не менее они опровергают укоренившееся по сей день суждение многих историков о господстве натуральных форм в сельском хозяйстве Дагестана, вплоть до Октябрьской революции. Уже к середине 80-х годов, как это было показано на примере нагорной части Кюринского округа, около двух третей крестьянских хозяйств (I и II группы) не могли жить за счет своего хозяйства, так как были либо неимущими (7,1% всех хозяйств нагорного участка), либо малоимущими (58,5%) и жили в основном за счет побочных заработков. Вместе с тем 12,3% хозяйств этого участка (богатые и зажиточные) имели излишки сельскохозяйственной продукции, которую они реализовали на рынке. И только 22% хозяйств (III группа) могли кое-как существовать за счет имевшегося у них хозяйства. Следовательно, уже в начале исследуемого периода натуральное сельское хозяйство в горах Дагестана фактически уступило место мелкотоварному, товарно-денежные отношения достигали уже значительного уровня.

Далее, в нагорном Дагестане собственного хлеба даже в самые урожайные годы хватало только на 4—5 месяцев, а в другие — и того менее. Недостающий хлеб приобретался населением гор покупкой его на плоскости и в соседних областях. Неимущее и малоимущее крестьянство покупало хлеб за счет денежных средств, вырученных от продажи рабочей силы (отходничество, поденные заработки), а богатое и зажиточное — в основном за счет сумм, полученных от реализации продуктов скотоводства, а также изделий кустарной промышленности.

Но сравнительно развитые товарные отношения в горах в этот период также еще не означали высокого уровня развития капитализма в сельском хозяйстве нагорного Дагестана. Ибо не всякое товарное хозяйство есть хозяйство капиталистическое. Мелкотоварное крестьянское хозяйство нагорного Дагестана, при наличии развитых товарно-денежных отношений не переросло в заметных размерах в капиталистическое до конца исследуемого периода, хотя капиталистические отношения там и развивались (главным образом, в овцеводстве).

В плоскостной части области капиталистические отношения в сельском хозяйстве с конца 90-х годов XIX в. стали развиваться более интенсивно, особенно на Кумыкской плоскости, а также в районах развития промышленного виноградарства и садоводства (у г. г. Дербента, Петровска, в Кайтаго-Табасаранском округе). Это подтверждается как данными о расслоении крестьянства на плоскости, так и данными о развитии товарных отраслей в сельском хозяйстве.

Более глубокое имущественное и классовое расслоение крестьянских хозяйств на плоскости способствовало более интенсивному развитию здесь товарных отраслей сельского хозяйства. Все это было несомненными признаками развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Развитие торгового земледелия характеризовалось усилением концентрации земли, посевных площадей и садовых насаждений в руках крупных хозяйств и разорением мелких производителей, ростом аренды и купли-продажи земли. В крупных хозяйствах широко применялся наемный труд.

Так, в 1915 году в Хасавюртовском округе, согласно нашим подсчетам, 52,5% посевной площади зерновых культур находилось в руках кулацких хозяйств; этими хозяйствами производилось более половины валового сбора зерна и более трех четвертей товарного зерна. Хозяйства эти были сравнительно высоко оснащены усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями и машинами и сконцентрировали в своих руках значительную долю поголовья скота. Согласно данным переписи 1917 г., только постоянных наемных работников держало около трети всех кулацких хозяйств.

Согласно данным той же переписи, в г. Дербенте садовладельцы с площадью сада в 3 и более десятин, т. е. виноградарские хозяйства капиталистического типа, составляли 15,4% всех виноградарских хозяйств города, в их руках было сосредоточено 58,3% площади виноградных садов. Садовладельцами г. Дербента широко применялся наемный труд.

Все это дает основание считать, что капиталистические отношения здесь проникли уже в область сельскохозяйственного производства и занимали господствующее положение.

Однако, такой вывод не может быть распространен на весь плоскостной Дагестан. Хасавюртовский округ, виноградарский район г. Дербента и некоторые другие (Петровский виноградарский район, несколько крупных хозяйств капиталистического типа в Кайтаго-Табасаранском округе) резко выделялись на плоскости. Что же касается остального плоскостного Дагестана, то там господствующее место принадлежало мелкотоварному хозяйству. Это можно видеть на примере Кюринского округа. В нем, согласно данным переписи 1917 г., богатые крестьянские хозяйства составляли лишь 2% всех хозяйств, в их руках находилось лишь 12,5% пахотных земель и 14,9% всего скота (в переводе на крупный рогатый). Другого типа крупных хозяйств ни крестьянских, ни частновладельческих в этом округе также не было.

Таким образом, накануне Великой Октябрьской социалистической революции в сельском хозяйстве Дагестана господствующее положение занимало мелкотоварное крестьянское хозяйство, или мелкотоварный уклад, представлявший собой

переходную ступень от феодального натурального типа хозяйства к капиталистическому. Капиталистические отношения, развивавшиеся в сельском хозяйстве Дагестана, способствовали замене ранее господствовавшего натурального мелкотоварным укладом.

Особенностью же развития капитализма в сельском хозяйстве Дагестана было крайне медленное его развитие. Даже в таком районе, как Хасавюртовский, где капиталистические отношения утвердились, как господствующие, богатое крестьянство к 1917 году составляло только 3,3% всех крестьянских хозяйств этого округа.

Да иначе не могло и быть, ибо, наряду с факторами, способствовавшими развитию капитализма, действовали могучие факторы, тормозившие их развитие. К ним относятся: 1) колониальная политика царизма, душившая крестьянство Дагестана непомерно высокими налогами и многочисленными натуральными повинностями; 2) сохранение остатков феодально-крепостнических отношений в виде зависимости части райт и узденей к бекам, отмененные лишь в 1913 году; 3) запутанность и нерешенность вплоть до Октябрьской революции вопросов поземельных отношений; господство общинной формы землепользования, особенно в горах; 4) широко развитое в Дагестане ростовничество и господство скупщика в сбыте сельскохозяйственной продукции при отсутствии сети кредитных учреждений в абсолютном большинстве сельских районов области.

Изложенные обстоятельства послужили важными предпосылками социалистической революции и борьбы за установление советской власти в Дагестане.

Крестьянская беднота, составлявшая к 1917 г. более трех четвертей всего крестьянства области и в большинстве своем ежегодно уходившая на заработки в различные места России, все более сближалась с крестьянской беднотой и рабочим классом центральной России. Это, несомненно, ускорило рост классового самосознания трудящегося крестьянства Дагестана и облегчило вступление его на путь борьбы как против местных эксплуататорских классов, так и против колониального гнета, вступление на путь Великой Октябрьской социалистической революции.

Победившая социалистическая революция спасла дагестанское крестьянство от дальнейшего обнищания и вымирания. Она открыла широкие возможности для развития производительных сил социалистического Дагестана.

ОБРАЗОВАНИЕ ДАГЕСТАНСКОЙ АССР

Создание многонационального социалистического государства, в котором многочисленным народам предоставлены все возможности для политического, экономического и культурного развития, является величайшим завоеванием Коммунистической партии Советского Союза. Оно явилось результатом правильной национальной политики Коммунистической партии и Советской власти.

Национальный вопрос занимает важное место в марксизме-ленинизме, что объясняется неразрывностью интересов классовой борьбы пролетариата и освобождения угнетенных народов. Пролетариат не может освободить себя, если не уничтожит всякий гнет, в том числе и национальный.

Русские коммунисты всегда придавали национальному вопросу особое значение потому, что Российская империя представляла собою государство, где нерусское население находилось в условиях бесправия и нищеты. Национальный гнет в России принимал очень грубые формы. Царизм подавлял всякое стремление нерусских народов к независимости, препятствовал их экономическому и культурному развитию. Поэтому национальный вопрос, как одна из проблем, требовавших теоретического и практического разрешения, встал перед Коммунистической партией с первого же дня ее существования. «Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, — указывал В. И. Ленин, — неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса; — особенно в такой стране, которую справедливо называют «тюрьмой народов»...»¹.

От правильного подхода Коммунистической партии к разрешению национального вопроса во многом зависел успех

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 84—85.

революционной борьбы пролетариата против самодержавия и буржуазии. Без привлечения трудящихся масс угнетенных национальностей на сторону русского пролетариата победа над царизмом и капитализмом была бы непрочно, так же как и освобождение угнетенных народов было невозможно без поддержки русского народа. Теория и программа Коммунистической партии по национальному вопросу явились идейной основой союза рабочего класса с трудящимися массами крестьян на окраинах России в борьбе за свержение самодержавия, за победу социалистической революции.

Свержение царизма в феврале 1917 г. и появление у власти буржуазии не привело к уничтожению национального гнета в России. Временное правительство ограничилось отказом от явных форм дискриминации угнетенных национальностей, применявшихся царизмом, и некоторыми уступками национально-освободительному движению, чем воспользовалась лишь буржуазно-помещичья верхушка национальных окраин.

После Февральской революции на окраинах России, в том числе и в Дагестане, стали возникать «общенациональные» учреждения во главе с представителями буржуазно-помещичьих кругов. Сепаратистские тенденции национальной буржуазии, направленные на отделение окраин от России, особенно усилились после победы Великой Октябрьской революции.

Социалистическая революция, победившая в центральной России и распространявшаяся по всей стране, натолкнулась на сопротивление буржуазно-националистических правительств, появившихся на окраинах. Стремясь удержать власть в своих руках и оградить себя от революционного натиска рабочих и крестьян, национальная буржуазия пыталась организовать на окраинах «независимые» государства. Так, на территории Дагестана и Северного Кавказа действовали Союз объединенных горцев Кавказа, Терско-Дагестанское правительство, из которых образовалось затем «Горское правительство», Дагестанский областной исполком и др.

В противоположность сепаратистским тенденциям национальной буржуазии с каждым днем усиливалось стремление трудящихся масс угнетенных народов к объединению с революционной Россией.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла путь для осуществления программы Коммунистической партии по национальному вопросу. В решении национального вопроса партия исходила из положения марксизма о том, что все нации суверенны и равноправны. В соответст-

вии с национальной политикой Коммунистической партии Советская власть, решительно уничтожая национальный гнет и устанавливая полное равноправие трудящихся, предоставляла всем ранее угнетавшимся народам ничем не ограниченные свободы, в том числе и свободу определять свою судьбу, то есть право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

Уже в первом документе Советской власти — в обращении к «Рабочим, солдатам и крестьянам!», принятом II Всероссийским съездом Советов в день его открытия (25 октября (7 ноября) 1917 г.), говорилось, что Советская власть «... обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение»¹. Второй Всероссийский съезд Советов, придавая огромное значение разрешению национального вопроса в России, создал специальный орган — Народный Комиссариат по делам национальностей, в задачи которого входило практическое осуществление национальной политики Советской власти.

Первым историческим документом, в котором были провозглашены и законодательно закреплены основные принципы национальной политики Коммунистической партии и Советского государства, явилась «Декларация прав народов России» (2(15) ноября 1917 г.). В основу деятельности Советского правительства в области национального вопроса «Декларация» положила следующие начала:

1. Равенство и суверенность народов России.
2. Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.
3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.
4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России².

Таким образом, Советская власть с первых же дней своего существования поставила задачу полностью ликвидировать национальное неравенство и создать необходимые условия для всестороннего развития народов страны, их хозяйства, культуры и политической жизни.

Коммунистическая партия и Советское правительство, провозгласив принцип равноправия наций и предоставив народам России право на самоопределение, помогали им в осуществ-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 215.

² Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917, № 2, ст. 18.

Ленин предоставленных прав, всемерно заботясь в то же время об интернациональном сплочении всех трудящихся для борьбы за новую жизнь, для создания на добровольных началах единого многонационального государства.

Огромное значение в деле сплочения народов России имели первые декреты Советской власти о земле и о мире, принятые II Всероссийским съездом Советов, обращение Совнаркома «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», опубликованное 20 ноября (3 декабря) 1917 г. и другие документы Советского государства.

Утверждая необходимость сплочения трудящихся всех национальностей для отпора врагам Советской власти и строительства социалистического общества, Коммунистическая партия указывала, что одной из важнейших сторон разрешения национального вопроса является выработка организационных форм объединения народов в единое многонациональное государство. Организационные формы должны были наилучшим образом отвечать коренным интересам народов и всего государства в целом, быть наиболее приспособленными к обороне, экономическому и культурному подъему, к обеспечению прав всех национальностей.

Коммунистическая партия еще до Октябрьской революции подчеркивала преимущество объединения народов в одном государстве. Поэтому для наций, пожелавших объединиться, она выдвинула план образования национально-территориальных автономий, как единственно правильное решение вопроса об устройстве этих наций в рамках многонационального государства. Предполагалось, что областные автономные образования станут частями единого демократически-централизованного государства. Указывая на резко отрицательное отношение пролетариата к обособлению отдельных частей государства от центра, Ленин в то же время подчеркивал: «...непозволительно было бы забывать, что, отстаивая централизм, мы отстаиваем исключительно *демократический* централизм... Демократический централизм не только не исключает местного самоуправления с *автономией* областей, отличающихся особыми хозяйственными и бытовыми условиями, особым национальным составом населения и т. п., а, напротив, необходимо требует *и того и другого*»¹.

Таким образом, демократически-централизованная республика с автономией для отдельных ее частей, отличающихся особым бытом и национальным составом населения, являлась в дореволюционное время большевистским планом государственного устройства. Ввиду этого партия отрицательно относи-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 29.

лась к федерации, считая, что федерация нарушает государственное единство, необходимое для прогрессивного развития хозяйства, ослабляет экономические связи между народами, что она, следовательно, «...негодный тип для одного государства»¹.

Конкретно-историческая обстановка, сложившаяся в нашей стране ко времени Октябрьской революции и в первые месяцы образования Советского государства, обусловила пересмотр отношения партии к вопросу о федерации. Эта эволюция взглядов по вопросу о федерации, как писал И. В. Сталин, объясняется, во-первых, тем, что ко времени Октябрьской революции целый ряд национальностей России оказался на деле в состоянии полного отделения и полной оторванности друг от друга, ввиду чего федерация была бы шагом вперед к их сближению и объединению; во-вторых, тем, что формы федерации, наметившиеся в ходе государственного строительства, оказались не противоречащими целям экономического сближения трудящихся масс различных национальностей страны; в-третьих, тем, что удельный вес национального движения в стране оказался гораздо более серьезным, а путь объединения наций — гораздо более сложным, чем это могло казаться раньше, в период до Октябрьской революции². Поэтому после Октябрьской революции партия, исходя из сложившейся обстановки, твердо стала на путь федеративного устройства Советского государства.

Принятие плана федерации не означало отказа от плана национально-территориальной автономии. Первая советская федерация, РСФСР, развивалась именно как федерация, построенная на началах советской автономии. Только впоследствии, в связи с появлением независимых советских социалистических республик, возник второй вид федерации, основанной на союзных отношениях.

Вопрос создания федерации Советских республик был поставлен на III Всероссийском съезде Советов (январь 1918 г.). Съезд принял «Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа», в которой официально признал федерацию формой государственного устройства Советской России. Пункт 2-й статьи 1-й «Декларации» гласил: «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик»³.

¹ В. И. Ленин, Соч. Т. 19, стр. 453.

² См. И. В. Сталин, Соч. Т. 3, стр. 30—31.

³ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, 1918, № 15, ст. 215.

«Декларация» подвела итог большой работе, проделанной Коммунистической партией и Советским правительством по освобождению России от национального гнета, и заложила основы их добровольного объединения в федерацию Советских национальных республик. Съезд в своей резолюции «О политике Совета народных комиссаров по национальному вопросу» записал: «Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов приветствует и всецело одобряет национальную политику правительства народных комиссаров, направленную к проведению в жизнь принципа самоопределения народов, понимаемого в духе самоопределения трудовых масс всех народностей России...

Съезд выражает свое глубокое убеждение в том, что дальнейшие шаги Советской власти в этом направлении будут способствовать превращению бывшей Российской империи, удерживавшей в своих пределах отдельные народности угнетением и насилием, в братский союз свободно соединившихся на федеративных началах советских республик России»¹.

Результаты этой политики сказались очень быстро. Подрыв национальной вражды, создание почвы для прочного единства народов и установление дружбы между ними усилили тягу трудящихся всех национальностей к объединению. Полностью подтвердилось предвидение Ленина, высказанное еще в 1916 г. в работе «Итоги дискуссии о самоопределении», где он писал: «Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами *потянутся* к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями,... лишь бы вчерашние угнетатели не оскорбляли высокоразвитого демократического чувства самоуважения долго угнетавшейся нации, лишь бы предоставили ей равенство во всем, в том числе и в государственном строительстве, в опыте построить «свое» государство»².

Коммунистическая партия, создавая добровольный союз свободных народов, разработала конкретные формы строительства Советского многонационального государства, сформулировала принципы построения первой Советской федерации, РСФСР, которая должна была представлять собой союз определенных, исторически выделившихся территорий, отличающихся как особым бытом, так и национальным составом населения.

Если в первый период после Октябрьской революции задачи Советской власти в области национального вопроса были связаны главным образом с освобождением народов от

¹ Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях. М. 1939, стр. 45.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 324.

многонационального гнета и выработкой программных документов (деклараций, декретов), определявших национальную политику Советского государства, то после установления Советской власти в национальных районах встали новые задачи, связанные с государственным устройством национальностей.

В основу государственного устройства РСФСР был положен план образования федерации на началах национально-территориальной автономии. Коммунистическая партия и Советская власть выдвинули национально-территориальную автономию как необходимое средство для укрепления Советской власти в форме, наиболее соответствующей специфическим условиям и нуждам отдельных национальностей.

В обращении Народного комиссариата по делам национальностей к Советам Казани, Уфы, Оренбурга и другим (апрель 1918 г.) по этому вопросу говорилось: «Революция, начатая в центре, распространялась на окраины, особенно на восточные с некоторым опозданием. Бытовые и языковые условия этих окраин, отличающихся к тому же экономической отсталостью, несколько усложнили дело упрочения там Советской власти. Для того чтобы власть там стала народной, а трудовые массы социалистическими, необходимы, между прочим, специальные способы вовлечения трудящихся и эксплуатируемых масс этих окраин в процесс революционного развития. Необходимо поднять массы до Советской власти, а их лучших представителей — слить с последней. Но это невозможно без автономии этих окраин, т. е. без организации местной школы, местного суда, местной администрации, местных органов власти, местных общественно-политических и просветительных учреждений с гарантией полноты прав местного родного для трудовых масс края, языка во всех сферах общественно-политической работы.

В этих видах и провозгласил третий съезд Советов федеративный строй Российской Советской Республики»¹.

Автономия на окраинах должна была строиться на базе Советов. Принцип признания власти местных Советов в автономии важен был тем, что буржуазно-националистические группы на местах, словесно признавая автономию и центральную власть, отказывались признать власть местных Советов и тем самым пытались использовать автономию в целях упрочения своей власти, власти буржуазии. Буржуазия играла на национальных чувствах народов, стремясь восстановить свое господство. Поэтому партия подчеркивала, что автономия это только форма, а главное заключается в том, какое классовое содержание вкладывается в эту форму, и стояла за такую

¹ И. В. Сталин, Соч. Т. 4, стр. 75.

автономию, где вся власть находилась в руках рабочих и крестьян. Такой автономией и явилась автономия на советских началах.

Формы и принципы организации входящих в федерацию народов были законодательно закреплены в первой Советской Конституции, принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. и сыгравшей большую роль в деле национально-государственного строительства.

Статья 11 главы V Конституции 1918 г. гласила: «Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединиться в автономные областные союзы, во главе которых, как и во главе всяких могущих быть образованными областных объединений вообще, стоят областные съезды Советов и их исполнительные органы. Эти автономные областные союзы входят на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику».

Рабочие и крестьяне России под руководством Коммунистической партии в ходе гражданской войны и иностранной интервенции отстаивали Советское государство. И когда страна вступила на путь мирного развития, Коммунистическая партия в соответствии со своей программой по национальному вопросу стала проводить в национальных областях такую политику, которая дала бы возможность приобщить трудящиеся массы всех национальностей к начавшейся огромной работе по строительству социализма.

Так как задаче развития национальностей в политическом, экономическом и культурном отношении и приобщения их к социалистическому строительству в наибольшей степени отвечало образование национальной государственности, то по мере освобождения от интервентов и белогвардейцев территорий, населенных нерусскими народами, создавались национальные государственные образования.

Одной из национальных областей, народы которой в соответствии с правом наций на самоопределение получили возможность создать свою государственность, был Дагестан.

Советское строительство в Дагестане проходило в очень тяжелых условиях. Длительная гражданская война и иностранная интервенция разорили население, разрушили и без того слабо развитое народное хозяйство. Малочисленность подготовленных работников, преданных Советской власти, ослабляла органы управления. В горах орудовали контрреволюционные банды, поддерживаемые буржуазно-националистическими правительствами Закавказья.

Экономическая и культурная отсталость, наличие сильного и влиятельного духовенства и кулацкой верхушки, выступавших с требованиями «независимости» для сохранения своих

классовых позиций диктовали осторожную и гибкую политику по упрочению Советской власти в Дагестане. Одним из основных условий успешного проведения этой политики явилось предоставление Дагестану автономии. ЦК РКП(б) в октябре 1920 г., обсуждая вопрос о задачах партии в национальных областях, указал, в частности, на необходимость образования автономной Дагестанской Советской республики. Для проведения в жизнь как этого, так и других решений, ЦК РКП(б) и Советское правительство командировали И. В. Сталина на Кавказ.

Вопрос об автономии обсуждался в партийных организациях Кавказа, где решение ЦК РКП(б) получило полное одобрение. В резолюции Краевого совещания коммунистических организаций Дона и Кавказа, принятой 29 октября 1920 г. по докладу Г. К. Орджоникидзе о политическом положении края, говорилось: «опыт существования Советской власти в горских округах Северного Кавказа и Дагестана совершенно определенно показал, что утверждение всех принципов советского строительства среди горцев станет возможным только при том неперенном условии, когда широкие горские массы вполне сроднятся с советскими формами общежития, когда массы горского населения станут активными в советском строительстве. Достигнуть этого можно путем более непосредственного вовлечения горского населения в общее советское русло. Одним из наиболее верных способов к этому совещание признает организацию горских автономных республик на тех основаниях, кои установлены для окраинных автономных республик, входящих в РСФСР»¹.

Для проведения в жизнь решения партии и Советского правительства об автономии Дагестана, на ноябрь 1920 г. был назначен съезд представителей трудящихся масс Дагестана. Дагестанский Ревком и Обком РКП(б) развернули большую работу по подготовке к съезду.

Вопрос о государственном устройстве ставился в Дагестане неоднократно. Наиболее всесторонне этот вопрос обсуждался в августе 1920 г. на совещании ответственных работников в Обкоме РКП(б) с участием Г. К. Орджоникидзе. Совещание заявило, что Дагестан является неразрывной частью РСФСР. В то же время Г. К. Орджоникидзе в своем выступлении говорил, что если дагестанцы желают самоуправления, то они его безусловно получают².

1 «Известия Кавказского Бюро РКП(б)» № 2, 13 декабря 1920 г.

2 ЦГА ДАССР, ф. 207-р, оп. 1, д. 8, л. 29.

Сообщение о том, что партия и Советское правительство считают необходимым предоставить Дагестану автономию, выявило резкие разногласия среди ответственных работников. Некоторые из них заняли в этом вопросе неправильную позицию. В основном, против автономии выступали работники, приехавшие из центра и мало знакомые с местными условиями. Они связывали вопрос об автономии с требованием независимости, исходившем из буржуазно-националистических кругов, считали, что постановка этого вопроса стимулирует антисоветские выступления и является оппортунистической уступкой контрреволюции. Выступая против автономии, они прямо обвиняли местных работников в национализме и шовинизме¹. В ходе этой дискуссии выявилась и другая тенденция: отдельные работники, подпав под влияние лозунга «истиклял» («независимость»), стремились толковать понятие автономии как предоставление независимости.

Такие взгляды представляли известную опасность, так как могли затормозить упрочение Советской власти в Дагестане. Поэтому до открытия съезда народов Дагестана был созван партийный актив с участием И. В. Сталина и Г. К. Орджоникидзе. На активе была установлена явная несостоятельность взглядов противников автономии и принята резолюция с одобрением решения ЦК РКП(б) о предоставлении автономии Дагестану².

13 ноября 1920 г. в Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск) открылся Чрезвычайный съезд народов Дагестана. На съезде выступил И. В. Сталин, провозгласивший, по поручению Советского правительства, декларацию о Советской автономии Дагестана.

В декларации говорилось, что возникновение нового социалистического государства рабочих и крестьян привело к освобождению ранее угнетенных народов, страдавших под игом помещиков и капиталистов. В результате победы над врагами правительство России получило возможность заняться решением насущных задач внутренней жизни, в том числе и осуществлением национальной политики, а поэтому «нашло необходимым объявить вам, что Дагестан должен быть автономным, что он будет пользоваться внутренним самоуправлением...»³. В то же время в декларации подчеркивалось, что автономия Дагестана не означает и не может означать отделения его от Советской России. «Автономия — не представляет независимости. Россия и Дагестан должны сохранить

¹ ЦГА ДАССР, ф. 4—р, оп. 2, д. 10, л. 11—19.

² Там же.

³ И. В. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 395.

между собой связь, ибо только в этом случае Дагестан сможет сохранить свою свободу»¹.

Основной целью, которую преследовали Коммунистическая партия и Советское правительство предоставлением автономии Дагестану, явилось создание органов управления, работающих на родных языках населения и состоящих из местных людей, так как только такие органы могли наилучшим образом учитывать в своей деятельности особенности исторического развития народов, их экономический и культурный уровень. Только таким образом можно было сблизить Советскую власть в Дагестане с народом.

Добровольное предоставление Советским правительством автономии Дагестану имело огромное политическое значение. Если любое эксплуататорское государство делает уступки народу только тогда, когда оно вынуждено к тому тяжелыми обстоятельствами, то Советская власть, наоборот, находясь на вершине успехов, совершенно добровольно предоставила автономию Дагестану. Это означало, что автономия явится прочным и нерушимым основанием расцвета народов Дагестана.

Съезд народов Дагестана восторженно одобрил решение Советского правительства. В резолюции записано: «Происходящий в Темир-Хан-Шуре съезд народов красного Дагестана 13 ноября, выслушав декларацию Наркомнаца тов. Сталина об автономии Советской Дагестанской Республики, выражает свой глубокий восторг и полное удовлетворение этому высокому доверию, выраженному рабоче-крестьянской Россией дагестанскому народу этим великим историческим актом.

Съезд заявляет, что потоками пролитой крови в борьбе с врагами свободы революции, союз с трудовыми народами Советской России вырастает в вечные мощные неразрывные узы братства и взаимной солидарности на весь долгий путь борьбы и победоносного творчества новой жизни»².

На съезде была избрана делегация в составе Д. Коркмазова, С. Габиева³ и А. Тахо-Годи, которая должна была разрешить все организационные вопросы, связанные с созданием Дагестанской АССР, в центральных органах РСФСР.

Решения Чрезвычайного съезда народов Дагестана положили начало существованию и развитию Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики.

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 396.

² 25 лет Дагестанской АССР. Махачкала, 1945, стр. 157.

³ Из-за сложности политического положения в Дагестане (контрреволюционное восстание в горах) председатель Дагестанского ревкома С. Габиев не смог поехать в Москву, его место в делегации занял М. Хизроев.

Дагестанский революционный комитет, сообщая в округа о съезде, писал: «13 ноября на торжественном заседании съезда народов Дагестана Народным Комиссаром по национальным делам РСФСР тов. Сталиным провозглашена декларация об автономии Дагестанской Советской социалистической республики. Провозглашение этого великого исторического акта в жизни дагестанских народов было встречено съездом с необычайным восторгом»¹.

Провозглашение автономии Дагестана встретило полное одобрение со стороны трудящихся масс. В округах проходили митинги, съезды представителей населения, на которых принимались резолюции с поддержкой решения Советского правительства о предоставлении автономии Дагестану. Так, съезд председателей участковых и сельских ревкомов Кайтаго-Табасаранского округа, происходивший 25 ноября 1920 г., принял следующую резолюцию: «Выслушав доклад председателя ревкома округа о текущем моменте в связи с объявлением ВЦИК автономии Дагестана, мы, представители участковых и сельских ревкомов, стоящие на ответственных постах, клянемся под красным знаменем отстаивать великие завоевания пролетарской революции для достижения окончательной победы над внешним и внутренним врагами и приложить максимум энергии для успешного ведения до победоносного конца начатого священного дела. Данная нам центральной властью автономия, заслуженная ценой крови, пролитой в битве с врагами пролетариата, еще более углубит наше сознание, вызвав революционный подъем в массе, и заставит нас не покладая рук работать для полного водворения диктатуры пролетариата»².

20 января 1921 г. ВЦИК законодательно оформил решение об образовании Дагестанской АССР³. Декрет ВЦИК об образовании Дагестанской АССР явился временной конституцией республики. В декрете указывалось, что Дагестанская АССР образуется как часть РСФСР в составе Аварского, Андийского, Гунибского, Даргинского, Казикумухского, Кайтаго-Табасаранского, Кюринского, Самурского, Темир-Хан-Шуринского и Хасавюртовского округов и территории Каспийского побережья Дагестана.

Декрет устанавливал, что органами власти и управления являются Центральный исполнительный комитет, Совет народных комиссаров и местные Советы, а до созыва Учреди-

¹ ЦГА ДАССР, д. 4 - р, оп. 2, д. 9, л. 58.

² Там же, д. 40, л. 103.

³ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства, 1921, № 5, ст. 39.

тельного съезда Советов вся полнота власти в Дагестанской АССР принадлежит Революционному комитету.

Для управления делами республики учреждалось 11 народных комиссариатов. Был определен порядок взаимоотношений федеративных и местных органов, а также права местных органов власти и управления.

В строительстве новой республики большую помощь Дагестану оказывала центральная власть, что было предусмотрено и в декрете. В 6-й статье декрета говорилось, что «всеми необходимыми финансовыми и техническими средствами Автономная Дагестанская Социалистическая Республика снабжается из средств РСФСР.

Примечание: При распределении продуктов местной промышленности запросы и нужды Дагестанской Социалистической Советской Республики удовлетворяются в первую очередь»¹.

В декрете указывалось, что ближайшей задачей Революционного комитета является созыв Учредительного съезда Советов. Партийная организация Дагестана развернула большую подготовительную работу к созыву этого съезда. Прежде всего нужно было перейти от системы назначаемых органов, ревкомов, к органам выборным, к Советам. Ревкомы, созданные после освобождения Дагестана от контрреволюционных банд весной 1920 г., являлись временными органами власти, призванными обеспечить революционный порядок и организацию постоянных органов власти — Советов. Переход от ревкомов к Советам затянулся в Дагестане до осени 1921 г.

Социально-экономические и национально-бытовые условия (экономическая и культурная отсталость, сохранение в значительной степени влияния патриархально-феодалных пережитков) привели к засорению ревкомов. Для обеспечения перехода к Советам необходимо было в первую очередь очистить ревкомы от классово-чуждых элементов, провести целый ряд мероприятий по поднятию классового самосознания беднейших слоев населения. Как эти причины, так и острая политическая обстановка в Дагестане (мятеж Гоцинского в горах) осенью и зимой 1920—21 гг., затянули переход от ревкомов к Советам.

Большая политико-воспитательная работа, проделанная партией во время борьбы с антисоветским мятежом в горах, и специальные мероприятия по вовлечению трудящихся масс в советское строительство позволили летом 1921 г. начать усиленную подготовку к выборам в Советы. В августе была создана Центральная избирательная комиссия, которая через

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства. 1921, № 5, ст. 39.

создаваемые ею районные и окружные избирательные комиссии руководила проведением выборов по всему Дагестану. Осенью 1921 г. в Дагестане прошли выборы во все сельские и городские Советы, на участковые и окружные съезды.

Огромная работа по переходу от ревкомов к Советам завершилась проведением в начале декабря 1921 г. I-го Вседагестанского Учредительного съезда Советов. На съезде была принята конституция Дагестанской АССР и избран Центральный исполнительный комитет.

Принятие конституции явилось важнейшим событием в жизни Дагестана. Она законодательно закрепила исторические завоевания трудящихся масс: слом старого государственного аппарата и утверждение нового, советского аппарата; ликвидацию режима национального гнета; создание необходимых условий для построения социалистической экономики; установление самых демократических, гарантированных прав и свобод трудящихся и т. д. В конституции прямо говорилось, что ее основная задача — закрепить установленную в республике диктатуру пролетариата в виде сильной Советской власти, в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма.

В первой советской конституции Дагестанской АССР было определено правовое положение Дагестана как республики Советов, входящей на автономных началах в состав РСФСР. Из этого вытекало, что Дагестанская АССР осуществляет государственную власть на *автономных началах*.

Обладая довольно широкими полномочиями в разных областях хозяйственного и культурного строительства, Дагестан как автономная республика осуществлял свою деятельность под руководством РСФСР. Это, конечно, не означало, что народы Дагестанской АССР обладают меньшими национальными правами по сравнению с другими народами. Оно свидетельствовало лишь о том, что в Советском государстве для каждого народа создана возможность избрать именно ту форму государственного устройства, которая наиболее подходяща для него в тот или иной период развития с тем, чтобы его национальные права были использованы, а не превратились в «голое право».

Конституция 1921 г. установила стройную систему организации государственной власти и государственного управления Дагестанской АССР. Высшим органом государственной власти являлся Вседагестанский съезд Советов, ведению которого подлежали все вопросы общедагестанского значения. Он составлялся из представителей городских Советов из расчета 1 депутат на 1000 избирателей и из представителей окружных съездов Советов из расчета 1 депутат на 5000 жите-

лей. В период между сессиями высшей властью республики являлся Центральный Исполнительный Комитет Дагестана, который для текущей работы выделял из своего состава Президиум. В конституции были определены права и обязанности ЦИК как высшего законодательного и контролирующего органа Дагестанской АССР. Для общего управления делами республики ЦИК образовывал Совет Народных Комиссаров и Народные комиссариаты для руководства отдельными отраслями управления.

Местными органами власти Дагестана являлись участковые и окружные съезды Советов, сельские и городские Советы. Для текущей работы они избирали исполнительные органы — исполнительные комитеты.

Конституция имела важное значение, как основной закон, в котором были изложены основные права и свободы трудящихся масс Дагестана. Характерной особенностью конституции являлась не простая декларация прав и свобод, а гарантирование их предоставлением в распоряжение трудящихся материальных и иных средств. Конституция налагала на граждан и важнейшие обязанности, такие как обязанность трудиться и защищать социалистическое Отечество.

Таким образом, в конституции нашли разрешение важнейшие вопросы государственной и общественно-политической жизни Дагестана.

На 1 сессии ЦИК ДАССР 1-го созыва был избран Президиум ЦИК и образовано правительство — Совет Народных Комиссаров.

Так, благодаря заботе Коммунистической партии и Советского правительства, было завершено образование Дагестанской АССР.

Уничтожение национального гнета, установление национального равноправия и создание советской национальной государственности были важнейшим этапом в решении национального вопроса. Однако правовое национальное равенство, установленное в результате победы Октябрьской революции, являясь великим завоеванием, само по себе не решало всего национального вопроса. От правового равенства, имеющего большое значение в истории развития Советских республик, было далеко еще до равенства фактического. Ряд народов, отставших в хозяйственном и культурном отношении, был не в состоянии полностью использовать права, предоставленные им национальным равноправием, подняться на высшую ступень развития и догнать нации, ушедшие вперед, без длительной помощи со стороны более развитых братских народов. Превращение отсталых в прошлом народов в равноправных и активных участников социалистического строительства

возможно было только на основе уничтожения фактического хозяйственного, политического и культурного неравенства национальностей. В этом состояла теперь суть национального вопроса. Поэтому одним из существенных моментов политики Коммунистической партии в национальном вопросе явилось обеспечение не только правового, но и фактического равенства нации.

Коммунистическая партия разработала программу решения этой задачи Советским государством, положив в ее основу политику социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Партия рассматривала эту программу как важнейшую составную часть политики построения социализма в СССР.

В ходе социалистического строительства Коммунистическая партия и Советское правительство добились огромных успехов в разрешении национального вопроса. Последовательно проводя свою национальную политику, осторожно и чутко относясь к национальным обычаям, к особенностям быта и культуры, ко всем потребностям народов СССР, организуя всестороннюю помощь им со стороны русского народа, партия и правительство вовлекли трудящихся всех национальностей в совместную борьбу за победу социализма.

Победа социализма, уничтожение фактического неравенства между народами, расцвет советских народов, их сотрудничество как в деле защиты социалистической Родины от внешних врагов, так и в деле строительства социализма, привело к тому, что изменился морально-политический облик народов СССР, исчезло чувство взаимного недоверия, возникли социалистические нации. Между ними развилась нерушимая дружба и наладилось настоящее сотрудничество в едином многонациональном государстве.

УСПЕХИ КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ДАГЕСТАНЕ В ГОДЫ ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКИ

Объединение мелких крестьянских хозяйств в крупные социалистические хозяйства — колхозы составляет основное звено кооперативного плана В. И. Ленина. Перевод мелкокрестьянского хозяйства на рельсы социализма является глубочайшим революционным переворотом, скачком из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначным по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года.

Этот революционный переворот ликвидировал в нашей стране класс кулаков — оплот реставрации капитализма, перевел на путь общественного социалистического хозяйства самый многочисленный трудящийся класс в СССР — класс крестьян, создал социалистическую базу в самой отсталой области народного хозяйства — в сельском хозяйстве. В результате ленинской национальной политики, последовательно и неуклонно проводимой Коммунистической партией и Советским правительством, советские республики, организовавшиеся на окраинах царской России, за годы первых пятилеток не только ликвидировали вековую отсталость сельского хозяйства, но и догнали по уровню развития передовые области Советского Союза.

Переход трудящихся крестьян Дагестана на путь колхозов начался, так же, как по всей стране, в первые годы Советской власти. Однако переплетение на сравнительно небольшой территории самых различных географических условий, живучесть патриархально-феодалных пережитков, крайняя отсталость экономики и культуры тормозили процесс социалистической реконструкции сельского хозяйства. В 1926 году в Дагестане было всего 23 колхоза, в 1927 году — 51 колхоз¹,

¹ «Красный Дагестан» от 20 февраля 1930 г.

причем колхозы этих лет были мелкие, объединяли 18—20 хозяйств, преимущественно бедняков и редко середняков.

Не все районы Дагестана были в одинаковой степени подготовлены к массовому вступлению крестьян в колхозы. Поэтому строительство колхозов в республике шло неравномерно. Массовое колхозное движение, развернувшееся по всей стране во второй половине 1929 года, на первых порах охватило только плоскостную часть республики. В горной же части Дагестана в это время только началось кооперативно-колхозное строительство и было всего 17 простейших кооперативных объединений и 29 колхозов¹.

В развитии социалистических форм хозяйства в горных районах республики и подъеме животноводства большую роль сыграли совхозы Овцеводтреста. Только за один 1934 год совхозы передали колхозам и колхозникам 41 тыс. овец, 2 тыс. голов крупного рогатого скота и, кроме того, для улучшения овцепоголовья — свыше 2 тыс. баранов². Крестьяне горных районов приезжали в передовые колхозы, в частности в сел. Чох, Гунибского района, чтобы ознакомиться с их опытом. Здесь крестьяне-горцы убеждались в огромных преимуществах коллективного хозяйства.

Значительная работа была проведена в деле подготовки колхозных кадров, укрепления кормовой базы и обеспечения колхозов горных районов специалистами-животноводцами. Эта работа дала свои результаты. В 1934 году колхозов в горах было 107, а кооперативных товариществ — 555. Они объединяли свыше 24 тыс. хозяйств, имевших около 300 тыс. овец и коз и свыше 4.500 голов крупного рогатого скота³.

К концу 1934 года в Дагестане было коллективизировано 50 тыс. хозяйств, что составляло 20% всех крестьянских хозяйств. Особенно большие успехи были достигнуты в плоскостных и предгорных районах республики (в плоскостных — 65,4% и предгорных 42%⁴). Решающее значение в этом деле имели машинно-тракторные станции и политические отделы. Мощность тракторного парка в 1934 г. составляла свыше 12 тыс. лошадиных сил против 2.145 в 1931 г.⁵

Трудящиеся крестьяне, убедившись в преимуществах колхозного строя, массами переходили на рельсы коллективизма, на рельсы социализма. Были разрушены сложившиеся веками устои индивидуального крестьянского хозяйства. Утвердилась социалистическая система хозяйства.

¹ «Красный Дагестан» от 14 декабря 1930 г.

² X Вседагестанский съезд Советов. Даггиз, 1935, стр. 33.

³ X Вседагестанский съезд Советов. Даггиз, 1935, стр. 35—36.

⁴ Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 15, д. 810, л. 2.

⁵ ЦГА, ф. 37, оп. 19, д. 391, л. 5.

Дальнейшему развитию и организационно-хозяйственному укреплению колхозов способствовали решения II Всесоюзного съезда колхозников-ударников, состоявшегося в Москве в феврале 1935 года. Обобщив богатый опыт, накопленный в ходе колхозного строительства, съезд принял новый примерный Устав сельскохозяйственной артели, где закреплены основные социалистические принципы колхозной жизни, определены пути дальнейшего развития и укрепления колхозов.

Колхозное крестьянство Дагестана с большим удовлетворением встретило принятие примерного Устава сельхозартели. Устав обсуждался во всех аулах на общих собраниях колхозников. Широкое обсуждение примерного Устава позволило каждому колхозу выработать свой Устав с учетом местных особенностей.

Одновременно происходило вручение колхозам государственных актов на вечное пользование землей. Закрепление земли за колхозами, массовое обсуждение и принятие нового Устава усилили приток бедняцких и середняцких хозяйств в колхозы. В первые же месяцы после опубликования Устава в республике в колхозы вступило 23.370 крестьянских хозяйств¹.

Особенно большое влияние оказало принятие Устава на развитие колхозного движения в горных районах Дагестана. В 1935 г. здесь было организовано 127 новых животноводческих колхозов, объединивших 28 тысяч бедняцких и середняцких хозяйств. 1936 год явился годом исключительной активности трудящихся гор, массового вступления их в колхозы. Только за первую половину этого года в сельхозартели вступило свыше 58 тыс. хозяйств. К началу 1937 года было организовано 739 сельхозартелей. Многие горные районы так же, как и плоскостные, к этому времени почти полностью завершили коллективизацию. К началу 1937 года в Дагестане было коллективизировано 147 тысяч крестьянских хозяйств, что составляло 80,9% всех крестьянских хозяйств².

Эти годы ознаменовались не только ростом числа колхозов и массовым вступлением единоличников в сельхозартели, но и дальнейшим развитием общественного производства, подъемом экономики артелей. В 1935 году был достигнут резкий перелом в повышении урожайности зерновых культур. В этом году, по примеру передовиков промышленности, развернулось социалистическое соревнование среди колхозников за получение высоких урожаев сельскохозяйственных культур, за развитие общественного животноводства.

¹ «Дагестанская правда» от 1 мая 1935 г.

² ЦГА ДАССР, ф. 168, оп. 16, д. 20, л. 5.

В период подготовки и проведения сельскохозяйственных работ 1936 года в колхозах, МТС и совхозах республики распространились новые формы стахановского движения — стахановские дни, декады, полумесяцы, которые содействовали расширению рядов передовиков — полеводов, животноводов, звеньевых, бригадиров, механизаторов, колхозных организаторов. В результате дагестанские колхозники, несмотря на неблагоприятные климатические условия, выполнили обязательства 1936 года. Средний по республике урожай зерновых культур был на 30 процентов выше чем в 1935 году.

Достижения в строительстве и укреплении колхозов Дагестана явились результатом огромной заботы партии и правительства и всесторонней помощи социалистического государства. За годы второй пятилетки капиталовложения в сельское хозяйство Дагестана составили 120 млн. рублей. Неуклонно росла материально-техническая база колхозов республики. На полях колхозов плоскостных и предгорных районов Дагестана в 1938 году работало около 700 тракторов, а уборку урожая производило более 100 комбайнов. К концу второй пятилетки объем полевых тракторных работ в колхозах, обслуживаемых МТС, составил 231,6 тыс. га против 42,6 тыс. га в 1932 году, т. е. вырос более, чем в пять раз¹.

За годы второй пятилетки значительно продвинулось вперед и животноводство Дагестана — основная отрасль хозяйства горных районов республики. поголовье скота за эти годы увеличилось: по овцам и козам — на 52⁰/₀, по крупному рогатому скоту — на 27⁰/₀, по лошадям — на 14⁰/₀².

В подъеме общественного животноводства решающую роль сыграли животноводческие товарные фермы, показавшие себя лучшей формой организации колхозного животноводства. Число животноводческих товарных ферм в колхозах республики за годы второй пятилетки увеличилось в 4 раза³. К концу пятилетки на каждый колхоз приходилось по 1—2 фермы. поголовье стада на фермах за годы пятилетки возросло: по овцам — на 267,6⁰/₀, по козам — на 375⁰/₀, по крупному рогатому скоту на 218⁰/₀⁴.

В результате дальнейшего укрепления колхозов повысился удельный вес социалистического сектора в животноводстве республики. К концу 1937 года 91,5⁰/₀ овец и коз, 88⁰/₀ крупного рогатого скота и 92⁰/₀ лошадей принадлежали колхозам, колхозникам и совхозам⁵.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 260, оп. 17, д. 100, л. 19.

² Там же, л. 15.

³ Там же.

⁴ «Дагестанская правда» от 26 июня 1937 г.

⁵ ЦГА ДАССР, ф. 260, оп. 17, д. 100, л. 15.

Победа колхозного строя в Дагестане открыла широкие перспективы для подъема производительности труда в сельском хозяйстве и активного участия республики в создании изобилия сельскохозяйственных продуктов в стране. Дальнейшее развитие социалистического сельского хозяйства было определено третьим пятилетним планом развития народного хозяйства СССР.

В отчетном докладе Центрального Комитета партии XVIII съезду ВКП(б) перед тружениками социалистического сельского хозяйства была поставлена задача — в течение ближайших 3—4 лет добиться ежегодного производства 8 миллиардов пудов зерна со средней урожайностью на гектар в 12—13 центнеров, увеличить производство продукции по техническим культурам в среднем на 30—35%, увеличить поголовье овец и свиней вдвое, поголовье крупного рогатого скота — процентов на 40, поголовье лошадей — процентов на 35¹.

Перед Дагестанской республикой стояла задача повысить за годы пятилетки урожайность зерновых культур на 65—70%, увеличить поголовье овец и коз на 62%, крупного рогатого скота — на 33,2%². Пятилетний план предусматривал также подъем садоводства и виноградарства, дальнейшее расширение площадей под огородными и бахчевыми культурами.

Осуществить гигантский план развития сельского хозяйства, принятый на третье пятилетие, можно было только путем дальнейшего развития и организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

Прежде всего необходимо было до конца ликвидировать ранее допущенные ошибки и искривления линии партии в колхозном строительстве. В ряде районов республики грубо нарушались принципы колхозной демократии. Необоснованные исключения из сельхозартелей приняли массовый характер в Кахибском, Левашинском, Унцукульском, Акушинском и других районах республики. Были случаи роспуска целых колхозов (колхоз в сел. Куппа, Левашинского района). В колхозе имени Ленина, Акушинского района, только на одном собрании без всяких к тому законных оснований было исключено 49 колхозников. В колхозе с. Гоготль, Кахибского района, было оштрафовано 80 колхозников только за то, что они не пришли на колхозное собрание, причем в числе оштрафованных были передовики и члены их семей³. В большинстве колхозов горных районов наблюдались грубые нарушения Устава сельхозартели при учете и начислении трудодней, а также при

1 И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. II, стр. 591.

2 ЦГА ДАССР, ф. 168, оп. 19, д. 136, л.л. 38—39.

3 «Дагестанская правда» от 14 апреля 1938 г.

распределении доходов среди колхозников. Лицевые счета с вручением трудовых книжек открывались не каждому работающему члену артели, а только главам семей.

Партийная организация своевременно взялась за исправление допущенных на местах ошибок, возглавила борьбу трудящихся колхозников за организационно-хозяйственное укрепление колхозов, за ликвидацию последствий массовых исключений колхозников из артелей. Дагестанский областной комитет ВКП(б) в своих решениях от 3 ноября 1937 года «О массовом исключении колхозников из колхозов в Кахибском районе», от 17 декабря 1937 года «О результатах проверки материалов о роспуске колхоза с. Куппа, Левашинского района» и от 10 апреля 1938 года «О необоснованных исключениях колхозников из колхозов и нарушениях Устава сельскохозяйственной артели» обратил внимание партийных организаций на нетерпимость кампанейщины, огульного подхода к вопросу об очищении колхозов от кулацких элементов и массовых исключений колхозников из артелей.

Районные партийные и советские организации, руководствуясь решениями областного комитета партии, широко развернули организационную и массово-политическую работу на селе. Прежде всего они всячески поддерживали зародившуюся среди колхозников республики благородную инициативу, направленную на укрепление производственной базы колхозов, на подъем общественного хозяйства: колхозники выделяли в общественный фонд земли, превышавшие установленные Уставом сельхозартели нормы, сдавали рабочий скот и сельхозинвентарь. Так, например, в сельхозартели имени Ленина, сел. Кошкент, Хивского района, 87 колхозников подали правлению артели заявления с просьбой обобществить находящиеся в их личном пользовании пахотные земли, сенокосные угодья, рабочий скот и сельхозинвентарь. В этом колхозе в июле и августе 1938 года по заявлениям колхозников было обобществлено 400 гектаров земли, 50 голов рабочего скота и т. д.¹ Такие же заявления подавали колхозники многих других артелей Дагестана.

Выполняя указания Центрального Комитета партии и Советского правительства, областной комитет ВКП(б) и СНК ДАССР в своем постановлении от 3 марта 1939 года «О мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению колхозов» наметили конкретные меры по решению вопросов, связанных с землеустройством колхозов, вручением колхозам актов на вечное пользование землей и т. д. В этом постановлении были установлены размеры приусадебной земли кол-

¹ «Дагестанская правда» от 20 августа 1938 г.

хозного двора с учетом природных условий и производственного профиля отдельных колхозов¹. Все излишки земли, превышавшие установленные нормы, подлежали обобществлению. Республика была разбита на 3 группы районов. Каждый колхозный двор имел право содержать поголовье скота в зависимости от того, в какую группу входил данный район или колхоз.

Партийная организация республики провела большую работу среди колхозников по разъяснению этого постановления. В районах были организованы агитколонны, проводились митинги, партийно-советские активы, собрания, посвященные вопросам организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Наладилась систематическая работа кружков по изучению примерного Устава сельскохозяйственной артели.

Одновременно с массово-политической и организационной работой шла усиленная подготовка к весенней посевной кампании. О масштабах работы, проделанной в этом направлении, говорят, например, следующие факты: в Хунзахском районе было обобществлено и подготовлено к севу 3885 рабочих волов, 111 лошадей, 118 ослов, собрано более 3200 центнеров семян, обобществлено 187 плугов, 1121 арба, 1312 сох, 50 борон².

За 3 месяца 1939 года в процессе ликвидации нарушений Устава сельхозартели обобществленное поголовье скота в горных районах увеличилось: лошадей на 5229 голов или на 68⁰/₀, рабочих волов — на 67.946 голов или на 320⁰/₀. Значительно увеличилось также обобществленное поголовье ослов, мул и продуктивного скота. Кроме того, в пять раз расширились посевные площади. В общественное пользование колхозов перешли также 5 тысяч га садов и пастбища³. Все это означало, что для колхозов горных районов, которые чувствовали острый недостаток посевных площадей и где широкое применение сельскохозяйственных машин затруднено из-за изрезанности рельефа, а рабочий скот является одним из решающих элементов производства, создавалась материальная база для подъема общественного производства.

В течение двух с половиной месяцев со времени опубликования постановления «О мероприятиях по организационно-хо-

¹ Постановление устанавливало размеры приусадебной земли каждого колхозного двора от 0,25 до 0,35 га на поливных и от 0,25 до 0,50 га на неполивных землях Кумторкалинского, Махачкалинского, Буйнакского, Бабаюртовского, Хасавюртовского, Карабудахкентского, Дербентского, и Касумкентского районов, от 0,25 до 0,30 га на поливных и от 0,25 до 0,50 га на неполивных землях всех остальных районов республики.

² ЦГА ДАССР, ф. 168-р, оп. 19, д. 53, л. 249.

³ Там же, л.л. 258—259.

зяйственному укреплению колхозов» из 828 колхозов горных районов республики 825 внесли соответствующие изменения в ранее принятые ими уставы, т. е. полностью перешли на примерный Устав сельхозартели¹.

Активная борьба трудящихся колхозников республики за организационно-хозяйственное укрепление сельхозартелей благотворно повлияла на дальнейший ход коллективизации в республике. Заметно усилилось стремление единоличников вступать в колхозы. Об этом говорят следующие данные по некоторым районам².

Районы	Вступило в колхозы хозяйств с 1. I. по 1. VII 1939 г	% к числу единоличных хозяйств на 1. I. 1939 г.	Уровень коллективизации на 1. VII 1939 г.
Ахвахский	126	100	100
Кахибский	401	94,2	99,4
Ахтынский	358	89,9	98,5
Гунибский	730	88,5	98,8
Цунтинский	32	88,9	99,7

Ранее отстававшие в коллективизации горные районы республики (26 районов) в основном догнали плоскостные районы. Если в плоскостной части республики к 1 июля 1939 года было коллективизировано 96,3% крестьянских хозяйств, то в горной части — 94,2%³.

Мероприятия, связанные с принятием уставов, соответствующих примерному Уставу сельхозартели, сказались главным образом на резком увеличении общественных посевов колхозов горных районов. Если посевная площадь колхозов горных районов на 1 февраля 1939 года составляла всего лишь 25.882 га, то на 1 июля 1939 года она уже составляла 128.406 га⁴.

Обобществление посевных площадей, рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря знаменовало собой новый этап в развитии всего общественного хозяйства сельхозартелей горных районов. В этих районах создавались возможности для развития многоотраслевого хозяйства.

Однако приведением структуры и деятельности колхозов горных районов в соответствие с требованиями примерного Устава сельхозартели не исчерпывалась борьба за их организационно-хозяйственное укрепление. Предстояла большая

¹ ЦГА ДАССР, ф. 168, оп. 19, д. 53, л. 528.

² ЦГА ДАССР, ф. 168, оп. 18, д. 36, л. 360.

³ ЦГА ДАССР, ф. 168, оп. 19, д. 132, л. 12.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 168, оп. 19, д. 53, л. 358.

работа по ликвидации всевозможных извращений устава, которых было не мало.

Разбазаривание и расхищение общественных земель колхозов шло путем всякого рода незаконных прирезок приусадебных участков сверх предусмотренных Уставом норм. Производились искусственные разделы семей с целью получить дополнительный приусадебный участок земли. В Ахвахском районе, например, были созданы так называемые «стариковские фонды» — из колхозных земель выделялось на каждого старика 0,25 или 0,30 гектара¹. Между тем эти старики в большинстве своем жили не отдельно, а с семьей и никакой нужды в приусадебных участках не испытывали.

Нередки были случаи, когда шкурники и проходимцы, прикрываясь членством в артели, присваивали по 3—4 гектара земли. В руках таких «колхозников» общественные земли превращались в предмет личной наживы и спекуляции, их сдавали в аренду, покупали, продавали, как частную собственность.

Разбазаривание и расхищение общественных земель колхозов происходило в результате неразберихи и беспорядка в земельном хозяйстве сельхозартелей. Приусадебные участки и общественные земли были перемешаны между собой. Слабое руководство колхозами со стороны местных партийных и советских организаций ряда районов также являлось причиной разбазаривания общественных земель сельхозартелей.

Хищение общественных земель артелей приводило к бесхозяйственности, к развалу экономики колхозов, подрывало их материальную базу. Значительная часть членов артелей не трудилась в колхозах, или работала лишь для вида, уделяя все внимание личному хозяйству.

Колхозники на своих собраниях разоблачали недобросовестных членов артели, призывали их к порядку, а к неподчиняющимся применяли необходимые меры вплоть до исключения из колхоза с присоединением их земельного участка к земельным фондам сельхозартели. Так, например, из колхозов Бабаюртовского района за первую половину 1939 года было исключено 29 человек, Хасавюртовского — 19, Левашинского — 19, Лакского — 18 и т. д.². Ведя борьбу с нарушителями Устава сельхозартели, многие колхозы одновременно расширяли общественные земельные фонды. Так, колхозники селения Ругуджа, Гунибского района, освоили 40 гектаров целины³.

1 «Дагестанская правда» от 12 июня 1939 г.

2 ЦГА ДАССР, ф. 168, оп. 18, д. 18, л. 360.

3 «Дагестанская правда» от 21 апреля 1939 г.

Центральный Комитет партии указал на опасность и вредность ошибок, допущенных в колхозном землепользовании во многих районах нашей страны. В мае 1939 года Пленум ЦК партии подверг резкой критике руководителей местных партийных и советских организаций за беспечно-оппортунистическое отношение к антиколхозной практике разбазаривания и расхищения общественных земель колхозов, и потребовал немедленной ликвидации допущенных ошибок.

На основе решения майского Пленума ЦК партии, СНК СССР и ЦК ВКП(б) 27 мая 1939 года приняли постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». В этом постановлении ЦК партии и Советское правительство осуждали антипартийную и антигосударственную практику районных и областных партийных и советских органов, руководителей колхозов и земельных органов, допустивших нарушения Устава сельхозартеля, выразившиеся в преступном разбазаривании общественных колхозных земель.

В постановлении отмечалось, что всякие попытки урезать общественные земли артелей в пользу личных хозяйств колхозников и всякое увеличение приусадебных участков сверх размеров, предусмотренных Уставом сельхозартеля, будет рассматриваться как уголовное преступление, а виновные будут привлекаться к суду¹. Постановление обязывало партийные, советские и сельскохозяйственные органы привести в ближайшее время размеры приусадебных земельных участков в полное соответствие с примерным Уставом сельхозартеля.

Этим же решением была установлена выработка обязательного минимума трудодней каждым трудоспособным колхозником. Трудоспособные колхозники и колхозницы, не выработавшие в течение года необходимого количества трудодней, должны были считаться выбывшими из колхоза и потерявшими права колхозника.

Новым могучим оружием в организационно-хозяйственном укреплении колхозов явился закон «О сельскохозяйственном налоге», принятый внеочередной четвертой сессией Верховного Совета СССР в августе 1939 года, по которому доходы по трудодням не облагались налогом. Закон «О сельскохозяйственном налоге» 1939 года отрезвляюще подействовал на малосознательные слои колхозного крестьянства, ударил по незаконным и недобросовестным источникам наживы рвачей и спекулянтов и явился большим подспорьем в вовлечении широких слоев колхозников в общественное производство артелей.

¹ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938—1941 гг. М. 1942, стр. 6.

Многочисленные данные говорят о большой трудовой активности колхозного крестьянства в ответ на решения партии и правительства. Если в какашуриинских колхозах, Карабудахкентского района, ранее не выходили на работу в среднем 80 колхозников, то теперь все они стали честно работать. В пяти губденских колхозах того же района 500 трудоспособных колхозников, ранее не принимавших участия в общественном производстве, стали трудиться в колхозах. У колхозников поднялось чувство ответственности за развитие общественного хозяйства и соблюдение трудовой дисциплины.

Трудовая активность колхозного крестьянства росла с каждым годом. Если в 1939 году число колхозников, выработавших до 50 трудодней, составляло 22,4% к общему количеству всех трудоспособных членов артелей, то в 1940 году это число сократилось до 17,4%, а число выработавших до 300 трудодней возросло с 10,5% в 1939 году до 31,3% в 1940 году¹.

Мероприятия партии и правительства по дальнейшему развитию и укреплению колхозного строя и в частности постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» вытекали из решений XVIII съезда партии. Они дали партийным и советским организациям, работникам земельных органов и всем труженикам колхозного села вдохновляющую программу борьбы за новые успехи социалистического сельского хозяйства, за дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление сельхозартелей. Решения Коммунистической партии и Советского правительства, направленные на коренное улучшение строительства колхозов в годы третьей пятилетки, имели исключительно большое значение в подъеме экономического и политического могущества нашей страны.

Наряду с огромными успехами, достигнутыми в борьбе за выполнение второй пятилетки, были еще серьезные недостатки в развитии общественного животноводства. Колхозы горных районов были еще слабыми, подавляющая часть поголовья скота еще не была обобществлена, а сельхозартели плоскостных районов развитием общественного животноводства занимались слабо. По данным на 1 января 1938 года в колхозах республики имелось только 55% овец и коз, 18% крупного рогатого скота и 35% лошадей от соответствующего поголовья скота республики. Вместо предусмотренных Уставом сельхозартели 25—40 овец на колхозный двор, у многих колхозников, например, в Чародинском, Докузпаринском, Лакском, Тляртинском, Кахибском и других районах имелось от 100 до 170

¹ Данные орг-колхозн. отдела Министерства сельского хозяйства ДАССР.

овец; вместо 4—5 коров и молодняка многие хозяйства имели до 8 коров и до 16 голов молодняка. При этом скот, находившийся в личном пользовании колхозников, был обеспечен кормами, помещениями и уходом лучше, чем общественный.

По призыву участников Дагестанского совещания передовиков животноводства достойно встретить XVIII съезд ВКП(б) труженики колхозного села, под руководством партийной организации республики, развернули борьбу за подъем общественного животноводства. В результате многие районы добились невиданного роста общественного животноводства. За 1938 год и первую половину 1939 года поголовье крупного рогатого скота в колхозах Гумбетовского района выросло на 503%, Рутульского — на 709%, Ботлихского — на 301%. Аналогичная картина наблюдается и по росту поголовья овец. За 1938 год количество колхозных товарных ферм достигло 1501, т. е. выросло на 57%, в том числе МТФ — на 44%, ОТФ — на 71%¹.

1939 год явился решающим годом в организационно-хозяйственном укреплении колхозов горных районов ДАССР. В ходе ликвидации нарушений Устава сельхозартелей обобществлялись не только земли, рабочий скот и инвентарь, о чем мы уже говорили, но и продуктивный скот. Трудящиеся колхозники горячо поддержали все мероприятия, направленные на укрепление общественного животноводства сельхозартелей. После приведения количества скота, находящегося в личном пользовании колхозников, в соответствие с требованиями Устава сельхозартелей, за период с марта по июль 1939 года было куплено колхозами у членов сельхозартелей 12.106 коров и телок и 22.156 овец и коз².

Однако одним только перераспределением поголовья скота между секторами в пользу общественного хозяйства нельзя было добиться выполнения задач, стоявших перед республикой в области животноводства. В Дагестане были колхозы, которые вовсе не имели обобществленного скота. Руководители этих артелей, идя по пути наименьшего сопротивления, считали такое положение совершенно нормальным и не утруждали себя решением вопросов развития общественного животноводства. Следует отметить, что и существовавшая система мясopоставок государству до постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 июля 1939 года «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах» не стимулировала развитие животноводства в колхозах.

В силу указанных причин, а также за-за слабости кормовой базы, в Дагестане были десятки и сотни колхозов, кото-

¹ «Дагестанская правда» от 28 июля 1939 г.

² ЦГА ДАССР, ф. 168 оп. 19, д. 53, л. 359.

рые не занимались животноводством. Из 1119 колхозов к середине 1939 года 600 колхозов не имели МТФ, 448 — ОТФ, 1000 — конеферм. В 14 колхозах Хасавюртовского, в 14 — Сергокалинского и в 30 колхозах Касумкентского районов вовсе не было животноводческих товарных ферм. 144 колхоза республики совершенно не занимались животноводством и не имели обобществленного поголовья скота. В большинстве же колхозов животноводческие фермы были карликовыми и малопродуктивными. 42 проц. молочно-товарных ферм имели только молодняк или до десяти коров¹.

В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 июля 1939 года «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах» правильно указывается, что плохая организация кормовой базы является одним из основных недостатков в развитии общественного животноводства.

До 1939 года колхозы Дагестана не имели необходимых условий для создания прочной кормовой базы. Отставание кормовой базы от задач роста общественного поголовья скота в республике видно хотя бы из следующих данных: если в посевной площади всего Советского Союза кормовые культуры (овес, травы, корнеплоды) в 1938 году составляли 23,4%, то в Дагестане — всего 6,4%. Сильно отставала механизация сеноуборки по сравнению с уровнем механизации всего сельского хозяйства. МТС недостаточно были насыщены сеноуборочными машинами и самоустраивались от сеноуборки. Приходилось косить и убирать сено вручную. Только после крутого перелома в разрешении вопроса землепользования, осуществленного в 1939 году, стало возможным правильное использование не только посевных площадей, но и летних и зимних пастбищ.

В течение 1939 и 1940 годов под руководством партийной организации в республике был осуществлен ряд мероприятий по увеличению количества кормов для скота, по улучшению пастбищ и сенокосов и повышению их урожайности. Партийные организации конкретно, по-деловому возглавили социалистическое соревнование животноводов. Коммунисты явились инициаторами и передовиками в борьбе за создание прочной кормовой базы. Многие районные комитеты партии, по примеру передовых животноводческих районов (Гунибский, Ботлихский, Лакский), предложили поставить во главе животноводческих товарных ферм и бригад по заготовке кормов коммунистов и наиболее опытных колхозников. В результате впервые план сенокошения колхозами республики в

1 «Дагестанская правда» от 28 июля 1939 г.

2 Сельское хозяйство горного Дагестана. Москва. 1940, стр. 86.

3 ЦГА ДАССР, ф. 360-р, оп. 18, д. 126, л. 33.

1939 году был выполнен на 101,5%. С каждым годом увеличивались и площади под сеноуборкой. Если сеноуборка в 1939 году была проведена на площади 192 тыс. га, то в 1940 году — на площади 254 тыс. га¹.

Трудности создания прочной кормовой базы и, в основном, экстенсивный выпас скота были не единственными причинами отставания животноводческого хозяйства. Причиной, тормозившей успешное развитие животноводства в колхозах, являлась также действовавшая тогда система обязательных поставок мяса государству, по которой размеры мясопоставок исчислялись по количеству поголовья скота на колхозных фермах. Таким образом, колхозы, заботливо выращивавшие скот, стремившиеся увеличить поголовье и повысить продуктивность скота на фермах, оказывались в невыгодном положении, и, наоборот, в льготном положении оказывались колхозы, которые не занимались скотоводством.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановлением «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах» отменили старую систему исчисления мясопоставок государству и установили с 1 января 1940 года новый порядок исчисления обязательных поставок мяса государству всеми колхозами с каждого гектара земельной площади, закрепленной за ними. В дальнейшем погектарный принцип поставок государству был распространен на молоко и на шерсть.

В постановлении говорилось, что целесообразно иметь в каждом колхозе три животноводческие фермы: крупного рогатого скота, овцеводческую и свиноводческую и устанавливалось, что каждый колхоз должен иметь хотя бы две животноводческие фермы: одну — крупного рогатого скота и другую — овцеводческую или свиноводческую. Для ферм, соответственно природно-климатическим условиям районов и размеру земельной площади колхозов, был установлен обязательный минимум поголовья скота.

Партия и правительство в своем постановлении наметили конкретную программу работ по укреплению кормовой базы общественного животноводства колхозов и по выпуску машин для механизации трудоемких процессов в животноводстве. Для повышения заинтересованности колхозов и колхозников в развитии колхозного животноводства были установлены льготы для передовых колхозов и премии передовикам-колхозникам, зооветперсоналу и председателям колхозов. До конца 1940 года поголовье скота на фермах должно было составить не менее 60% установленного на конец 1942 года минимума.

¹ Архив ИМА при ЦК КПСС. Решение Дагестанской партийной организации от 18 декабря 1940 г.

Колхозное крестьянство Дагестана встретило решение партии и правительства «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах» с большим воодушевлением. В конце июля 1939 года состоялось республиканское совещание передовиков общественного животноводства колхозов, которое отметило достижения лучших животноводов. Совещание показало, что в Дагестане выросли сотни мастеров социалистического животноводства. Чабан колхоза имени Орджоникидзе, Ахтынского района, Микаил Исмаилов в 1939 году на каждые 100 овцематок вырастил по 144 ягненка; чабан колхоза имени Карла Маркса, Хунзахского района, Магомед Муртузалиев от каждых 100 чистопородных вюртембергских овцематок получил и сохранил по 147 ягнят; доярка колхоза имени Тельмана, Акушинского района, Майя Магомедова от 19 закрепленных за ней коров сохранила и вырастила 22 теленка и т. д.¹

В результате развернувшегося социалистического соревнования за образцовый уход за скотом, чабаны колхоза имени Фрунзе, Гунибского района, добились богатого приплода. Бригада старшего чабана Абдуллы Якубова от 846 овцематок получила 1187 ягнят². Таких же успехов добились сотни чабанов животноводческих бригад колхозов республики. В 1939 году государственный план по выращиванию ягнят и козлят был выполнен как колхозами горных районов, так и сельхозартелями плоскостной части республики. При этом ряд плоскостных районов не отстал от горных районов. Так, Касумкентский район выполнил план на 141%, Табасаранский — на 123%, Дербентский — на 136%, Кайтагский — на 120%, Акушинский — на 120%, Хивский — на 119%, Агульский — на 112%³.

Многие районы и колхозы республики еще в 1940 году добились выполнения норм по развитию животноводства, установленных постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 июля 1939 года на январь 1942 года. Мобилизовав трудящихся колхозников на подъем общественного животноводства, Дагестанская партийная организация достигла значительных успехов в создании новых животноводческих ферм, в укомплектовании их маточным поголовьем, в превращении слабых и малопродуктивных ферм в полноценные и высокотоварные животноводческие фермы.

Улучшение породы горского малопродуктивного скота мезитизацией со швицами и другими лучшими породами являлось самой насущной задачей всех животноводов Дагестана.

1 «Дагестанская правда» от 2 августа 1939 г.

2 «Дагестанская правда» от 28 июля 1939 г.

3 ЦГА ДАССР, ф. 260, оп. 18, д. 126, л. 31.

В резолюции XVIII съезда ВКП(б) о третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства говорилось: «Считать главной задачей повышение продуктивности животноводства путем улучшения породности скота и коренного улучшения племенного дела, правильного районирования пород, укрепления кормовой базы, улучшения ухода за скотом»¹.

Партийная организация республики уделяла огромное внимание улучшению породности общественного поголовья скота. Значительных успехов в улучшении поголовья скота добились не только отдельные чабаны и бригадиры, но и целые колхозы. На протяжении многих лет развитию общественного животноводства, улучшению породности и подъему продуктивности скота большое внимание уделяет Гунибская партийная организация. В основном именно этим объясняются успехи в развитии животноводства во многих колхозах района. Если, например, в колхозе имени Сталина, сел. Чох, в 1935 году было вюртембергских овец 164 головы, 4321 метис и 22.236 грубошерстных овец, то через четыре года было: вюртембергских — 289 голов, 27.527 метисов и только 6429 грубошерстных овец²; метизировано было до 75% крупного рогатого скота³. Хороших результатов в улучшении качественного состава скота добились и другие районы республики. По данным переписи скота на 1 октября 1939 года, Каякентский район имел в стаде овец 67% поголовья лучших пород, Казбековский — 66%, Буйнакский — 63%. Во всем стаде колхозного скота республики удельный вес овец и коз лучших пород составлял 38,8%⁴. Однако значительно отставало улучшение пород крупного рогатого скота.

Забота партии и правительства о развитии сельского хозяйства и особенно животноводства явилась одним из решающих факторов успехов трудящихся республики в колхозном строительстве. Социалистическое государство оказывало всемерную помощь Дагестану в подъеме животноводства. Были созданы племенные рассадники и организована опытная станция по животноводству. Породность скота улучшалась путем завоза племенных животных. Только в одном 1939 году колхозам горных районов Дагестана через Сельхозбанк был отпущен долгосрочный кредит в сумме 2 млн руб. на приобретение племенного и продуктивного скота, проведение племенной работы и строительство животноводческих помеще-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. III, стр. 350.

² «Дагестанская правда» от 12 апреля 1939 г.

³ С. Гусейнов. Что дает метизация дагестанского горского скота пшвицами. Даггосиздат. Махачкала, 1941, стр. 7.

⁴ Архив ИМА при ЦК КПСС Решение Дагестанской партийной организации от 15 июня 1940 г.

ний¹. В 1939 году было приобретено внутри Дагестана и привезено из-за пределов республики 295 племенных быков, 1729 баранов², 5500 мериносовых ярок³.

Мобилизовав колхозное крестьянство на выполнение задач, поставленных партией и правительством по развитию общественного животноводства, Дагестанская партийная организация добилась значительных успехов в создании новых животноводческих ферм и укомплектовании ферм маточным поголовьем. Для укомплектования ферм в течение 1939 года колхозами было приобретено: 29.349 голов крупного рогатого скота, в том числе 13.756 коров, 34.955 овец и коз⁴. В 1940 году колхозы законтрактовали 33.623 головы крупного рогатого скота и 48.682 овцы⁵.

Однако основным источником роста поголовья животноводческих товарных ферм колхозов являлось выращивание молодняка от приплода, полученного на фермах. С этим делом животноводы республики успешно справлялись. В итоге в 1940 году государственный план развития животноводства был значительно перевыполнен.

Об успехах колхозного крестьянства в развитии животноводческого хозяйства свидетельствуют и данные по укомплектованию товарных ферм. К началу 1941 года 96 процентов всех колхозов имели по 2—3 и более ферм, укомплектованных маточным поголовьем в количестве, установленном на конец третьей пятилетки⁶. Удельный вес общественного скота колхозов в общем поголовье в 1940 году составил: овец и коз — 71,2%, крупного рогатого скота — 47%, лошадей — 55,6%. Остальное поголовье скота находилось в совхозах и в личном пользовании колхозников, рабочих и служащих⁷.

Таким образом, в результате борьбы за организационно-хозяйственное укрепление колхозов трудящиеся дагестанской деревни добились значительных успехов в развитии общественного животноводства. В предвоенные годы в ходе ликвидации нарушений Устава сельхозартели произошел коренной перелом в соотношении обобщественного сектора животноводства с личным хозяйством колхозников. В эти годы усилиями колхозного крестьянства во всех сельхозартелях были созданы животноводческие товарные фермы.

1 Сельское хозяйство Дагестана. Изд. Академии наук СССР. М. 1940, стр. 77.

2 ЦГА ДАССР, ф. 260, оп. 18, д. 126, л. 32.

3 ЦГА ДАССР, ф. 168, оп. 21, д. 22, л. 241.

4 ЦГА ДАССР, ф. 260, оп. 18, д. 126, л. 32.

5 Архив ИМЛ при ЦК КПСС. Решение Дагестанской партийной организации от 16 декабря 1940 года.

6 Там же, от 10 марта 1941 г.

7 Сельское хозяйство Дагестана. Москва, 1946, стр. 12.

В третьем пятилетнем плане было предусмотрено максимальное поднятие производительности сельскохозяйственного труда в результате организационно-хозяйственного укрепления и дальнейшего технического вооружения колхозов. Колхозы, как крупные социалистические предприятия, открыли неограниченные возможности для применения в сельском хозяйстве новейшей машинной техники, агрономической науки и передового опыта.

Под руководством Коммунистической партии в предвоенные годы наша страна добилась значительных успехов в укреплении материально-технической базы сельского хозяйства. Если в 1928 году во всем народном хозяйстве страны было 26,7 тыс. тракторов, то в 1932 году только в МТС было уже 74,8 тыс., в 1938 г. — 394 тыс., а в 1940 г. — 435 тысяч тракторов¹.

К концу второй пятилетки в огромной мере возросла техническая вооруженность сельского хозяйства и Дагестанской АССР. В 1938 году колхозное земледелие обслуживали 13 МТС с тракторным парком в 725 единиц², 137 комбайнов убирали урожай колхозов плоскостных и предгорных районов³. В 1939 году были созданы две новых МТС. Мощность тракторного парка в этом году увеличилась с 12,8 тыс. лошадиных сил до 14,2 тыс., или на 10,7%. Число комбайнов увеличилось с 137 до 197⁴.

Закономерным следствием неуклонного роста технической оснащенности сельского хозяйства было увеличение объема механизированных работ: если сев яровых в 1937 году был произведен машинами на площади 32.362 га, то в 1938 году на площади 42.356 га; убрано комбайнами соответственно 12100 га и 28.500 га; всех видов пахоты в 1937 г. произведено 115.089 га, а в 1938 г. 136.862 га; выработано в переводе на мягкую пахоту соответственно 213 тыс. га и 289 тыс. га. Производственный план 1938 года МТС Дагестанской АССР выполнили: по подъему целины — на 200,4 проц., по весеннему боронованию — на 189,9%, по пахоте под озимые — на 172,2% и по уборке зерновых комбайнами — на 116,1%⁵.

В годы третьей пятилетки партией и правительством был принят ряд важных мер по обеспечению дальнейшего повышения производительности труда МТС. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 марта 1939 года «О нормах выработки и оплате труда трактористов в машинно-тракторных

¹ М. А. Краев. Победа колхозного строя в СССР. М. 1954, стр. 494.

² «Дагестанская правда» от 1 августа 1939 г.

³ ЦГА ДАССР, ф. 260, оп. 17, д. 99, л. 4.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 260, оп. 18, л. 132, л. 12.

⁵ ЦГА ДАССР, ф. 260, оп. 18, д. 131, л. 6.

станциях» устанавливало новую прогрессивную оплату по всем видам тракторных работ. Вместе с тем повышалась ответственность трактористов за работу. В постановлении указывалось, что трудодни трактористам начисляются только за качественно выполненные тракторные работы. Был установлен гарантийный минимум оплаты труда механизаторов. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года запрещался самовольный уход с работы трактористов и комбайнеров, работающих в МТС.

Решения партии и правительства способствовали значительному повышению материальной ответственности механизаторов и руководителей МТС за своевременное и добросовестное выполнение договоров с колхозами и повышение урожайности общественных земель колхозов. Эти решения вызвали новый трудовой подъем среди механизаторов и колхозников. Намного улучшилась производственная деятельность МТС. МТС стали более активно изучать экономику и земельные массивы обслуживаемых колхозов, усилилась роль МТС в дальнейшем организационно-хозяйственном укреплении колхозов и в выполнении ими производственных планов. Так, на 20 мая 1939 года яровые были посеяны на площади 112,629 га при плане 118,100 га, тогда как на это же время в 1938 году план был выполнен только на 71%¹. Намного вырос объем комбайновой уборки. В 1939 году комбайнами были убраны хлеба на площади 43,7 тыс. га против 28,5 тыс. га в 1938 году².

В дальнейшем механизация процессов сельского хозяйства неуклонно растет. Объем тракторных работ в 1940 году по сравнению с 1939 годом вырос на 10%, уборка урожая комбайнами — на 12%, механизированное сенокошение — на 64%. На 1 ноября 1940 года было посеяно озимых на 19% больше, чем на 1 ноября 1939 года³. В 1940 году МТС республики успешно завершили планы и по другим видам работ. Например, план по раскорчевке был выполнен на 128%; по плантажу виноградников в колхозах план был выполнен: Ново-Надеждинской МТС — на 540%, Касумкентской — на 430%, Махачкалинской — на 224%⁴.

Дагестанская республика, как и вся наша страна, в предвоенные годы достигла такого уровня механизации, который обеспечивал дальнейший неуклонный рост сельскохозяйственного производства. Техническая вооруженность сельхозартелей явилась решающим условием установления новых

1 «Дагестанская правда» от 26 мая 1939 г.

2 ЦГА ДАССР, ф. 260, оп. 18, д. 126, л. 21.

3 ЦГА ДАССР, ф. 260, оп. 18, д. 126, л. 28.

4 ЦГА ДАССР, ф. 260, оп. 18, д. 57, л. 84—85.

производственных отношений в деревне, условием воспитания вчерашнего крестьянина-единоличника в духе социализма.

Опираясь на помощь Коммунистической партии и Советского государства, вооруживших колхозы передовой техникой, труженики сельского хозяйства республики развернули борьбу за повышение урожайности всех выращиваемых культур и увеличение производства продуктов животноводства.

За годы Советской власти в результате социалистического преобразования сельского хозяйства, наряду с увеличением посевных площадей республики (к 1940 г. на 66% по сравнению с 1913 годом¹), возросла и урожайность зерновых культур. В 1938 году урожайность зерновых культур в ДАССР составила 10,2 центнера с гектара².

Накануне созыва XVIII съезда ВКП(б) и в дни его работы во всех районах республики развернулось социалистическое соревнование в честь XVIII съезда партии. Весной 1939 года колхозники Дагестана вступили в социалистическое соревнование с тружениками сельского хозяйства братских республик Северного Кавказа. Социалистическое соревнование развернулось среди всех районов, колхозов, бригад и звеньев.

Партийные организации приняли все меры к мобилизации колхозников на проведение работ по подготовке почвы, севу и уходу за посевами в соответствии с требованиями агротехники. В результате в 1939 году многие колхозы добились хороших показателей по повышению урожайности сельскохозяйственных культур. Так, например, средний урожай всех зерновых культур в колхозе имени Кирова, сел. Эрпели, Буйнакского района, составил 31,5 центнера с гектара, в том числе озимой пшеницы 22,5 центнера и кукурузы в кочанах 53,4 центнера. Бригада Давадгаджи Алмаева на семенном участке этого колхоза сняла урожай пшеницы «Сарыбугда» по 28 центнеров с гектара, а звено Абакара Бектемирова собрало урожай кукурузы в зерне по 62,1 центнера с гектара³. Бригада Магомедова из колхоза «Сталинчиляр», Дербентского района, получила урожай озимой пшеницы в среднем по 28 центнеров с гектара на площади 51 гектар, колхозники сельхозартели имени Сталина, сел. Сталин-аул, Буйнакского района, собрали урожай зерновых по 19,4 центнера с гектара на площади 305 гектаров. В целом по республике было собрано 12,1 центнера зерновых культур с гектара против 10,2 центнера в 1938 году⁴.

1 Сельское хозяйство Дагестана. Изд. АН СССР, 1946, стр. 10—11.

2 «Дагестанская правда» от 25 января 1940 г.

3 «Дагестанская правда» от 29 января 1940 г.

4 «Дагестанская правда» от 13 марта 1940 г.

Труженики колхозных полей Дагестана брали пример с передовиков социалистического земледелия страны. Трудно переоценить движение колхозников-стопудовиков, инициаторами которого явились бригадиры колхоза «12 лет Октября», Хоперского района, Сталинградской области, Аркадий Гуров и Георгий Козленков. Они взяли на себя обязательство получить в 1940 году в среднем не менее ста пудов зерна с гектара на всей площади посевов зерновых культур и обратились ко всем бригадирам страны с призывом последовать их примеру.

В ответ на этот призыв колхозники сельхозартели «Оборона страны», Дербентского района, получившие в 1939 году в среднем по 105 пудов зерна с гектара, обязались собрать в 1940 году не менее чем по 120 пудов с гектара¹; бригада Мутаева из колхоза имени К. Маркса, Кайтагского района, собравшая в 1939 году по 180 пудов кукурузы, обязалась получить в 1940 году по 230 пудов кукурузы с каждого гектара².

В борьбе за повышение урожайности сельскохозяйственных культур огромное значение имела правильная организация труда в колхозах. Опыт передовых колхозов показал, что основной формой организации труда является постоянная производственная бригада. Такая бригада дает возможность полностью использовать огромные преимущества коллективных форм труда, развивать инициативу колхозников, наиболее производительно использовать средства производства колхозов и богатейшую машинную технику МТС. Однако там, где применение сельскохозяйственных машин ограничено из-за изрезанности рельефа, и где зерновое хозяйство не является основной отраслью экономики артелей, производственные бригады могут быть разбиты на звенья для лучшего использования рабочей силы на различных участках.

Руководствуясь решениями XVIII съезда ВКП(б) и опираясь на опыт передовых колхозов республики, Дагестанский обком ВКП(б) и Совнарком ДАССР 25 августа 1939 года приняли постановление «О состоянии организации труда, учета и отчетности в колхозах Дагестанской АССР», где наметили конкретные мероприятия по улучшению организации труда в колхозах. Это решение помогло ликвидировать имевшиеся нарушения в организации труда, поднимало ответственность бригад и звеньев за проведение сельскохозяйственных работ.

В годы третьей пятилетки колхозники Дагестана, под руководством партийной организации выявляли новые людские резервы и материальные возможности, не используемые в

¹ «Дагестанская правда» от 25 января 1940 г.

² «Дагестанская правда» от 30 января 1940 г.

общественном производстве, и направляли их на подъем экономики артелей.

Колхозники Буйнакского района первыми в республике подняли вопрос о пересмотре и сокращении штатов административно-управленческого аппарата артелей и другого персонала, непосредственно не занятого на производстве. Колхозники района решили покончить с таким положением, когда десятки трудоспособных членов артели, занимая должности экспедиторов, музыкантов, сторожей, нарядчиков и т. д., не участвуют в общественном производстве.

Под руководством районного комитета партии буйнакские колхозники успешно провели работу по сокращению штатов персонала, непосредственно не занятого на производстве. Так, в колхозе имени Сталина, сел. Сталин-аул, из 103 должностных единиц осталось 41, что дало возможность экономить 11.339 трудодней в год; сокращение 43 единиц позволило колхозу «Красный Октябрь» экономить 14.819 трудодней в год; сократив 23 штатные единицы, колхозники артели имени Дахадаева сэкономили за год 12 тыс. трудодней. В результате этих мероприятий в 35 колхозах Буйнакского района из 1618 человек управленческого аппарата осталось 879, причем из этого числа 294 человека были утверждены сезонными сторожами, главным образом, на летний период. Проведение этих мероприятий сэкономило колхозам района 119.543 трудодня и высвободило непосредственно для общественного производства 739 человек¹.

Проверив положение на местах, Дагестанский обком ВКП(б) установил, что во всех колхозах республики имеются ненужные штатные должности. В январе 1940 года обком предложил всем райкомам ВКП(б) и райисполкомам принять необходимые меры к пересмотру и сокращению штатных единиц административно-управленческого аппарата колхозов и навести полный порядок в учете и оплате труда колхозников.

В годы третьей пятилетки были приняты также меры к правильной оплате труда колхозников. В колхозной практике нередко имели место нарушения индивидуального подхода в оценке выполненной работы. При оценке работы не учитывалось качество ее выполнения и таким образом создавалась несправедливость в оплате труда. Бригада или звено, работавшее лучше других, собравшее больше зерна или других культур с гектара, вырастившее больше ягнят, телят и т. д., получало за свою работу столько же, сколько бригада или звено, имевшее худшие показатели, но выработавшее одинаковое количество трудодней. Естественно, такой порядок оплаты труда не поддерживал материальную заинтересован-

¹ «Дагестанская правда» от 25 января 1941 г.

ность колхозников в достижении высоких производственных показателей. Все это задерживало повышение урожайности сельскохозяйственных культур и рост продуктивности животноводства.

Партия и правительство приняли меры к ликвидации такого положения в оплате труда в колхозах страны. В течение 1940—1941 гг. СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) были приняты специальные решения по отдельным районам страны и, в частности, 1 марта 1941 года «О дополнительной оплате труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства Дагестанской АССР». В этом постановлении предусматривалась дополнительная оплата за перевыполнение плана урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства колхозникам, звеньевым, бригадирам заведующим фермами, колхозным агрономам, зооветперсоналу, а также председателям правлений колхозов в зависимости от размеров хозяйства. Постановление партии и правительства, являясь важным стимулом в подъеме производительности труда, в то же время было направлено на улучшение материального благосостояния колхозного крестьянства.

В какой степени новый порядок оплаты труда стимулировал, например, работников животноводства, видно из многочисленных данных о работе передовиков. Так, чабану колхоза имени Ленина, Акушинского района, Гаджи Магомедову, сохранившему 1126 ягнят от закрепленных за ним 949 овцематок в соответствии со старым порядком оплаты начислили 378 трудодней, на которые выдали 1738 рублей деньгами и 453 кг зерна. По новому же порядку оплаты труда ему причиталось дополнительно 45 овчин за сохраненных сверх плана 228 ягнят. Кроме того, учитывая, что отара, обслуживаемая Магомедовым, кочует в Орджоникидзевском крае, норма дополнительной оплаты увеличена на 100%. Следовательно, он имел право получить дополнительно 90 овчин, что в переводе на деньги составляло около 3 тысяч рублей¹.

Трудящиеся Дагестана с большим воодушевлением встретили решение партии и правительства. Колхозники пересматривали планы, вносили в них поправки в сторону получения более высоких урожаев сельскохозяйственных культур и повышения продуктивности животноводства. Так, например, вторая бригада колхоза сел. Манаскент, Карабудахкентского района, по ранее принятому производственному плану намечала получить урожай озимой пшеницы 13,5 центнера с гектара, озимого ячменя 15, ярового ячменя — 10, овса — 10, хлопка — 8, бахчевых культур — 200, картофеля — 85 центнеров.

¹ «Дагестанская правда» от 11 марта 1941 г.

Обсудив постановление партии и правительства, бригада пересмотрела свой план и решила работать так, чтобы получить урожай озимой пшеницы не менее 17 центнеров с гектара, озимого ячменя более 15 центнеров и т. д.¹ В таком же направлении пересматривали свои планы и брали повышенные обязательства все труженики колхозного села Дагестанской АССР.

Для успешного выполнения взятых обязательств колхозники изыскивали новые резервы производства. В условиях Дагестана, где широкое применение машин в сельском хозяйстве ограничено районами плоскостной и отчасти предгорной зон, исключительное значение имело использование рабочего скота. В 1940 году, по сравнению с 1939 годом, увеличился объем работ, выполненных не только тракторным парком, о чем мы уже говорили, но и рабочим скотом. Об этом свидетельствуют следующие данные (в гектарах)²

Наименование работ, выполненных с привлечением рабочего скота	На плоскости		В горах	
	1939 г.	1940 г.	1939 г.	1940 г.
Весновспашка	26574	33503	св. нет	18158
Подъем чистых паров	14798	12162	9171	15158
Пахота под озимые	20307	35315	4587	16795
Подъем зяби	4100	31833	8966	25740
Всего	65779	112813	22724	75851

Таким образом, объем основных полевых работ, выполненных с привлечением рабочего скота, в 1940 году был более чем на 100 тыс. гектаров выше по сравнению с 1939 годом.

Успешное проведение работ по обработке почвы являлось залогом повышения урожайности зерновых культур. По этому показателю Дагестанская республика вполную подошла к выполнению задания третьей пятилетки, т. е. было получено 12,1 центнера зерна с гектара³.

В годы третьей пятилетки широкий размах приняла работа по подготовке специалистов всех отраслей сельского хозяйства. Дагестанский обком ВКП(б) в постановлении от 4 декабря 1938 года «О мероприятиях по повышению квалификации работников сельского хозяйства, МТС и колхозов» признал необходимым организовать шесть специализированных республиканских сельскохозяйственных школ с общим

¹ «Дагестанская правда» от 25 марта 1941 г.

² «Дагестанская правда» от 7 февраля 1941 г.

³ Архив Дагфилиала ИМЛ, д. 684, л. 175.

контингентом 1550 человек¹. Во многих районах республики работали колхозные школы по подготовке специалистов по отдельным отраслям сельского хозяйства. В 1939 г. эти школы и курсы подготовили 5538 человек².

Широкий размах подготовки сельскохозяйственных кадров в годы третьей пятилетки показывают данные за 1941 год. В этом году 88 человек окончили 5-месячные курсы повышения квалификации колхозных кадров в Буйнакске³; 119 человек — 5-месячные курсы председателей колхозов в Хунзахе⁴; 25 человек — 3-месячные курсы⁵; кроме того было подготовлено 88 колхозных бухгалтеров и 206 счетоводов⁶. В 1941 году были организованы краткосрочные курсы для колхозников-специалистов. В 25 районах эти курсы сроком от 5—10 до 35 дней окончили 2924 человека⁷. Во всех районах республики работали также кружки по изучению и распространению опыта передовиков полеводства, животноводства, плодоводства и т. д. В 1941 году агротехническими кружками и стахановскими школами в 19 районах было охвачено 4388 человек⁸.

В республике готовились также специалисты сельскохозяйственного производства высшей и средней квалификации. До 1940 года Дагестанский сельскохозяйственный институт выпустил 250 агрономов-полеводов, плодо-овощеводов, виноградарей и виноделов. Сотни специалистов были подготовлены сельскохозяйственным и ветеринарным техникумами⁹. В школах, на курсах и непосредственно в МТС готовились также кадры механизаторов сельского хозяйства.

В предвоенные годы было начато селение хуторских хозяйств из горных малоземельных районов в плоскостную часть республики. Селение хуторских хозяйств в плоскостные районы, где имелись пустующие плодородные земли, имело исключительно большое значение как для укрепления производственной базы малоземельных горных колхозов, откуда переселялись хозяйства, так и для самих переселенцев.

В 1940 г. план сселения хуторских хозяйств на плоскость был выполнен на 106,6%, или было переселено 3978

¹ Архив ИМА при ЦК КПСС. Решение Дагестанской парторганизации от 4 декабря 1938 г.

² Р. Магомедов и А. Назаревич. 25 лет Дагестанской АССР. Махачкала, 1945, стр. 98.

³ Архив ИМА при ЦК КПСС. Решение Дагестанской парторганизации от 4 декабря 1938 г.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 24, д. 290, л. 96.

⁵ Там же, л. 100.

⁶ Там же, л. 91.

⁷ Там же, л. 85.

⁸ Там же, л. 105.

⁹ Р. Магомедов и А. Назаревич. 25 лет Дагестанской АССР. Махачкала, 1945, стр. 98.

хозяйств¹. За первое полугодие 1941 года, т. е. к 1 июля 1941 года было переселено на плоскость 569 хозяйств или 81% годового плана².

Переселение хозяйств из горных районов в плоскостные явилось одним из мероприятий партии и правительства, направленных на разрешение вопроса землеустройства колхозов горного Дагестана. Необходимость переселения получила свое подтверждение в последующие годы, когда целые колхозы спускались с гор на плоскость, где они заметно росли экономически, становились многоотраслевыми.

Благоприятные почвенно-климатические условия в плоскостной и предгорной зонах Дагестана позволяли колхозам постепенно внедрять в практику методы получения двух урожаев разных сельскохозяйственных культур в год на одной и той же площади. Опыты, проведенные научными сотрудниками и студентами Дагестанского сельскохозяйственного института в районе Махачкалы, убеждали в полной реальности этой задачи. Так, в 1940 году после уборки озимого ячменя 23 июня было посеяна кукуруза, которая созрела 12 октября. Урожай ячменя составил 17 центнеров с га, а кукурузы — 20 центнеров; после уборки озимой пшеницы (21,7 центнера с га) 5 июля был посажен картофель, который поспел 25 октября и урожай составил 92,7 с га³.

Эти опыты показывают наличие неисчерпаемых резервов для крутого подъема сельскохозяйственного производства в Дагестане. Положительные результаты этих опытов, с нашей точки зрения, заслуживают особого внимания и в настоящее время, когда все труженики социалистического сельского хозяйства страны, выполняя решения XX съезда КПСС, ищут дополнительные резервы для дальнейшего подъема всех отраслей сельского хозяйства.

Благоприятные климатические условия Дагестана определили значительное место садоводства в сельскохозяйственном производстве. По данным 1938 года, под садами было занято 4,4% всей посевной площади республики. Таким образом, по удельному весу садов Дагестан занимал второе место (после Грузинской ССР — 4,9%) среди всех республик и областей страны, занимающихся садоводством. Для многих колхозов Дагестана садоводство было и остается основной, наиболее выгодной и перспективной отраслью сельского хозяйства.

Проведенные в 1939 году мероприятия по организационно-хозяйственному укреплению колхозов способствовали коренному улучшению садоводства. Если в 1938 году фруктовые

¹ ЦГА ДАССР, ф. 168, оп. 21, д. 18, л. 243.

² ЦГА ДАССР, ф. 260, оп. 20, д. 71, л. 61.

³ «Дагестанская правда» от 7 февраля 1941 г.

деревья были посажены на площади 450 га, а в 1939 году на площади 839 га, то в 1940 году они были посажены на площади 2402 га. Кроме того, в 1940 году колхозники посадили на приусадебных участках 54297 фруктовых деревьев. План посадки фруктовых деревьев в колхозах в 1940 году был выполнен на 207%¹. Благодаря помощи государства плановые посадки плодовых деревьев в колхозах с 1939 года стали обеспечиваться саженцами, выращиваемыми в Буйнакском и Касумкентском питомниках Дагконсервтреста и в самих колхозах.

Колхозные садоводы в предвоенные годы принимали все меры для улучшения ухода за насаждениями и получения высоких урожаев плодов. Большая работа была проведена и по обводнению садов. Были отремонтированы старые и построенные новые каналы местного значения в колхозах Левашинского, Ахтынского, Хасавюртовского, Буйнакского и других районов.

Благодаря хорошему уходу за садами, колхозы республики получали по 80—120² центнеров косточковых и семячковых плодов с гектара. В 1939 году в Дагестанской АССР было выработано 5,5 млн условных банок фруктовых компотов, что составляло 17% общесоюзного производства³.

Значительных трудовых успехов добились в годы третьей пятилетки и виноградари республики. Если в 1937 году урожай винограда составил в среднем 72 центнера с га, а в 1938 году 92 центнера, то в 1939 г. — 110 центнеров с каждого гектара. В 1941 году винзаводы и совхозы Дагвинтреста запланировали переработать 10393 тонны винограда — почти на 50% больше, чем в 1940 году⁴.

В предвоенные годы колхозы Дагестана стали уделять больше внимания выращиванию овоще-бахчевых культур и картофеля. Площадь под этими культурами в 1940 году по сравнению с 1927 годом выросла в 8—10 раз⁵. Следует отметить, что колхозы горных районов, которые раньше не занимались овощеводством, стали получать хорошие урожаи овощей на сравнительно больших площадях. Здесь под овощными культурами в 1939 году было занято 148 га, а в 1940 году — 309 га⁶.

Специалисты сельского хозяйства, новаторы производства доказали, что в горных условиях Дагестана можно получать

¹ Архив Даг. филиала ИМЛ, д. 684, л. 156.

² Сельское хозяйство Дагестана. Изд. АН СССР, 1946, стр. 137.

³ «Дагестанская правда» от 21 ноября 1940 г.

⁴ «Дагестанская правда» от 21 мая 1941 г.

⁵ Архив ИМЛ при ЦК КПСС. Решение Дагестанской парторганизации от 16 декабря 1940 г.

⁶ ЦГА ДАССР, ф. 260, оп. 20, д. 71, л. 66.

высокие урожаи овощных культур. Так, старший агроном Кулинского районного земельного отдела Бакриев в 1940 году получил в среднем с одного гектара по 180 центнеров капусты, 120 центнеров моркови, 150 центнеров тыквы, более 300 центнеров томатов и 210 центнеров кормовой свеклы¹. План сева овоще-бахчевых культур колхозы горных районов в 1940 году выполнили на 302%². Дальнейшее внедрение овощных культур в производстве горных колхозов происходило в связи с освоением прикутанных земель.

В годы третьей пятилетки значительное развитие получают и такие отрасли хозяйства как шелководство, пчеловодство, птицеводство и т. д. Коконов тутового шелкопряда, например, в 1939 году было собрано 16.607 кг, тогда как в 1933 году всего 7363 кг. Шелководы Дагестана в течение трех предвоенных лет освоили новый вид шелководства — дубовый шелкопряд. Если в 1937 году коконов дубового шелкопряда было получено 182 кг, то в 1940 г. — 5082 кг³.

Решение задачи значительного увеличения продукции всех отраслей сельского хозяйства было тесно связано с освоением новых земель, с организацией искусственного орошения. В плоскостной части Дагестана десятки тысяч гектаров плодородных земель пустовали из-за недостатка влаги. Естественно, ремонт существующих оросительных каналов и строительство новых ирригационных сооружений в безводных степях и полупустынях, где преобладал сухой и жаркий климат, являлось единственным путем включения в хозяйственный оборот новых массивов посевных площадей и пастбищ. Еще в первый год существования Дагестанской АССР 14 апреля 1921 года, в письме к коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики В. И. Ленин указывал: «Орошение особенно важно, чтобы поднять земледелие и скотоводство... Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»⁴.

Выполняя заветы великого Ленина, трудящиеся Дагестана осуществили первую в стране народную стройку. В 1922 году был построен канал имени Октябрьской революции от реки Сулака до города Махачкалы, протяжением 91 км. За массовый трудовой героизм, проявленный на строительстве этого канала, республика в 1923 году была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

¹ Архив ИМЛ при ЦК КПСС. Решение Дагестанской парторганизации от 16 декабря 1940 г.

² Сельское хозяйство Дагестана. Изд. АН СССР, 1946, стр. 158.

³ «Дагестанская правда» от 16 апреля 1941 г.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 296—297.

В дальнейшем сеть ирригационных сооружений неуклонно расширялась, площади орошаемых земель увеличивались. Однако особенно широко развернулась работа по реконструкции старых и строительству новых каналов в годы третьей пятилетки. Колхозники Дагестана подхватили почин ферганцев, построивших скоростными методами крупнейший в Советском Союзе канал имени Сталина. Областной комитет партии поддержал инициативу колхозников сельхозартели имени Калинина, Хасавюртовского района, призвавших всех колхозников Хасавюртовского и Бабаюртовского районов в месячный срок по методу ферганцев завершить работы по расширению канала Кушбар.

Строительство канала проходило в феврале 1940 года в трудных условиях. На протяжении всей трассы земля была влажная, липкая, приходилось часто корчевать деревья и кустарники. Холодные ветры, сильные дожди, морозы и снега не могли сломить упорство строителей канала. Шла напряженная борьба людей с природой. Не было ни одного колхозника, который не перевыполнял бы плана земляных работ. Колхозники сельхозартели «Ленинизм» закончили работы на своем участке за 7 дней — на 23 дня раньше срока. Колхоз «Кзыл байрам» выполнил плановое задание за два дня — на 28 дней раньше срока»¹ Колхозники артелей, досрочно завершивших свои плановые задания, не уходили со стройки до окончания всех работ на канале.

Благодаря огромной массово-политической работе партийных организаций на стройку выходило ежедневно более 2 тыс. человек вместо намеченных 1200. Все работы на канале были закончены за 17 рабочих дней, т. е. на 13 дней раньше срока. Строители канала выполнили земляные работы объемом 178.500 кубических метров. Старый маловодный канал был превращен в мощную оросительную магистраль длиной 25 км и шириной 7 метров².

В это же время развернулось строительство Самур-Дербентского канала, на необходимость сооружения которого указывали ЦК ВКП(б) и СНК СССР в постановлении от 26 февраля 1939 года. В южном Дагестане раскинулись виноградники и сады, выращивались высокие урожаи зерновых культур. Но развитие этого богатого района тормозил недостаток воды. Достаточно сказать, что только 40% орошаемых земель получали воду в достаточном количестве. А орошаемая площадь составляла всего 10 тыс. га из 60 тыс. га земли, нуждавшейся в орошении³.

¹ «Дагестанская правда» от 20 марта 1940 г.

² Там же, от 20 мая 1940 г.

³ Там же, от 18 мая 1940 г.

На строительство Самур-Дербентского канала первой очередей вышло более двух тысяч колхозников 52 артелей Дербентского района. Заключив договор о социалистическом соревновании, строители канала за 21 рабочий день (с 15 апреля по 5 мая 1940 года) завершили все работы на канале протяжением 22,5 км. Было выброшено 160 тыс. куб. метров грунта. Благодаря этой трудовой победе колхозников, орошаемая площадь земли увеличилась на 14 тыс. га¹.

СНК ДАССР и Дагестанский областной комитет ВКП(б) внесли предложения в СНК СССР и ЦК ВКП(б) о реконструкции магистрального канала имени Дзержинского. СНК СССР и ЦК ВКП(б) одобрили инициативу Дагестанской партийной организации и решили оказать материальную и техническую помощь строителям. Колхозники всех районов республики выразили желание принять участие в реконструкции этого канала. На место строительства прибыло более 16 тыс. колхозников, представителей всех народностей Дагестана: аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, таты и др. Охваченные высоким патриотическим чувством, горцы Дагестана пришли за 300—400 километров в кумыкскую степь, чтобы напоить ее водой и превратить в цветущий край.

Развернув социалистическое соревнование, строители канала добились высоких трудовых показателей. Всеобщее восхищение вызвала работа колхозников Ботлихского района. Они строили головной участок канала шириной 20 метров. Работать приходилось стоя по колено в воде, причем берега были покрыты густым колючим кустарником. И в этих условиях ботлихцы систематически перевыполняли нормы.

Массовый трудовой героизм колхозников-строителей канала стал возможным лишь благодаря воспитательной работе Коммунистической партии, проводившейся в деревне в годы социалистического строительства. Сбылись пророческие слова В. И. Ленина, который говорил: «Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: «все за одного и один за всех»..., чтобы вводить постепенно, но неуклонно коммунистическую дисциплину и коммунистический труд»².

Строительство каналов было школой коммунистического воспитания колхозного крестьянства в духе высокого патриотизма и преданности Родине. Здесь, на стройках, цементовалась дружба горцев. На стройках колхозники учились организованности, коллективному труду.

Коммунисты являлись инициаторами социалистического соревнования на стройках. Они не только пламенным

¹ «Дагестанская правда» от 29 сентября 1940 г.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 103.

большевистским словом, но и личным примером воодушевляли массы на достижение высоких трудовых показателей. 779 коммунистов, работавших на канале имени Дзержинского, были не только агитаторами, но и шли в авангарде 13-тысячной армии колхозников-строителей. Всей республике стали известны имена коммунистов М. Меджидова, А. Билалова, М. Мусаева и других передовиков, выполнявших ежедневно по 5—6 норм. В стахановский день, 7 сентября 1940 г., когда 12.587 колхозников выбросили 102.102 кубометра грунта¹ коммунист Меджид Абдуллаев из Цумадинского района выполнил норму на 800⁰/₀².

Благодаря авангардной роли коммунистов, широкому размаху политико-массовой работы среди строителей и четкой организации труда на всех участках, все работы на канале имени Дзержинского были закончены за 20 дней, т. е. на 10 дней раньше намеченного срока. На протяжении 77 км канал был расширен, трасса канала была удлинена на 16 км. Были произведены земляные работы объемом 1.142.485 кубометров. Пропускная способность канала в головной части была доведена до 25,5 кубометров в секунду. Сооружение этого канала дало возможность увеличить посевные площади на 45 тыс. гектаров, обводнить пастбища площадью 55 тыс. гектаров и снабдить хорошей питьевой водой многие населенные пункты³.

В том же 1940 году 2500 колхозников пяти районов южного Дагестана, вынув 246 тыс. кубометров грунта, закончили скальные и земляные работы на строительстве самого большого горного оросительного сооружения в СССР — Ахтынского магистрального канала. На этом канале воздвигалось 75 гидротехнических сооружений⁴.

В годы третьей пятилетки закончилось строительство сложной горной ирригационной сети, обеспечившей водой 600 гектаров садов сел. Хаджал-Махи, Левашинского района⁵.

Благодаря усилиям колхозников республики Дагестан покрывался сетью мелких и крупных оросительных каналов. В 1930 году в республике насчитывалось уже более 800 ирригационных каналов⁶. Оросительная сеть обеспечивала полив 167 тыс. га земли, что составляло 48⁰/₀ всей посевной площади республики⁷. Оросительные каналы превращали безводные

1 «Дагестанская правда» от 11 сентября 1940 г.

2 «Дагестанская правда» от 21 сентября 1940 г.

3 «Дагестанская правда» от 3 декабря 1941 г.

4 Там же.

5 «Дагестанская правда» от 24 октября 1938 г.

6 Архив ИМА при ЦК КПСС. Решение Дагестанской партийной организации от 16 декабря 1940 г.

7 Сельское хозяйство Дагестана. Изд. АН СССР, 1946, стр. 12.

степи и горные долины Дагестана в плодородные поля, сады и виноградники.

Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли большое внимание вопросам ирригации. Государство отпускало для этой цели строительные материалы, оборудование, машины. На строительстве канала имени Дзержинского, например, работало 87 автомашин¹. За годы довоенных пятилеток государство выделило на развитие водного хозяйства Дагестана более 97 млн рублей². Союзные и федеративные органы водного хозяйства ежегодно отпускали на организацию технической эксплуатации ирригационных сооружений Дагестана более 3,5 млн рублей бюджетных ассигнований³.

Все эти успехи колхозников Дагестана стали возможными благодаря мероприятиям по организационно-хозяйственному укреплению сельхозартелей, проведенным в годы третьей пятилетки, благодаря росту их технической оснащенности и громадной работе Коммунистической партии по воспитанию колхозного крестьянства. Именно на этой основе предвоенный год ознаменовался могучим проявлением народной инициативы, массовым патриотическим движением по строительству каналов и дорог (в горах ДАССР колхозниками были построены десятки дорог: Шиляги — Варсит, Кумух — Гуниб и т. д.), в котором участвовали тысячи колхозников. Это сознательное, добровольное движение колхозников свидетельствовало о том, как близки стали для тружеников социалистического села интересы общественного хозяйства, интересы государства. Массовый трудовой героизм, проявленный при сооружении оросительных каналов, являлся наглядной демонстрацией великой жизненной силы колхозного строя, преданности трудящихся крестьян этому строю.

Только в результате победы социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве могли развернуться крупные народные стройки. Благодаря огромной помощи социалистического государства, рабочего класса и Коммунистической партии колхозное крестьянство смогло добиться успехов в осуществлении гигантских планов освоения новых земель, в преобразовании природы.

Знаменательным событием в жизни всей нашей страны явилось открытие 1 августа 1939 года Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Демонстрация на ВСХВ достижений Дагестанской АССР явилась ярким примером братской дружбы народов Советского Союза.

¹ «Дагестанская правда» от 21 сентября 1940 г.

² Р. Магомедов и А. Назаревич. 25 лет Дагестанской АССР. Махачкала, 1945, стр. 91.

³ «Дагестанская правда» от 25 апреля 1941 г.

На выставке 1939 г. участвовало 495 экспонентов Дагестана, в том числе 41 колхоз, 56 колхозных животноводческих ферм и 388 передовиков, организаторов и специалистов сельского хозяйства. В 1940 году экспонентов от Дагестана было уже 842, в том числе 98 колхозов, 76 колхозных животноводческих товарных ферм и 2 МТС¹. ВСХВ явилась всенародным университетом, где представители каждого колхоза, совхоза, МТС учились передовым методам выращивания высоких урожаев сельскохозяйственных культур и повышению продуктивности животноводства. Выставка наглядно показала всему миру могучий расцвет сельского хозяйства нашей страны, достигнутый благодаря победе новых социалистических производственных отношений, благодаря всепобеждающей силе союза рабочего класса и колхозного крестьянства. ВСХВ показала, что колхозный строй открыл безграничный простор для подъема производительных сил деревни, вызвал к жизни творческую энергию миллионных масс крестьянства.

Победа колхозного строя в Дагестане была достигнута благодаря бескорыстной помощи великого русского народа и других братских народов страны. Успехи индустриального развития нашей страны явились решающим условием утверждения новых производственных отношений в деревне.

Развитие промышленности в республике имело исключительное значение в преобразовании края. В годы третьей пятилетки трудящиеся Дагестана вели напряженную борьбу за дальнейший подъем промышленности. Следуя примеру рабочих передовых предприятий страны, машиностроители, нефтяники, текстильщики, консервщики, пищевики Дагестана применяли более прогрессивные методы работы и новые формы социалистического соревнования—многостаночное обслуживание, совмещение профессий и т. д.

Подъем трудовой активности рабочего класса и непрерывное совершенствование техники производства, обеспечили неуклонное повышение производительности труда. В 1938 г. по сравнению с предыдущим годом она увеличилась на 13,2%, в 1939 г. — на 14,5% и 1940 г. — на 16,1%².

Капиталовложения в промышленность и энергетику республики за первые три года пятилетки составили около 160 млн. рублей. В результате этого увеличились основные фонды промышленности. В 1940 г. они составили 426 млн. рублей против 19 млн рублей в 1928 году³. За три года третьей пятилетки валовая продукция всей промышленности увеличилась

¹ Сельское хозяйство Дагестана. Изд. АН СССР, 1946, стр. 14.

² ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 17, д. 99, л. 6.

³ Н. Р. Нахшуров. Промышленность Дагестана за 25 лет. Блокнот агитатора. Махачкала. 1945, № 5, стр. 26.

на 58%, а таких отраслей тяжелой промышленности, как например, металлообрабатывающая — на 60%. Валовая продукция тяжелой промышленности в 1940 г. составила свыше 88% всей промышленной продукции республики. В этом году промышленность выпустила более 65% продукции народного хозяйства республики¹.

На основе непрерывного роста промышленного производства и подъема экономики сельхозартелей в годы третьей пятилетки происходило дальнейшее повышение жизненного уровня колхозного крестьянства и всего советского народа. Накануне Великой Отечественной войны три четверти колхозов плоскостных районов республики на один трудодень выдавали по 5—10 и более кг зерна на трудодень². С каждым годом росла покупательная способность трудящихся Дагестана. Розничный товароборот торгующих организаций республики с 1932 г. по 1939 г. увеличился в 3,7 раза³.

Коренным образом изменился облик дагестанского аула. Если дореволюционный аул характеризовался темнотой и невежеством, бесправием и полуголодным существованием трудящихся горцев, эпидемическими заболеваниями, которые уносили тысячи жизней, то в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического преобразования сельского хозяйства аул превратился в место культурной и зажиточной жизни строителей коммунизма.

Победа колхозного строя превратила сельское хозяйство нашей страны в высокомеханизированное, самое мощное и крупное сельское хозяйство в мире. Сельское хозяйство Советского Союза, так же, как и вся его экономика, выдержало суровые испытания военного времени. В тяжелых условиях Великой Отечественной войны, несмотря на значительное сокращение людских и материальных ресурсов, занятых в сельском хозяйстве, труженики колхозного села республики с честью выполняли задания государства. На 1 августа 1941 года, например, государству было сдано в 3 раза больше хлеба, чем на тот же срок в 1940 г.⁴ Для обеспечения себя хлебом и концентрированными кормами, колхозы горных районов Дагестана расширили прикутанные посевы с 5,2 тыс. га в 1940 г. до 14,2 тыс. га в 1944 г.⁵

Благодаря небывалому трудовому и политическому подъему колхозников все сельскохозяйственные работы выполнялись с лучшими показателями. Так, например, в 1944 г. сверх

¹ ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 17, д. 99, л. 5.

² Архив Даг филиала ИМЛ, д. 425, л. 3—4.

³ ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 17, д. 99, л. 5.

⁴ «Дагестанская правда» от 12 августа 1941 г.

⁵ Сельское хозяйство Дагестана, Изд. АН СССР, 1946, стр. 18.

плана было сдано 90 тыс. пудов хлеба. В 1945 г. республика на два месяца раньше, чем в 1944 г. и первой среди областей и республик Советского Союза выполнила план хлебозаготовок и сдала государству тысячи пудов хлеба сверх плана¹.

В годы Великой Отечественной войны колхозы Дагестана успешно выполняли задания и по сдаче государству продукции животноводства. Так, например, в 1944 г., выполнив план сдачи животноводческих продуктов, колхозы республики сдали авансом в счет 1945 г. 2472 тонн мяса, 200 тонн масла, 347 тонн брынзы, 847 тонн шерсти, 27 тыс. штук кож и много других продуктов. По итогам социалистического соревнования в области животноводства Дагестанской республике и Лакскому району дважды были присуждены переходящие Красные знамена Государственного Комитета Оборона. Таким образом, в суровые годы войны социалистическое сельское хозяйство республики доказало свою великую жизненную силу и способность во все возрастающих размерах обеспечивать армию и население продовольствием, а обрабатывающую промышленность сырьем.

Колхозы Дагестанской АССР с честью выдержали суровые испытания военного времени благодаря тому, что в них в предвоенные годы были проведены мероприятия по ликвидации нарушений Устава сельхозартели, благодаря организационному и хозяйственному укреплению, созданию прочной производственной базы и обеспечению передовой техникой, благодаря подъему экономики и превращению колхозов в многоотраслевые хозяйства.

Под руководством партийной организации республики колхозники Дагестана сейчас добиваются новых успехов в выполнении задач, поставленных XX съездом КПСС по крутому подъему всех отраслей сельского хозяйства, с тем, чтобы в ближайшие годы догнать Соединенные Штаты Америки в производстве масла, мяса и молока на душу населения.

¹ «Дагестанская правда» от 14 октября 1945 г.

² Сельское хозяйство Дагестана. Изд. АН СССР, 1946, стр. 22—23.

УСПЕХИ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ДАГЕСТАНЕ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Одним из важнейших завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции является расцвет социалистической культуры народов СССР. За годы Советской власти у нас осуществлена подлинная культурная революция, превратившая Советский Союз в страну самой передовой культуры. Вдохновителем и организатором этой культурной революции явилась Коммунистическая партия Советского Союза.

Советский Союз унаследовал от дореволюционной России невероятную культурную отсталость. Три четверти населения были неграмотными. Многочисленные нерусские народы прозябали в темноте и невежестве. Царизм стремился задушить всякое проявление национальной культуры этих народов. На многих колониальных окраинах дореволюционной России царила почти сплошная неграмотность населения.

Одной из таких отсталых колониальных окраин являлся и дореволюционный Дагестан. Трудящиеся Дагестана находились под тяжелым гнетом царского самодержавия, капиталистов и местных феодалов. Хозяйственная отсталость, жестокое социальное и национальное угнетение, а также патриархально-родовые пережитки и огромное влияние религии служили сильнейшим тормозом культурного развития трудящихся Дагестана.

По данным переписи 1897 года грамотность населения Дагестанской области составляла 9,2 процента. Даже в 1915 году здесь имелось всего 93 светских школы с 7092 учащимися, что составляет лишь около 5% детей школьного возраста. В 693 мусульманских духовных школах обучалось 7456 детей. Обучение в этих школах проводилось в религиозно-схоластическом духе.

Из профессиональных учебных заведений в Дагестанской области существовали: школа садоводства в г. Дербенте и ремесленная школа в г. Темир-Хан-Шура (ныне г. Буйнакск). Функционировали ремесленные отделения при нескольких сельских училищах. В городах Порт-Петровске (ныне г. Махачкала) и Темир-Хан-Шуре работали два педагогических класса. В каждом из этих классов училось 10—15 человек.

В Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске и Дербенте имелись типографии, но не было налажено издательское дело. Газет на местных языках не существовало. Типография Мавраева в Темир-Хан-Шуре издавала, главным образом, книги духовного содержания.

На всю Дагестанскую область накануне революции имелось немногим более 10 библиотек¹ с небольшим книжным фондом. Они могли удовлетворить потребности в книге лишь незначительной части населения.

Существовавшие до революции несколько примитивно оборудованных клубов были малодоступны трудовым слоям народа и могли обслужить лишь очень незначительную часть его.

Дореволюционный Дагестан почти не знал электричества, не знал радио. Телефонная и телеграфная связь была развита очень слабо.

Царские власти не проявляли заботы о благоустройстве городов и аулов Дагестана. Плохое санитарное состояние их, необеспеченность населения квалифицированной медицинской помощью имели своим следствием частые эпидемии, уносившие в могилу тысячи дагестанцев. Громадное большинство населения пользовалось услугами многочисленных знахарей, «лечивших» больных с помощью заговоров, амулетов и т. п. Это и понятно, ибо даже в 1913 году один врач приходился здесь на 18,4 тысячи населения и один фельдшер на 7,1 тысячи человек. В сельской местности, где проживало около 630 тысяч населения, имелось всего 18 маленьких больниц с 108 койками².

Только победа Великой Октябрьской социалистической революции создала условия для подлинного подъема и расцвета культуры в Дагестане. Во всех областях культурного строительства— в росте народного образования, создании кадров советской интеллигенции, развитии литературы, науки, искусства Дагестанская АССР в дружной семье братских народов нашей страны добилась за годы Советской власти огромных успехов.

Мудрая национальная политика Коммунистической партии обеспечила победу культурной революции, превратившей

¹ Вместе с библиотеками учебных заведений.

² Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1915.

Дагестан из отсталой в культурном отношении страны в страну высокой культуры — национальной по форме, социалистической по содержанию.

* *
*

Одним из самых важных вопросов культурной революции является вопрос о народном образовании. Победа Советской власти дала возможность осуществить коренную перестройку дела народного образования. В программе партии, принятой на VIII съезде, говорится: «В области народного просвещения РКП ставит своей задачей довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 г. дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества»¹.

Сразу же после Октябрьской революции большевистская партия приступила к ломке старого аппарата народного образования, являвшегося составным элементом буржуазной государственной машины и служившего интересам эксплуататорских классов. На II Всероссийском съезде Советов в составе первого Советского правительства был утвержден народный комиссариат просвещения. В соответствии с декретом СНК РСФСР «Об организации дела народного образования в Российской республике» были созданы местные органы народного образования. 23 января 1918 г. был опубликован декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», подписанный В. И. Лениным.

Советская власть передала все учебные заведения в ведение Наркомпроса, ввела совместное обучение учащихся обоего пола. Были пересмотрены учебные планы и программы начальных и средних школ, изъяты вредные учебники, введено новое правописание и т. д.

Мероприятия Коммунистической партии и Советской власти в области народного образования имели особенно большое значение для трудящихся бывших колониальных окраин царской России, перед которыми открывались невиданные возможности для развития культуры. Опираясь на свою мудрую национальную политику, Коммунистическая партия приступила к созданию и быстрому расширению сети школ для нерусских народов с обучением на их родном языке. Это было необходимым условием ликвидации в кратчайший срок культурной отсталости народов национальных окраин и фактического их неравенства.

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», часть I, 1954, издание седьмое, стр. 419.

В Дагестане строительство новой советской школы началось весной 1918 года, с установлением здесь Советской власти. Народная власть в лице областного военно-революционного комитета, а позднее областного исполнительного комитета Советов, в трудных условиях гражданской войны провела ряд мероприятий по коренной перестройке дела просвещения трудящихся. К числу этих мероприятий относится, в частности, учреждение отдела народного образования, а при нем в качестве совещательного органа — совета по народному образованию, решение вопроса о заработной плате для учителей, создание комиссии по составлению и изданию учебников для дагестанской школы, созыв съезда учителей и т. д.

Начатая перестройка дела школьного образования была, однако, прервана гражданской войной и иностранной военной интервенцией. С новой силой эта работа была возобновлена в марте—апреле 1920 года, когда Советская власть утвердилась в Дагестане окончательно.

Для непосредственного руководства народным образованием и другими отраслями культурного строительства при Дагестанском революционном комитете в апреле 1920 года был организован отдел просвещения и печати. Соответствующие отделы по руководству народным просвещением были созданы также в городах и округах Дагестана.

Ревкомы и отделы народного образования, опираясь на решения Коммунистической партии и Советского правительства, на революционный энтузиазм трудящихся, развернули широкую деятельность по открытию школ. Уже к 1 июля 1920 года в Дагестане было открыто 108 школ¹. Для подготовки учителей из местных народностей в Дербенте и Темир-Хан-Шуре были открыты краткосрочные педагогические курсы.

Органы народного образования и учительство Дагестана взялись за практическое решение задач школьного образования. Вопросы организации работы в новой трудовой школе обсуждались на съездах, совещаниях учителей, освещались в печати.

В июне 1920 года состоялся съезд Темир-Хан-Шуринского, Порт-Петровского и Дербентского отделов народного образования, обсудивший, в частности, вопрос о подготовке учительских кадров². В сентябре—октябре 1920 года состоялось совещание работников просвещения Дагестанской области, а в ноябре этого года — областное совещание сельских учителей Дагестана.

В Темир-Хан-Шуре начала работать комиссия по составлению и изданию учебников, книг и брошюр на языках

¹ ЦГА ДАССР, ф. 34-р, оп. 1, ед. хр. 70, л. 8.

² Там же, ед. хр. 41, л. 2.

наиболее крупных по численности народностей Дагестана. Окружные отделы народного образования начали перепись детей школьного и дошкольного возраста, а также неграмотного взрослого населения.

Трудящиеся массы проявляли огромный интерес к советской школе и оказывали ей большую помощь. Школы открывались не только в городах, но и во всех округах Дагестана. Так, в Кюринском округе к началу мая 1921 года было открыто 73 школы, в которых обучалось 3000 учащихся и работало 80 учителей¹. В Кайтаго-Табасаранском округе к сентябрю 1921 года функционировало 57 школ с 3000 учащимися². Всего в 1921 г. в Дагестане имелось 493 школы с 26.202 учащимися и 2498 учителями³.

В августе 1921 года начал свою деятельность Наркомпрос ДАССР. Он обратился к органам народного образования с письмом, в котором указывались трудности, имеющиеся в строительстве советской школы. Работники народного образования призывались в этом письме трудиться над созданием новой школы, удесятирив энергию и любовь к детям. Дело просвещения Дагестана, — говорится в письме, — боевая задача, которую необходимо выполнить честно и с достоинством⁴.

Большое внимание вопросам просвещения уделила вторая Дагестанская партийная конференция, состоявшаяся в ноябре 1921 года. Конференция указала на важность улучшения работы Наркомпроса и его местных органов. На конференции был заслушан доклад об отделении церкви от государства и единогласно принята резолюция, в которой отмечалось своевременность издания декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви и поручалось издание такого декрета Совпаркому ДАССР⁵.

Советская школа в Дагестане создавалась в трудных условиях экономической разрухи, явившейся результатом продолжительной гражданской войны. В дореволюционном Дагестане, как известно, почти не было кадров учителей из местного населения. Во многих школах, возникших в первые годы Советской власти, обучение велось малограмотными людьми, часто выходцами из чуждой среды. Имело место преподавание магометанского вероучения. Не было учебников и учебных пособий на родных языках, ощущалась острая нужда в

¹ Там же, ед. хр. 51, л. 8.

² Там же, ед. хр. 53, л. 45.

³ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 6, ед. хр. 47, л. 21; «Советский Дагестан», 1922, 2 марта.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 34-р, оп. 1, ед. хр. 65, л. 9.

⁵ См. «Первая Дагестанская конференция РКП». Даггосиздат, 1921, стр. 108. (Фактически это была вторая Дагестанская конференция РКП — авторы).

письменных принадлежностях, в учебном оборудовании, топливе и т. д.

В «Отчетной тетради для инструкторов» за 1920—1921 учебный год имеется следующая запись «О состоянии Буртуни-Махинской советской школы» Даргинского округа: «В школе работают два учителя, оба с домашним образованием. Функционирует школа с 25 сентября в составе 1-го отделения. Население очень желает всеобщего обучения. Ожидается всего до 65 учеников, кроме девочек... Школьной мебели нет: мальчики сидят на ковре. Пособий нет. Два имеющихся карандаша переходят к учащимся по очереди»¹.

На съездах заведующих окружными отделами народного образования в сентябре 1921 года представитель Аварского округа заявил, что из 40 учителей, работающих в школах, только 3—4 достаточно грамотны, а остальные просто «растопные люди»².

В Даргинском округе из 86 учителей лишь немногие прослушали педагогические курсы в Буйнакске. Большинство же учителей состояло из бывших муталимов. На тяжелое положение школ указывал и представитель Хасавюртовского округа. «Трудно сказать, как разрешится вопрос об учителях, — заявил он. — Что же касается помещений, то, очевидно, придется и в нынешнем году заниматься в вагонах, которые заведывающему удалось выпросить у железной дороги»³.

Трудности строительства новой школы усугублялись тем обстоятельством, что Дагестан представлял собой многонациональную республику. Создание учебников и необходимых пособий, хотя бы на языках наиболее крупных по численности народностей, требовало времени и больших материальных затрат.

Возникла необходимость в пересмотре существующей школьной сети в сторону сокращения ее за счет тех школ, которые не соответствовали своему назначению. Для практического осуществления этого мероприятия были созданы комиссии, обследовавшие большое количество школ⁴. К весне 1922 года, по данным Наркомпроса, в республике работало 144 школы, в которых обучалось 8900 учащихся⁵.

Сокращение школьной сети, вызванное известными трудностями в строительстве советской школы, было временным

¹ ЦГА ДАССР, ф. 34-р, оп. 1, ед. хр. 79, л. 3.

² ЦГА ДАССР, ф. 34-р, оп. 1, ед. хр. 53, л. 44.

³ Там же, л. 45.

⁴ «Красный Дагестан», 1923, 5 октября; Ш. Д. Хасбулатов Народное образование в Дагестане в первые годы Советской власти. Дагучпедгиз, 1953, стр. 34.

⁵ Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Наркомпроса, № 22, 26 февраля 1922 г.; ЦГА ДАССР, ф. 34-р, оп. 1, ед. хр. 100, л. 38.

явлением. Оно дало возможность значительно улучшить работу функционировавших школ, обеспечить их более подготовленными педагогическими кадрами, школьными помещениями, учебным оборудованием, хотя, разумеется, нужда во всем этом продолжала ощущаться и после сокращения школьной сети.

В 1922 году партийные и советские органы республики провели ряд новых мероприятий по улучшению дела народного образования. К числу важнейших из них относится обсуждение специального доклада «О мерах поднятия народного просвещения в Дагестане» на втором Вседагестанском съезде Советов в декабре 1922 года. Съезд признал фронт просвещения «ударным» и поставил как одну из главнейших задач «удовлетворение всех нужд школьного строительства». Большое внимание уделил съезд вопросу улучшения материального положения учителей. Съезд предложил возратить на фронт просвещения всех бывших учителей, перешедших на другую работу. Указав на необходимость расширения сети профтехнических школ, съезд постановил прикрепить эти школы, а также детские учреждения к хозяйственным органам и промышленным предприятиям. Было признано необходимым выделить всем школам и детским учреждениям земельные участки «для показательных культурных работ и материальной поддержки учащихся и учащихся». Съезд предложил возратить Наркомпросу школьные здания, занятые другими учреждениями¹.

В соответствии с решением III Дагестанской партийной конференции (декабрь 1922 г.) съезд постановил организовать сеть горских интернатов для девочек-мусульманок и открыть ряд школ для женщин-мусульманок, улучшить работу детских домов².

Трудящиеся Дагестана активно взялись за выполнение задач, поставленных областной партконференцией и съездом Советов. В феврале—апреле 1923 г. в городах и округах Дагестана были проведены «недели помощи школе», которые вылились в яркую демонстрацию заботы трудовых масс республики о советской школе и учителе. Население принимало

¹ «Красный Дагестан, 1922, 21 декабря; журн. «В горах Дагестана» № 1(7), январь 1923 г., стр. 8.

² В первые годы Советской власти в связи с необходимостью материального обеспечения и воспитания детей, остро нуждающихся в помощи государства, было открыто значительное количество детских домов. К августу—сентябрю 1922 года в республике насчитывалось 26 детдомов с 3660 воспитанниками (ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 20, ед. хр. 28, л. 7) В детских домах воспитанники обеспечивались питанием, одеждой и обувью, им были созданы необходимые условия для нормальной учебы.

активное участие в ремонте школьных зданий, строительстве новых школ, брало на себя снабжение школ топливом и содержание обслуживающего персонала, оказывало большую помощь в материальном обеспечении учителей.

Такое активное участие трудящихся в школьном строительстве, наряду с ростом бюджетных ассигнований, подготовкой педагогических кадров, улучшением снабжения школ учебниками и оборудованием, сделали возможным расширение с 1923 года школьной сети. В 1923—24 учебном году число школ в Дагестане увеличилось до 151 с 10721 учащимся¹ и в последующие годы росло неуклонно.

Из округов начали поступать сообщения о переходе детей из духовных школ в советские школы. Одно из таких сообщений под заголовком «Советская школа победила медресе» опубликовала газета «Красный Дагестан». В заметке говорилось: «В Кумторкалинскую школу перешло не менее 90 проц. учащихся из местного медресе. Учащиеся заявляют, что они осознали ложь «пауки» в медресе, которая им ровным счетом ничего не дает в жизни. Из 130 учащихся в советской школе насчитывается до 30 девочек и новых ученики все продолжают прибывать»².

Однако духовенство продолжало оказывать сильное влияние на население. Количество примечетских школ и медресе даже в 1925 году было значительным. В них обучался 11631 учащийся³.

Духовенство применяло всевозможные меры воздействия на население с целью не допустить развития школьного дела и роста авторитета советской школы среди масс. Наряду с идеологической обработкой отсталой части населения, реакционное духовенство пускало в ход такие средства борьбы против советской школы как порча школьного оборудования и применение мер физического воздействия по отношению к активным школьным работникам.

Таким образом, советская школа в Дагестане и советское учительство имели в лице реакционного мусульманского духовенства и примечетской школы серьезного противника в борьбе за народное просвещение, за культурный прогресс трудящихся.

Чтобы окончательно подорвать влияние духовенства в школьном деле, нужно было умело разъяснить населению идеи, принципы советской трудовой школы, практически показать ее несравненные преимущества перед религиозной

¹ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, ед. хр. 90, л. 27.

² «Красный Дагестан», 1924, 30 декабря.

³ Резолюции первого совещания и материалы по агитпроработе. Махачкала, 1925, стр. 17.

школой, поднять работу новой школы до уровня задач, поставленных Коммунистической партией и Советским правительством. Для этого нужно было подготовить квалифицированные педагогические кадры, снабдить школы учебниками и учебными пособиями, строить школьные здания. Нужно было добиться, чтобы все школы, в том числе аульские, большинство которых еще в 1924 году имели трех—двух годичный и даже одногодичный курс, работали в соответствии с положением о единой трудовой школе.

Осуществление всех этих мероприятий в области школьного строительства было бы невозможно без той огромной помощи, которую оказывали Дагестану Центральный Комитет партии и Советское правительство. Только в 1926—27 и 1927—28 годы правительство РСФСР ассигновало ДАССР 2,5 миллиона рублей, из которых на просвещение было израсходовано 662.993 рубля¹. Эти средства значительнополнили бюджет Наркомпроса ДАССР и помогли удовлетворить неотложные нужды школьного строительства.

Из года в год рос бюджет Наркомпроса ДАССР. В 1927/28 году бюджет народного образования составил 3.495.463 рубля что в 6,2 раза превышало бюджетные ассигнования на народное образование в 1923—1924 бюджетном году².

После 2-го Вседагестанского съезда Советов вопросы работы Наркомпроса, улучшения дела народного образования и культурного строительства в республике не раз служили предметом обсуждения на съездах Советов и сессиях ДагЦИКа³. Больше стали уделять внимания народному образованию окружные и городские партийные и советские организации, которые, наряду с обсуждением вопросов культурного строительства на конференциях и сессиях исполкомов, выносили их на рассмотрение широких беспартийных конференций, что способствовало росту активности масс, еще большему их вовлечению в школьное строительство.

Вся эта работа была необходимой ступенью к осуществлению всеобщего обязательного обучения в республике. К началу первой пятилетки, т. е. в 1927—28 учебном году, в республике функционировало 437 школ, в которых обучалось 34.074 учащихся⁴.

Примечательным фактом, свидетельствующим о росте авторитета советской школы и доверия к ней со стороны насе-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 168-р, оп. 8, ед. хр. 34, л. 92.

² Там же, ед. хр. 64, л. 83.

³ С 1922 по 1929 год только на Вседагестанских съездах Советов специальные доклады о народном образовании и культурном строительстве в республике были обсуждены четыре раза — на II, V, VI, VII съездах Советов.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 168-р, оп. 7, ед. хр. 29, л. 68.

ления, является увеличение в школах числа обучающихся девочек. Если в первые годы Советской власти девочек обучалось в школах, особенно сельских, очень незначительное число и для охвата их обучением приходилось открывать в некоторых округах специальные женские школы, то в 1928—29 учебном году девочек обучалось уже более 30% к общему количеству учащихся.

Большую роль в развитии школьного образования в республике сыграло создание сети школьных интернатов. Школьные интернаты позволяли увеличить охват обучением детей из бедных семей, лучше организовать учебно-воспитательную работу с учащимися. Сеть интернатов давала возможность вовлечь в учебу детей из аулов, где еще не были открыты школы.

Значительную помощь оказывали школе комсомольские организации, принимавшие живое участие в подготовке школ к учебному году, в идейно-воспитательной работе среди учителя и учащихся, в повышении качества всей учебно-воспитательной работы. В составе учителей и учащихся старших классов росла комсомольская прослойка¹. Комсомольцы своим примером способствовали укреплению дисциплины, повышению успеваемости, а также росту активности педагогов и учащихся в общественной работе.

Одновременно со строительством новой школы, с первых же месяцев после установления Советской власти, осуществлялись мероприятия по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Еще в 1920 году в Дагестане была создана областная секция по борьбе с неграмотностью, а в 1921 году при Главполитпросвете — Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Было разработано положение об окружных чрезвычайных комиссиях по ликвидации неграмотности, на которые возлагалось руководство всей работой по обучению грамоте населения на местах².

Вторая Дагестанская партийная конференция, состоявшаяся в 1921 году, уделила большое внимание политико-просветительной работе среди широких масс трудящихся. Конференция отметила в своей резолюции чрезвычайную важность ликвидации неграмотности в условиях Дагестана³.

Однако в силу ряда трудностей, главными из которых являлись недостаток учителей и учебных пособий, дело ликвидации неграмотности в республике в первые годы Советской

¹ В 1930 г. в рядах ВКП(б) и ВЛКСМ состояло до 50% учителей школ ДАССР. (См. «10 лет социалистического строительства Дагестанской АССР», стр. 139).

² ЦГА ДАССР, ф. 34-р, оп. 4, ед. хр. 1, л. 7.

³ Первая Дагестанская конференция РКП. Даггосиздат, 1921, стр. 84.

власти продвигалось медленно. Оживлению этой работы способствовало создание в 1924 году республиканского общества «Долой неграмотность» (ОДН) с сетью ячеек в городах и округах Дагестана. В работу по ликвидации неграмотности вовлекались все более широкие круги учителей, грамотных коммунистов и комсомольцев, студенческая молодежь. Это давало возможность охватить ликпунктами большой контингент неграмотного взрослого населения. Число ликпунктов увеличилось с 80 в 1923—24 учебном году до 420 в 1927—28 году, а число обучавшихся в ликпунктах — с 2400 человек до 11497 человек. В 1928—29 учебном году количество ликвидировавших свою неграмотность и малограмотность составило 19,9 тысячи человек¹.

Резкий перелом в работе по ликвидации неграмотности был достигнут в 1929—30 году. В этом году неграмотность и малограмотность ликвидировало в республике 61,3 тысячи человек, в том числе 44,2 тысячи представителей народностей Дагестана и 16,3 тысячи женщин. На ликвидацию неграмотности и малограмотности было израсходовано 405,3 тысячи рублей, в том числе общественными организациями 158 тысяч рублей².

Успешное развитие национальной советской школы в Дагестане, как и осуществление здесь всего социалистического строительства в огромной степени зависело от правильного, марксистско-ленинского решения языкового вопроса.

Коммунистическая партия, проводя в жизнь свою мудрую национальную политику, с первых же дней Советской власти взяла курс на всемерное развитие родных языков отсталых народов с тем, чтобы через родные языки приобщить трудящиеся массы бывших колониальных окраин царской России к передовой социалистической культуре, к активному строительству новой жизни. В решениях X съезда партии по национальному вопросу (1921 г.) указывается, в частности, на необходимость помочь трудовым массам перусских народов развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд. администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения, развить прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке³.

В решении языкового вопроса в Дагестане были допущены большие ошибки. С 1923 года в республике был взят курс

¹ 10 лет социалистического строительства Дагестанской АССР. Махачкала, 1931, стр. 136.

² Там же.

³ «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. I, 1954, стр. 559.

на тюркский язык, на превращение его в единый государственный язык народов Дагестана. Этот курс явился серьезнейшим тормозом в развитии дагестанской школы и всего культурного строительства в республике.

До 1928 года в Дагестане пользовались арабским алфавитом. На этом алфавите издавались учебники и литература для школьников и взрослых, печатались все национальные периодические издания. Арабский алфавит страдал тем недостатком, что имел существенные несоответствия с фонетическими особенностями дагестанских языков. Наличие большого количества надстрочных и подстрочных знаков и точек затрудняло и усложняло изучение этого алфавита.

В феврале 1928 года пленум Дагестанского Обкома партии, обсудив вопрос «О языке и алфавите для школ Дагестана», вынес решение перевести школы с арабской письменности на новый алфавит на латинской основе. Новый алфавит был разработан для аварского, даргинского, лезгинского, лакского, кумыкского, азербайджанского и татского языков и утвержден на июньской Вседагестанской конференции нового алфавита. Постановлением ДагЦИКа и Совнаркома ДАССР от 5 августа 1928 года было объявлено о введении нового дагестанского алфавита¹.

Согласно постановлению пленума Обкома партии (1928 года) вся культурно-просветительная, массовая и пропагандистская работа в клубах, избах-читальнях, кружках и т. д. должна была вестись на родном языке. На родном же языке должна была проводиться ликвидация неграмотности среди взрослого населения.

Однако и после этого тюркский язык оставался в программах школьного преподавания. Попрежнему учащиеся школ I ступени должны были изучать три языка (родной, русский, тюркский), что не соответствовало возрастным возможностям младших школьников и затрудняло получение ими первоначальных знаний на родном языке.

Вопрос об основных недостатках в решении языковой проблемы в Дагестане был обсужден на 2-м пленуме Обкома ВКП(б) в июле 1930 года. Пленум проанализировал решения партийной организации по вопросу о языке от 1923 и 1928 годов и сурово осудил их, как противоречащие линии партии в национальном языковом вопросе. Пленум постановил пересмотреть эти решения, причем главным в этом пересмотре являлось более широкое приобщение трудящихся масс Дагестана к социалистическому строительству через родные языки².

¹ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 21, ед. хр. 171, л. 9; «Красный Дагестан», 1928, 12 августа.

² «Красный Дагестан», 1930, 2 августа.

Пленум дал установку не позже начала 1931—32 учебного года полностью перевести школы I ступени на родные, уже определившиеся (аварский, даргинский, лезгинский, кумыкский, лакский, татский, ногайский и другие) языки, взять решительный курс на перевод школ и курсов повышенного типа на родные языки. В связи с этим предлагалось принять меры к подготовке кадров учителей для школ как путем создания новых педагогических учебных заведений, так и путем реорганизации существующих.

Правительству Дагестана было предложено принять меры к созданию письменности также для табасаранского языка, к изданию учебников и подготовке педагогических кадров для табасаранских школ с тем, чтобы осуществить перевод их на родной язык не позднее начала 1932—33 учебного года. Было признано необходимым, чтобы Наркомпрос ДАССР изучил возможности создания письменности и школ на родном языке для таких мелких горских народностей как рутульцы, агульцы, дидоевцы и др. Для тех мелких горских народностей, языки которых не носили самостоятельного характера, а являлись наречиями или говорами основных определившихся языков, предлагалось принять меры к сближению их в единый литературный язык¹.

Исходя из общих задач социалистического строительства в республике, пленум Обкома ВКП(б) предложил уделять больше внимания преподаванию в дагестанской школе русского языка, который вводился как учебный предмет со второго года обучения. Наркомпросу было предложено провести ряд мероприятий по улучшению преподавания русского языка в школах, обеспечить их соответствующими программами, учебными пособиями, методической помощью и педагогическими кадрами².

Улучшение преподавания русского языка в дагестанской школе I ступени открывало перед учащимися широкие возможности продолжения дальнейшего образования как в школе 2 ступени, так и в высшей школе, в огромной степени облегчало подготовку кадров для народного хозяйства и культуры. Усвоение русского языка создавало необходимые условия для приобщения широких масс трудящихся Дагестана к великой русской культуре, к прогрессивной культуре других народов мира.

Большую роль в развитии народного образования и ускорении темпов культурного строительства сыграло и введение нового, латинизированного дагестанского алфавита. Новый алфавит наносил удар по влиянию духовенства на массы

¹ «Красный Дагестан», 1930, 2 августа.

² Там же.

населения и значительно облегчал усвоение ими грамоты на родных языках, способствовал более быстрому приобщению трудящихся горцев к передовой социалистической культуре.

За короткое время новый дагестанский алфавит получил большое распространение. Только в 1928 году на новом алфавите было издано полмиллиона экземпляров различной литературы. На новый алфавит были переведены учебники для школ и взрослых, газеты, журналы и прочие национальные издания Дагестана.

Несмотря на большие успехи Дагестанской АССР в области культурного строительства, она все еще отставала от передовых национальных республик и областей и общего уровня культурного развития страны в целом. В 1930 году в республике только 36 процентов детей школьного возраста было охвачено обучением в школе¹. Очень высокой продолжала оставаться неграмотность взрослого населения.

Быстрые темпы социалистической реконструкции всего народного хозяйства и связанные с этим большие задачи по подготовке кадров, по ликвидации технико-экономической отсталости и по коммунистическому воспитанию широких народных масс требовали ускорения темпов культурного строительства в республике. Важнейшее значение приобретало усиление темпов развития народного образования и, в частности, осуществление всеобщего обязательного обучения.

XVI съезд ВКП(б) (1930 г.) признал проведение всеобщего обязательного первоначального обучения и ликвидацию неграмотности боевой задачей партии на ближайший период. 25 июля 1930 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении». В соответствии с решениями ЦК партии ЦИК и СНК СССР 14 августа 1930 года приняли постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении».

В сентябре 1930 года состоялась пятая сессия ЦИКа ДАССР, обсудившая доклад о языке и всеобщем обязательном обучении. Сессия пересмотрела сроки введения обязательного начального всеобщего обучения в республике и утвердила новый план, согласно которому введение всеобщего начального обучения намечалось завершить во всех районах Дагестана в 1932—1933 учебном году.

Введение всеобщего обязательного начального обучения требовало принятия срочных мер по созданию необходимой материальной базы для всеобщего обучения и по подготовке педагогических кадров. В связи с этим были резко увеличены ассигно-

¹ 10 лет социалистического строительства Дагестанской АССР. Махачкала, 1931, стр. 134.

вания на школьное строительство, а также усилена работа по подготовке и переподготовке кадров народного образования.

Введение всеобуча привело к быстрому росту сети школ и увеличению количества учащихся в них. Оно покончило с примечетской религиозной школой и нанесло смертельный удар влиянию духовенства на умы подрастающего поколения.

В 1931—1932 учебном году в республике насчитывалось 929 начальных школ, против 464 школ в 1929—1930 учебном году. Количество учащихся увеличилось за этот период с 40.370¹ до 116.349 человек. Особенно быстро росла сеть сельских школ. В 1931—32 учебном году в сельской местности республики имелось 905 школ, в том числе начальных — 884, школ повышенного типа (ШКМ) — 21. Во всех этих школах обучалось 107.046 учащихся².

Значительные успехи были достигнуты в годы первой пятилетки в работе по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. В этом деле огромную роль сыграл проведенный согласно решению бюро Обкома ВКП(б) от 20 октября 1931 года массовый культпоход по ликвидации неграмотности и культурной отсталости трудящихся Дагестана.

В проведении культсанпохода, которому предшествовала большая подготовительная работа, Дагестану помогли братские народы Северного Кавказа. Они посылали в помощь республике людей, оказывали материальную поддержку.

Широкое наступление на неграмотность и культурную отсталость трудящихся масс, вызвало бешенное сопротивление классовых врагов — кулачества и духовенства, которые, используя культурно-бытовые особенности дагестанского аула и религиозные пережитки, пытались сорвать это важнейшее мероприятие. Кулачество и духовенство прибегали к всякого рода уловкам и запугиванию отсталой части населения, стараясь всеми средствами отвлечь неграмотных и малограмотных от учебы. Особенно упорную агитацию проводили духовенство и кулачество среди женщин-горянок. В некоторых районах классовый враг пускал в ход такие средства борьбы против культсанпохода, как выламывание дверей и окон ликпунктов (Левашинский район), избивание культармейцев (Касумкентский район) и т. д.

Однако попытки кулацких элементов и духовенства сорвать мероприятия культсанпохода разбились о стремление трудовых масс Дагестана ликвидировать свою неграмотность, добиться подъема своего культурного уровня. В результате

¹ ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 8, ед. хр. 9, л. 19.

² Статистико-экономический справочник по ДАССР. Ростов-на-Дону, 1933, стр. 234—237.

уже к 1 марта 1932 года в пунктах ликвидации неграмотности и школах для малограмотных обучалось 251.399 человек, из них 126.370 женщин. Было открыто 460 детских комнат с охватом 9.690 детей¹. За один только 1932 год трудящиеся республики построили своими силами 100 школьных зданий.

В апреле 1932 года состоялся первый съезд культурного строительства в ДАССР, на котором присутствовало 500 делегатов. Съезд подвел итоги первого этапа культсанпохода, отметил огромную работу, проделанную рядом районов, аулов, культармейцев, бригадиров, и определил основные задачи дальнейшей работы. Важнейшей задачей следующего этапа культсанпохода являлось повышение качества учебы в ликпунктах и школах для малограмотных и закрепление достижений первого этапа работы.

Новые значительные успехи в развитии советской школы и ликвидации неграмотности среди взрослого населения республики были достигнуты в последующие годы предвоенных пятилеток. За эти годы, наряду с дальнейшим расширением сети начальных школ, резко увеличилось количество семилетних и средних школ.

Активное участие населения в строительстве школ, а также возраставшие из года в год ассигнования на народное образование, в том числе и на капитальное строительство, создавали условия для дальнейшего укрепления материально-технической базы школ и повышения качества всей учебно-воспитательной работы.

В годы предвоенных пятилеток Коммунистическая партия и Советское правительство приняли ряд важнейших решений, направленных на дальнейшее развитие общеобразовательной школы и педагогической науки и практики. Выполняя эти решения партии и правительства, органы народного образования и учительство республики с помощью партийных, советских и комсомольских организаций добились организационного укрепления советской школы и повышения качества всей ее работы. Из школы были изгнаны лженаука—педология и антинаучные методы обучения и воспитания, педагогика была восстановлена в своих правах, роль педагога повысилась.

Важным фактором, способствовавшим дальнейшим успехам культурной революции в Дагестане, явился осуществленный в 1938 году перевод дагестанской письменности с латинизированного алфавита на новый алфавит, созданный на основе русской графики. Переход на новый алфавит, приспособленный ко всем основным фонетическим особенностям дагестанских языков, вполне соответствовал требованиям быстро

¹ «Дагестан к 15-й годовщине Октября», Даггосиздат, 1932, стр. 70—71.

развивающейся социалистической культуры народов Дагестана, значительно облегчал изучение русского языка, ставшего за годы Советской власти вторым родным языком для трудящихся горцев, способствовал еще большему укреплению дружбы народов Дагестана со всеми народами нашей страны.

С 1938—39 учебного года преподавание в 5—10 классах школ Дагестана было переведено на русский язык, а родной язык сохранялся как учебный предмет. Большое внимание было обращено на улучшение преподавания русского языка (как предмета) в начальной школе, изучение его начиналось со второго года обучения. Улучшение преподавания русского языка в начальных классах и перевод обучения в 5—10 классах на русский язык давало дагестанским детям возможность продолжать свое образование в техникумах и вузах, получать специальное среднее и высшее образование.

К началу Великой Отечественной войны Дагестан, как и другие национальные республики и области Советского Союза, добился выдающихся побед в культурной революции. Сотни тысяч горцев, которые при царизме прозябали в темноте и невежестве, стали грамотными и приобщились к передовой социалистической культуре. К этому времени в республике было введено всеобщее начальное обучение и приступлено к осуществлению всеобщего семилетнего обучения детей.

В предвоенном 1940—41 учебном году в Дагестанской АССР имелось более 1300 школ, в которых обучалось свыше 210 тысяч учащихся. В школах республики в 1940 году работало около 6 тысяч учителей, т. е. в 15 раз больше, чем до революции¹.

Серьезным испытанием для советской школы явилась Великая Отечественная война. Окруженная отеческой заботой Коммунистической партии и Советского правительства школа справилась с трудностями военного времени и продолжала борьбу за дальнейшее совершенствование своей работы. В годы войны Советское правительство приняло ряд мер, направленных на повышение качества учебно-воспитательной работы школ: была введена пятибалльная система оценки знаний и поведения учащихся, прекращена антипедагогическая система социалистического соревнования в учебной и воспитательной работе, введены «Правила для учащихся» и т. д.

Большое значение для охвата детей обучением и повышения качества учебно-воспитательной работы школ в условиях Дагестана имело расширение в эти годы сети школьных интернатов, число воспитанников в которых составило в 1945—46

¹ «Дагестанская правда» 1940, 7 ноября; Очерки истории Дагестана, т. II, Махачкала, 1957, стр. 284.

учебном году 5225 человек. Была создана также широкая сеть детских домов, где воспитывались тысячи сирот.

В трудных условиях военного времени школа была окружена особой заботой советской общественности. В целях оказания помощи школам и учителям проводились специальные месячники и декадни, учащиеся получали горячие завтраки. Учащиеся и учителя, в свою очередь, также вносили свой вклад в дело победы над врагом. Они принимали участие в колхозном производстве, заботились о семьях фронтовиков, оказывали помощь фронту деньгами и вещами. За годы войны учителя и учащиеся Дагестана внесли на вооружение Советской Армии более 3 млн. рублей, передали в фонд помощи детям фронтовиков свыше 1500 штук разных вещей и собрали для этой цели 500 тыс. рублей¹.

Победоносное завершение Великой Отечественной войны и переход к мирному строительству создали все условия для дальнейшего быстрого развития советской школы. Уже в годы первой послевоенной пятилетки в республике было возобновлено осуществление прерванного войной всеобщего обязательного семилетнего обучения. К концу этой пятилетки в Дагестане работало 438 семилетних школ, против 285 в 1939—40 учебном году. В 5—7 классах семилетних и средних школ в 1950—51 учебном году обучалось 51.847 учащихся или на 15.027 учащихся больше, чем в 1939—40 учебном году².

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза вынес решение о завершении к 1956 году перехода от семилетнего образования к всеобщему среднему образованию (десятилетка) в крупных городах страны и подготовке условий для полного осуществления в следующей пятилетке всеобщего среднего образования в остальных городах и сельских местностях. Выполняя это указание съезда, партийные, советские, профсоюзные, комсомольские организации и органы народного образования республики добились во второй послевоенной пятилетке серьезных успехов в развитии средней школы. Сеть средних школ в Дагестанской АССР выросла с 77 в 1950—51 учебном году до 162 в 1955—56 учебном году. Количество учащихся в 8—10 классах увеличилось за это время более чем в 2,8 раза³.

Большие и ответственные задачи в области дальнейшего развития советской школы поставил XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Съезд дал директиву: «Осуществить в основном всеобщее среднее образование в городах

¹ «Дагестанская правда», 1945, 14 июля.

² Цифры для сравнения взяты из статистических сборников «Культурное строительство СССР», изданных в 1940 и 1956 годах.

³ Культурное строительство СССР. Государственное статистическое издательство, 1956, стр. 140—141.

и сельской местности путем обучения детей и молодежи в средних общеобразовательных школах (десятилетка) и средних специальных учебных заведениях»¹.

Решения XX съезда партии дали мощный толчок дальнейшему развитию среднего образования. Уже в 1956—57 учебном году в республике работало 173 средних школы, что на 11 школ больше, чем в предыдущем 1955—56 учебном году. Открыты четыре школы-интерната, где для детей созданы необходимые условия для всестороннего развития. Расширилась сеть вечерних школ рабочей и сельской молодежи, что дает ей возможность получить среднее образование без отрыва от производства. В 1956—57 учебном году в 149 вечерних школах рабочей и сельской молодежи обучалось 9454 учащихся, в том числе в 8—10 классах 2624 учащихся.

Большие изменения произошли в послевоенные годы в составе педагогических кадров. Количество учителей составило к началу 1956—57 учебного года более 10,5 тысячи человек. Если в 1939—40 учебном году свыше 43 процентов учителей не имело среднего образования, то в 1956—57 учебном году число учителей, не имевших среднего образования, составляло всего 8,3 процента. Число же учителей с высшим образованием увеличилось за это время более чем в 2,7 раза.

Неоценимую помощь в удовлетворении потребностей дагестанских школ в педагогических кадрах оказывали и оказывают великий русский и другие братские народы нашей страны. Достаточно сказать, что только за 1955 и 1956 годы на работу в Дагестанскую АССР по путевкам Министерства просвещения РСФСР было прислано 1653 учителя. Работая рука об руку с учителями-дагестанцами, они не только воспитывают и обучают учащихся, но и помогают еще выше поднять культурный уровень трудящихся многонационального Дагестана.

За годы Советской власти в Дагестане выросло большое количество мастеров педагогического труда, многим из которых присвоены почетные звания заслуженного учителя школы РСФСР и ДАССР. Среди них русская И. Д. Невядомская, аварка А. А. Кибичева, лакец А. А. Дандамаев, лезгинка А. Магомедова, кумык М. Абуков, даргинка Д. Абдуллаева, табасаранец Р. Казиев и многие другие.

Сейчас усилия учительства и органов народного образования республики направлены на претворение в жизнь решений XX съезда КПСС о дальнейшем повышении качества работы школы, в особенности указаний съезда о дальнейшем разви-

¹ Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 гг. Госполитиздат, 1956, стр. 57.

тии политехнического обучения в общеобразовательной школе. Педагогические коллективы прилагают свои усилия к тому, чтобы обеспечить тесную связь обучения с общественно-полезным трудом и воспитания у подрастающего поколения коммунистического отношения к труду.

Предметом большого внимания является борьба за ликвидацию второгодничества, которое все еще продолжает оставаться высоким в дагестанской школе, особенно в школах сельской местности.

Важнейшей проблемой, вставшей перед пролетариатом после завоевания власти в стране, было создание своей собственной интеллигенции.

Коммунистическая партия с первых же дней установления Советской власти взялась за подготовку кадров новой, советской интеллигенции. Перед трудящимися и их детьми открылись двери во все учебные заведения. Были отменены все классовые, сословные и национальные ограничения, ранее мешавшие трудящимся поступать в высшие и средние специальные учебные заведения.

Проблема создания новой интеллигенции особенно остро встала перед советскими национальными республиками, которые ко времени победы Великого Октября находились на крайне низком уровне экономического и культурного развития и почти не имели кадров интеллигенции, вышедших из трудовых слоев народа. В основной своей массе старая местная интеллигенция состояла из военных кадров и чиновников царской администрации, прошедших русскую школу, и из представителей мусульманского духовенства. В ее составе были и немногочисленные кадры специалистов различных отраслей хозяйства и культуры, преимущественно из среды зажиточных слоев населения, получившие образование в Москве, Петербурге и других городах России. Правда, среди этой группы интеллигенции были и отдельные представители трудящихся классов, связанные с народом и борющиеся за его интересы, но они в силу своей малочисленности не могли серьезно изменить состав интеллигенции Дагестана. В основном же кадры дореволюционной местной интеллигенции представляли собой слой верных и надежных слуг эксплуататорских классов и царизма. Значительная часть интеллигенции к социалистической революции отнеслась враждебно, вредила Советской власти. Многие ее представители эмигрировали за границу или погибли в боях против Советской власти. Только небольшая, наиболее передовая часть интеллигенции перешла на сторону трудящихся.

Таким образом количество старых специалистов и даже просто грамотных людей, которых застала в Дагестане Советская власть, было далеко недостаточно для удовлетворения потребности в кадрах хотя бы на первое время. Строительство социализма требовало формирования из среды рабочих и трудового крестьянства Дагестана многочисленной армии советской интеллигенции.

X и XII съезды РКП(б), разрабатывая конкретные пути и методы преодоления экономической и культурной отсталости нерусских народов, особо отметили необходимость ускоренной подготовки национальной интеллигенции, призванной развивать и укреплять советскую государственность, организовать социалистическое производство, управлять хозяйственной и культурной жизнью. Для этого, как указал X съезд партии, требовалось создать и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера, на родном языке¹.

Руководствуясь принципами национальной политики партии и решениями ее съездов, партийные, советские и профсоюзные организации развернули в республике большую работу по формированию кадров новой, советской интеллигенции. Несмотря на тяжелые условия разрухи и почти полное отсутствие своих педагогических кадров, еще в первые годы восстановительного периода в Дагестане были достигнуты известные успехи в создании системы среднего профессионального образования. В октябре 1921 г. был открыт первый Дагестанский государственный техникум в составе трех отделений (дорожного, строительного и педагогического)². В 1922—1923 гг. в Буйнакске и Дербенте были созданы педагогические техникумы и двухгодичные педкурсы. В дальнейшем в республике был создан ряд новых техникумов, в основном с производственно-техническим уклоном. Например, в 1925 г. в Махачкале открылся индустриально-экономический техникум, в 1926 г. — землеустроительный, сельскохозяйственный и другие техникумы. В 1927 г. в г. Буйнакске был создан первый Дагестанский рабочий факультет (рабфак).

В 1928—29 учебном году в техникумах и других школах профобразования обучалось 1724 учащихся, из которых 1186 — представители народов Дагестана. В составе этих учащихся рабоче-крестьянская прослойка составляла более 70%, коммунисты и комсомольцы — 65%³.

Советское государство вкладывало большие средства в подготовку новых кадров интеллигенции. Шло непрерывное ук-

1 «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. I, 1954, стр. 559.

2 «Советский Дагестан», 1921, 25 октября.

3 ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 20, д. 126, л. 76.

репление материальной базы техникумов и профтехшкол. В 1925—26 г. на содержание учреждений профессионального образования ДАССР было отпущено 22 тыс. рублей, в 1926—27 г. — 37,9 тыс. рублей, а в 1927—28 г. уже 53,5 тыс. рублей¹. Одновременно происходило увеличение расходов на содержание учащихся. Общие расходы на одного учащегося возросли с 178 руб. в 1926—27 г. до 340 руб. в 1927—28 г.². В интернатах при профтехнических учебных заведениях республики на полном материальном обеспечении находилось: в 1926—27 учебном году — 675 учащихся, в 1927—28 учебном году — 1005, а в 1928—29 учебном году — 1145 учащихся³.

Накануне первой пятилетки средние профтехнические учебные заведения Дагестана дали первые кадры национальной интеллигенции. В 1927 г. Буйнакский и Дербентский педагогические техникумы выпустили 100, а в 1928 г. 120 учителей для сельских начальных школ⁴. К 1928 г. индустриально-экономический техникум дал народному хозяйству Дагестана 85 техников-строителей, механиков, дорожников, экономистов⁵. За эти же годы сельскохозяйственные техникумы дали 65 специалистов⁶.

В формировании советской национальной интеллигенции неоценимую помощь оказывали русский и другие братские народы СССР. Из крупных промышленных и культурных центров страны в Дагестан направлялись квалифицированные инженерно-технические работники, агрономы, врачи, педагоги. Сотни представителей народов Дагестана ежегодно направлялись в различные учебные заведения РСФСР и других республик. Так, например, в 1921 г. в учебные заведения Москвы, Ленинграда, Баку и других городов страны было послано 85, а в 1923—27 гг. — 782 представителя Дагестана⁷. В последующие годы подготовка кадров национальной интеллигенции Дагестана в учебных заведениях страны проводилась в еще больших масштабах.

К началу первой пятилетки в Дагестане уже работало 130 инженерно-технических работников, более 1030 специалистов сельского хозяйства, 184 врача, 1725 учителей различной квалификации и большое количество партийных, советских и профсоюзных работников⁸.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 9, д. 1, л. 888.

² Журнал «Плановое хозяйство Дагестана», 1928, № 2—3, стр. 34—35.

³ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 20, д. 125, л. 88.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 10, д. 49, л. 66.

⁵ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 23, д. 2, л. 134.

⁶ ЦГА ДАССР, ф. 22-р, оп. 2, д. 1, лл. 1—14.

⁷ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 21, д. 187, л. 3; ф. 59-р, оп. 5, д. 2, л. 30; оп. 9, д. 1, л. 888.

⁸ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 23, д. 7, л. 21; ф. 260-р, оп. 8, д. 4, л. 31.

Однако это далеко не соответствовало темпам реконструкции народного хозяйства и культурного строительства в республике. Так, в 1928—29 году потребность в кадрах производственно-технической интеллигенции была удовлетворена: в промышленности на 53,8%, строительстве — на 49,7% и сельском хозяйстве — на 35,2% и т. д.¹ При этом около 50% всех специалистов, занятых в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве республики, не имели законченного специального образования. Специалистов же с высшим образованием в этих отраслях народного хозяйства насчитывалось всего 235. Незначительную долю их составляли представители народов Дагестана².

Проблема подготовки производственно-технических кадров приобрела к началу первой пятилетки особую актуальность. Но существовавшая в республике сеть профтехнического образования не могла гарантировать успешное разрешение проблемы подготовки кадров национальной производственно-технической интеллигенции. Школы профтехнического образования сильно отставали в своем развитии от темпов реконструкции народного хозяйства и имели существенные недостатки в своей работе. В структуре техникумов сохранилось много черт старой, дореволюционной технической школы. Учебные планы страдали многопредметностью, параллелизмом, отсутствием связи теории с практикой.

Огромное значение для решения проблемы формирования кадров советской интеллигенции имели июльский (1928 г.) и ноябрьский (1929 г.) пленумы ЦК ВКП(б). В постановлениях этих пленумов, на основе принятого партией курса на индустриализацию страны и коллективизацию крестьянских хозяйств, была определена конкретная программа по расширению и улучшению дела подготовки новых кадров. Обращая внимание на необходимость подготовки квалифицированных специалистов, ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б) указал: «Эти кадры должны обладать достаточно глубокими специально-техническими и экономическими знаниями, широким общественно-политическим кругозором и качествами, необходимыми для организаторов производственной активности широких масс трудящихся»³. Пленумы ЦК ВКП(б) потребовали сосредоточить особое внимание партии и всех организаций на разрешение проблемы формирования советской интеллигенции, считая это неотложной общепартийной и общегосударственной задачей.

1 ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 9, д. 34, л. 57

2 Там же, л. 58.

3 «КПСС в резолюциях...», ч. II, 1953, стр. 513.

На основе решений Пленумов ЦК ВКП(б) в Дагестане в годы первой и второй пятилеток была проведена перестройка системы профтехнического образования. Все техникумы, за исключением педагогических, были реорганизованы по отраслевому признаку и переданы соответствующим наркоматам и хозяйственным объединениям, непосредственно заинтересованным в подготовке кадров.

Одновременно с этим велась работа по дальнейшему расширению всей системы среднего профтехнического образования. В 1930—32 г. были открыты рыбный и пищевой техникумы, а также техникум советской торговли и расширены сельскохозяйственные техникумы в Дербенте и Шелковской, землеустроительный и зооветеринарный техникумы в Буйнакске. В связи с неуклонно растущими потребностями сельского хозяйства Дагестана в высококвалифицированных местных кадрах, в 1932 г. в Махачкале был открыт плодово-виноградный институт, преобразованный впоследствии в сельскохозяйственный институт.

В итоге реорганизации и расширения сети профтехнического образования вместо 4 отраслевых техникумов, имевшихся в 1927 году, к концу первой пятилетки в республике было создано 11 техникумов для подготовки кадров национальной производственно-технической интеллигенции. В 1931—32 учебном году в них обучалось более 2600 человек, вместо 1570 учащихся во всех специальных учебных заведениях Дагестана в 1927—28 учебном году¹.

В годы второй пятилетки в республике был осуществлен ряд важнейших мероприятий, способствовавших улучшению качества подготовки кадров. Особое значение имело введение непрерывной производственной практики будущих специалистов. Непрерывная производственная практика стала составной частью всего процесса обучения и воспитания молодых специалистов. Она повлекла за собой коренную перестройку всей учебно-воспитательной работы вузов и техникумов ДАССР. Учебные планы и программы были перестроены в сторону расширения профиля специализации. Были введены дипломные работы, тематика которых увязывалась с задачами социалистической реконструкции народного хозяйства ДАССР. Подверглись перестройке и методы преподавания. Прочное место заняли лекции и семинарско-лабораторные занятия. Было улучшено преподавание социально-экономических дисциплин, создана широкая сеть кружков и курсов по изучению истории партии и текущей политики. Это способ-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 168-р, оп. 14, д. 58, л. 170; Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов, Махачкала, 1929, стр. 73.

ствовало формированию молодых кадров в духе идей марксизма-ленинизма.

Если в годы первой пятилетки техникумы республики подготовили для народного хозяйства всего 300 специалистов, то в период второй пятилетки — более 900, в том числе для промышленности и строительства — 400, для сельского хозяйства — 250. С 1936 года ряды производственно-технической интеллигенции республики стали пополняться и за счет выпускников Дагестанского сельскохозяйственного института. К 1940 г. институт подготовил более 200 агрономов, зоотехников и ветврачей. К этому же времени большое количество представителей народностей Дагестана, окончив различные учебные заведения страны, вернулись на работу в республику.

Все это привело к огромным количественным и качественным изменениям в составе производственно-технической интеллигенции Дагестана.

К началу первой пятилетки в промышленности Дагестана насчитывалось около 90 инженерно-технических работников, из которых только 20 человек имели высшее образование. При этом в основной своей массе они являлись представителями старой технической интеллигенции. За десятилетие (1928 — 38 гг.) количество инженерно-технических работников в промышленности увеличилось в 12 с лишним раз и составило 883 человек, в том числе с высшим образованием — 256. По данным Всесоюзной переписи 1939 г. во всем народном хозяйстве Дагестана насчитывалось 550 инженеров, более 1400 технических работников средней квалификации, 600 агрономов, зоотехников, ветврачей и других специалистов сельского хозяйства.

В соответствии с новыми задачами, вставшими перед органами народного образования ДАССР в связи с введенным всеобуча, в 1930—31 гг. была реорганизована и значительно расширена система педагогического образования. Вместо двух педтехникумов и двух стационарных педкурсов было создано 8 педагогических комбинатов — аварский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, Буйнакский, Кизлярский и Дербентский (с татским отделением). В 1930—31 учебном году в них обучалось более 1400 учащихся, в том числе 1300 представителей народов Дагестана и 193 женщин-горянок. 884 учащихся состояли в рядах Коммунистической партии и ВЛКСМ¹.

Национальные педкомбинаты сыграли большую роль в подготовке учителей для школ всеобуча. За 1930—1933 гг. число подготовленных в них учителей составило 1800, из них более 600 учителей средней квалификации и 1200 с одного-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 34-р, оп. 1, д. 85, л. 1—2, 28.

годовой и двухгодичной курсовой подготовкой. Выпускники педкомбинатов значительнополнили ряды сельской интеллигенции, этой опоры Коммунистической партии в борьбе за подъем политического и культурного уровня крестьянства.

Однако система педкомбинатов, созданная в целях ускоренной подготовки кадров для национальных школ в годы перехода к начальному всеобучу, имела существенные недостатки. Основным из них было то, что педкомбинаты не выпускали квалифицированных специалистов советской школы с законченным образованием. Уровень общеобразовательной подготовки большей части учащихся педкомбинатов и сроки обучения их по специальности были недостаточны. Кроме того, отсутствие учебников и учебной литературы на родных языках, на которых велось преподавание, чрезмерно затрудняло обучение в педкомбинатах.

Бюро Обкома ВКП(б) в июле 1934 г. приняло решение о перестройке системы педкомбинатов. Педкомбинаты были реорганизованы в педтехникумы, а преподавание в них переведено на русский язык. В 1935—36 учебном году в республике работало 7 педагогических техникумов, в которых обучалось около 2000 учащихся. К 1940 г. эти техникумы (педучилища) подготовили 1665 учителей начальных школ.

С ростом числа общеобразовательных и специальных средних школ республика стала испытывать острую потребность в педагогических кадрах высшей квалификации. Подготовка таких кадров за пределами Дагестана не покрывала растущие потребности средних школ. Во весь рост встал вопрос об организации в республике педагогического института. Еще X Областная партийная конференция (апрель 1929 г.), учитывая растущие потребности в учителях высшей квалификации, признала необходимым создание в республике в 1930—1931 гг. педагогического института и усиление мероприятий по повышению квалификации всех учителей Дагестана.

В 1931 г. по решению Совнаркома РСФСР в Махачкале был открыт Дагестанский государственный педагогический институт. В 1935 г. в Махачкале был открыт и двухгодичный учительский институт. Эти институты подготовили с 1935 по 1940 год 528 учителей с высшим и незаконченным высшим образованием, более половины которых являлись представителями народов Дагестана. В 1940—41 учебном году в обоих институтах обучалось 456 студентов¹.

Значительная работа проводилась и по повышению квалификации учителей. Созданный в 1930 г. республиканский институт повышения квалификации учителей проводил

¹ ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 19, д. 58, л. 24.

краткосрочные курсы, конференции и семинары для всех работников народного образования, организовал заочное педагогическое обучение.

В борьбе за ликвидацию культурной отсталости серьезное значение придавалось выращиванию национальных медицинских кадров. С первых же лет Советской власти в учебных заведениях братских республик готовились для Дагестана врачи, фельдшера и другие медицинские работники. В самой республике для подготовки национальных медицинских кадров в 1926 г. был открыт медицинский техникум. За годы первых двух пятилеток он подготовил 370 фельдшеров, акушерок, зубных врачей и других медицинских работников.

В последующие годы были созданы медицинские школы также в Дербенте, Буйнакске и Хасавюрте. В 1938—40 гг. в четырех медицинских школах Дагестана было подготовлено более 600 медработников средней квалификации, из которых большинство было послано на работу в сельские местности ДАССР. В 1939 г. в медицинских учреждениях республики работало уже 310 врачей и 1599 средних медицинских работников.

Большую роль в формировании врачебных кадров, в улучшении всего дела здравоохранения в республике сыграл Дагестанский государственный медицинский институт, открытый в 1932 году. Институт готовил врачей не только для Дагестана, но и для братских республик Северного Кавказа. За период с 1937 по 1940 г. он дал Дагестану и Северному Кавказу 480 высококвалифицированных специалистов. Студенческий контингент в 1939—40 учебном году составлял около 1000 человек¹.

В итоге громадной культурно-воспитательной работы партии и Советского государства к 1940 г. в республике в основном был решен вопрос о создании необходимых кадров для всех отраслей народного хозяйства и культуры, партийного и советского строительства. По данным переписи 1939 г. в Дагестане в этом году более 40 тыс. человек имели среднее образование и 2751 человек — высшее.

Это была новая, советская национальная интеллигенция Дагестана, вышедшая из среды трудящихся, кровно связанная с народом. Создание новой интеллигенции знаменовало собой важный этап в укреплении советской государственности, в развитии хозяйства и культуры народов Дагестана, национальной по форме, социалистической по содержанию. Это было величайшим достижением культурной революции в республике.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 168-р, оп. 19, д. 118, л. 82.

Великая Отечественная война, нарушившая мирное социалистическое строительство в СССР, не могла не отразиться на работе вузов и специальных средних учебных заведений республики, на работе по формированию кадров национальной интеллигенции. Часть студентов и преподавателей ушла на фронт сражаться с немецко-фашистскими захватчиками, часть оказывала многообразную помощь фронту, самоотверженно трудясь в тылу вместе со всем народом. Некоторые учебные заведения были эвакуированы или временно закрыты, а помещения их были использованы военными учреждениями. Ощущался недостаток пособий, топлива, имели место большие трудности в снабжении студентов и преподавателей.

Несмотря на чрезвычайно сложные условия военного времени, в республике продолжалось развитие высшего и специального среднего образования. В самые суровые дни войны, благодаря заботе партии и правительства, в Махачкале был создан Женский учительский институт, а в Буйнакске — Женское педагогическое училище, куда поступили учиться сотни горянок Дагестана. Вслед за ними была открыта и Областная партийная школа.

В последние годы войны в республике проводилась большая работа по улучшению состояния учебных заведений, оказывалась значительная помощь в деле укрепления их материально-хозяйственной базы. Благодаря этому контингент студентов Дагестана, сократившийся в первые годы войны, был не только восстановлен, но и увеличен. Если накануне войны в вузах республики обучалось 1734 студента, то к 1945 году их число увеличилось до 2014; в этом же году в специальных средних учебных заведениях обучалось более 3730 учащихся против 2560 учащихся в 1940 году¹. Выпуск молодых специалистов из техникумов ДАССР только за 1945 год составил 300 человек. За период Великой Отечественной войны Дагестанский медицинский институт подготовил 750 врачей и только одна Буйнакская медицинская школа — 300 фельдшеров и акушерок². Большое число учителей высшей квалификации выпустил за время войны Дагестанский педагогический институт; более 100 учителей ежегодно выпускал и Дагестанский учительский институт.

Ликвидируя тяжелые последствия войны во всех областях хозяйственного и культурного строительства, Советское государство в послевоенный период подняло дело подготовки новых кадров интеллигенции на еще более высокий уровень. Как и по всей стране, в Дагестане из года в год увеличивался

¹ И. К. Керимов, Дагестан в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945 гг.). Кандидатская диссертация, 1953, стр. 218

² «XXV лет ДАССР», Махачкала, 1946, стр. 108.

контингент учащихся в высших и средних специальных учебных заведениях, росло число подготовленных ими специалистов. За годы пятой пятилетки вузами республики было выпущено около 2250 высококвалифицированных специалистов, из которых более 800 являлись представителями народов Дагестана.

В результате в послевоенный период все отрасли народного хозяйства и культурного строительства Дагестана стали получать все большее число специалистов. К середине 1955 г. в народном хозяйстве и культурном строительстве республики уже было занято 7,6 тыс. специалистов с высшим образованием, 12,6 тыс. со средним специальным образованием¹.

Решения XX съезда Коммунистической партии Советского Союза открыли перед народами Дагестана, так же, как и перед всеми народами СССР, еще более грандиозные перспективы культурного развития и, в частности, укрепления кадров национальной интеллигенции. В директивах съезда по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—60 гг. указано: Предусмотреть подготовку специалистов в высших и средних специальных учебных заведениях в размерах, обеспечивающих потребность народного хозяйства и культурного строительства. Увеличить за пятилетие общий выпуск специалистов с высшим и средним образованием примерно в полтора раза, а для отраслей тяжелой промышленности, строительства, транспорта и сельского хозяйства—примерно в два раза по сравнению с пятой пятилеткой»².

В 1956 г. высшие и специальные средние учебные заведения Дагестана выпустили свыше 2400 молодых специалистов или на 34% больше, чем в 1955 г. В 1956—57 учебном году вузы приняли более 800 человек. Как и прежде, большое число юношей и девушек Дагестана обучается в учебных заведениях Москвы, Ленинграда и других городов.

В настоящее время в рядах дагестанской советской интеллигенции насчитывается более 3250 инженерно-технических работников, 2025 агрономов, зоотехников, ветврачей, ветфельдшеров и других специалистов сельского хозяйства, 1038 врачей и более 3320 средних медицинских работников, 4375 человек, окончивших педвузы и университеты, а также большой отряд работников культурно-просветительных учреждений, печати, литературы, искусства, советских, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций.

¹ Народное хозяйство РСФСР. Статистический сборник. Москва, 1957, стр. 274, 276.

² Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы. Госполитиздат, 1956, стр. 58.

Важным событием культурной жизни республики явилось открытие в 1957 г. Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина, который даст возможность подготовить из среды народностей Дагестана большое количество высококвалифицированных специалистов народного хозяйства и культурного строительства.

За годы Советской власти в Дагестане создана большая сеть научно-исследовательских учреждений. В настоящее время в республике работают филиал Академии наук СССР, объединяющий в своем составе три института и ряд отделов и лабораторий, и филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. На базе бывшего Института животноводства Дагестанского филиала АН СССР создано крупное комплексное научное учреждение — Институт сельского хозяйства. В республике имеется и ряд других научно-исследовательских учреждений.

В научно-исследовательских учреждениях и высших учебных заведениях Дагестана работают сейчас более 220 кандидатов и докторов наук.

Новая, советская интеллигенция Дагестана, созданная и воспитанная Коммунистической партией, трудясь рука об руку с рабочими и колхозниками, внесла большой вклад в строительство социализма. В тяжелые годы Великой Отечественной войны она посвятила все свои знания и творческие силы делу разгрома врага. В послевоенные годы Советская народная интеллигенция Дагестана добилась новых успехов в развитии науки и техники, в борьбе за дальнейший подъем народного хозяйства и культуры республики.

* * *

Одновременно со строительством советской школы, подготовкой кадров интеллигенции и осуществлением мероприятий по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли огромное внимание развертыванию сети культурно-просветительных учреждений, усилению политико-просветительной работы среди трудящихся.

Успешное перевоспитание трудящихся в духе социализма, повышение их культуры было бы невозможно без мобилизации всех средств культурно-политического просвещения масс. Поэтому огромное значение приобретали деятельность клубов, библиотек, изб-читален, театров, кино, радио, развитие советской печати.

К созданию очагов культурно-просветительной работы в Дагестане было приступлено сразу же после победы Советской

власти. В этом, а также в разъяснении трудовым массам республики политики Коммунистической партии и Советской власти большую помощь оказали политические органы частей Красной Армии, расположенных в Дагестане.

Уже в 1924 году в городах и аулах Дагестана работало 14 клубов и 61 изба-читальня. Создавались дома горцев, сакли горянок и красные уголки.

В клубах и избах-читальнях работали кружки, читались лекции, ставились спектакли. Так, по сведениям за январь 1927 года, в 14 профсоюзных клубах Дагестана было поставлено 86 спектаклей, проведено 13 вечеров самодеятельности, 8 вечеров вопросов и ответов, 52 киносеанса, прочитано 39 лекций и т. д.¹ В 9 сельских клубах на 1 января 1927 года работало 10 кружков с охватом 342 человека. В течение года в клубах было проведено 167 собраний, 259 докладов, лекций и бесед, 20 громких читок, 120 спектаклей и концертов, 2 вечера вопросов и ответов, дано 2110 справок².

Налаживалась работа изб-читален. Принимались меры к лучшему снабжению их литературой, укомплектованию кадрами. Это способствовало росту связи изб-читален с массами трудящихся, повышению интереса последних к мероприятиям, проводимым этими очагами культурно-просветительной работы.

Большое внимание работе культурно-просветительных учреждений уделила X Областная партийная конференция (1929 г.), обсудившая специальный доклад «Вопросы культурного строительства в ДАССР». Учитывая огромное значение культурно-политической работы в ауле в условиях разветвляющейся коллективизации сельского хозяйства и роль культурно-просветительных учреждений в разъяснении массам политики партии в области коллективизации, конференция признала необходимым улучшить работу изб-читален, саклей горянок, батрацких уголков и т. д., укрепить их материальную базу, усилить подготовку кадров, обеспечить литературой на родных языках³.

В 1929—30 году в республике работало 186 изб-читален и саклей горянок, 15 клубов и 30 красных уголков⁴.

С каждым годом росла сеть библиотек. К 1 января 1925 г. в Дагестане имелось 25 библиотек. Из них было обследовано

¹ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 9, ед. хр. 44, л. 36.

² Журн. «Звезда», 1927, № 6(8), стр. 48.

³ «Красный Дагестан», 1929, 21 апреля.

⁴ 10 лет социалистического строительства Дагестанской АССР, стр. 138.

Дагстатуправлением 21 библиотека, в которых числилось 94491 том книг, состояло 14604 читателя¹.

В последующие годы сеть библиотек продолжала неуклонно расти. Одновременно пополнялся книжный фонд библиотек, в том числе за счет литературы на дагестанских языках. По данным всесоюзной библиотечной переписи на 1 октября 1934 года в библиотеках республики имелось уже 506,5 тыс. книг².

В довоенном 1940 году в республике работало 140 колхозных клубов, 560 изб-читален, 35 районных домов культуры. Библиотек насчитывалось в этом году 740 с общим книжным фондом 534,8 тыс. книг.

Большие успехи в развитии сети клубных учреждений и библиотек достигнуты в республике в послевоенные годы. На 1 января 1956 года в Дагестанской АССР функционировало 835 клубных учреждений, в том числе 794 в сельской местности³. Количество массовых библиотек составило к этому времени 1104 с книжным фондом 3267 тыс. экземпляров⁴. В сельской местности Дагестана было на 1 января 1956 года 1001 библиотека с книжным фондом 2266 тыс. экземпляров⁵.

До революции в Дагестане имелся лишь один музей, влачивший жалкое существование. Сейчас в республике работают пять музеев, в том числе Республиканский краеведческий музей в Махачкале, краеведческий музей в Дербенте, музей Сталина в Буйнакске и два музея в селениях Ахты и Ашага-Стал.

Советская власть открыла широкие возможности для развития профессионального театрального искусства народов Дагестана. В 1924 году в Махачкале на базе существовавшего здесь городского театра был создан Государственный театр ДАССР⁶, переименованный в 1925 г. в «Дагестанский государственный академический театр»⁷. На работу в театр была приглашена сильная труппа, а режиссером театра — заслуженный артист РСФСР Н. Н. Синельников. В театре работали М. И. Царев, О. А. Жизнева и другие выдающиеся актеры и актрисы. Ряд лет художественным руководителем театра работал А. Н. Арди. Спектакли театра собирали значительное количество зрителей. В сезон 1927—28 года с успехом прошли

¹ Дагестанское статистическое управление. Статистический сборник. Махачкала, 1926, стр. 6, 7.

² Культурное строительство СССР. 1935. ЦУНХУ Госплана СССР — В/О «Союзоргучет». Москва, 1936, стр. 153.

³ Культурное строительство СССР. Статистический сборник, 1956, стр. 279.

⁴ Там же, стр. 268.

⁵ Там же.

⁶ «Красный Дагестан», 1924, 15 июня.

⁷ ЦГА ДАССР, ф. 168-р, оп. 5, ед хр. 20, лл. 2 и 20,

«Любовь Яровая» Тренева, «Разлом» Лавренева и др. Всего в этом году было показано 133 спектакля, на которых присутствовало 49.602 зрителя¹.

Особенно большое значение имело создание в республике национальных театральных коллективов. В 1926 году в Буйнакске Наркомпрос ДАССР организовал национальную драматическую студию в составе двух групп. Старшая группа еще в 1927 году совершила гастрольные поездки по Буйнакскому, Махачкалинскому и Хасавюртовскому округам и поставила ряд пьес на кумыкском языке. В следующем году студия побывала в Аварском, Андийском, Гунибском округах, имея в своем репертуаре 3 пьесы на аварском языке. Спектакли студийцев привлекали огромное количество зрителей и проходили с большим успехом. Национальная студия ставила и отдельные произведения русских классиков. Так, в 1928 году, студийцами была поставлена «Женитьба» Н. В. Голя.

Большую работу по воспитанию национальных кадров актеров проводили в те годы артисты русского театра, которые передавали молодым студийцам свой опыт, помогали им вооружаться актерским мастерством.

На базе драматических коллективов в последующие годы (в 1930—1935 гг.) выросли национальные театры Дагестана, которые в настоящее время укомплектованы квалифицированными кадрами мастеров сцены. Сейчас в республике работают четыре национальных драматических театра, русский драматический театр им. А. М. Горького и кукольный театр.

За заслуги в области театрального искусства ряду актеров кумыкского, аварского, лезгинского и лакского театров присвоены почетные звания народного и заслуженного артистов Дагестанской АССР. Артистке кумыкского театра Б. Мурадовой присвоено высокое звание народной артистки РСФСР, а артисту этого же театра А. Курумову — звание заслуженного артиста РСФСР.

В репертуаре национальных театров, наряду с произведениями дагестанских драматургов, представлены выдающиеся произведения русских и зарубежных классиков, произведения русских советских драматургов, писателей других братских республик, а также прогрессивных писателей зарубежных стран.

Широкой популярностью пользуются цирковые группы замечательных дагестанских канатоходцев под руководством народных артистов ДАССР и заслуженных артистов РСФСР Я. Гаджи-Курбанова и Р. Абакарова, известные не только в нашей стране, но и за ее пределами.

¹ «Красный Дагестан», 1928, 1 апреля.

Большое значение для расцвета музыкального искусства народов Дагестана имело открытие (1926 г) в республике музыкального техникума, создание (в 1935 г.) национального ансамбля дагестанской песни, музыки и танца и дагестанской государственной филармонии. Дагестанский национальный ансамбль песни и танца успешно выступает с концертами не только в городах и аулах республики, но и в других республиках и областях Советского Союза.

За годы Советской власти в Дагестане создана широкая сеть кинотеатров. Уже в 1928—29 году в республике работало 28 стационарных киноустановок и 18 кинопередвижек¹. Только кинопередвижками в 1928 году было обслужено 131.920 человек².

В годы довоенных пятилеток сеть кинотеатров в республике значительно расширилась. В 1940 году в Дагестане работало уже 98 киноустановок, из них стационарных 60, кинопередвижек 38. Сейчас же киносеть республики насчитывает 237 стационарных и передвижных киноустановок. Стационарные киноустановки имеются не только в городах и районных центрах, но и во многих крупных селениях. Кино проникло в самые отдаленные уголки Дагестана и стало одним из важнейших средств коммунистического воспитания трудящихся—горцев, организации их культурного отдыха.

До установления Советской власти горцы Дагестана не имели представления о радио. Сейчас же оно обслуживает жителей даже самых отдаленных аулов республики. Еще в 1927 году была создана республиканская широковещательная радиостанция. За короткое время появилась широкая сеть радиоточек не только в городах, но и в аулах Дагестана. В довоенном 1940 году в республике насчитывалось 35 радиоузлов. В настоящее же время их число увеличилось до 200 или в 5,7 раза. Радио прочно вошло в быт трудящихся Дагестана, стало их жизненной потребностью.

Из года в год растет сеть электростанций и использование электроэнергии в промышленности, сельском хозяйстве и в быту трудящихся республики. Завершение в ближайшем будущем строительства крупнейшей на Северном Кавказе Чирюртовской ГЭС явится важным шагом на пути осуществления сплошной электрификации Дагестана.

Серьезных успехов достигла республика за годы Советской власти в развитии печати. Уже в 1921 году в Дагестане издавались газеты «Советский Дагестан» на русском языке, «Красный Дагестан» на аварском, «Советский Дагестан» на

¹ 10 лет социалистического строительства Дагестанской АССР, стр. 138.

² «Красный Дагестан», 1929, 7 ноября.

тюркском, «Дагестанская беднота» на кумыкском и «Красный Дагестан» на лакском языках¹. Махачкалинская парторганизация издавала газету «Пролетарий» на русском языке. Вскоре начала выходить даргинская газета «Дарган», а в 1927—28 годах — газеты «Новый мир» на лезгинском языке, «Захметкеш» на горско-еврейском и две молодежные газеты «Молодой Дагестанец» на аварском и кумыкском языках.

Понятно, что в работе молодых дагестанских газет, особенно выходящих на местных языках, имелись существенные недостатки. Они были связаны с трудностями укомплектования редакций газет кадрами, недостатком типографий, нехваткой материальных средств. В силу ряда причин, национальные газеты Дагестана выходили иногда с перебоями.

Наряду с газетами, с первых лет Советской власти издавалось несколько журналов. С 1923 года началось издание ежемесячных журналов «Маариф елы» (Путь просвещения) на тюркском языке и «Дагестанский кооператор» на русском языке. В том же 1923 году вышло два номера ежемесячника Дагестанского Областного комитета РКП(б) «Звезда», издание которой было возобновлено в 1927 году. С 1927 года стал выходить ежемесячный журнал Госплана ДАССР «Плановое хозяйство Дагестана».

Из года в год росло количество литературы, выпускаемой Дагестанским государственным издательством. В 1930 году в республике было издано 1037,7 тыс. экземпляров книг, в том числе на языках народов Дагестана 1022,7 тыс. экземпляров; учебной литературы было издано 370,7 тыс. экземпляров, художественной 92 тысячи². Уже в 1934 году только на аварском, даргинском, лезгинском, кумыкском, лакском и табасаранском языках было издано 1.134 тысячи экземпляров книг общим объемом 5.896 тысяч печатных листов³.

В последующие годы довоенных пятилеток выпуск периодической и непериодической литературы неуклонно рос. В 1940 году в Дагестане выходило 42 газеты с общим годовым тиражом до 20 млн. экземпляров. Сейчас в Дагестане издаются шесть республиканских (в том числе 4 на языках народов Дагестана и одна молодежная), четыре городских и сорок одна районная газета. Массовым тиражом издается общественно-политическая, научно-популярная и другая литература.

Советская власть открыла невиданные возможности для расцвета многонациональной дагестанской советской литературы, вобравшей в себя лучшие традиции народной поэзии

¹ Первая Дагестанская конференция РКП. Даггосиздат, 1921, стр. 18.

² 10 лет социалистического строительства Дагестанской АССР, стр. 140.

³ Культурное строительство СССР. 1935. стр. 209, 210.

и развивавшейся на основе метода социалистического реализма во взаимосвязи с литературами других братских народов нашей страны.

Произведения дагестанских писателей и поэтов — Сулеймана Стальского, Гамзата Цадасы, Эфенди Капиева, Расула Гамзатова, Рашида Рашидова, Данила Атнилова и других переводятся не только на русский язык и языки братских народов СССР, но и на языки народов других стран социалистического лагеря.

В свою очередь, на языки народов Дагестана переводятся произведения русской классической и советской литературы, литератур братских народов Советского Союза и прогрессивной литературы зарубежных стран. Большое значение для популяризации произведений художественной литературы имеет литературный альманах «Дружба», издающийся на пяти языках.

Плодотворно развивается музыка и изобразительное искусство народов Дагестана. Широкой популярностью пользуются произведения дважды лауреата Сталинской премии композитора Г. Гасанова, Н. Дагирова, а также молодых композиторов С. Агабабова и М. Кажлаева.

За годы Советской власти в Дагестане выросли свои художники, скульпторы, архитекторы. Созданы благоприятные условия для всестороннего развития искусства кубачинских мастеров по обработке металла, унцукульских дереворезчиков, ковровщиц, произведения которых, обогащенные современной тематикой, стали известны далеко за пределами республики.

Одним из важнейших завоеваний Октябрьской революции и Советской власти является раскрепощение женщины и приобщение ее к активному участию в хозяйственном и культурном строительстве страны. Коммунистическая партия и Советское государство не только провозгласили, но и с первых же дней Советской власти создавали все необходимые условия для установления действительного равноправия женщины с мужчиной, вовлечения женщины в управление государством. Это ярко подтверждается на примере Дагестана.

В Дагестане, где до революции женщины были почти поголовно безграмотны, сейчас сотни горянок работают преподавателями, врачами и специалистами других областей народного хозяйства и культуры. Десятки женщин-горянок, работают в научно-исследовательских учреждениях и вузах, многие имеют ученую степень кандидата наук. Немало женщин горянок работает в области искусства, имеются горянки-писательницы. С 1957 года в Дагестане издается на пяти языках журнал «Горянка».

Неуклонно растет приток девушек-горянок в средние и высшие специальные учебные заведения. В 1956—57 учебном году только в высших учебных заведениях Дагестана обучалось 1.056 девушек-горянок. В Женском педагогическом училище и 9 интернатах горянок обучалось 1364 девушки. Много дагестанок обучается в вузах Москвы, Ленинграда, Ростова и других городов Советского Союза.

В прошлом забитая, задавленная темнотой и невежеством бесправная горянка, в условиях советского строя стала играть большую роль в общественной жизни, в промышленном и сельскохозяйственном производстве и в управлении государством. На предприятиях консервной промышленности Дагестана, в ковровых артелях, на фабриках имени III Интернационала и «Дагюн» в основном работают женщины. Женщины составляют более половины членов колхозов республики и вносят достойный вклад в развитие всех отраслей сельского хозяйства. Много женщин горянок трудится на руководящей партийной и советской работе. О роли женщин в управлении государством свидетельствует тот факт, что в Верховные Советы СССР, РСФСР и ДАССР избрано 47 женщин, а в местные Советы депутатов трудящихся — 4077 женщин.

Таковы основные итоги культурной революции в Дагестане, осуществленной за годы Советской власти под руководством Коммунистической партии. Победа социализма в корне изменила духовный облик народов Дагестана. Они стали культурными, сознательными и активными строителями коммунистического общества.

13 ноября 1920 года, объявляя от имени правительства РСФСР Советскую автономию Дагестана, И. В. Сталин говорил о необходимости создать здесь побольше школ и органы управления на местных языках. «Этим путем, — указывал И. В. Сталин, — Советская власть надеется вытащить народы Дагестана из той трясины, темноты и невежества, куда их бросила старая Россия»¹. С этого исторического дня прошло всего 37 лет. За эти годы ДАССР превратилась в республику высокоразвитой культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. Навсегда ушли в прошлое характерные для дореволюционного Дагестана политическое бесправие, культурная отсталость и невежество трудящихся горцев.

¹ И. В. Сталин, Соч., Т. 4, стр. 396.

Расцвет социалистической культуры народов советского Дагестана — яркое воплощение торжества мудрой ленинской национальной политики Коммунистической партии.

Трудящиеся нашей республики законно гордятся тем, что в короткий исторический период они достигли выдающихся успехов в своем культурном развитии. Эти успехи стали возможны только в условиях социалистического строя, в братской семье народов Советского Союза.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

*АРХЕОЛОГИЯ
И
ЭТНОГРАФИЯ*

ХРИСТИАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ АВАРИИ

Пережитками христианства на Северном Кавказе интересовались многие дореволюционные исследователи, которые посвятили этому вопросу ряд работ. Однако из этих работ нельзя получить сколько-нибудь ясного представления ни о времени распространения христианства, ни о путях его проникновения в Дагестан, в частности в Аварию. Причиной этого является то, что в распоряжении этих исследователей не было достаточного количества фактического материала. В самом деле, кроме отрывочных сведений, письменных источников и случайных находок, сигнализирующих о былом распространении этой религии, других данных не имелось.

П. К. Услар, у которого имелся богатый фактический материал по языку и фольклору дагестанских народов, вынужден был признать наличие следов этой религии в Дагестане. Однако роль этой религии, по его мнению, была весьма незначительной¹. Причины слабого распространения христианства в Дагестане он видел в чрезмерной оторванности Дагестана от очагов христианской религии, которыми являлись Грузия и Армения, в отсутствии тесных связей Дагестана с Закавказьем. А. В. Комаров, обративший внимание на следы христианства в Аварии, также считал, что христианство не имело широкого распространения среди местного населения. Докладывая на V археологическом съезде (1881 г.) о найденной в Хунзахе древнегрузинской надписи, он приписал ее пленным грузинам².

Сведения о христианских древностях Дагестана (преимущественно Аварии) приводит также М. М. Ковалевский.

¹ П. К. Услар. Начало христианства в Закавказье и на Северном Кавказе. ССОГ, 1869, т. II, отд. 1, стр. 17.

² Труды предварительного комитета V археологического съезда в Тифлисе, 1882, стр. 124.

Однако он также считает эти памятники случайными находками¹. И, наконец, М. Алиханов-Аварский, сообщая некоторые сведения о двух христианских храмах в долине аварского Койсу, также полагал, что «христианство никогда не проникло в Дагестан»².

Царская администрация развивала большую, хотя и безрезультатную деятельность, направленную на выявление следов христианства на Северном Кавказе. Эта деятельность определялась известными политическими целями, которые ставил перед собой царизм на Кавказе³.

Из советских историков Дагестана впервые обратил внимание на эту проблему Али Гасанов в связи с переводом местной исторической хроники «Асари Дагестан». В своих комментариях к этой работе он высказал ряд интересных мыслей относительно путей проникновения христианства в Дагестан. Но, к сожалению, комментарии эти носят очень лаконичный характер⁴.

В начале 20-х годов под руководством Н. Яковлева Московская экспедиция, работавшая в Аварии, собрала большой и разнообразный материал, относящийся к христианству⁵. Однако помимо краткого упоминания об этих находках, специальной работы, посвященной описанию их, не последовало.

Наконец, отметим ценные работы грузинских филологов академика А. С. Чикобава и Т. Е. Гудава, которые опубликовали материалы о нескольких крестах из Аварии с грузинскими и грузино-аварскими надписями. Помимо дешифровки надписей на этих крестах указанные ученые приводят и другие данные, (главным образом сведения грузинских летописей), свидетельствующие о распространении в Аварии христианской религии.

¹ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, Москва, 1890, стр. 147—148.

² М. Алиханов-Аварский В горах Дагестана, «Кавказ», 1896, № 254.

³ Наличие пережитков христианства на Северном Кавказе служило, по мнению колонизаторской верхушки, средством обеспечивающим приведении горцев к покорности. Таким образом «склонность к христианству» этих народностей рассматривалась как фактор, который должен был сыграть немалую политическую роль в покорении Кавказа. Подобного рода деятельность объединялась т. н. «Обществом восстановления православного христианства на Кавказе», во главе которого стоял представитель императорской фамилии, См. Г. Н. Прозрителев. Древние христианские памятники Северного Кавказа, Ставрополь, 1906, стр. 12—14.

⁴ Гасан Эфенди Алкадари. Асари Дагестан. Махачкала, 1929, стр. 170, примечание 32.

⁵ Н. Ф. Яковлев. Новое в изучении Северного Кавказа, «Новый восток», 1924, № 5, стр. 238—252.

Несомненный интерес представляет и работа Н. Я. Марра, в которой публикуется надпись на древнегрузинском языке, найденная Н. Ф. Яковлевым в 1923 году в селении Урада нынешнего Кахибского района¹.

В последнее время появились работы А. Шихсаидова, в которых он на основании тщательного изучения письменных источников, а также устной традиции обобщает вопросы, связанные с проникновением христианства и ислама в Дагестан². Но, к сожалению, автору этих ценных работ тогда не были известны археологический и эпиграфический материалы, что отрицательно сказалось на полноте его работы.

В ходе работ Дагестанской археологической экспедиции 1955—57 гг. на территории Аварии добыт интересный материал, относящийся ко времени бытования в горах христианской религии. Эти данные позволяют сделать целый ряд новых наблюдений, существенно дополняющих наши знания о времени распространения и характере раннего христианства в Аварии.

В результате полевых археологических работ 1955—1957 гг. выявлен ряд христианских могильников, расположенных у селений Урада, Тидиб (Кахибский район), Хунзах и Гала (Хунзахский район), Тинди и Кванада (Цумадинский район), Ругуджа (Гунибский район). Некоторые из них, как например, могильники у сел. Ений, Хунзах, (Тад раал), Гала, Ругуджа, Кванада, подвергнуты раскопкам. Наибольший интерес представляют раскопки Урадинского могильника.

Урадинский могильник расположен на расстоянии 0,5 км к юго-западу от селения (Урада Кахибского района) на северном склоне невысокого горного отрога. Два небольших раскопа, заложенные здесь в 1955 г. В. Г. Котовичем, показали, что мы имеем дело с трехрусным могильником. Погребальные сооружения этого могильника представляют собой узкие каменные гробницы, ориентированные по линии СЗ—ЮВ, а также деревянные гробы. Всего было расчищено 6 погребений. Захороненные в них костяки лежали в вытянутом положении на спине, головами на ЮВ, со скрещенными ногами (левая голень лежала на правой). Судя по сохранившимся костякам рук у них были скрещены на локтевом сочленении

¹ Н. Я. Марр. Албанская надпись. КС ИИМК. XV, стр. 10, рис. 2.

² А. Шихсаидов. О проникновении христианства и ислама в Дагестан. «Ученые записки» ИИЯЛ, т. III, Махачкала, 1957, стр. 54—77; А. Шихсаидов. Проникновение и распространение ислама в Дагестане в X—XV вв. Рук. фонд ИИЯЛ.

и покоились в области груди или живота. Исключение составляет погребение 3 из раскопа № 2¹.

В раскопе № 2 найдены 2 каменных креста, сделанных из грубо отесанных каменных плит. Повидимому, они относились к погребениям 2 и 3. Могильник датирован В. Г. Котовичем X—XIV вв. Погребенный инвентарь хотя и не богат, но достаточно выразителен, чтобы датировать могильник в целом. Здесь мы встречаем предметы украшения, которые характерны для последней трети первого тысячелетия н. э. Это бронзовые серьги — привески в виде колечка со штифтом, на котором нанизаны бусы, а также бронзовые проволочные браслеты с насечками по краям, характерные для более раннего чем в X—XIV вв. периода. В частности, подобные браслеты типичны для Верхне-Чирюртовского могильника, датированного V—VIII вв.

В Чирюртовском могильнике встречаются и другие браслеты (небольшие с заходящими друг за друга концами), аналогичные тем, которые найдены в Урадинском могильнике. Бронзовый полый цилиндр с гнездами для инкрустации, найденный в Урадинском могильнике, также не типичен для X—XIV вв., стеклянные браслеты, датируемые в Дагестане обычно IX—XII вв., в Урадинском могильнике не обнаружены.

Наконец, устройство самого погребального сооружения и его ориентировка также являются обычными для VIII—X вв. Не говорит в пользу поздней датировки Урадинского могильника и сохранение кожаной обуви в одной из могил. Кожаные изделия хорошо сохранились в ряде других могильников (Бежта, Мингечаур), которые отнюдь не моложе Урадинского могильника.

Верхняя граница Урадинского могильника (XIV в.) определялась и по многоярусности, что якобы свидетельствует об его длительном функционировании. Однако при острой земельной нужде в Аварии и по сей день практикуется частичное разрушение старых могил и устройство новых. Разрыв во времени между ранними погребениями и вновь устраиваемыми могилами иногда составляет 50 лет.

Все вышеизложенное позволяет датировать Урадинский могильник в пределах VIII—X вв.

Урадинский могильник является памятником, отразившим процесс постепенной христианизации Аварии. Так, например, диагональная ориентировка костяков, обычай подсыпки угля и мела в могилах и следы костра (тризны?) в раскопе № 2 — несомненно языческие черты. Находки же каменных крестов в раскопе № 2, захоронение в гробах (погребения № 4 и № 5

¹ В. Г. Котович. Отчет о работе горного отряда ДАЭ в 1955 г. Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 2224, стр. 62.

из того же раскопа), отсутствие обычая сопровождать покойника заупокойной пищей, показывают нам, что в общество, оставившее нам этот могильник, проникла христианская религия¹.

В 1956 г. директор Урадинской средней школы Абдурахман Атаев указал нам на местонахождение христианского могильника у хутора Чорши (в 5 км к СВ от Урада). Место, занятое могильником, называется «Қалурзабазул хабал» или «Гурусазул-хабал», что означает «кладбище неверных» или же «кладбище русских». В 1956 году здесь был найден надмогильный крест, напоминающий крест из Урадинского могильника. На кресте выбито изображение лабиринта.

По сообщению местных жителей, в Гидатли имелись христианские церкви. Они были якобы и в Ураде и Тидибе. Это подтверждается находкой в Тидибе бронзового кадила в местности, где раньше якобы существовала христианская церковь (ГьатІан)².

В стены многих старинных гидатлинских домов вставлены резные камни, которые, по словам местных жителей, собраны из развалин христианского храма. На камнях разнообразной техникой выполнены изображения всадников, животных, сцены охоты, военных набегов и т. д. Они сопровождаются изображением крестов, лабиринтов, всевозможных розеток, елочек и т. д. (табл. 1, рис. 1, 3, 5, 6, 7). Некоторые из них аналогичны изображениям на христианском храме (XIII в.) из Ассинского ущелья³. Кресты встречаются не только в составе сложных композиций, но и как отдельные изображения. Они имеют разнообразные формы и размеры: это «мальтийские» и «орденские» кресты, кресты «андреевские», и «херсонесского» типа и т. д.

Очень интересен находящийся недалеко от Гидатлинского общества (у селения Датуни) христианский храм, представляющий собою зальную церковь в виде одностолпной базилики, покрытой коробовым сводом. О постройке этой церкви имелись сведения у секретаря Шамиля Али Гаджи Чохского, которые приводятся Алихановым Аварским в заметке, помещенной в газете «Кавказ». Согласно данным Али Гаджи она была построена грузинами в 1363 г.⁴ Однако на основании анализа архитектурных особенностей Р. О. Шмерлинг датирует

¹ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 62—63.

² Житель сел. Тидиб Ходу Гитинау передал в распоряжение археологической экспедиции бронзовое кадио, найденное в развалинах «ГьатІан».

³ Е. И. Крупнов. Грузинский храм Тхаба-Ерды на Северном Кавказе. КСИИМК, XV (стр. 11, рис. 1).

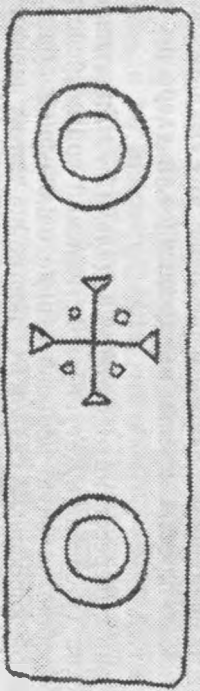
⁴ «Кавказ», 1869, № 254.

3

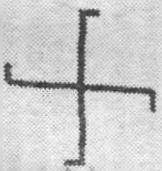
4

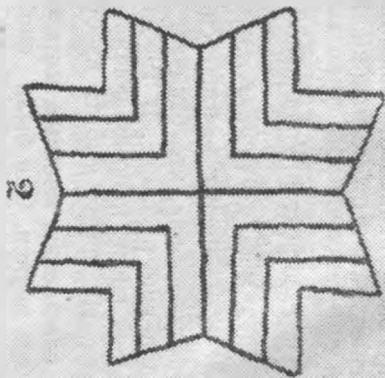
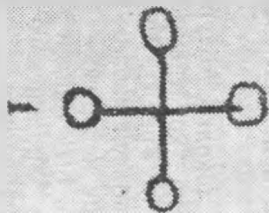
5

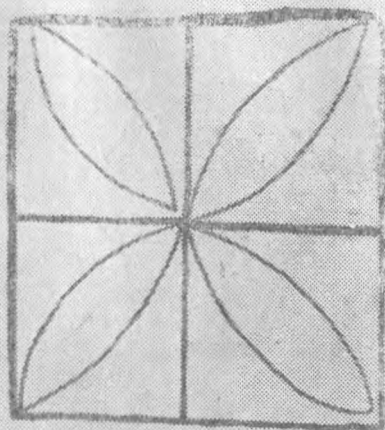
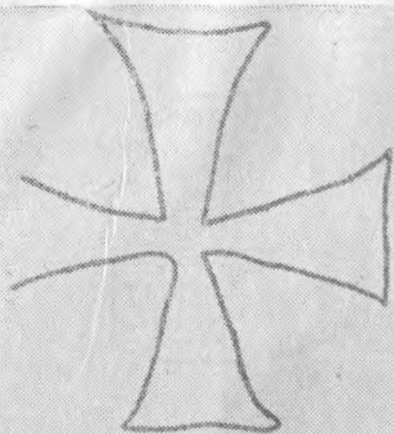

6

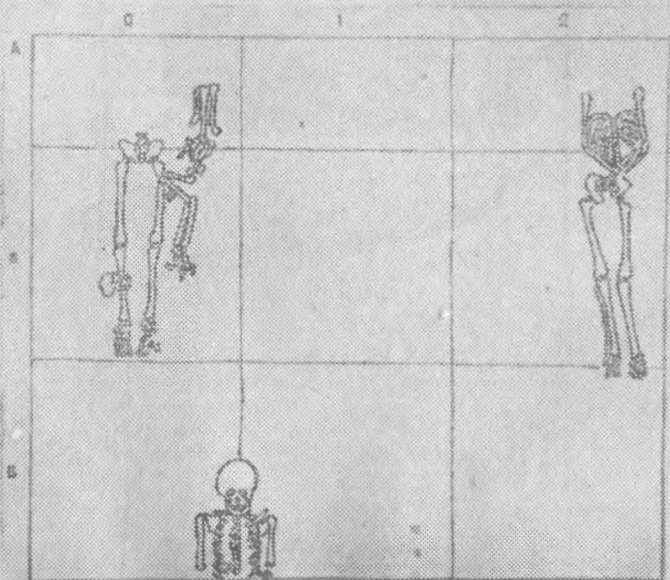

7

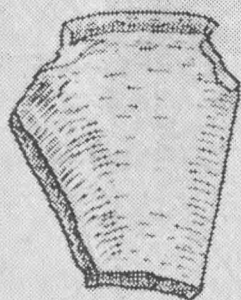

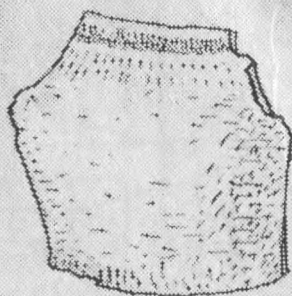
1

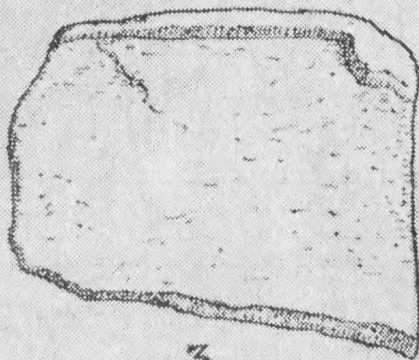
2

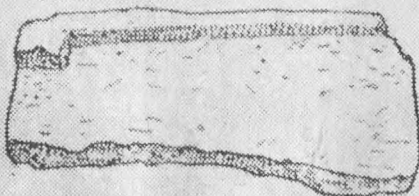
1

2

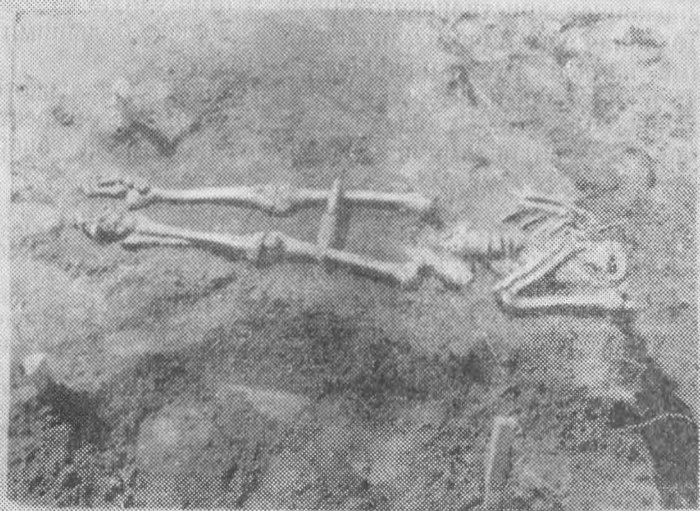
3

4

1

2

Этот памятник более ранним периодом, а именно концом X и первой половиной XI века¹.

Христианские могильники имеются и вблизи Хунзаха в местности «Тад раал». В 1951 г. К. Ф. Смирновым здесь были расчищены два погребения. Обряд захоронения в этих могилах был типично христианский. В 1956 г. здесь же, было вскрыто 4 погребения в грунтовых ямах овальной формы. Костяки лежали на спине в вытянутом положении головой на запад. Руки, как правило согнутые в локтевом суставе, покоились в области груди (табл. 2, рис. 2 и табл. 4—2). Под костяками и около них прослеживается тлеп от дерева. Это обстоятельство и находка железных гвоздей наводят на мысль о том, что захоронения производились в деревянных гробах. В выбросе земли содержалось много керамики, в том числе и поливной, которая, как и стеклянные браслеты, найденные здесь, датируется X—XII веками.

С паспортом «из Хунзаха» в Музее истории Грузии хранится камень с древнегрузинской надписью строительного характера. Текст ее читается: «Построили эту церковь в честь святых Косьмы и Домина мы Учаладан...»². Повидимому эта надпись та же самая, о которой упоминает А. В. Комаров, также происходит из местности «Тад раал».

Во время осмотра местности «Тад раал» в обрезах и на поверхности виднелись следы многочисленных кладок и обуглившиеся куски дерева. Здесь же найдены куски черепицы, в том числе и поливной (табл. 3, рис. 1—4). Черепица встречается как плоская, так и округлой формы. Последняя употреблялась для покрытия конька крыши. Черепица эта как по технике, так и по изготовлению близка к черепице, найденной при раскопках христианского храма в Мингечауре³.

Подобная черепица, отличающаяся только большими размерами, найдена и при раскопках в Мцхета⁴.

На расстоянии примерно 10—15 м от Тадраальского могильника в 1952 году найдено несколько каменных крестов, в том числе с надписями на древнегрузинском и аварском языках⁵.

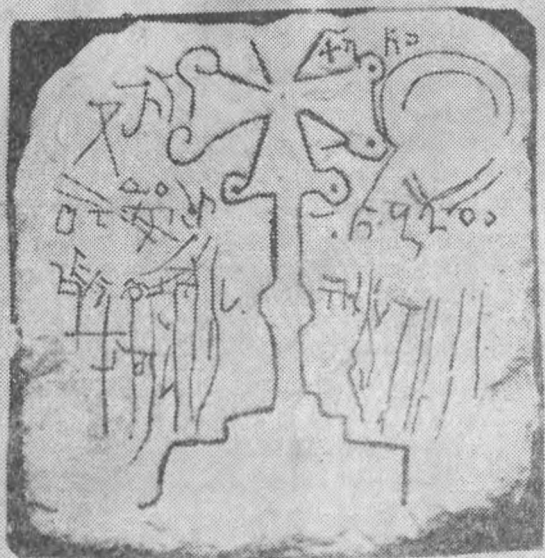
¹ Р. О. Шмерлинг. Храм близ сел. Датуна в долине реки Аварское Койсу. II научная сессия ИИГИ. Тбилиси, 1956, стр. 9—10 (Тезисы докладов).

² Е. Такайшвили. Из грузинских надписей на археологических предметах, хранившихся в Кавказском музее в Тифлисе. «Известия Кавказского отделения Московского археологического общества», Тифлис, 1904, вып. 1, стр. 63.

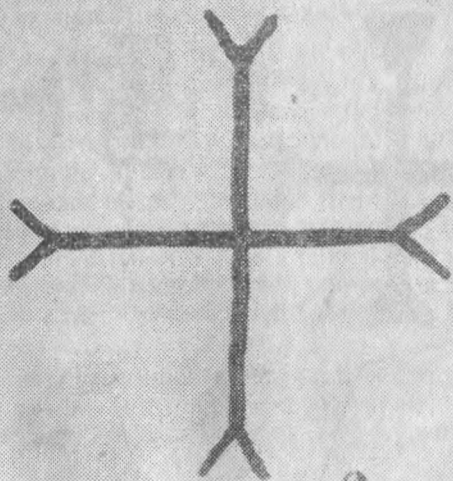
³ Р. Ваидов. Раннесредневековое городище Судагилан (Мингечаур). КСИИМК, вып. 54, стр. 137.

⁴ Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Мцхета. Тбилиси, 1955, стр. 51.

⁵ Данные об этих крестах публикуются в I томе материалов по археологии Дагестана.

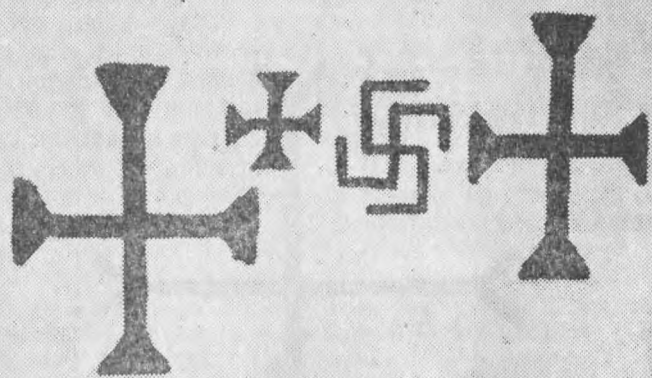
1

2

1

2

В 1957 году второй горный отряд Дагестанской археологической экспедиции приобрел еще два камня с надписями на древнегрузинском языке, найденные на «Тад раале». Один из этих крестов тщательно высечен из небольшой плитки серого известняка и напоминает по форме так называемый «андреевский» крест. Большинство надписей на кресте стерлось. Удастся прочесть сверху только буквы «о» и «з». В нижней части сохранились подряд 3 буквы «н», «у» и «в». Любопытным является написание буквы «в», которая позже XII века встречается редко (табл. IV).

Другой крест (табл. V, рис. 1.) выгравирован на плитке из твердого серого известняка четырехугольной формы. Крест напоминает по форме «орденский», на его концах имеются завитки. Крест стоит на постаменте, напоминающем какое-то здание. По обеим сторонам креста высечено по две концентрических окружности, в которых можно видеть нимбы.

После раскрытия титлов удастся разобрать следующие слова:

джвари кристейси «н», «й»...

упало

?? «в» «Р» ангей, «й»

КІ э ? «ш» «е»

«Крест Христа... упокой архангел помилуй...».

Надпись по начертанию отдельных букв («л», «в», «э») характерна для X—XI веков¹.

В историческом уголке Хунзахской средней школы имеется еще один крест, надписи на котором так сильно стерты, что от чтения их приходится отказываться.

В Хунзахе найдена также каменная плита с надписью на древнегрузинском языке. Гипсовый муляж с этой плиты сделан Е. Зичи и хранится в Будапеште². Однако ни Е. Зичи, ни Бела Пошта, помогавший ему при описании коллекции, не обратили внимания на крест и надпись. На сохранившейся части плиты изображены две птицы (перепелки) в адорирующей позе. В нижней части плиты грузинские буквы д ж р м : к с и к. После раскрытия титлов надпись читается «джвари кристейси к...», что означает «крест Христа: к...». Следующие буквы не сохранились так как правая часть плиты отбита. (табл. VI — I.).

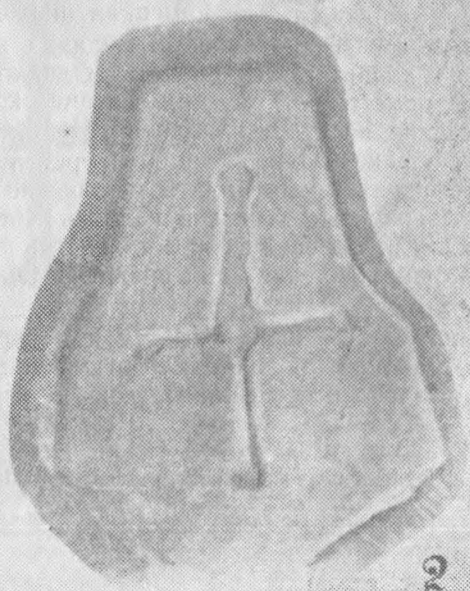
Христианские памятники имеются и в других селениях Хунзахского района. Так, например, в урочище Гала, расположенном недалеко от селения Батлаич Хунзахского района,

¹ Сообщение Г. О. Шмерлинг.

² E. Zichy. Voyages au Caucase et en Asie centrale Vol. I Budapest 1897, p 484.

1

2

в 1950 году был найден каменный крест с древнегрузинской надписью. Надпись на этом кресте прочитана Т. Е. Гудава¹.

Раскопки, произведенные недалеко от местонахождения этого креста в 1956 г. В. Г. Котовичем, позволили ему выделить комплексы погребений, которые имеют отношение к христианству².

В селении Гиничуть, расположенном вблизи урочища Гала, имеется древнегрузинская надпись на камне, вмонтированном в стену одного из домов³. Из селения Гопатль происходит обломок креста с высеченными на нем древнегрузинскими буквами⁴. В ряде селений этого же района сохранились остатки церквей. Укажем на церковь, существовавшую по преданию вблизи селения Хиши, что подтвердилось материалами раскопок А. С. Башкирова. Здесь были найдены строительные остатки, камень с вырезанным изображением креста и черепица, аналогичная найденной в Тадраале⁵.

Около Хунзахского хутора Заи, расположенного на левом берегу Аварского Койсу, еще в начале II половины XIX в. П. Г. Пржецлавский видел развалины христианского храма⁶. П. Иоселлиани в 1861 г. помимо Датунского храма видел и другой храм, расположенный недалеко от него⁷. О наличии двух христианских храмов в долине Аварского Койсу сообщает и Алиханов—Аварский. Второй храм, по его словам, расположен «не достигая до Датупа, ближе к горам в верстах 2-х от берега Койсу»⁸.

В 1938 г. М. И. Артамонов собрал близ хутора Заи в местности, где ранее, по словам сторожилов, стоял христианский храм) подъемный материал, в том числе обломки черепиц для покрытия крыш⁹.

По всей вероятности, все три указанные автора имеют в виду одну и ту же местность, а именно «Гаганида» в двух км к северу от хутора Заи по направлению к горе Акаро.

¹ Т. Е. Гудава. Две надписи (грузинская и грузино-аварская) из Дагестана. «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 30, 1954, стр. 185—193.

² В. Г. Котович. Отчет о работе 1-го горного отряда ДАЭ в 1956 г. Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 2333, стр. 35.

³ Эта надпись в настоящее время изучается Р. О. Шмерлинг.

⁴ Надпись публикуется в первом томе «Материалов по археологии Дагестана».

⁵ П. Яковлев. Новое в изучении Северного Кавказа. «Новый Восток», 1924, № 5, стр. 246. Неоднократное поселение Хиши подтвердили сведения П. Яковлева и М. И. Артамонова.

⁶ «Вестник Европы», 1867 г., сентябрь, стр. 192.

⁷ П. Иоселлиани. Путевые заметки по Дагестану в 1861 г. Тифлис, 1862, стр. 72.

⁸ «Кавказ», 1896, № 254.

⁹ М. И. Артамонов. Отчет о работах северо-кавказской археологической экспедиции ИМК. Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 1602, стр. 31.

Следы христианства прослеживаются и в Гунибском районе. В 1956 году на Ругуджинском хуторе Унсоколо В. Г. Котович раскопал несколько погребений, одно из которых он склонен считать христианским¹.

О наличии христианских памятников в Ругудже свидетельствует также камень с древнегрузинской надписью, находящейся в стене одного из домов (табл. VII—1). Подпись эта переведена Т. Е. Гудава². Верхние 3 строки написаны крупными буквами.

Чтаецся «дж» «ри»: «кеси»: цЮ: ги

Ш. е. : дадхъви : да: (?) и (?)

д ? а :швилни : матн и ?

После раскрытия титлов:

Джвари кристейси цмидао Гиорги

щейцкъали дархъви да ги

да швилни матни

Перевод трех первых строк

Крест христа, святой Георгий

Помилуй Дархъви и

И их детей³.

4 строка — л:а б, кI, л, а дархъви ди строка не подается читке

5 строка — различается буквы к. р. н. — что повидимому означает

КЮрониКЮни (дата).

Судя по начертанию отдельных букв «б» «и», надпись относится к XIV—XV векам.

Христианские могильники встречаются в селениях Квананда и Тинди Цумадинского района. Обряд захоронения в одном из погребений близ Кванадинской средней школы (ориентировка на запад, костяк, выгнутый на спине, со скрещенными на груди руками) позволяет установить, что мы имеем здесь дело с типично христианским могильником. Аналогичен обряд захоронения в порузрушенном погребении, обнаруженном в селении Тинди того же района. Здесь же встречаются камни с изображением крестов. Техника исполнения их самая разнообразная.

В этих же районах, как и в Кахибском районе, имеются кресты, выполненные точечным пунктиром и чашечными углублениями. Наконец, отдельные находки крестов имели место в Гумбетовском, Унцукульском и Ботлихском районах (табл. I; 2—4; табл. VI, 2; табл. II, I; табл. VI, 2; табл. VII — 2).

¹ В. Г. Котович. Ук. соч., стр. 68.

² Выражаю глубокую признательность П. Дибирову и Т. Е. Гудава за любезное разрешение воспользоваться фотографией и переводом надписи.

³ По-видимому слово Дархъви имя собственное.

Из Аварского округа происходит каменный штамп для просфор. В середине его имеется равноконечный крест. В каждом из четырех секторов его две грузинские буквы типа «хуцури». Прочитано имя «Исус Христос» и слово «победа». Штамп датируется XIII в¹.

Из Аварии происходит и другая надпись на каменном кресте, изданная А. С. Чикобава².

Заканчивая перечень грузинских надписей из Дагестана, отметим и последнюю (в общем итоге пятнадцатую) надпись неизвестного происхождения, хранящуюся в Дагестанском музее, над расшифровкой которой в настоящее время работает Т. Е. Гудава.

Разнообразные формы крестов, найденные в Аварии, весьма близки к формам крестов, входящим в качестве компонентов декоративного искусства аварцев.

В 1955 году отряд дагестанской археологической экспедиции (начальник М. И. Пикуль) произвел раскопки около аварского селения Миатли, расположенного на левом берегу среднего течения Сулака. Некоторые из раскопанных погребений на наш взгляд, несомненно христианские: погребения 6, 7, 9, 10 и 11 из раскопа № 1 и все 8 погребений из раскопа № 2.

Во всех перечисленных могилах костяки лежали на спине в вытянутом положении головой на запад со скрещенными в области таза или груди руками. Многие из костяков были покрыты деревянными плахами. Могильник датируется XII—XIII веком¹.

В связи с этим весьма любопытным является сообщение Г. Прозрителева о наличии вблизи аула Чир-Юрт, расположенного недалеко от Миатли, развалин христианской церкви².

По мнению А. С. Башкирова некоторые кресты из Гидатля выполнены в стиле, характерном для византийской и грузинской иконописи. На этом основании часть крестов он относит к кругу памятников христианской эпохи⁴.

¹ М. И. Артамонов, Указ. соч., стр. 29.

² А. С. Чикобава, Грузинско-аварские надписи XIV века в Дагестане «Известия Грузинского филиала АН СССР», 1940, т. 1, стр. 234—237.

³ М. И. Пикуль, Научный отчет по археологической экспедиции за 1955. Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 2312.

⁴ Г. Прозрителев, Петрографика Аварии. Техника обработки камней и металла. «Труды секции Ин-та археологии и искусства» 1930, т. V, стр. 129.

Изображения крестов имели место на Кавказе еще задолго до распространения здесь христианства. В частности, изображения крестов встречаются на кобанских памятниках. Кресты, совершенно идентичные с «орденскими», встречаются в качестве центральной фигуры орнамента сузских чаш первого стиля¹ и т. д. Однако, не столько характер изводов этих крестов, сколько наличие христианских могильников около селений, где встречаются кресты, доказывает принадлежность их к кругу христианских памятников. Такое совпадение мы наблюдаем в селении Хунзах, Урада, Чорши, Гала, Ругуджа, Кванада, Тинди и т. д.

Помимо археологических памятников и письменных источников следы христианства сохранились в аварском языке и фольклоре.

В аварском языке слово «гъатІан» означает христианский храм, а «гъатІан къо» день «гъатІана», т. е. «день церкви», воскресенье².

В аварских аулах сохранились предания, согласно которым многочисленные городища и поселения, расположенные около этих аулов, были заселены в древности христианами.

Кроме того, следует отметить, что среди распространенных в Аварии собственных имен немало имен христианского происхождения: ГІандуник (Андроник), КІушкІантІи (Константин), Базалай (Василий), ГІалисканди (Александр), ХаритІон (Харитон), Илишу (Елисей), Георги (Георгий), Елена, Наниш, Тамар, Сазон, Бежан и т. д. Некоторые из этих имен встречаются в средневековых надписях и манускриптах. Например, имя Георгия, «владельца имущества и рабов», упоминается в одной надгробной надписи из Хунзаха³. Христианское же имя ГІандуникІ — Андроник мы находим в рукописи, относящейся к XV веку⁴.

* * *

Начало проникновения христианства в Аварию относится к VIII—X вв., о чем свидетельствуют данные Урадинского могильника.

Историческая обстановка (активизация внешней политики Грузии при царе Арчиле XII—XIII вв.) и прочные традици-

¹ И. И. Мещанинов. Орнамент сузских чаш первого стиля. «Известия ГАИМК», т. V, стр. 417.

² Впервые на это обратил внимание Г. Прозрителев. См. его выше цит. работу, стр. 4.

³ Л. И. Лавров. Археологические разведки в Дагестане 1947 и 1950 гг. «Сборник музея антропологии и этнографии», т. XIV, стр. 257—258.

⁴ Завещание ГІандуникІа. Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 1356 (перевод М. С. Саидова).

онные связи между Аварией и Грузией благоприятствовали распространению христианства в северо-западных районах Дагестана (Авария). Сведения арабских авторов показывают, что в X—XI вв. христианскую религию в Серире (Аварии) исповедывали только царь и его дружина, т. е. феодальная верхушка. Однако данные Урадинского могильника показывают, что и рядовые члены общества в некоторых районах начинали приобщаться к христианству.

Время упрочения христианства в Аварии падает на X—XI века, т. е. на эпоху, когда средневековая Грузия достигла вершины своего политического и культурного развития. Именно к этому периоду относится большинство христианских древностей Аварии.

Омолаживание христианских памятников, которое до сих пор имеет место, нам кажется не убедительным. Так К. Ф. Смирнов ориентировочно датировал могильник Тад раал XIV—XV веками¹. Но подъемный материал, в основном керамика, собранный на территории этого могильника, имеет более ранний облик. Как отмечал и сам К. Ф. Смирнов, она близка к керамике, которую дает средневековый могильник Гала, расположенный в 10 км от Хунзаха. Раскопки последних лет показали, что наиболее поздние погребения из Гала датируются не позже, чем XII веком².

Наличие поливной керамики в могильнике Тад раал не может быть основанием для поздней датировки, т. е. в основном как по технологическим особенностям, так и по методам декорации (белый ангоб под глазурью, техника сграфито, подглазурная роспись и т. д.) она относится к X—XIII векам.

То же самое можно сказать о крестах, найденных в Гала и Таад раал и датированных Т. Е. Гудава XIV веком, а также о кресте, происходящем из Аварии и датированным А. С. Чикобава XIII—XIV вв. Материал, сопровождающий эти кресты (керамика, близкая к керамике из Гала и Агач-Калы), позволяет отнести их к XI—XII векам. Не противоречат этому и палеографические особенности надписей³.

Как отмечалось выше, имеется основание списать датировку для Датунской церкви.

Если данные о распространении христианства относятся к XIII—XII векам, то первые достоверные сведения о проникновении сюда мусульманства относятся к XIV веку. Это — камень с арабской надписью, вмонтированный в стену мечети квартала Самилят в селении Хунзах. Надпись содержит мусульманские имена, датируется она 1333 годом нашей эры.

¹ К. Ф. Смирнов. Отчет о работе ДАЭ ИИМК АН СССР за 1951 г., стр. 80 (хранится в Дагмузее).

² Материалы раскопок 1957 г.

³ Сообщение Т. Е. Гудава.

Еще более интересна старинная книга, написанная на арабском языке и переписанная в Хунзахе в 1374 году¹. Но не исключена возможность, что попытки распространить ислам в Аварии предпринимались и в более раннюю эпоху чем та, к которой относятся эти надписи.

По мнению А. Шихсаидова, не лишены исторической достоверности сведения местных источников, повествующие о насильственном захвате Хунзаха мусульманами и о бегстве аварского нучала Баяра в Тушетию. Автор совершенно справедливо приурочивает эти события к XI—XIII векам. Однако, как сообщают те же источники, успехи мусульман в Аварии были кратковременными. Старой династии, призвавшей на помощь христиан, при полной поддержке населения Хунзаха и близлежащих сел, удалось, частью истебив, частью прогнав мусульман, вернуть себе трон.

Были ли в это время жители Хунзаха, известные из местной хроники под именем кяфиров язычниками, или же они исповедывали христианскую религию? Вышеприведенный материал достаточно красноречиво свидетельствует в пользу последнего.

Но вернемся к событиям в Хунзахе. Нам кажутся убедительными цифровые выкладки Б. Маллачиханова, в результате которых он определяет год свержения мусульманской династии в Хунзахе. Согласно его вычислениям событие это имело место в начале XIII века, точнее в 1215 году³.

Интересна попытка того же Б. Маллачиханова связать события в Хунзахе в 1215 году с событиями, имевшими место в 1240 году в Кумухе. Упрочив свою власть в Хунзахе и заключив союз с тюрками, в которых А. Шихсаидов справедливо видит монгол, аварский нучал предпринял совместно с ними поход на Кумух. Прибавляя к дате 1215 г. 24 года, в течение которых согласно летописи нучалы вели с правоверными борьбу, Б. Маллачиханов получил тот же 1239—40 год, т. е. дату разгрома Кумуха, которая зафиксирована эпиграфически и не вызывает сомнения.

Анализ местных источников дали возможность А. Шихсаидову сделать совершенно правильное заключение о том, что столкновение мусульманства и христианства в Аварии носило ожесточенный характер⁴. Позиции христианства в Аварии

¹ Обе надписи с переводом предоставлены нам М. С. Саидовым, за что выражаем ему признательность.

² А. Шихсаидов. Проникновение и распространение ислама в Дагестане в X—XV вв. Рук. фонд ИИЯЛ.

³ Б. Маллачиханов. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане Махачкала, 1936. Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 1167, стр. 30.

⁴ А. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 153.

были, очевидно, прочны и в течение всей второй половины XIII столетия. Именно в эту эпоху при царе Дмитрие Самопожертвователе (70 и 80 гг. XIII столетия) успешно развивали свою деятельность миссионеры вроде Пимона Салоса и Интония Новохребулисидзе¹.

Христианство сохраняло свои позиции в Аварии, видимо, и в первой трети XIV столетия. Так, например, царь Георгий Блистательный (1318—1346 гг.), разбив монголов, сильно упрочил власть Грузии. Согласно грузинским летописям в это время в землях Анцуха и Хунзаха существовали христианские церкви². В приписке XIV века к евангелию Магалашвили говорится о хунзахском епископе «Окропири» («зла-тоуст»), который имел резиденцию в Хунзахе.

Серьезный удар христианству был нанесен Тимуром, при котором аварские нудалы становятся проводниками прои-сламской политики³. Но это не означает, что христианство отказывалось от попыток восстановить свое пошатнувшееся положение. Напротив, мы видим в последующие времена даже оживление элементов христианства, обязанное энергичным усилиям грузинских царей. Так, например, при царе Александре (1413—1443 гг. н. э.) из Дагестана были изгнаны арабские муллы и «страна была приведена в прежнее состояние»⁴.

Но остановить все возрастающее влияние мусульманства было трудно. «Вольные» аварские общества одно из другим принимают мусульманство. Например, карахцы принимают ислам в 1435 г. Даже такой традиционный очаг христианства, как Гидатль, приняв добровольно в 1475 г. ислам, стал ревностным сторонником новой веры, распространяя мусульманство мечом в Ахвахе и Цунте⁵. Расположенные по соседству с Грузией и имея тесные экономические связи с ней цунтинские общества позже всех стали на путь исламизации⁶.

Очевидно, что в течение определенного промежутка времени обе религии сосуществовали. В качестве иллюстрации к сказанному мы можем привести надпись арабскими буквами на одной из надгробных плит недалеко от Хунзаха, где упоминается имя Магомеда сына Георгия, «владельца имущества и рабов»⁷.

1 Карлис уховреба. Издание Акакия Чичинадзе. Тбилиси. 1897, стр. 612.

2 Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК, вып. 22, Тифлис, 1897, стр. 48—50.

3 А. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 154.

4 Известия грузинских летописей..., стр. 52.

5 А. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 162.

6 Там же, стр. 163.

7 Надпись прочитана Мансуром Гайдарбековым.

Многочисленные устные предания также повествуют о совместной жизни в разных кварталах одного и того же аула мусульман и христиан.

Любопытные сведения о прошлом аула Кикунь Гергебильского района, сообщающие, что жители этого селения, христиане, принявшие ислам, просили у шейха Абулмуслима разрешения питаться своей любимой пищей — солеными кабаньими головами, запас которых у них был очень велик. Просьба эта, согласно преданию, была уважена.

Приведенные выше факты показывают, что на обширной территории Аварии от Чирюрта до Гидатля и от Цумадинского района до Гунибского, рельефно прослеживаются следы былого распространения христианской религии. Поражает разнообразный характер материала, подтверждающего это. Распространение христианства прослеживается не только по данным археологии и эпиграфики, но также в искусстве и в быту. Об устойчивости христианской традиции свидетельствуют сохранившиеся до настоящего времени обычаи аварцев, например, разукрашивание пасхальных яиц, и особая игра «хэнал гири» — «катание яиц», на которые обратили внимание еще П. К. Услар¹ и Г. И. Прозрителев². Наконец, сообщения грузинских хроник о том, что детей в Аварии обучали грузинской грамоте также свидетельствует о довольно глубоких корнях, которые пустила эта религия в Аварии³.

Это подтверждается и эпиграфическими данными (двухязычные надписи — биллингвы), в которых нужно видеть попытку создать аварский алфавит на основании грузинской графики⁴.

4

¹ П. К. Услар Этнография Кавказа, т. Аварский язык, стр. 62.

² Г. И. Прозрителев Указ. соч., стр. 4.

³ Известия грузинских летописей СМОМПК, т. 22, стр. 51.

⁴ А. С. Чикобава, Указ. соч., стр. 397.

О СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ КУМЫКОВ В XIX В.

XIX в характеризуется для кумыков сравнительно развитым и феодальными отношениями. Со времени крестьянской реформы 1865—1867 гг. в хозяйственной жизни кумыков происходят значительные изменения — неизменно увеличивается роль капиталистических элементов. В конце XIX и начале XX веков в многоукладном хозяйстве народа ведущее значение начинают приобретать капиталистические отношения. Вместе с тем в общественно-экономической жизни кумыков вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции сохранялись значительные пережитки патриархально-родового быта. В частности, семейный быт народа отражал не только существовавшие тогда социально-экономические отношения и изменения, происходившие в недрах их, но и пережитки более ранних этапов общественного развития.

В XIX веке, особенно в пореформенный период, основной хозяйственной ячейкой у кумыков была малая семья. Это подтверждается не только этнографическими данными, но и данными статистики. Достаточно отметить, что по переписи 1886 года на один кумыкский дом или хозяйство в среднем приходилось 4,4 человека¹.

Вместе с тем у кумыков в этот период сохранялись и более архаические формы семьи — большие нераздельные семьи или семейные общины. Низкий уровень техники и полунатуральный характер хозяйства, независимо от господства феодальных отношений, способствовали сохранению в известной мере больших семейных общин, основанных на коллективных формах труда и кооперировании всех средств производства.

¹ Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья (Дагестанская область). Т. 1, в. 4. Тифлис, 1890, стр. 8.

«Наряду со своеобразием самого распада большой семьи, — пишет профессор М. С. Косвен, — особенность данного процесса составляет то, что распад первобытно-общинных начал идет в большой семье неизмеримо медленнее, чем вне ее, в общинно-экономических отношениях данного общества в целом... Так, семейная община оказывается консервативной общественной формой, которая иногда надолго, иногда в условиях даже развитого классового строя сохраняет и воплощает в себе пережиточные первобытно-общинные начала»¹.

Сохранившиеся во второй половине XIX века в пережиточном состоянии большие семьи кумыков дают возможность составить более или менее ясное представление о сущности и структуре большой семьи, об имущественно-правовых отношениях ее членов, об управлении, расселении и т. д. К сожалению, при исследовании данной формы семьи в настоящее время встречается немало трудностей. Основная трудность заключается в недостатке исторических документов и других письменных источников, содержащих сведения о семейной общине у кумыков. Совершенно прав профессор М. О. Косвен, который писал, что «почти совершенно нет в литературе сведений о семейной общине в Дагестане»².

Известные дореволюционные исследователи С. Броневский, М. Ковалевский, А. Комаров, Н. Дубровин, Н. Семенов, Ф. Леонтович, П. Петухов и др., в той или иной мере уделявшие внимание общественному строю народов Дагестана, в своих работах мало затрагивают вопросы устройства самой общины, для полевого этнографического изучения которой в то время, несомненно, имелись значительные возможности.

Поэтому основным источником при характеристике архаических форм семьи служит полевой этнографический материал, собранный нами в 1949—1957 годах в различных районах расселения кумыков. Всесторонний анализ этнографического и исторического материала дает основание полагать, что процесс распада семейной общины и утверждения малой семьи начался раньше у северных, особенно у засулакских, кумыков, чем у южных.

Этому несомненно способствовала известная неравномерность развития общественно-экономической жизни в северной и южной частях Кумыкии. Северные кумыки, проживающие в более равнинной полосе, расположенной на скрещении торговых путей на восток и юг, прежде других были втянуты в русло товарно-денежных отношений. Следовательно, большая семейная община здесь раньше, чем у южных кумыков,

¹ М. О. Косвен. Семейная община. «Сов. этногр.», 1943, № 33, стр. 12.

² М. И. Косвен. Очерки по этнографии Кавказа. «Сов. этногр.», 1946, № 2, стр. 112.

испытывает глубокие превращения. У южных кумыков, проживающих в предгорной полосе, удаленной от торговых путей и центров торговли, большие семьи, напротив, оказались более стойкими. В связи с этим при исследовании пережиточно сохранившихся в XIX веке архаических форм семьи более значительный этнографический материал дали нам южнокумыкские селения. Кроме информационных данных, собранных у представителей самого старшего поколения, нам удалось зафиксировать наличие у южных кумыков остатков материальных памятников большой патриархальной семьи. Это — длинные дома типа «тавчууы» с большими жилыми помещениями, в которых обитали неразделенные семьи¹.

По рассказам престарелых кумыков в первые десятилетия XX в. и у северных кумыков кое-где сохранялись большие жилища несколько иной формы. Материал по истории кумыкского жилища дает возможность проследить дифференциацию малых семейных ячеек в составе патриархальной семейной общины.

Перейдем к характеристике большой семьи.

Семейная община у кумыков имела несколько наименований. Все они указывают на хозяйственное, потребительное и родственное единство членов этой семьи. Таковы термины: «уллу ожакъ» (большой дом, очаг), «уллу аглю, уллу хизан» (большая семья), «гюремлешген кърдашлар» (нераздельные братья), «гюремлешген ожакълар» (нераздельные дома, очаги), «джамлашгъан кърдашлар» (объединенные, общие братья), «джамлашгъан ожакълар» (общие дома). Последние два термина, на наш взгляд, имеют позднее происхождение. Они скорее всего указывают на факты сохранения больших семей в условиях господства малой семейной ячейки. Мы склонны также полагать, что термин «джамлашгъан — кърдашлар» означает вторичное объединение экономически слабых, полураспавшихся в своей основе малых семей в большую семейную общину с целью укрепления хозяйства.

Характеризуя аграрные отношения в России в конце XIX века, В. И. Ленин указывает, что многосемейность является одним из факторов крестьянского благосостояния².

Кумыкская патриархальная семейная община по своей структуре представляла собой кровно родственную группу, объединявшую потомков одного отца по третьем—четвертое колена включительно, а также их жен. Члены большой семьи назывались «бир уйню аглюсю» (жители одного дома),

¹ См. С. Ш. Гаджиева, Материальная культура кумыков в XIX—XX вв. Рук. фонд Института ИЯЛ, д. 2319; Е е же. Жилище каякентских кумыков. «Сов. этногр». № 953, № 3.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 68, 107.

«бирожакъны агълюсю» (жители одного очага) или «бир къазан агълю» (люди, питающиеся из одного котла).

К кумыкской большой семье вполне подходит известное определение, данное Ф. Энгельсом югославской задруге¹.

Письменных сведений о численном составе семейной общины не сохранилось. Представители самого старшего поколения помнят большие семьи, число членов которых доходило до 25—30 чел.

Для примера возьмем семью Гебекова по прозвищу Са-къаллы (бородатый) из сел. Кафыр-Кумух Темир-Хан-Шуринского округа (ныне Буйнакский район), в которой еще в конце XIX века сохранялись патриархально-общинные порядки.

Семья Гебека состояла из 31 человека. В нее входили: сам Гебек (глава семьи), жена Ханумиздек, четверо их сыновей — Джанакай, Мурза, Абдугалим, Муса, двое дочерей — Абам, Умукусум, жены всех сыновей, 13 внуков (у Абдугалима было трое сыновей — Салив, Ибрагим, Абидин и дочь — Хайбат, у Джанакайа трое сыновей — Осман, Зайнутдин, Шарпутдин и трое дочерей — Аминат, Хадижат, Айшат, у Мусы двое сыновей — Джамав, Магомед-Шапи и дочь — Анав), 6 правнуков вместе с их матерями (Осман и Зайнутдин в свою очередь были женаты и имели по двое детей)².

У Абурайрат Гаджи из того же селения семья состояла из 20 человек. Это были его сыновья, дочери, внуки³. Зайналабид Ниматулаев, 79-летний колхозник из сел. Башлыкент Каякентского района хорошо помнит большую семью, в которой он провел свои юные годы. Он рассказывает: Помню, когда я был подростком, в нашей семье жили вместе мой дед Махмуд и бабушка Сухат. У них было четверо сыновей: мой отец и мои дяди, шесть дочерей, моя мать и жены моих дядей. Старшими детьми в нашей семье были я и моя сестра (мой отец был старшим из братьев). Сестры отца вышли замуж и выбыли из нашей семьи, но появились дети моих дядей. Одна из сестер моего отца, овдовев, вернулась в нашу семью с тремя детьми. Первоначально, когда братья и сестры отца жили вместе, в нашей семье насчитывалось 18 человек (он перечислил всех), а потом, когда появились дети у дядей и дети моей тети, вернувшейся к нам, нас стало 24 человека (тоже перечислил)⁴.

Такие же сведения применительно к своей семье сообщали нам в 1950 году 95-летний, ныне покойный, Гапиз Алибеков

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1948, стр. 68—69.

² Записано 5 августа 1957 г. в сел. Кафыр-Кумух, Буйнакского района, у колхозника Ахмедова Шапи, 90 лет.

³ Там же.

⁴ Записано 15 июля 1951 года.

из сел. Янгикент Кайтагского района, 87-летний Алибек Кайрбеков из сел. Капкайкент Каякентского района, 92-летний Шавхал Магомедов из сел. Андрей-аул Хасавюртовского района и др.

Таким образом, большая семья объединяла ближайших родственников как нисходящих, так и боковых линий до третьего—четвертого колена. Естественный рост членов семьи приводил к сегментации семейной общины. Как говорит профессор М. О. Косвен, «семья делилась на части — сегменты, представляющие собой в свою очередь такие же семейные общины, первоначально, конечно, численно меньшие»¹. Толчком для сегментации большой семьи обычно служила смерть главы семьи — самого старшего. Новые семьи, состоящие из трех, иногда четырех поколений родственников по нисходящей линии, возглавляли сыновья умершего.

По сообщению наших старейших информаторов, во второй половине XIX века среди сохранившихся больших семей чаще всего встречались общины, объединявшие только родственников (три-четыре поколения) по прямой нисходящей линии, т. е. семьи, которых М. О. Косвен называет «отцовскими большими семьями».

Указывая на семейные отношения кумыков в предшествовавший ему период, кумыкский этнограф конца XIX века и начала XX века М. Алибеков отмечает именно такого рода большие семьи. «До смерти отца, — пишет он, — они (сыновья — Г. С.) от него не отделялись, ничего при жизни отца они не называли своим, не спрося разрешения отца, ничего никому не давали и не брали»².

Характерной особенностью такой семьи является ее сравнительная малочисленность (15—20 чел.) и рост деспотической власти главы семьи. Его указания выполнялись беспрекословно.

Большую семью возглавлял старший по возрасту — дед или отец, очень редко — старшая женщина. Глава семьи «атай» (отец), «дада» (дед), «агъай» (старший распорядитель) был не только самым старшим по возрасту, но и лучшим работником, умелым организатором, обладающим большим хозяйственным и вообще жизненным опытом. В случае его дряхлости, неумения руководить делами или потери трудоспособности, место главы семьи занимал другой из старших членов семьи — обычно следующий после него по старшинству мужчина (брат, сын).

¹ М. О. Косвен. Семейная община. «Сов. этногр.», 1948, № 3, стр. 11.

² М. Алибеков. Адаты кумыков. Махачкала, 1927, стр. 31.

В управлении хозяйством и другими делами глава семьи был наделен большими полномочиями, порою неограниченной властью. Он регулировал все дела семьи, считался повелительным хозяином всего имущества. Все члены семьи, в том числе и самые старшие (после него), беспрекословно подчинялись его воле.

Глава семьи мог подвергнуть любого из членов семьи (кроме старших себя) физическому наказанию. Старинная кумыкская пословица гласит: «Ата улуу озь тѳересин озью этер» (старший отец сам вынесет свой приговор). Однако при решении важных вопросов он не мог не советоваться с другими взрослыми членами семьи. В этом случае основную роль играл семейный совет, который, по-существу, являлся высшей властью в семье и членами которого были все взрослые мужчины, а также некоторые женщины (старшие, очень опытные и т. д.). Большие хозяйственные и семейные вопросы, вопросы усыновления, лишения права членства в семье, брачные вопросы и т. д. решались главным образом на семейном совете.

В семье существовало четкое разделение труда. Различные виды работ закреплялись за членами семьи, как правило, по усмотрению главы семьи, который при этом исходил из способностей и умения каждого работника. Наиболее ответственные работы (пахота, сев, полив, отбор семян, изготовление и починка сложных сельскохозяйственных орудий, стрижка овец, посадка деревьев и т. д.) выполнялись старшими, самыми опытными мужчинами. На сенокос, жатву, молотьбу хлебов, прополку и другие работы, не требующие большого опыта, выходили все взрослые мужчины и молодежь. Молодые члены семьи пасли также скот, ухаживали за ним, их труд использовался на заготовке дров, на перевозке сена, зерна, мякины, топлива на подводах домой. На долю молодежи падали различные поездки по поручению семьи, несение феодальной повинности, известной под названием «чапарская повинность»¹. Сложные полевые работы на феодалов (барщина) выполнялись, как правило, опытными членами семьи.

Авторитет каждого члена семьи зависел прежде всего от его роли в хозяйственной жизни общины и других личных качеств.

Положение женщины также определялось степенью ее участия в хозяйственной жизни общины. Женщина обычно мало привлекалась к полевым работам — основной отрасли хозяйственной деятельности кумыков. Ее трудовая деятель-

¹ Выставление конных вестовых, дежурных для ханских дворов.

ность ограничивалась работами по дому (приготовление пищи, изготовление предметов одежды, поддержание чистоты в доме, занятие домашними ремеслами — ковроткачеством, сукноделием, обработкой кожи) и воспитанием детей.

В связи с этим женщина находилась в прямой зависимости от мужчины, в руках которого находилась основная отрасль хозяйства. Следовательно, она не имела равных прав с мужчиной. Зависимое положение женщины еще более усугублял шариат, который по существу сводил на нет права женщин. Однако старая женщина «абай», «апай», «уллу-ажай» (бабушка), обычно жена главы семьи, в общине пользовалась большим авторитетом. Ей подчинялась вся женская половина семейной общины. Она являлась руководительницей женского труда. В ее распоряжении находились все запасы продуктов питания, которые она должна была рационально расходовать.

«Абай» могла подвергнуть любую из своих подчиненных наказанию, даже физическому. Кумыская пословица «Абай ургъан аврутмас» (Не больно, когда бьет «абай») свидетельствует о большой власти старшей.

Надо отметить, что данные фольклора свидетельствуют не только о былой власти старшей в доме, но и о мудрости, благородстве женщины-матери: «Ана айтгъанны этмеген, негетине этмеген» (Кто не прислушивался совету матери, тот не достигал своей цели), «Анадан сон къыз къардаш, айрокъда азиз къардаш» (После матери сестра—самая дорогая родня)— гласят кумыкские пословицы.

В случае смерти «абай» или ее дряхлости управление домашним хозяйством обычно переходило в руки старшей снохи, причем старшинство снох считалось не по их возрасту и времени пребывания в данной семье, а по возрасту их мужей. Поэтому были случаи, когда в большом доме распоряжалась судьбой старших себя женщин и управляла хозяйством молодая женщина только потому, что она жена старшего сына главы семьи (старший сын мог жениться на молодой, ввиду смерти первой жены или развода с ней). Старшая была незыблемым членом семейного совета и руководила воспитанием детей, хотя подростки-мальчики переходили в ведение главы семьи. Общий контроль за поведением каждого из членов семьи всегда оставался за главой семьи.

По дому на плечи женщины падали сложные и многочисленные обязанности. Подобно мужской половине семьи, среди женщин существовало строгое разделение труда. Приготовление завтрака и ужина¹ считалось функцией первой помощницы

¹ Кумыки готовили горячую пищу на завтрак и ужин, а в полдень ограничивались легким завтраком.

«абай», обычно старшей снохи. Эта работа нередко выполнялась и другими женщинами старшего возраста, особенно когда кто-нибудь отличался своим умением выполнять данную работу.

Печь хлеб для семьи также было делом опытной женщины, особенно в зимний период, когда семья редко пользовалась надворными печками и для печения хлеба в главном очаге в горячей золе требовалось особым образом приготовленное крутое тесто. Готовить такое тесто и печь из него хлеб для большой семьи было весьма сложным делом.

Доить коров, перерабатывать молочные продукты, носить воду из родника, убирать дом и двор поручалось молодым невесткам. За детьми ухаживали как сами матери, так и пожилые, опытные женщины. Молодые девушки должны были помогать во всем старшим, работать под их наблюдением. Нередко для выполнения различных работ по дому «абай» устанавливала их очередность. В таком случае за каждой женщиной один из видов работы закреплялся или на один день или на всю неделю.

В силу преобладания натурального характера хозяйства большая семья в основном должна была сама обслуживать себя. Поэтому на долю женщин падало изготовление одежды как мужской, так и женской и некоторых предметов обстановки и убранства дома (ковров, паласов, циновок, всевозможных вышивок и т. д.). Если к обработке сырья (шерсти, хлопка, кожи, шелка) могли быть привлечены все молодые, взрослые женщины, то сложные работы (изготовление пряжи, окраска ниток, тканье и т. д.) выполнялось только опытными женщинами.

Особо ответственной и наиболее почетной работой считались кройка и шитье черкесок, шуб, бешметов, мягких сафьяновых сапог и т. д. Женщина, компетентная в этих делах, была уважаема всеми.

В изготовлении одежды опытным женщинам нередко приходилось обслуживать и членов более широкой родственной группы по мужу, и соседей. В этих случаях принято было приносить не сырье (шерсть, кожу и т. д.), а материал (сукно, обработанную кожу, сафьян) из которого женщина должна была кроить и шить тот или другой предмет одежды. Выполнив для другой семьи такую работу, данная семья, в свою очередь, могла надеяться на помощь родственной семьи в каком-нибудь другом деле.

Все работы в доме производились под строгим контролем и наблюдением «абай». В устном творчестве народа сохранилось много сведений о деспотизме и жадности «абай». В одном предании, например, говорится о том, что «абай», отпу-

ская своих снох на ночь из общего жилища в личные комнаты, каждый вечер заставляла их танцевать, подняв руки (это делалось для того, чтобы проверить не спрятали ли они хлеб или другие продукты). Жестокости старшей не было конца. Тогда снохи собрались на совет и решили отомстить «абай». Они подыскали для младшего внука «абай» девушку, известную своим крутым, дерзким характером и посоветовали женить внука на ней. Поверив хвалебным рекомендациям своих снох, «абай» действительно женила внука на ней, но с первого же дня почувствовала, что она ошиблась. Однажды, когда молодая сноха пекла хлеб, она оставила один каравай с отверстием по середине для себя и повесила каравай под платьем. Когда «абай» заставила сноху танцевать, она исполнила ее требование и при этом спела:

Уллу минав этгенмен, ажай
Тешигин тар этгенмен, ажай
Узулмаса чечилмес, ажай
Ону киши гьеч билмес, ажай.

(Я спекла большой чурек, абай. Чурек имеет маленькое отверстие. Если шнур не оборвется и узел не развяжется, никто о нем ничего не будет знать).

Чтобы снохи не трогали бузу (брагу) без разрешения, «абай» на ночь заставляла мазать глиной пол у входа в кладовую. Тогда снохи ухитрились въехать за бузой в кладовую на осле.

Когда снохи обмолачивали хлеб, «абай» села за их спиной. Младшая сноха подняла молоток (зерно очищали большим деревянным молотком) так, что он разбил ей череп.

Деспотический характер управления в патриархальной семье, особенно на последней стадии ее существования, отрицательно влиял на взаимоотношения молодых супружеских пар.

Наиболее тяжелым было положение самой молодой снохи, которая должна была всем угождать. Глава женской половины, а порой и старшие снохи поручали ей непосильную работу, испытывая ее умение и выносливость. Ее угнетала и целая система весьма унижительных адатов (обычаев), которые молодая сноха должна была соблюдать не рассуждая. Она не имела права сидеть при старших, быть без дела, отлучаться в свою комнату, когда в «большом» доме собиралась семья, гости, не могла участвовать в разговоре, если ее не спрашивали, а когда спрашивали, была обязана отвечать кратко. Ей нельзя было называть старших по именам. Для каждого молодая должна была придумывать новое красивое, ласковое (для молодых), авторитетное (для старших) имя. Чаще всего ею употреблялись такие имена: для старшего брата

мужа — «джан агъав» (дорогой господин), «паччам» (мой царь), для младшего брата мужа «къардашым» (мой брат), «эрке улан» (гордый парень), «алтун тон» (золотая шуба), «къыз сюер» (любимый девушкой), если он не женат; для старших сестер мужа — «жан бажым» (дорогая сестра), «гюльбажим» (цветущая сестра), для младших сестер — «эрке къыз» (гордая девушка), «гиччи къыз» (маленькая девушка), пожилых женщин (без снох) «эчивум» (тетя), «бажувум» (в том же значении), снох (старших) — «бажым» (сестра), «бажув» (тоже самое с небольшим оттенком). Старшие снохи называли молодую просто «гелин» (невестка). Глав семьи (женщину и мужчину) молодая должна была называть тем именем, каким называли их в семье остальные.

Невестка, несмотря на то, что ее торжественно вводили в «большой» дом, через несколько дней после выхода замуж в течение целого года, а иногда и больше, не имела права разговаривать с самыми старшими в доме — женщиной и мужчиной. По сведениям кумыкского этнографа М. Алибекова «женщины с отцами мужей... не говорили до смерти»¹.

После распада большой семьи невестка соблюдает этот обычай по отношению к родителям мужа. По истечению периода «избегания» совершалось «заставление» разговаривать. Довольные ее «уважением» к себе, старшие, обычно глава семьи — мужчина, должны были поблагодарить невестку при всех и сделать ей значительный подарок.

Для мужчины этот обычай был значительно проще. Он должен был «избегать» старших в течение недели, иногда 15—20 дней, пока его торжественно не пригласят в общий дом. По истечению этого времени молодой муж мог находиться в общем семейном кругу без стеснения.

Молодая должна была вставать раньше всех и ложиться позже всех, чтобы утром до пробуждения семьи убрать двор и отправить скот на пастбище, а вечером постелить всем постели, закрыть ворота, двери и т. д. Независимо от необходимости, новая невестка должна была обновлять обмазку стен, пола, побелку дома, стирать ковры, паласы — словом наводить в доме идеальный порядок. Такое положение продолжалось до появления в доме новой снохи.

Рождение ребенка, особенно мальчика, до некоторой степени укрепляло положение молодой женщины в доме. Без ребенка она не могла пользоваться доверием членов семьи. Муж мог развестись с ней или взять вторую жену.

Труд женщины в большой семье частично применялся и в полеводстве. В разгар полевых работ (прополка, жатва) она

¹ М. Алибеков. Ук. соч., стр. 30.

принимала посильное участие в общем труде. Возделывание чеснока, лука и других огородных культур в основном находилось в руках женщины. Исключительно женским занятием было шелководство, которое имело в хозяйстве кумыков большое значение. Женщина-крестьянка несла и ряд феодальных повинностей. Наряду с рабами и служанками, всю домашнюю работу у феодалов выполняли женщины из зависимых сословий.

Размеры жилища соответствовали численности семьи. Основная часть жилища состояла из большой, широкой и длинной комнаты, с двух сторон которой пристраивались комнаты для брачных пар.

Распределение мест в жилище хорошо проследить на примере «тавчууьй» южных кумыков. Центральная часть дома (иногда и весь дом) состояла из большой комнаты, которая тонкой перегородкой была разделена на две половины: «тавчу» (внутренняя половина) и «тавчу тишаны» (вторая, наружная сторона «тавчу»). Вторая половина по размеру была больше первой и предназначалась для основной части семьи. Пол внутренней половины представлял собой невысокие глинобитные нары, которые, в свою очередь, были разделены очагом на две равные половины. Самое почетное место на этих нарах занимал глава семьи. На второй половине партакое же место отводилось старшей «абай». Сидя тут, «дада» и «абай» возглавляли трапезу семьи (женщины и мужчины принимали пищу отдельно). В случае прихода почетных гостей «дада» и «абай» могли уступить свои места им.

Так как внутренняя половина не вмещала всю семью одновременно, молодые люди принимали пищу во второй половине. В особо парадных случаях для приема пищи вся семья переходила в большую половину комнаты, где главе семьи также отводилось центральное место. На ночь глава семьи, старшая женщина и другие пожилые люди устаривались в «тавчу» на нарах, возле очага; неженатые сыновья, подростки спали во второй половине комнаты. Молодые брачные пары переходили в построенные для них комнаты.

Все имущество (надворные постройки, скот, земля, сельскохозяйственные орудия) и продукты питания считались коллективной собственностью, т. е. были общим достоянием всех членов семьи. Общинная собственность основывалась на кровной связи и коллективном труде всех членов семьи. Равными имущественными правами пользовались и усыновленные члены семьи, которые в качестве таковых должны были признаны всем семейством и джамаатом (обществом).

Наряду с коллективной собственностью в большой семье имели место и элементы личной собственности. Собственность

членов семьи состояла из 1) имущества, перешедшего от отцов, дедов, т. е. по наследству и 2) имущества, приобретенного общим трудом семьи. Личная собственность в основном имела место среди женщин и, как правило, составляла приданое — «сеп», получаемое из родительского дома при вступлении в брак. Личная собственность обычно переходила по наследству к детям. Многие предметы из приданого женщины с течением времени вливались в новое приданое, даваемое за дочерью при выходе ее замуж.

В случае разделов семьи личная собственность женщины не подвергалась дроблению. Если эту собственность составляли домашние вещи (ковры, утварь и т. д.), то они сосредотачивались в личной комнате брачной пары; если же личная собственность состояла из скота, то он находился в общем пользовании. При разводе женщина получала все, что она привозила из родительского дома, и, кроме того, плату за вступление в брак. Если речь шла о скоте, как о приданом, то женщина имела право на получение только того количества голов, которое она внесла в общее хозяйство семьи при выходе замуж. Полученный же приплод оставался в хозяйстве данной семьи в порядке компенсации за содержание скота. С течением времени, в силу тех или иных обстоятельств, личная собственность женщины могла влиться в общую собственность семьи. Личную собственность членов составляли, кроме того, одежда, украшения, оружия.

Развитие товарно-денежных отношений и частной собственности, разложение натурального хозяйства привели к смене большесемейных организаций малосемейными. Процесс распада больших семей особенно усиливается со времени крестьянской реформы, когда в экономической жизни кумыков происходили значительные изменения.

В этот период обостряются внутрисемейные противоречия. Глава семьи все больше и больше проявляет стремление к обогащению, присвоению общего имущества в свою частную собственность, к узурпации прав других членов семьи и т. д. Тенденция к обогащению, к накоплению частной собственности растет не только у главы семьи, но и у остальных членов общины, особенно у тех, труд которых имеет значительный удельный вес в общем хозяйстве. Чувствуя свою экономическую силу, они стремятся создавать отдельные хозяйства, разумеется, получив соответствующую долю из общего имущества семьи.

Тенденция к разделам нашла свое отражение в многочисленных пословицах, поговорках, анекдотах, песнях и рассказах кумыков. «Ортакъ оьгюзден онгъача бизав яхшы» (Чем иметь общего быка, лучше иметь своего теленка). «Оразлыны

очагы айры болур» (Счастливый тот, кто имеет отдельный котел), «Ортакъ уйге от суюсюн» (Пусть сгорит общий очаг, дом), «Гъар замап «мен-мен» болмас» (Не всегда одному распоряжаться, выставлять свое «я») — гласят пословицы того времени.

Феодальная знать и затем царское правительство старались искусственно задержать распад больших семей, считая их более платежеспособными податными единицами. Адат также не признавал права сыновей на раздел при жизни отца. Вопрос о выходе из отцовской семьи рассматривался на сходе общества и нередко решался в пользу главы семьи. На сходе рассматривался и вопрос об отказе семейным советом от какого-нибудь члена семьи.

Несмотря на искусственные препятствия, большие семьи раздираемые глубокими противоречиями распадались. Поводом для разделов или выделов служили смерть отца или ссоры снох. «Апсылар ёлгъа гетмей», «къатынлар ёлгъа гетмей» (снохи не ладят или женщины не ладят) говорили мужья, когда вели речь о разделах. Что касается женщин, то они действительно являлись инициаторами выделов, ибо на их долю приходился самый тяжелый патриархальный гнет. По свидетельству стариков-кумыков, женщины жаловались, что они «готовят пищу в большом котле (варят много мяса, тем не менее им достаются только остатки после мужчий». Однако и после разделов некоторыми видами имущества члены бывшей большой семьи продолжали владеть совместно (мельницей, в отдельных случаях пахотным, сенокосным участком, садом, виноградником и т. д.), соблюдая в пользовании ими или определенную очередь, или деля ежегодно получаемый доход. Выделившиеся братья по мере возможности устраивались в том же дворе, построив для себя жилище рядом с основным, отцовским домом. Нередко, если отцовский дом мог вместить несколько малых семей, для новой семьи выделялась часть основного жилья. В большом отцовском доме, как правило, оставался один из братьев, чаще всего младший, который, ведя общее с родителями хозяйство, в известной мере продолжал соблюдать традиции былой семьи. На поминки, по случаю различных праздников, жертвоприношений, выделившиеся братья собирались в доме своих родителей — у «общего очага». Таким образом, и после распада семейной общины отцовский дом служил цементирующим звеном для близкородственной группы.

Порядок раздела хозяйства не отличался большой сложностью. Право на имущество имели одни мужчины. Только девушки при выходе замуж могли рассчитывать на приданое, выдаваемое отцом или братом, на иждивении которого она

находилась. Среди мужчин раздел имущества производился более или менее равномерно. Только глава семьи — дед или отец — имел право на лишнюю часть, тем более тогда, когда с ним продолжали жить незамужние дочери или другие близкие родственницы. Если семья состояла из нескольких поколений (нисходящих и боковых), то имущество делилось между старшими братьями, а их потомство в разделах не участвовало.

Следует отметить, что у кумыков, как и у многих других народов нашей страны, отдельные большие семьи сохранились вплоть до победы колхозного строя. Победа его окончательно ликвидировала условия для сохранения архаических форм семьи, подорвала правовые и экономические позиции патриархальной семейной общины.

Распад больших семей, как это отмечает профессор П. И. Кушнер, был вызван советскими порядками наделения крестьянских хозяйств землей, предусматривавшими определенный предел надела и для самой большой семьи, стремлением бывших больших семей получить больше наделной земли (первые годы Советской власти), желанием этих семей иметь «новые приусадебные участки и права на содержание большого количества домашнего скота»¹ (при коллективизации), и, наконец, социалистическим принципом распределения доходов в колхозе, желанием каждого самостоятельно распоряжаться личным заработком, что было несовместимо с патриархальным началом и т. д.

В малой семье первоначально также господствовали патриархальные порядки. Мужчине — главе семьи беспрекословно подчинялись все остальные члены семьи. Он по своему усмотрению женил сыновей, отдавал замуж дочерей, распоряжался всем имуществом семьи.

Однако экономическое и правовое положение женщины в малой семье претерпевает значительные изменения. Если подходить с юридической точки зрения, женщина в малой семье освобождается от многих обязанностей, которые она должна была ранее выполнять по отношению к старшим членам большой семьи, освобождается от труда на всех и т. д.; в малой семье женщина становится хозяйкой дома, ее действия по дому никем не контролируются, если не считать свекрови, которая либо живет у одного из сыновей, либо со своим мужем ведет отдельное хозяйство. Фактически же положение женщины в малой семье не только не улучшается, но и значительно ухудшается. Это обуславливается дальнейшим разви-

¹ П. И. Кушнер. (Кнышев). О некоторых процессах, происходящих в современной колхозной семье. «Сов. этногр.», 1956, № 3, стр. 19

тием частной собственности, обмена и общественного разделения труда, когда роль мужчины в общественном производстве еще более возрастает и женщина, фактически отстраняясь от участия в основных отраслях хозяйства, попадает в полную экономическую зависимость от мужчины и вместе с этим в «домашнее рабство».

«Уже здесь обнаруживается, — писал Ф. Энгельс, характеризуя эту эпоху общественного развития, — что освобождение женщины, ее уравнение с мужчиной невозможно и остается таковым, пока женщина отстранена от общественного производительного труда и ограничивается домашним частным трудом»¹.

В отличие от горных обществ, кумыки мало занимались ремеслом. В этой связи необходимо отметить, что в результате установившегося общественного разделения труда между плоскостной и равнинной частью Дагестана у кумыков очень рано свертываются многие виды ремесел, в том числе и связанные с женским трудом, и хозяйство их все больше и больше приобретает зерновой характер. Свертыванию ремесел (изготовление сукна, хлопчатобумажных тканей, гончарных изделий и т. д.) способствует и широкое распространение здесь русских фабрично-заводских изделий, в первую очередь дешевых тканей, которые кумыки приобретали как на меновых пунктах (XVIII и нач. XIX вв.), так и на рынках. Таким образом, окончательно подрывается экономическая основа натурального хозяйства и труд женщины все более ограничивается работой на дому, что дает право мужчине смотреть на нее, как на зависимое и бесправное существо. Здесь она теряет и те элементы свободы, авторитет, имущественные права, которые в какой-то мере сохранялись за ней в большой семье.

О зависимом положении женщины свидетельствует и покупной брак, роль которого еще более возрастает в малой семье. В каждом удобном случае муж давал знать жене, что он внес за нее определенный калым и что он является ее полным хозяином. Характеризуя положение супругов в малой семье, особенно в среде имущих классов, Ф. Энгельс писал, что муж «в семье — буржуа, жена представляет пролетариат», что муж занимает такое «господствующее положение, которое ни в каких особых юридических привилегиях не нуждается»².

В то время, как муж мог дарить коня, телку, дорогую шубу, участок земли за хвалебные песни по его адресу на свадьбе,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 294—295.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1948, стр. 84—85.

в кампании, расходовать бесконтрольно любую часть имущества, жена не имела права без его разрешения купить даже одежду для семьи. Деньги находились у мужа, который тратил их по собственному усмотрению.

Поведение женщины строго регламентировалось адатом и шариатом. Бесправное, угнетенное положение кумычки в малой семье сказывалось во всех областях жизни, ярче всего в семейном быту, и, в первую очередь, во взаимоотношениях супругов. Жена не имела права на развод, муж же мог в любое время развестись с женой, или привести новую. М. Ковалевский писал о дагестанской женщине: «Муж всегда вправе наказывать проступок жены плетью... Когда совместная жизнь делается невыносимой, жена подчас убегает от мужа, и ищет приюта в доме своих родных. Но если муж не согласится дать ей развод, жена должна вернуться к мужу и родители не должны ее укрывать»¹.

Если женщина все же решалась уйти от мужа без его согласия, то она по обычаю лишалась права на приданое, которое приносила из отцовского дома, на «кебингьяк»², должна была вернуть все подарки, всю верхнюю одежду и ухаживать в нижнем белье, босиком. В этом отношении очень характерно решение Темир-Хан-Шурицкого окружного суда от 12 декабря 1912 года по жалобе жителя сел. Буглен Сельдерхана Султан Ахмед-оглы.

Дело в том, что жена Сельдерхана Султан-Ахмед-оглы Суханат самовольно ушла от него, мотивируя это тем, что она «вышла за него не любя, и дальше жить не желает». Так как муж отказывался дать ей развод, сельский суд обязал Суханат вернуться в дом мужа, считая, что за мужем нет никакой вины, предусмотренной адатами.

Разобрав дело в своем заседании и учитывая то обстоятельство, что Суханат категорически отказывается вернуться в дом мужа; окружной суд решил: «Суханат Аслан-кызы признать не желающею продолжать совместную с мужем жизнь без явных уважительных причин, а поэтому признать ее лишившеюся всех прав на получение альгам¹, своего приданого, кебингьячных денег, калыма и даже верхней одежды: все это полностью переходит в собственность Сельдерхана, который совсем не обязан содержать Суханат и имеет право

¹ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. Т. II, 1890, стр. 194.

² Гебингьяк — материальная гарантия (обычно в денежной форме) на случай развода и смерти мужа.

³ Альгам в данном случае подарки, сделанные при сватовстве.

требовать вознаграждения за дачу развода Суханат, которая не имеет права выходить замуж до получения развода»¹.

Женщина при самовольном уходе, кроме того, должна была снять с макушки волосы и оставить их мужу за свое «освобождение». С развитием товарно-денежных отношений отрезание волос компенсировалось в отдельных местах тремя рублями.

Как известно, бракосочетание, личные и имущественные отношения супругов, развод, взаимные отношения родителей и детей, опека, наследование и порядок раздела наследственного имущества определялись правилами шариата. Ислам во всем ущемлял интересы женщины, ставил ее в рабскую зависимость от мужчины как в семье, так и в обществе. По корану разрешалось жениться на двух, трех, четырех. По исламу женщине не разрешалось показывать свое лицо, свои наряды посторонним мужчинам.

Унизительные патриархальные порядки ярко проявлялись в наследственном праве женщины. При разделе имущества родителей, женщина получала наполовину меньше, чем мужчина и фактически отстранялась от наследования недвижимостью. После смерти отца, при отсутствии братьев и других наследственников, девушка должна была уступить половину имущества родственникам отца, в то время как сын при тех же условиях должен был наследовать все имущество. Те же самые правила соблюдались в юридической практике и по отношению к супругам. В то время как после смерти жены муж получал $\frac{1}{4}$ часть оставленного ею имущества (остальная часть переходила в распоряжение ее родственников по нисходящей боковой линии), жена имела право после смерти мужа только на $\frac{1}{8}$ часть. При этом ее труд в расширении хозяйства, увеличении имущества в расчет не принимался.

Мы отмечали выше, что в малой семье на плечи женщины накладывались еще дополнительные обязанности. Если раньше среди женщин существовало разделение труда и каждой из них «старшая» поручала какой-нибудь определенный участок работы, то теперь в малой семье женщина должна была одна нести всю тяжесть домашней работы.

В обязанности женщины входили: уход за молочным скотом, домашней птицей, приготовление пищи и продуктов впрок, снабжение водой, изготовление одежды и предметов домашнего ремесла (там, где оно продолжало сохраняться), уборка помещений, стирка и починка одежды. Одной из основных и трудных обязанностей женщины являлось воспитание детей, в котором муж до их определенного возраста не принимал почти никакого участия.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 143, л. 7.

В малой семье в основной отрасли хозяйства — полеводстве — часто не хватало рабочей силы. Тем более это чувствовалось в такой семье, в которой дети не в состоянии были помогать отцу, а он в силу экономической слабости не мог прибегать к найму рабочих. Поэтому женщине нередко приходилось помогать мужчине и в жатве, молотье хлеба, уборке сена и т. д., хотя работа в поле считалась делом мужчины. При всей тяжести, многогранности и ответственности работы женщины кумык смотрел на жену как на свою собственность, как на бесправное существо, от которого можно требовать все, что он желает. Кумыкский этнограф М. Алибеков так определяет положение женщины в семье: «Жены не вмешивались в дела мужей... делали все, что им скажут мужья и не разбираясь — правильно ли это или нет. Когда мужья уходили куда-нибудь¹, то они не спали до их возвращения. Были такие из мужей, которые давали развод за то, что их заставляли спать»².

Зависимое положение женщины в семье особенно подчеркивалось при посторонних мужчинах. Радушно приветствовать гостей, посидеть с ними в одном помещении, участвовать в их беседе вместе с мужем считалось для женщины делом, заслуживающим осуждения. Женщины постоянно находились в столовой «ашуьй» и пищу принимали отдельно от мужчин. Если же жилище состояло из одной комнаты, женщины при наличии гостей садились есть к ним спиной, чтобы мужчины не видели как они кушают. В состоятельных домах, где имелись специальные гостиные, женщины могли даже не видеть гостя, не зная кто у них гостит, так как доступ в эту половину ей был закрыт. Любопытным женщинам, однако, удавалось посмотреть на гостей тайком, через окошечко, щель двери, а также непосредственно, когда те отдыхали на галерее.

При посторонних мужчинах женщина ни в коем случае не должна была подходить к своему ребенку, когда он плакал, брать на руки, кормить грудью и т. д. Более того, женщина, заметив, что ее с ребенком видит свекор, отец, старший родственник или просто знакомый мужчина, немедленно передавала ребенка в другие руки, а на улице, встретив близко знакомого мужчину или попав случайно на мужской очар³, она немедленно бросала ребенка на землю. Согласно обычаю, оставленного на земле ребенка мужчины должны были поднять и отправить к матери с какой-нибудь женщиной или подростком.

¹ У кумыков принято было после ужина собираться на беседу. Это называлось «йибав». М. Алибеков очевидно имеет ввиду это.

² М. Алибеков, Ук. соч. стр. 30.

³ Место сбора на отдых у ворот.

Адат не позволял мужчине принимать участия в воспитании детей, показывать посторонним привязанность к ним, ухаживать за ними, ласкать их. Он боялся проявлять отцовское чувство даже в отсутствие посторонних, дабы ребенок не привык к нему. Если при посторонних ребенок направлялся к отцу, последний сурово загораживал ему дорогу ногой или палкой, а затем звал жену с тем, чтобы она взяла ребенка. Если в отсутствие матери ребенок просыпался и беспокоил отца, последний не должен был брать его из люльки. По адату он мог только позвать кого-нибудь из соседок для успокоения ребенка.

Несколько иным было положение женщины, в семье которой проживала свекровь. С одной стороны, здесь свекровью значительно ущемлялись права невестки, контролировалась ее деятельность, с другой, она все же частично разгружала молодую женщину, помогая ей в домашнем хозяйстве и воспитании детей. Обычай позволял свекрови выходить на прогулку с ребенком, ухаживать за ним. Помощницей матери во всех домашних делах с самого раннего возраста становилась дочь.

Суровость нравов не позволяла кумыку называть свою жену по имени, муж всегда обращался к жене со словами «гъей» (эй, слушай), иногда и «симсир» (слабоумная). Обычай требовал, чтобы жена обращалась к мужу, выбрав удобный момент, или посылала к нему с поручением детей. «Ол» (он) «атагъыз» (ваш отец), «агъагъыз» (ваш господин) и т. д. — таковы были имена, которыми пользовалась жена, говоря с членами семьи о своем муже.

Иным было положение женщины в среде феодалов. Хотя порядки наследования, бракосочетания, развода и т. д. были общими для всех слоев населения, однако в княжеских или дворянских семьях женщина совершенно не занималась тяжелой домашней работой. Мало того, она даже не кормила грудью своих детей, так как еще до их рождения определялись специальные кормилицы — «эмчек ана» (молочная мать). «Бийке» (княгиня, княжна) пользовалась в обществе большим влиянием, при известных условиях она могла самостоятельно управлять своим имением, распоряжаться семейными делами и т. д. Вся тяжелая черная работа выполнялась рабами — «кьуллар», чагарами (отпущенными на «волю» бывшими рабами) и прислугой (кьуллукъчу). Хотя рабство у кумыков, как и у многих других народов Кавказа, не стало системой хозяйства, не составило особого способа производства, тем не менее вплоть до 70-х годов XIX века патриархальное рабство играло значительную роль в хозяйственной жизни феодальной знати. И после освобождения рабов

в 1867 году многие из них, в силу ряда обстоятельств, продолжали оставаться в качестве прислуги у своих бывших владельцев.

Освобожденные от всякой домашней работы, от забот по воспитанию детей, женщины из семей феодалов увлекались только золотым шитьем на различных предметах обстановки и одежды, выделкой поясов, галунов и т. д. Девушек здесь учили этикету, который они должны были соблюдать в семье, в гостях. Некоторые из феодалов давали своим дочерям образование.

В связи с различным положением мужчины и женщины различно было и воспитание детей в семье. При воспитании мальчика ему внушалось, что он в будущем призван играть господствующую роль в семье. «Уйню орта багъанасы» (стол, на котором держится вся крыша), «аркъя—къала» (опора дома), — говорили в семье о мальчике. Девочке, напротив, с самого раннего возраста старались подчеркнуть ее подчиненное положение, ее зависимость от брата. «Улан десе уй тола» (когда говорят «мальчик» дом наполняется добром), «уй бузагъан» (разоряющая дом), — говорили кумыки, противопоставляя пользу от девушки и мальчика. Существовала даже клятва для девушек — клятва именем брата.

При наличии в семье девочек-сестер их брат часто освобождался от всех обязанностей, связанных с поддержанием в доме чистоты и порядка. Мальчик имел право распоряжаться сестрами, заставляя их подавать ему одежду, воду и пр. Мальчик мог даже бить сестер, не получая за это наказания от родителей, ибо в этом они усматривали проявление мужского характера. Если девушка хотела вызвать одобрение родителей, она ни в чем не должна была противоречить брату. «Воля отца», «воля брата», «воля дяди» и т. д. — говорила девушка, — безропотно выполняя все требования родителей, а в их отсутствии — близких родственников. Воспитание мальчиков в духе их исключительного положения в семье особенно ярко проявлялось в зажиточных семьях, главным образом в тех, которые рано лишились главы семьи — мужчины.

Унизительное для себя обращение с братом девушки объяснялось отчасти и тем, что брат, как мужчина, должен был оказывать им необходимое в жизни покровительство. Если муж прогонял жену или почему-либо она должна была покинуть дом мужа, она обязательно возвращалась в отцовский дом, а при его отсутствии — к брату. Это учитывалось и при разделе отцовского имущества. Сестра не должна была претендовать на часть дома: дом, ввиду господствующего поло-

жения мужчины, доставался именно брату, где, однако, в случае нужды, могла найти приют сестра.

В то время как 7—8 летняя девочка должна была ухаживать за грудным ребенком матери, а с десяти лет носить в кувшине воду, бегать по всем поручениям, мальчик с самого раннего возраста освобождался от многих обязанностей. Если он рос при дедушке, то последний учил его «мужскому» ремеслу. «Мужским» занятиям учил его и старший брат.

Дети состоятельных родителей обучались в мечети корану. Мечеть посещала и часть девочек.

Свое свободное время те и другие проводили в играх. Девочки дошкольного возраста играли главным образом в куклы («кьурчакъюн»), которые изготовлялись домашним способом. Девочки постарше особенно любили танцы, песни, всевозможные спортивные соревнования (бег, прыжки, и т. д.). Получив в детстве некоторые навыки, девушки потом демонстрировали свое танцевальное искусство на свадьбах или общественных праздниках.

Широкое распространение имело катание на качелях. Катание сопровождалось особой песней «Гьасинчек йыр».

Гьасинчек, гьасинчек
Гьасаналиги гюлчечек.
Гюлчечекни сатайым
Сарымайгьа батайым
Агьам магьа уй ишлей
Тёбели сандукъ йимик
Гелиним магьа дум тухуй
Гулмелли явлукъ иймик
(Качели, качели
Для Гасанали — цветок.
Дай продам я этот цветок,
И погружусь в масло.
Мой брат строит для меня дом
Как сундук с крышкой.
А невестка моя ткёт для меня ковер
Как узорчатый шелковый платок) и т. д.

Любимой игрой девочек была пастушья игра «кьойчу юн», также сопровождавшаяся пением. В игре и песне отражается устно-поэтическое состязание с чабаном, в результате победы на котором посетители получали в вознаграждение барана.

Приведем отрывок:

- Гьей, кьойчу!
- Гьай, гьуй
- Кьююнг кьайда?
- Ала тавда

- Не отлай?
- Ювушан
- Аягъы недир?
- Акъ ташдан.
- Уьтюргюсю?
- Гюмюшден.
- Къой бер
- Гирип йибер тешикден

- Слушай, пастух,
- Да, слушаю.
- Где твое стадо?
- На пестром лугу.
- Какую оно ест траву?
- Полынь.
- Какова ножка у овцы?
- Белее камня.
- А копытца?
- Из серебра.
- Давай овцу,
- Проходи через эту щель) и т. д.

У мальчиков в большом почете была стрельба из лука, в которой состязались с самого раннего возраста. Лук («окъ-жая») и стрелы («окъ») делали сами дети. В каждом доме, где имелись дети, можно было видеть по 3—4 лука и десятка два стрел.

Дети играли в «альчики». После дождя, пока почва влажная, мальчиков привлекала игра «къангъыч» (свайка). Для этой игры каждый мальчик запасался 5—6 заостренными палками. Палки бросались с размаху в землю острым концом. Если один из игроков сбивал своей палкой палку товарища, он считался победителем. В эту игру иногда играли и ножами.

Летом, в сухую погоду, мальчики играли в «дандирек» (волчок). В вечернее время юноши группами собирались в доме товарищей, проводили время в рассказах, играх и музыкальных инструментах, песнях и т. д. В случае обнаружения где-нибудь «булкъа», они направлялись туда для встречи с девушками. Принято было ходить на «булкъа» со сладостями для девушек. Поэтому накануне «булкъа» в одном из кварталов села юноши проводили игру, известную под названием «гудурбай», целью которой был сбор продуктов, потом меняемых на фрукты, сладости и т. д. Для этого юноши ходили из дома в дом и пели для каждой семьи традиционную песню, изменяя ее по мере возможности применительно к каждой семье. Приведем несколько куплетов.

Гудур-гудур гудурбай
 Гудурбайны гёргенлер
 Гёрюн салам бергенлер.
 Саламынгны ари кьой
 Къанчыгъынга тари кьой.
 Тари кьойсанг, тартарман
 Тартын боза этермен.
 Къызыл оьгюзню мююзю
 Бозагъа къартыкъ болсун,
 Берсенгде бермесенг де
 Дёвлетинг артыкъ долсун.

(Гудурбай — не переводится¹)

Кто видел гудурбая?
 Кто его приветствовал?
 Отставь подальше свой салам.
 Наполняй мешок просом.
 Если наполнишь просом, я его смею,
 Смею и сделаю бузу.
 Пусть роги красного быка
 Служат бокалами для бузы.
 Пусть прибавится богатство этого дома.

Аналогичное хождение по домам, известное под названием «земире»², имело место и у девушек. Однако последнее проводилось только днем во время засухи. Организаторы этой процессии должны были нести портрет женщины, нарисованный ими же на дощечке углем. После обращения к «земире» с просьбой о дожде в песне говорилось:

Тирменчиге не герек
 Чоргъа-чоргъа сув герек
 Кьойчу улангъа не герек
 Кёрпе чачлы кьыз герек

(Что нужно мельнику?
 Полные жолоба воды.
 Что нужно пастуху?
 Девушка с завитыми косами) и т. д.

Каждая семья, к воротам которой приходила такая группа девушек, должна была вылить им на головы кувшин воды, а затем отпустить их с чем-нибудь (зерно, мука, масло, сыр, деньги и т. д.).

¹ Нам думается, что «гудурбай» это какой-то мифический покровитель, связанный с доисламским верованием.

² «Земире» — очевидно богиня дождя.

«Земире» девушек в отличие от «гудурбай» все еще сохраняло свое религиозное значение.

При достижении 15-летнего возраста мальчик имел право носить кийжал и находиться в общественных местах, хотя он и должен был держать на почтительном расстоянии и старших. Поэтому молодежь обычно собиралась на очар отдельно, чтобы чувствовать себя свободнее.

С момента совершеннолетия отец и сын работали рука об руку, причем сын обязан был брать на себя основную тяжесть полевых и других работ. С этого времени ему разрешалось жениться.

Кумыкская девушка к 15 годам также считалась самостоятельной работницей и имела право вступить в брак.

Как мы говорили выше, женщина всегда должна была быть у дела, занята работой. Женщине не полагалось выходить к воротам, как это делал в свободные часы мужчина, посидеть там с соседками и пойти к кому-нибудь без необходимости. Все это могло способствовать распространению о ней плохого мнения.

Женщины все же общались друг с другом на водоразборных пунктах, у хлебной печи, на мельнице, на всевозможных «булкья», на свадьбе и т. д. Принято было, например, подругам отправляться за водой вместе. Набрав воды в кувшины, женщины порой целыми часами вели у родника беседу на разные темы, обменивались новостями, советовались. То же самое женщины делали во время работы на «булкья», у печи и т. д. Однако появление какой-нибудь старшей, влиятельной женщины, могущей осудить их поведение, прекращало и это развлечение.

Раз в неделю женщина после мытья головы имела право уйти на 2—3 часа к своей подруге, чтобы та причесала ее, заплела ей косы. С ней она могла обсудить все события семейной жизни, доверить свои секреты и т. д.

У кумыков, как и у всех народностей Дагестана, существовал униженный обычай, по которому на вдове умершего брата мог жениться его старший или младший брат. Этот обычай левирата имел под собой экономическую подоплеку, которая заключалась в стремлении к сохранению имущества, которое при уходе вдова могла увезти с собой. При этом учитывалась и судьба детей, которые по адату после матери должны были оставаться у родственников отца. Обычай левирата усугублял и без того тяжелое, бесправное положение женщины, ибо часто она становилась второй женой, нянькой его детей от другой жены.

Значительно лучше было положение пожилой женщины. Она, как мы указывали выше, исстари пользовалась всеоб-

щим уважением и большим авторитетом среди всех членов семьи. Обычно советам умной, практичной старухи руководствовались не только члены ее семьи и родственники, но и посторонние женщины и мужчины. При болезни пожилой женщины все ее сыновья, соседи и знакомые оказывали ей знаки внимания, садились у ее ног, ухаживали за ней и т. д. Когда она входила в чужой дом, ее торжественно усаживали на самое почетное место, как и почетных мужчин. В отличие от прочих женщин она могла даже есть за одним столом с родственниками-мужчинами. Отклонить просьбу старой женщины считалось неприличным.

При всей тяжести труда, падавшей на плечи женщины, при всем униженном ее положении в семье и обществе, дагестанская женщина, в отличие от женщин многих стран Востока, не носила ни чадру, ни паранджу. Кумычки ходили всюду с открытым лицом, без покрывал, в платьях, шитых по талии, они танцевали с мужчинами и вступали с ними в состязания, пели шуточные песни и т. д. Длинные косы, красивое лицо, изящная фигура девушки служила одной из любимых тем устно-поэтического творчества народа.

Как нам представляется, распространение чадры и паранджи связано прежде всего со степенью влияния ислама. Ислам, распространение которого в Дагестане встречало большие препятствия, не успел совершенно подчинить себе отдельные стороны быта народов Дагестана, в том числе навязать женщинам чадру и паранджу. Больше того, в кумыкском фольклоре сохранилось немало песен, частушек, которые свидетельствуют о свободном обращении девушек с мужчинами. Вопреки поучению ислама прятать волосы, девушки и молодые женщины носили чолку «лепеке» и локоны («самайлар»).

Помимо свадеб девушки и юноши встречались на «булкья», где они в процессе работы совершенно забывали о преградах, которые им ставили адат и шарият. Они садились вместе, пели, вступали в поэтические соревнования на лучший стих, на лучшую песню, на меткую сатиру и т. д.

Лучшими часами дня девушки считали хождение за водой после заката солнца. Один из водоразборных пунктов считался главным, парадным, куда собирались «посмотреть на девушек» и юноши. Беседовать с девушками в этом случае не полагалось, тем не менее юноша успевал обмениваться несколькими словами со своей возлюбленной.

Лучше всего чувствовали себя девушки и юноши на «булкья». Хозяйка дома собирала девушек для выполнения различного рода работ (жатва кукурузы, обработка шерсти и т. д.). Самой привлекательной, однако, была «булкья» по очистке кукурузы. Накануне «булкья» вечером юноши

устраивали, как уже отмечалось, «хождение по домам» для сбора продуктов или денег, на что приобретались орехи, кишмиш, конфеты и т. д.

На кукурузной «булкъя» девушки и юноши сидели рядами (в одном ряду девушки, в другом — юноши), друг против друга. В отличие от многих других работ юноши принимали в «булкъя» активное участие. Здесь во время работы и в перерывах на отдых происходила оживленная беседа, проводились танцы, игры, исполнялись любимые песни, частушки. Выбрав удобный случай, юноша кидал нравившейся ему девушке початок кукурузы и, обращаясь к ней по имени, произносил еще слово «гъайт», означающее по существу объяснение в любви, предложение о дружбе. Если девушка принимала предложение, она должна была с улыбкой поднять початок с земли и, в свою очередь, бросить ему ответный. Если же парень не нравился девушке, она либо оставляла его предложение без внимания, либо подчеркнуто отбрасывала в сторону посланный им початок.

«Булкъя» проходила в присутствии старших, особенно хозяйки дома, которая несла ответственность перед родителями приглашенных за соблюдение ими правил приличия. Чтобы встретиться с девушками, юноши нередко упрашивали отдельных влиятельных женщин организовать «булкъя», назвав при этом своих возлюбленных. То же самое делали девушки. Обещав удовлетворить просьбу молодых людей, эти женщины обходили дома приглашаемых. Так как у кумыков была широко развита взаимопомощь, почти никто из родителей не отказывал в посылке дочери или юноши на «булкъя». Требовалось, однако, чтобы организаторы «булкъя» пользовались в обществе хорошей репутацией.

Таким же образом устраивались «булкъя» и по другим видам работы. На «булкъя» по обмазке дома юноши сами в работе не принимали участия, но под разными предлогами подходили к дому, где происходила «булкъя», или проходили мимо него, чтобы увидеть девушек. Девушки в таких случаях должны были «атаковать» парней, метко кидать в них куски глины, приготовленной для обмазки. «Булкъя» по жатве хлебов и по прополке сопровождалась хорovým пением девушек и юношей, особенно по дороге от селения до участка посева. На разных «булкъя» и других видах коллективной работы проверялись трудолюбие, скромность девушек, особенно теми, кто имел намерение их сватать.

Хотя шарият и допускал одновременное сожителство с четырьмя женами, многоженство и двоеженство у кумыков не получило широкого распространения. Частые разводы, многоженство было делом только феодальной знати, ибо в условиях классового общества лишь покупной брак мог соз-

дать почву для распространения многоженства — привелегии богатых и знатных, когда жены доставались им главным образом путем покупки¹. «В действительности многоженство мужчин, — писал Ф. Энгельс, — было, очевидно, продуктом рабства и было доступно только отдельным лицам, занимавшим исключительное положение»².

Как известно, браки заключались по воле родителей. Оказывая активное сопротивление этому порядку, многие из юношей и девушек совершали побег («къачыв») из родительского дома и заключали брачный союз по взаимному согласию. И на этом пути молодежь встречала большие препятствия. В Темир-Хан-Шуринском округе, например, существовал обычай, по которому за побег с взаимного согласия как юноша, так и девушка должны были платить штраф по 30 рублей³; до распространения товарно-денежных отношений штраф с «виновных» взыскивался натурой (скотом, зерном и т. д.). Поскольку к такого рода бракосочетанию прибегали главным образом юноши из бедных семей, в которые не выдавались дочери состоятельных родителей, то названные выше тяжелые штрафы окончательно разоряли создаваемую молодыми людьми новую хозяйственную ячейку. Кроме того, вокруг женщин, пользовавшихся побегом, чтобы выйти замуж за любимого человека, создавалось отрицательное «общественное» мнение, в то время как для мужчины такой акт не был предосудительным. Женщина больше, чем мужчина несла ответственность за рождение ребенка вне брака, закон всячески огораживал мужчину от наказания, а женщину заставлял уйти в изгнание на 3 и более лет⁴. Бывали случаи, когда женщину, родившую ребенка вне официального брака, сажали на осла лицом к хвосту и возили по аулу с тем, чтобы каждый мог плевать ей в лицо и бросать камни.

Подводя итоги анализу семейных отношений, необходимо отметить, что в семейном быту трудовая женщина чувствовала себя несколько свободнее, чем женщина из феодальной, богатой семьи. Зато общественное положение женщины из привилегированных классов было значительно выше — она могла после смерти мужа управлять всем хозяйством, влиять на общественные дела. В трудовой семье муж и жена составляли домашний совет, жизнь в труде цементировала их дружеские отношения. И дети в таких семьях были ближе к родителям, в том числе к отцу. Они воспитывались в духе

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1948, стр. 70.

² Ф. Энгельс. Там же, стр. 70.

³ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 4, д. 16, л. 1.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 4, оп. 2, д. 6, л. 8.

уважения к труду, к людям. Но эти элементы свободы, которыми пользовалась трудящаяся женщина, не облегчали, конечно, ее тяжелого положения. Она была самой обездоленной, самой угнетенной и униженной среди угнетенных масс.

Однако женщина Дагестана отнюдь не была безропотным, пассивным, безучастным существом. Архивные документы, данные фольклора (песни, предания), рассказы представителей старшего поколения свидетельствуют о трудной, но смелой борьбе дореволюционной женщины-горянки за свои человеческие права, о ее активном участии в общей борьбе народа за социальное и национальное освобождение.

Дагестанская женщина вместе со всей горской беднотой вела борьбу с царским самодержавием и феодальной верхушкой. Активное участие женщины в борьбе против своих угнетателей особенно возрастает с начала XX века, со времени революции 1905—1907 гг.

Первое крупное революционное выступление женщин-кумычек (участие женщин в движении трудящихся за разрешение аграрного вопроса) произошло весной 1905 года в селении Атлы-Боюн Темир-Хан-Шуринского округа. Основным вопросом, вокруг которого разворачивалась борьба трудящихся, был аграрный вопрос. Женщины Атлы-Боюна вместе с мужьями, братьями, отцами организовано вышли в поле, захватили помещичьи земли и начали пахать. Когда прибыл карательный отряд, женщины, вооруженные вилами, топорами и т. д., начали вместе с мужчинами отстаивать свои интересы.

Активное участие принимали женщины в известном Аксаевском восстании в Хасавюртовском округе (1916 г.). Выступление было направлено против империалистической войны, против непосильных налогов, нарядов на рабочий скот, транспорт, против мобилизации мужского населения на всевозможные тыловые работы.

В период установления Советской власти в Дагестане женщины не только заменяли в хозяйстве мужчин, ушедших на фронт, не только готовили и носили пищу, одежду своим мужьям и братьям, боровшимся в партизанских отрядах, но многие из женщин-кумычек принимали непосредственное участие в революционной борьбе 1917—1920 годов.

В своих воспоминаниях активная участница революционных событий в Дагестане Т. Ф. Головина пишет о кумычке Умийат Абдулхалимовой: «Во всякую погоду, а вернее во всякую непогоду — бурю, дождь, снег она ходила в аулы, собирала сведения, устанавливала связь с людьми, выполняла поручения товарищей, находящихся в Кумторкале. Никогда не жаловалась, что ей трудно, что она устала, что ей трудно работать. Что же толкнуло эту маленькую женщину на труд-

ный, опасный революционный путь? Ее муж, ее Саид был большевиком, она гордилась им и сама захотела стать большевичкой»¹

Борьба за равноправие женщины-горянки была частью борьбы всех трудящихся Дагестана за свое социальное и национальное освобождение, ибо не могло быть и речи о раскрепощении женщины в условиях феодального угнетения и колониального режима.

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась для народов Дагестана, как и для всех народов царской России, коренным поворотом в их исторических судьбах. Она положила начало радикальной перестройке экономики, культуры, общественной и семейной жизни и вывела трудящиеся массы на светлый путь строительства социализма.

¹ Т. Ф. Головина. О некоторых событиях гражданской войны в Дагестане. Сборник «Борьба за власть советов в Дагестане». Махачкала, 1957, стр. 50.

МЕТАЛЛООБРАБОТКА У ЛАКОВ

(по этнографическим материалам)

Исследование вопроса о металлообработке, являющейся одной из важных сторон хозяйственной деятельности лаков, раскрывает существенные моменты их материальной культуры и выявляет ту роль, которую играли эти моменты в историческом развитии данной народности.

Настоящая работа в основном построена на фактическом этнографическом материале, с дополнительным привлечением соответствующей литературы. Сбор полевых материалов проходил по комплексно-интенсивному методу, так как «правильным можно считать такой метод фиксации этнографических явлений, когда дана возможность перейти от более или менее субъективно-количественных к объективно-качественному описанию этих явлений. В полевой этнографической работе это требование выполнимо лишь при комплексном изучении явлений, когда с одной стороны в комплексе включаются сопряженные базисные и надстроечные явления, а с другой — когда каждый предмет описывается «как сумма человеческого труда» (К. Маркс), то есть по материалу, технике, функции и т. п.»¹.

С точки зрения этого метода глубина этнографического наблюдения гораздо важнее, чем его широта, то-есть важнее углубленное изучение одного узкого района, чем разъездное обследование многих районов. Перекрестный же сбор материала и хорошо составленная на месте «биография», к примеру, одного пахотного орудия дает больше, чем поверхностное изучение десятка таких орудий.

¹ Г. Ч и т а я. Этнографические исследования в Груз. ССР. «Советская этнография», 1948, № 4.

Правильное, полное и последовательное применение этого метода, при хорошем знании языка и истории изучаемого народа, дает возможность научно зафиксировать этнографический факт, представить его в органической связи с общественно-исторической средой, выявить специфику данного этнографического явления и осмыслить его в процессе зарождения и развития.

Перекрестный опрос информаторов, сбор этнографических материалов, касающихся металлообработки у лаков, запись процессов технологии, терминологии на лакском (и русском) языке, зарисовка, обмер, фотографирование, эстампаж, приобретение коллекций в первую экспедиционную поездку проводились в основном в узком кругу, ограниченном семьей, фамилией, родом, а уже во вторую поездку — селом, участком, районом.

Помимо основного собирался и обширный попутный материал, который в некоторых случаях перерос (по мере сообщения) в один из компонентов к основному материалу. К примеру была установлена взаимосвязь лакского народного орнамента, применяемого на различных материалах (дерево, камне, драгоценных металлах), что в свою очередь дало возможность выделить отдельные элементы его.

При изучении источников, отражающих жизнь народов Дагестана, бросается в глаза, что этнографическая литература о лаках весьма скудна. В археологическом отношении территория, занимаемая лакским народом, совсем не изучена. Имеется только несколько случайных находок бронзовых предметов и керамики в районах селений Кули, Кая, Хосрек, Палисма, Кумух, Унчукатль, Турчи, обнаруженных при вскрытии катакомбных и ящичных захоронений.

В своих географических сочинениях Страбон упоминает о скифских племенах «легах» и «гелах», живущих в горах Кавказа. Плутарх в жизнеописании Помпея также упоминает о «легах», живущих в горах Кавказа. Тождество классических «легов» и нынешних лаков (ляг-(к)-ов) не может подлежать никакому сомнению, так как и до наших дней только этот народ сохранил название «ляк-лак», что в прошлом звучало как «лег-лек».

В V веке нашей эры армянский историк Моисей Хоренский в XXXVII главе своей «Истории Армении» говорит о храбром лакском царе Ширгире, который выступил со своим войском на стороне Персии в ее войне с Грецией — союзником Армении, и был убит в сражении на поле Дциравском

армянским полководцем Спандаратом Камсараканом. «Когда все смешалось, Камсаракан Спандарат встретился с большим отрядом, в котором находился храбрый Ширгир, царь леков (гекоц)... Ринулся на него Спандарат, пробился сквозь толпу войска, положил на месте храброго мужа, как громом пораженного, опрокинул его отряд и обратил в бегство».

Значительно более поздний автор — арабский географ Маасуди повествует: «За царством Берзбана существует царство Гумик; жители его христиане. Они не подчинены царю и у них нет вождей. Они в дружбе с царством алланов»¹. Название народа «гумик» и «лак» становится известным и по грузинским летописям².

О древнем быте лаков можно сказать немного: он был прост и скуден. Предметами домашнего обихода были простые глиняные миски, железный треножник, на который ставился котелок для приготовления пицци (гьуни), на которых пекли тонкие хлебы. Очаг располагался в центре комнаты с очажной цепью над ним; дым выходил в отверстие, сделанное в крыше сакли. Освещалась сакля простым каменным светильником (майлул чирак) с углублением для сала и фитиля, который при горении пеплом наполнял саклю чадом. Позднее появились глиняные (синалул чирахъ) светильники, тампаковые (дукнилул чирахъ), бронзовые (тлийлул) и железные светильники — чираки наподобие туфли (восточного чувяка) с загнутым узким носиком для фитиля, с ручкой, на четырех коротких ножках³. Постелью служили грубые шкуры или цыповки, разостланные вокруг очага.

Вооружением лакам служили рогаины, копыя, лук с стрелами, тяжеловесная палица, позднее — боевой топорик-секира, кривая сабля, и, наконец, кинжал, с которым лак не расставался до самой смерти; защитными средствами служили кожаные доспехи, шлем, кольчуга, налокотники, наколенники, панцырь и медный щит.

В центре комнаты, в земляном полу, было сделано углубление, в котором тлел кизяк (бя). Ложась спать, обитатели сакли в холодные месяцы клали ноги на теплую золу, и она согревала их во время сна.

Летним одеянием лака были короткий бешмет (ккуртту), шаровары (хАжак), кожаные, чаще желтые ноговицы с загнутыми вверх носами (ус) (чакмарду), мохнатая папаха

¹ «Сведения арабских географов IX, X вв. по Р. Х. о Кавказе». Тифлис. 1907, (Маасуди).

² Описание царства грузинского — царевич Вахушт Батонишвили.

³ Все данные предметы мы изредка находим во время экспедиций в дальние аулы.

(кьяпа) и черкеска с откидными рукавами (чукъа). Зимой же сверх того надевалась овчинная шуба (рахIу) и накидка (бар-тукъ), карманами которой служили рукава, сильно суживающиеся к низу.

В старинных песнях и легендах встречаются отдаленные намеки на сражения лаков с римскими войсками. Эти сведения перекликаются с сообщением М. Хоренского, из которого нам известно о походах Гнея Помпея на Кавказ в I в. до нашей эры.

Походы римлянам имели свое отражение в играх-войнах¹, где мальчики (в возрасте от 12 до 16 лет), жители верхних кварталов Кази-Кумуха, взобравшись на старинную крепость, представляли «лакское войско» (лакрал арял), а такие же мальчики из нижних кварталов — «римский строй» (ромулал арял) они сражались, пуская в ход самодельные пращи (уруно), свитые из шерсти, и палки, при помощи которых метали друг в друга высушенные глиняные шарики (турши — они изготовлялись к этому дню всеми детьми). Иногда разгоряченные зрелищем разыгравшегося сражения юноши 18 лет включались в «бой», чтобы поддержать клонящуюся к поражению сторону. Эти «игры» обычно оканчивались тяжелыми увечьями.

Можно предположительно сказать, что до принятия ислама лаки в большинстве своем были язычниками и, частью христианами. Они верили в существование таинственных духов — почного духа (хьунилса), духа, выходящего ночью из темных углов — домового женского пола — хьхьурай дукку), злого духа закромов (суха сулу), бесплотных небесных духов женского пола (сурохIи), злого духа скал и гор (жин) и многих других. Все грозные явления природы объяснялись действиями неведомых сил. Главное место в сонме богов у лаков занимало божество солнца, которое представлялось им в образе ясноликого юноши, озаряющего своим дивным светом и красотой весь мир.

Официальной религией лаков в продолжении 12 веков был ислам суннитского толка. Но длительный период господства ислама не смог до конца стереть следы местных доисламских языческих культов.

Жили лаки родовыми общинами. Экономические условия, географическая изолированность, постоянная опасность со стороны соседей вынуждали лаков жить дружно и действовать во всех случаях общими силами. Древний родовой быт лаков с эндогамной формой семьи служил прочной внутриродовой, межродовой и внутриплеменной связью.

¹ Они проводились дважды в году: в день «первой борозды» — весной, и в день «жатвы хлеба» — осенью.

Старейшиной (хъуна-чу) или главою рода избирался из родовитых узденей тот, кто своей мудростью, доблестью и справедливостью успел снискать себе доверие своего рода и соседних родов. Они должны были беспрекословно подчиняться его воле.

К VII веку нашей эры лаки представляли одно целое и составляли «государство», где каждое общество управлялось самостоятельно, и только лишь общие дела племени решались советом старейшин (кунисринал батлаву) или представителями от каждого аула, которые собирались на специально предназначенном для этого месте в ауле Кумух — на курчакур-уча («сделать круг»). Если вопросы были особой важности, то выходили за аул на могилу «ямани» первого миссионера из Йемена. Приговор, выносимый советом, был законом для народа.

В совет старейшин наравне с мужчинами входили 2—3 наиболее уважаемые женщины.

Общим сходом народ избирал вождя, тоже из родовитых узденей, заранее ограничивая его власть (избрание знаменитого Чолак-Сурхая в 1641 г. в «халклаучи»). Случалось, что дружина в самую критическую минуту отказывалась от вождя, если только замечала в нем какой-либо недостаток, и тотчас избирала другого.

Такой порядок существовал вплоть до установления ханской власти, при которой все влиятельные роды, всячески притесняемые ханами, утратили былую силу, сохранив лишь моральное влияние в народе.

Лаки всегда быстро бывали готовы к бою, передавая тревожную весть сигналами и конными гонцами из одного аула в другой по цепочке. Уже на вторые—третьи сутки лаки могли по зову старейшин выставить от 15 до 18 тысяч бойцов.

Таким образом, лаки не только сохраняли свою независимость, но и подчиняли себе соседние общества. Еще за два с половиной века до присоединения Дагестана к России Казикумухское ханство считалось среди горцев одним из самых сильных и влиятельных.

В дореволюционной русской историографии лаки были известны под названием «казикумухи». Согласно народному преданию название это возникло следующим образом. Столица лаков называлась Гумук, а жители Гумука — «гумучи», так как они первыми в Дагестане (как гласит предание) начали распространять эту новую религию среди горцев Дагестана. Арабы дали им почетный титул — «гази» — т. е. «поборник за веру». Затем это почетное слово было превнесено в название столицы Казикумух (Гази-Гумук), которое с течением

времени сделалось в документах царского правительства названием всего народа — «казикумухи».

Изолированность, безземелье и другие тяжелые экономические условия послужили причиной того, что предприимчивые лаки испокон веков искали выхода из создавшегося положения и находили его в ремесле и торговле; они уходили в соседние области и даже отдаленные края на заработки.

«Ловкость в различных ремеслах и довольно тщательная обработка земли доказывают, что лаки в некотором отношении развитой и очень смысленный народ. Они считаются лучшими на Кавказе оружейниками; многие из них — золотых и серебряных дел мастера, лудильщики»¹. В одном Кази-Кумухском округе металлическим производством были заняты аулы Кази-Кумух, Хури, Хурукра, Куркли, Кая и много других.

Ни в одном из них не делалось только одно оружие. В первом ковали и лудили медную посуду, во втором — выделывали различные железные изделия, в третьем и четвертом вырабатывали клинки шашек и кинжалов, и, наконец, Кази-Кумух — столица лакского народа — славился самыми изящными образцами оружейного искусства, высоким мастерством в отделке серебром и золотом.

Следует добавить, что у казикумухских мастеров — кинжальщиков «редко бывало отдельное мастерство, они целиком выпускали готовые кинжалы и шашки в опрае и с рукоятками, не в пример кубачинцам»².

Лакский народ еще задолго до присоединения Дагестана к России имел к ней тяготение, так как их экономические интересы стали тесно переплетаться. В этом они убеждались, имея торговые сношения через Дербент, Кизляр, куда еще в XVIII веке устремлялись торговые элементы из лакского народа, которые ввозили из России металлы, а вывозили свою готовую продукцию.

Из рассказов торговцев-лаков народ убеждался в том, что с русским народом можно и нужно жить мирно, не считаясь с ханами и их стремлением сохранить всеми средствами свою власть.

Таким образом, дружественные отношения с Россией и русским народом складывались у лаков закономерно и вполне естественно. В Москве, Одессе, Киеве, Ашхабаде, Алма-Ате, Ташкенте, Владикавказе, Тифлисе и многих других местах

¹ Г. Мерцбахер. К этнографии обитателей Кавказских Альп. КОИГО, т. XVIII. 2905, стр. 120.

² Очерк кустарных промыслов Сев. Кавказа с описанием техники производства — Маргграф О. В. М. 1882, отд V, гл. X, стр. 204, 212, 213, 215.

Российской Империи образовались своеобразные лакские колонии кустарей-ремесленников.

Конечно, лишь нужда, крайняя нужда, заставляла их забираться далеко от родных мест. И только Великая Октябрьская социалистическая революция дала лакам долгожданное счастье.

Обработка железа и выделка оружия

Вначале железо в основном добывалось в Дагестане на месте различными примитивными способами, а позднее ввозилось из Грузии, Армении, затем Персии, Индии, России и стран Западной Европы.

Ввиду дороговизны металла из него обычно изготавливались лишь предметы самой первой необходимости. При этом наибольшее совершенство достиг ружейный промысел.

В «Кратком очерке кустарных промыслов Кавказа» в разделе «Возникновение оружейного дела, Пиралов пишет: «Оружейный промысел в Дагестане возник еще в VII веке, когда в Дагестан были переселены из Фарса так называемые теперь «кубачинцы», мастера-кольчужники, оружейники. Они вскоре распространили оружейное дело среди своих соседей, живущих в Казикумухском и Даргинском округах»¹.

Что касается переселения арабами из Фарса в Дагестан мастеров-кольчужников («сиргеран» — арабск.), то это вполне правдоподобный исторический факт. С этого времени в сочинениях арабских и греческих географов и историков мы встречаемся с названиями этих мастеров по Баладзори и Якуту — «серингеран»; по Маасуди — «серебгеран», деребгеран, деренгерат, зазангеран; по Ибн-эль-Варди — «резенгуан» — что означает во всех случаях — «кольчужник».

Но то положение, что они якобы распространили оружейное дело среди своих соседей, менее правдоподобно. Еще в 65 г. н. э. армянские воины в союзе с греками в бою при Дцираве встретили прекрасно вооруженное легкое («гекоц» — арм.) войско¹.

Кольчуги, клинки кинжалов и шашек, а позднее и огнестрельное оружие, изготавливаемые в горах Дагестана, пользовались как в самом Дагестане, так и за его пределами громкой известностью. По словам Маркграфа, во время Кавказской войны винтовки дагестанского изделия отличались «большей прочностью, меткостью и силой боя, чем ружья, которыми были вооружены русские войска».

Долгое время старое оружие дагестанских кустарей ценилось очень высоко. Среди мастеров, изготавливавших его, вы-

¹ Том II, СПб, 1913, гл. VIII, стр. 83.

делялись Базалай из аула Большие Казанищи — XVI—XVII вв.; Чаргада — XVII—XVIII вв.; Абдулла Акиев — XVIII в.; Гузуновы — XVII—XVIII—XIX и начало XX в.; Малла-Омаровы — XVII—XVIII—XIX—XX вв.

Дороговизна железа и большая нужда кавказских и соседних народов в оружии доводили его стоимость до огромных размеров (200 баранов или раб с рабыней, а позднее 200 и более рублей). Отделка же оружия серебром и слоновой костью с золотой насечкой делала его еще более дорогим, независимо от достоинств клинка или ствола.

Но простой горец прежде всего интересовался клинком кинжала, сабли и пистолетами и ружьями без дорогой отделки. Ждать, пока накопится у него обменный товар или деньги он не мог, так как оружие требовалось ему повседневно.

Дагестанские оружейники и кольчужники были распространителями своеобразного «кавказского» вида оружейного промысла среди горского и даже русского населения Северного Кавказа, а также среди жителей Закавказья.

С окончанием Кавказской войны начинается упадок оружейного промысла, в частности изготовления ружей и пистолетов. Только производство кинжалов и шашек, необходимой принадлежности кавказского костюма (черкески), долго сохраняло некоторое экономическое значение.

В те далекие времена, когда горцы нагорного Дагестана жили замкнуто и редко общались с внешним миром, кузнецы («муххал устар») являлись и слесарями и оружейниками. Каждый сельчанин шел к кузнецу — подковать лошадь или быка, набить обод на колесо, выковать новый лемех плуга или приварить сломанную часть к старому, поправить замок пистолета, обточить дедовскую шашку, сделать нож, топор, кувалду, шило, новый кинжал и т. д. Около кузни с утра до вечера толпился народ. Каждый проходивший мимо, считал своим долгом поприветствовать кузнеца, поговорить с ним, раздуть меха, стать в молотобойцы.

Окончание Кавказской войны, приведшее к упадку оружейного промысла, дало толчек некоторому развитию производства сельскохозяйственных орудий. Шире других округов в этой области был представлен Кази-Кумухский округ, где в 61 селении (из 100 селений) кузнецов-слесарей в общей сложности было 276 человек. Они изготовляли всевозможные изделия, требующиеся как в сельском хозяйстве и ремесле, так и в домоводстве: лемех местного плуга («курсул мах»), все виды заступов («бил», «муххал чIатIа»), мотыги («каза», «щина»), серпы («муххал чIан»), железные цепи («муххал ссинжир»), молотилки («кIютилу»), топоры («рик»), и многое другое, а также и более тонкие слесарные и оружейные

(«ярагънал»), изделия; ножи («чїила»), кинжалы, шашки, пожницы («късылу») и даже бритвы («чїири чартїибай чїила»), охотничьи ружья («авли ттупанг»), и револьверы («ттупанча»).

Г. Хелемский пишет: «Близость к Дагестану дала возможность лезгинам и аварцам Закатальского округа, хотя и в незначительных размерах, перенять до некоторой степени промыслы: оружейный, изделий из серебра, медной посуды, а также искусство насечки золотом и серебром»¹.

В Казикумухском округе выделкой клинков кинжалов и шашек занимались в аулах Ури (2 мастера), Ханар (2 мастера), Буртни (5 мастеров), Кубра (3 мастера), Кази-Кумух (11 мастеров) и т. д.

Так называемые «кубачинские» мастера, харбухцы и амузгинцы, добывали железную руду, обрабатывали ее и изготавливали стволы ружей, пистолетов и клинки. Клинки же «кубачинских» мастеров, по данным современников, никогда не отличались своей добротностью. В то же время кубачинские стволы огнестрельного оружия считались лучшими в Дагестане.

Сталь для клинков изготавливалась различными способами — привариванием железа и выжиганием его, различными видами закалки: в мокром или сухом песке, воздушная, в керосине, в амиаке. Наконец, была «дамаскированная» сталь, приготавливавшаяся особым способом.

Мастера-клиночники Казикумухского округа почти до конца XVII века помимо клинков сами изготавливали и деревянные ножны, и кожаную обтяжку их, серебряную оправу (с чернью) и роговые рукоятки, т. е. выпускали на рынок готовую продукцию, ни в коей мере не завися от других мастеров (как это наблюдалось у «кубачинцев»). Поэтому заработок их был сравнительно высоким.

После 1860 года, т. е. после окончания Кавказской войны эти мастера начинают появляться не только на всем Кавказе, но и в отдаленных городах империи.

На местах нам удалось установить технологию изготовления различных видов холодного оружия 100—150-летней давности.

До присоединения Дагестана к России мастера холодного оружия изготавливали следующие виды наиболее ходкого холодного оружия: шашку, саблю, кинжал-секиру (рубящие), кинжал (колящий и рубящий) и нож (колящий).

Отметим особенности каждого из этих видов оружия.

¹ Г. Хелемский. О кустарной промышленности Закавказья. Москва, 1910.

Рубящие

1) **Шашка**. Имеет сравнительно более прямой клинок. Отступая от рукоятки на 1,5—2 см, по лезвию идут 4—5 двухсторонних бороздок. Одна, широкая бороздка, расположенная ближе к обуху, заканчивается за 10—15 см до окончания; другие, узкие — немного короче широкой. Длина клинка от 90 до 10 см.; ширина до 5 см.

2) **Сабля**. Более крива, чем шашка (тип «Восточный»); от самой рукоятки идут по лезвию две одинаковые по ширине двусторонние бороздки, расположенные ближе к обуху не доходя до оконечности на 8—10 см. Длина от 100 до 115 см.

3) **Кинжал-секира**. Ободоострое оружие, типа палаша (инструмент палача). Двусторонняя, узкая еле заметная бороздка по центру. Длина от 150 до 156 см, ширина от 10 до 18 см.

Колящий и рубящий

Кинжал — а) длинный, от 50 до 60 см, шириной до 5 см; имеют от 1 до 3 бороздок.

б) средний, от 30 до 40 см, шириной от 3 до 4 см; имеют от 1 до 3 бороздок.

в) короткий, от 25 до 30 см, шириной до 3,5 см; имеют от 1 до 2 бороздок.

Во всех трех случаях бороздки идут не всегда симметрично по центру, и не всегда прямо от рукоятки.

Колящий

Нож — длиной от 15 до 25 см, шириной до 5 см.

На ножах делались как бороздки, так и выпуклости. Загнутость и острота оконечности различная. Рукоятки выделялись из дерева, обтянутого моржевой кожей, или из слоновой кости, рога, металла, с серебряными или золотыми украшениями.

Назначение бороздок на всех видах холодного оружия — 1) амортизация при ударе; 2) способствовать внутреннему кровоизлиянию, что на долгое время выводит пораженного ударом из строя; 3) для красоты.

Лезвиям кинжалов редко придавалась зеркальная полировка; чаще всего они бывали вороненные.

После присоединения Дагестана к России в ассортименте продукции мастеров холодного оружия появляется шпага. Некоторые мастера начинают соединять воедино два вида оружия — холодного и огнестрельного, умело маскируя их под безобидного вида тросточку, стек или зонтик.

В это время в широких размерах применяется зеркальная полировка лезвия шашки и сабли с вытравливанием различных ударов и рисунков, герба Российской империи, инициалов императора и фамилии мастера (или мастерской хозяина-работодателя)¹.

Каждый мастер-оружейник, как и специалисты других видов ремесла, старался сохранить в секрете технический процесс изготовления различных видов оружия. Поэтому, работая десятки лет бок о бок с мастерами-грузинами, лаки систематически выпускали одну и ту же продукцию — «оружие из стали дагестанского типа». В то же время оружейники-грузины, к примеру тифлисский оружейник первой четверти XIX в. Каграман Елизаров (Елизарашвили) упорно экспериментировал, изучая свойства «восточного» булата: кара-хорасан, кара-табан, нейрас, лахори, хинди, кум-хинди, кум-галка, кузмин, шам, стамбул, кара-мейнум. После долгого и упорного труда он добивается изготовления «Грузинского булата».

Заработок мастера-оружейника определяется следующими цифрами.

В течение месяца мастер, работая один, выработывал: 3 кинжала в серебряной оправе (в среднем по 30 рублей), 3 кинжала в кожаной оправе (42 рубля); 2 шашки в кожаной оправе (36 рублей) — итого 168 рублей, что в год составляло 1.512 рублей. Мастер делил вырученную сумму на 4 части: 2 части уходили на покупку сырья; одна — на налоги (вакуфные, сельские) покупку инструментов и др. и одна отводилась на хозяйственные нужды, что составляло менее 400 рублей.

Ниже приводятся данные о стоимости в горах продукции оружейников, стоимость сырья и инструментов во второй половине XIX — начале XX вв. (см. таблицы 1—3).

Таблица 1

**Стоимость продукции оружейников
(в горах)**

Наименование изделия	Цена
Лезвие простого кинжала	2 р.
» зеркального кинжала	3 р.
Кинжал в серебряной оправе	до 40 р.
» в кожаной оправе	13—15 р.
Лезвие простой сабли	10 р.
» зеркальной сабли	12 р.
Сабли в кожаной оправе	до 25 р.

¹ Коллекция этнограф. отдела Гос. Музея Грузии, № 52—41/3.

Стоимость сырья

Наименование	Единица измерения	Стоимость
Серебро (лом)	1 золотн.	11 к. — 12 к.
Серебро (листовое)	»	12 — 13 к.
Сера	1 фунт	7 — 10 к.
Ртуть	»	2 р. 50 к. — 3 р.
Медь красная	»	60 к. —
Железо	1 пуд	от 1 р. 20 к. — 1 р. 80 к.
Уголь древесн.		20 к.
Сталь рессорная		5 р.

Таблица 3

Стоимость инструментов

Наименование	Стоимость
Молоток	30 — 80 к.
Наковальня	5 р. — 25 р.
Опоки, пара (желтой меди)	40 к. — 1 р. 50 к.
Клише (стальные пара)	1 р. 80 к. — 2 р.
Щипцы (разные)	1 р. 50 к. — 4 р.
Мех (большой)	7 р. — 10 р.
Мех (средний)	6 р.
Мех (малый вмонтированный в деревянную подставку)	7 р. — 8 р.
Тиски (металлические)	40 — 60 к.
Калибровка № 1—7	от 1 р. 50 к. до 4 р. 50 к.

Обработка золота и серебра

Обработка металлов у лаков, в частности,ковка, литье, гравировка, чеканка, филигрань, насечка, чернение известны в литературе уже свыше тринадцати веков. Однако до сих пор отсутствуют более или менее подробные описания этого подлинного мастерства. Многие уже потеряно безвозвратно для истории, много преданий забыто народом; мастера, которым это искусство передавалось из поколения в поколение или умерли, или ввиду тех или иных обстоятельств занялись другими ремеслами.

Искусство обработки драгоценных металлов кустарным путем встречается на Кавказе у грузин, армян, азербайджанцев и других народов, но ни где оно не имело таких масштабов, как у лаков. Обработкой золота и серебра занимались в

55 из 100 аулов бывшего Казикумухского округа (Кумух, Ницовкра, Дучи, Хурукра, Читур, Чуртах, Цушар, Чара, Унчугат, Хосрек и др.). В каждом из этих аулов было более 10 мастеров данной специальности. Особо следует отметить аул Кумух (Кази-кумух), известный не только как столица лакского народа, но и как место средоточения многих видов ремесел. Кумух славился самыми изящными образцами оружейного искусства, а также высоким мастерством в отделке вещей серебром, золотом, эмалью, слоновой костью.

В первой четверти XX века количество серебряных и золотых дел мастеров в Кумухе резко сократилось. Так, если в 1913 г. здесь работало 700 таких мастеров, то в 1923 г. — только 300. Тем не менее и в 1923 г. по обработке золота и серебра (ювелирному производству) Лакский (бывший Кази-Кумухский) округ занимал первое место в Дагестане. По сведениям кустарной секции ДСНХ за указанный год, в Лакском округе числилось 2.000 серебряков. В частности, в Кумухе было 150 серебряков, в Унчукатле — 100, в Хулисме — 50, в Хурукре — 60, в Чуртах — 50 и т. д.

Средний годовой заработок одного рабочего составлял от 250 до 350 рублей в отходничестве, и от 400 до 500 рублей на местах. Жители сел. Кумух существовали главным образом своими ремеслами. Причиной этому служило отсутствие удобных для земледелия площадей. Не считая отходников, в Кумухе, по сведениям на 1888 год было следующее количество кустарей: медников — 49, лудильщиков — 8, кинжальщиков — 11, кузнецов-слесарей — 63, серебряков (ювелиров) — 248, столяров — 12, вышивальщиц золотой и серебряной канителью по шелку, бархату, сукну, коже — 277 и ряд других.

В Кумухском наместстве было медников, лудильщиков, кинжальщиков, кузнецов-слесарей, серебряков 2.128 человек. Во всем Казикумухском округе только серебряков-ювелиров, по тем же сведениям, числилось 600 человек.

Из рук умельцев серебряков-ювелиров выходили следующие виды изделий: литые и ажурные женские пояса (руртъуну дурсса ва къерикуннасса хъаннил мухІлу) кольца (кІсри), серьги (вичІил ус), браслеты (каниш), ожерелья (чарсса), табакерки (къути), бокалы (къуру, гъунна), шакалуки (мюрш), газыри (чиллу), кавказские пояса (арантурал мухІлу) отделанные ножны кинжалов (ххаржан), шашек (тур), сабель (къилинч) и многое другое.

При этом изготовление женских поясов для национального костюма считалось наиболее простой работой, а отделка ножен и рукояток кинжалов, шашек и сабель, — наиболее сложной.

Мастерской в холодное время года служила кустарю одна из комнат верхнего этажа жилого помещения с окном, выходящим на улицу или веранду, в теплое время года он работал на веранде.

Низенькая табуретка с углубленным мягким сидением, обширный, но низкий стол с инструментами и прикрепленным к нему фартуком, на стене над столиком инструменты на колышках и в гнездах, рядом справа небольшой переносный горн с мехом, слева большая наковальня — вот как выглядело рабочее место мастера.

Средний величины горн помещался во внутреннем дворике рядом с хозяйственными помещениями, где производилась плавка и литье в опоки. Почти весь инструмент у кустаря был самодельный.

Следует отметить, что серебряную отделку на огнестрельном оружии, выделанном в кубачинских аулах, выполняли исключительно мастера-лаки. На художественную отделку холодного или огнестрельного оружия уходило от 3 до 5 дней.

Мастеру обычно помогал ученик-мальчик (устарелое название оырчи; чагурт) — сын или ближайший родственник; он должен был выполнять вспомогательные работы: подносить те или иные инструменты, формовать опоки, раздувать меха горна. В то же время он наблюдал за работой мастера. Срок пребывания в учениках исчислялся от 5 до 7 лет. За это время мастер приучал ученика к усидчивости, внимательному выполнению работы, аккуратности и собранности, а главное, прививал ему художественный вкус, умение располагать различные узоры на маленькой и подчас неправильной поверхности.

После длительной производственной практики, ученик-подмастер сдал экзамен на мастера (выполняя без помощи и совета мастера сложную ювелирную работу) и начинал работать самостоятельно.

С появлением в кустарном производстве клише уровень мастерства резко снижается, исчезает художественная тонкость и чистота, появляется стремление к «штампу», к убыстрению производства и удешевлению готовой продукции. Начинается конкуренция и вытеснение одних кустарей другими, возникает хищнический дух в производстве и торговле. В рисунках появляются паносные, заимствованные элементы, стирающие специфику лакского народного орнамента.

Нам удалось установить названия одиннадцати видов рисунков (элементов). а) цветок — гул; б) цветок в цветке — гулданул вивсса гул; в) трава — уртту; г) точечный кант — клунт ххал; д) д/суц накьич; е) кьун накьич; ж) вов накьич; з) ччаппа тлут и —накьич; и) ссумма — накьич; к) сус —

накьич; л) сүтйи — накьич. Многие обрамления узоров (вишьетки) взяты из художественного оформления корана.

Простые, средней руки кустари-серебряки зарабатывали в год (за 9—10 месяцев) от 200 до 400 рублей. Наиболее искусные серебряки зарабатывали от 1.000 до 1.200 рублей. Ценность же некоторых изделий ювелиров достигала 1.000 рублей и более. В этом случае мастер вез свое изделие ко двору одного из восточных деспотов (Стамбул, Тавриз, Александрию, Каир, Дамаск, Багдад) и преподнеся его в «дар», с ценными подарками и деньгами возвращался на родину и вновь садился за изготовление какого-либо шедевра своего искусства.

Один из ювелиров, житель сел. Кази-Кумух по фамилии Гула-Гаджиев делал изумительные по красоте вещи (оклад корана, круглый столик, отделка оружия). Поехав в середине XIX века в Абиссинию, мастер занял там должность министра-казначая двора.

Продавая изделия из своего материала, мастера брали по 50—60 копеек за золотник серебряной работы с чернью и без нее; за изготовление изделий из давальческого материала — от 25 до 35 копеек с золотника; за серебро с позолотой — по 75—80 копеек с золотника.

Следует отметить участие лаков (как и других народов Дагестана) во Всероссийской кустарно-промышленной выставке в Петербурге в 1902 году. Большую серебряную медаль получил житель сел. Кумух за художественность и высокое техническое совершенство ювелирных изделий, малые серебряные медали получили жители сел. Кумух — один за золотую насечку по стали и кости, другой — за красоту и художественные качества серебряных и золотых изделий.

Стоимость

изделий мастеров-серебряков в конце XIX — начале XX в.

Наименование изделий	Стоимость	
	в городе	в ауле
Пояс женский (сквозн. филигран.)	от 20 до 30 рублей	20 р.
Пояс женск. (позолоченный)	17 р.	15 р.
Браслеты (пара)	3 р.	3 р.
Газыри (комплект 16 шт.) позол.	от 20 р.	12—15 р.
Газыри (компл. 16 шт.) серебр.	15 р.	12 р.
Серьги (пара)	3 р.	3 р.
Кольца	2 р.	до 2 р.

Обработка меди

Весьма популярная на Кавказе медная посуда выделялась в больших количествах как в городах, так и в аулах Дагестана.

Дагестан дольше других кавказских народов переживал медный период цивилизации. Из меди изготавливались котлы, тарелки, блюда, кувшины, чашки для питья и многое другое, что в соседних странах выделялось из железа, чугуна, глины, стекла.

С древнейших времен классическими местами медного и медно-качечного производства в Дагестане считались селение Ичичли Андийского округа, селения Тлейсерухского участка Гунибского округа, селение Н-Казанище Темир-Хан-Шурина округа, а также селения Кази-Кумухского округа. В этом округе по сведениям на 1888 год было следующее количество медников: в Кази-Кумухе — 58, Хури — 62, Хурукра — 33, Хулирма — 20, Ницовкра — 14, Мугархе — 17, Кубе — 18, Хурхи — 10.

Дагестанские медники в прежние времена запасались сырьем на мелких кустарных медеплавильных заводах, а также покупали сырье на обширных базарах, имевшихся на Кавказе. Позднее, с начала XVIII века дагестанские медники снабжались сырьем на базарах в самом Дагестане. В XIX веке дагестанские кустари переходят к потреблению листовой меди, получаемой из России и отчасти из Тифлиса.

В большом ходу были изделия из красной меди (дувси), из желтой же меди (дукни) ассортимент изделий был небольшим, ввиду того, что ее завозили на внутренний рынок в гораздо меньшем количестве.

Из красной меди приготавливались котлы (кункур) различных размеров, тазы (тjас, саргъас), круглые блюда и тарелки (бушкъап), подносы (ланжари); кувшины «кумганы» (гунгуми), малый, средний (урша), большой (варакки) разнообразных форм восточного типа; котлы для варки бузы, перегонные кубы, супники (накълил кичлу), светильники (чирах), друшлаки (пулов бихлу), вертела (шиш) миски (кичлу), подойники (накъруту), совки (шурк, харканпаз), плевательницы (пу уку), половники (кичала), кружки (къуткъа). При этом все перечисленные предметы мастер-медник сам покрывал полудой.

Медная посуда в основном изготавливалась для внутреннего рынка. Но бывали и такие мастера-умельцы, которые, работая длительное время как над красной медью, так и над желтой, выпускали в свет шедевры своего искусства. При помощи резца они добивались сложной и замысловатой узорчатости. На Всероссийской кустарно-промышленной выставке в

Петербурге в 1902 году малую серебряную медаль получил житель селения Шара Казикумухского округа, за прекрасно выполненные медные изделия.

С производством медной посуды тесно связан лудильный промысел, который получил особенно широкое развитие также в Кази-Кумухском округе, где было следующее количество лудильщиков: в Кази-Кумухе — 158, Кулишац — 55, Шара — 53, Хурукра — 105, Кукни — 39, Упчукатле — 30, Вильтах — 31, Цушаре — 30, Хуты — 27, Ури — 23, Дучи — 23, Чуртахе — 21, Хури — 27, Убра — 19, Марки — 17, Арчуты — 15, Мукаре — 15, Койхи — 14, Варай — 13, Хулима — 13, Бурши — 13, Ницовкра — 14, Говкра — 12, Цовкра I — 11, Гомиаха — 11, Хапаре — 10, Читуре — 10. В 42 селениях количество лудильщиков колебалось от 1 до 10, а в 32 селениях не было ни одного. Общее количество их достигало по сведениям на 1886 год — 997 человек, а по сведениям на 1901 год 1.030 человек, не считая отходников.

Мастерская медника обычно помещалась в подворотне, в узком проходе первого этажа или же в небольшой боковой клетушке — части хозяйственного помещения.

Неотъемлемой принадлежностью мастерской медника являются:

1) Мех с горном (пурш-батана) — каменная цельная плита размером 120 см × 80 см × 15 см с круглым отверстием сверху в центре, диаметром в 30 см; снизу оно заделано металлической решеткой (муххал ххахх), толщиной в 1 см для просыпания золы сгоревших в горне углей. Горн установлен (лежит плашмя) на торне (квара), толщина стенки которой равна 6 см. В каменной плите сбоку просверлено отверстие к центру для нагнетания мехом воздуха.

2) Наковальня больших размеров (дувсилул ва дукнилул лурзи мах) и малая с деревянной двуногой.

3) Кувалда (бург) для первой проковки меди.

4) Двое горновых щипцов (царо/в/ у кьяца).

5) Щипцы для держания проковки (дувсилул ва дукнилул чапти кьяца).

6) Ножницы для резки меди (мах кукай хласилу).

7. Циркуль (паржаг).

8) Паяльник (абия дизу).

9) Лапы: большая, применяемая при выделке малых кованных резервуаров (кьяпкьяч); средняя (гварзи); малая (вараки кут бай мах).

10) Молотки: поковочный — средний (денивсса кьютилу); деревянный для смягчающего выравнивания (таннул кьютилу); придающие первоначальную форму заготовке (наари);

для внутренней отделки (вихрищай кьютIилу); уплотняющие (ссурссу кьютIилу); добивающие и выравнивающие (таптталирту кьютI-илу); малый для выведения узора (чири кьютIилу).

11) Кочерга (цIу хала мах арканна).

12) Пробойники: а) капкач дуккан дай чут; б) ккут дуккай чут, (малый, средний, большой; в) кукай чут; г) мяр кунку був.

13) Модельки — выкройки для всевозможных видов посуды (вырезанные из жести).

Древесный уголь («КГалаш» — лакск.) привозился из сел. Кака-Шура, Темир-Хан-Шурина округа. Стоимость одного пуда колебалась от 15 до 20 коп.

Стены и потолок этой примитивной мастерской были так густо покрыты сажей и копотью, что выглядели как толстая клеенка.

Работал мастер стоя у горна, сидя на корточках у лап или сидя на большой наковальне.

Инструменты заказывались по рисункам мастеров у кузнецов-слесарей по следующим ценам (сведения 1889 года): молотки — от 30 до 80 копеек за штуку; кувалда — от 80 коп. до 2-х рублей; лапы — от 70 коп. до 1 рубля; горновые клещи — от 15 до 25 копеек, щипцы для держания проковки — от 50 до 60 коп.; ножницы — 60 копеек; циркуль — от 10 до 12 копеек; пробойники и зубила от 1,5 коп. до 5 копеек.

Стоимость сырья в горах за последние 80—100 лет до 1917 года

Наименование	Стоимость	Количество
Медь красная	от 7 до 11 р.	1 пуд
Медь желтая	от 9 до 12 р.	1 »
Олово	40 коп.	1 фунт
Нашатырь	30 коп.	1 »
Бура	30 коп.	1 »
Свинец	от 5 до 10 к.	1 »
Поташ	40 коп.	1 »
Селитра	20 коп.	1 »
Соляная кислота	10 коп.	1/2 литра

Заработок медника колебался от 250 до 450 рублей в год.

Продукция медника продавалась на местных базарах по весу из расчета 60 копеек за фунт. Так кумган весом 8,5 фунта стоил до 5 рублей, малый кувшин — от 10 до 12 рублей, средний — 15 рублей, большой — 20 рублей, пара опок желтой меди — от 40 коп. до 1 руб. 50 коп.

Во время язычества лаки считали, что все небо оковано медью, а звезды — это отверстия от выпавших гвоздей, через которые просачивается свет. «Лаки с давних пор славящиеся как медники, затмения солнца и луны объясняют тем, что разгневавшийся на людей бог сплющивает щипцами луну и солнце, отчего они гаснут»¹.

После принятия ислама появились легенды о пророках, которым стали приписывать те или иные усовершенствования в ремеслах. К примеру, о пророке Сулеймане предание гласит: «Первым кузнецом (кователем) был пророк Сулейман. Выковывая различные предметы, он вынимал их из горна в раскаленном виде, руками ни чем не защищенными, отчего кожа трескалась и обгорала. Раз он наблюдал как собака держит кость в лапах и решил сделать себе железное подобие собачьих лап — получились щипцы. С тех пор он уже не мог прикасаться к раскаленному железу незащищенными руками».

Заключение

Кустарные ремесла у лаков развивались закономерно, как основной вид хозяйства. Они играли большую роль в хозяйстве ввиду недостатка годных для обработки земель.

В отличие от докапиталистической России, где ремесло являлось составной частью городского быта, ремесла лаков стали составной частью городского быта гораздо позднее.

Малое количество пастбищных земель у лаков не могло способствовать развитию скотоводства (отгонное скотоводство в ранние века не существовало из-за географической замкнутости). Поэтому кустарное ткачество сукон, ковров, паласов не было широко развито. По этой же причине не могла развиваться и обработка кож. Обработкой дерева лаки не могли заниматься из-за отсутствия лесов. В результате оставалось кузнечно-оружейное дело, обработка драгоценных металлов, медное, гончарное дело, обработка камня.

Нужды внутреннего рынка долгое время обеспечивались продукцией местных ремесленников. Впоследствии же, когда начался приток продукции фабрично-заводской и кустарной промышленности кустари-лаки стали в большом количестве уходить в отход в различные города и селения Северного Кавказа, Азербайджана, Грузии, а также во внутренние губернии Российской империи. Лаки образуют здесь своеобразные колонии, входя в тесные отношения с местным населением, быстро воспринимают его язык, обычаи и нравы. Сперва, одиночки, затем десятки их с семьями переселяются из горных селений в города.

¹ «Этногр. обозрение», 1910, № 1—2, стр. 157.

В Закавказье кустарей-лаков было много в Азербайджане и еще больше в Грузии, в частности, в Тифлисе, Телави, Сигнахи, Лагодехи, Гори, Кутаиси, Поти, Батуме, Сухуме, Ацкури, Боржоми и других городах и местностях, где вплоть до первой четверти XX века бытовала черкеска со всеми ее атрибутами. Центром средоточения лаков-кустарей в Закавказье был Тифлис.

В Дагестанской области по сведениям на 1901 год числилось 76.336 отходников-кустарей, работавших вне Дагестана и 17.430 кустарей, работавших на местах. Итого — 93.766 человек.

С установлением Советской власти в Дагестане мужской национальный костюм горца, состоящий из черкески с кавказским паборным поясом, газырей, бешмета, папахи, ноговиц, бурки, башлыка, кинжала и шашки, постепенно отмирает, сменяясь костюмом так называемого городского типа. Женский костюм также претерпевает значительные изменения: исчезают туникообразный покррой, обшивка канителью и массивный серебряный или золотой пояс. В домашнем быту кустарные изделия фабрично-заводской промышленности.

Все это обуславливает деградацию кустарей промышленности и отмирание у лаков таких видов ремесел, как ювелирный, оружейный, суконный, кожевенный, шорный и сапожный. Одиночки-кустари, а они составляли подавляющее большинство, объединялись в коллективы на кооперативных началах, но не выдержав конкуренции с государственной промышленностью, бросали свое ремесло. Слесари, кузнецы и оружейники поступали на заводы; суконщики и кожевенники — на фабрики, а большинство ювелиров выезжало в среднеазиатские республики, где их отрасль труда и по сей день не теряет своего значения.

По данным анкеты ДСУ 1923 года ювелирное производство было развито в Лакском округе, а в Казии-Кумухском участке по стоимости продукции даже преобладало перед всеми кустарными производствами. По сведениям кустарной секции ДСНХ за 1923 год, проводимым в «Материалах к составлению местного бюджета Дагестана», в Лакском округе имелось 2.000 серебряков, в Кайтаго-Табасаранском округе — 300 инкрустаторов слоновой кости, в сел. Кубачи — 300 ювелиров, вне округов — 1.000 ювелиров.

По данным переписи 1926 года, кустарей и ремесленников в сельских местностях насчитывалось 26.882 чел., в том числе 2.269 подростков.

На протяжении последних десятилетий не раз делались попытки восстановить некогда широко развитую металлообрабатывающую кустарную промышленность в горах и в первую

очередь ювелирное производство, но всякий раз эти предприятия, просуществовав в лучшем случае год, ликвидировались. Исключение составляет лишь Кубачинская ювелирная артель.

Изучению металлообрабатывающих ремесел Дагестана, их формирования и развития имеет не только теоретическое значение (с точки зрения истории культуры), но и в первую очередь практическое значение. В свое время профессор Н. Ф. Яковлев, обследовавший Дагестан с целью выявления, изучения и возрождения высокого народного искусства, отмечал: «Ювелирное производство почти не требует организационных усилий. Оно наряду с медно-чеканным, кузнечным, гончарным и некоторыми другими, уже давно приняло форму настоящего чисто ремесленного производства в хозяйской или артельной мастерской и сделалось основным занятием оторвавшегося от сельскохозяйственного труда кустаря-ювелира. В отношении возможности механизации труда и использования экспертных перспектив именно ювелирное производство заслуживает самого серьезного внимания Дагестанской республики».

Развитие в широких масштабах высокого искусства дагестанских кустарей сейчас приобретает еще большее значение — оно стало бы еще одним фактором участия всех народов многонационального Советского Союза, в деле сближения и укрепления как дружбы между народами, так и мира во всем мире.

ОЧЕРКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕЗГИН В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Материальная культура каждого народа имеет свои специфические особенности, свои национальные традиции, которые принадлежат только ей. Ярко выраженные черты самобытности носит и материальная культура лезгин, создавшаяся народом в течение всей его истории.

Изучая этот вопрос, мы поставили перед собой задачу рассмотреть материальную культуру как дагестанских, так и азербайджанских лезгин, и выявить те основные элементы, которые характеризуют их самобытность, национальное единство и многовековые культурные взаимосвязи, развивавшиеся несмотря на давнее территориальное разделение этого народа.

В настоящей статье, за неимением достаточного места, мы останавливаемся лишь на домашнем и ремесленном производстве, а также кратко на жилище и одежде лезгин в конце XIX — начале XX веков.

* *
*

1. Домашнее и ремесленное производство

В конце XIX в. у лезгин существовало более 20 видов домашнего и ремесленного производства. Широкое распространение их обуславливалось полунатуральным ведением хозяйства, недостатком пахотных земель, а также наличием сырья, особенно шерсти, глины, дерева и т. д., необходимых для изготовления кустарных изделий.

В. И. Ленин писал, что «домашние промыслы составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остат-

ки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство».¹

Из домашне-ремесленных промыслов, которые были распространены на территории лезгин, следует отметить производство деревянных изделий, гончарное производство, металлообработку и обработку шерсти, в том числе производство войлока, сукна, ковров, сумахов (безворсовые ковры).

С развитием феодальных отношений, с ускорением процесса отделения промышленного производства от земледелия некоторые домашние промыслы стали разрастаться и выделились в ремесла. Мастера стали специализироваться на отдельных промыслах. В результате увеличивалось количество изделий, идущих на местные рынки, а также на вывоз. Ко второй половине XIX века производство ковровых изделий, гончарное производство и металлообработка у лезгин приобрели ремесленный характер, а кое-где находились уже на стадии мелко-товарного производства.

Продукты ремесленного производства лезгины реализовали на местных рынках. Некоторые изделия как, например, ковры, сумахи и др., находили широкий сбыт не только внутри Азербайджана и Дагестана, но и во многих областях и губерниях России, а также за границей.

Однако большая часть ремесленных промыслов у лезгин продолжала носить домашний характер или удовлетворяла только местные потребности. К таким промыслам относится производство деревянных изделий, войлочное и трикотажное производство и выделка сукна. Поэтому одни домашние произведения являлись предметом ограниченного местного обмена, часто натурального, а другие доставляли более или менее прочный и хороший заработок производителю.

Домашними промыслами занимались и мужчины и женщины. Исключительным занятием последних является изготовление изделий из шерсти и отчасти гончарное производство. Мужчины обрабатывали металл, дерево, кожу.

В силу господства домашнего характера работ обыкновенно все переходные формы производства были сосредоточены. Поэтому понятно, что у лезгин не могли развиваться сложные формы разделения труда; одни и те же члены семьи разбирали шерсть, сортировали ее, расчесывали, ткали, шили и т. д., причем в простейших видах труда участвовали и дети, а в более сложных — только опытные, взрослые члены семьи.

Профессиональная специализация среди женщин была редким явлением; самые разнообразные работы (выделка

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 285.

сукон, ковров, паласов, носков и пр.) производились одними и теми же лицами, под одной и той же кровлей.

2. Изделия домашнего производства

Домашнее производство у лезгин было распространено повсеместно и имело большое экономическое значение в жизни местного населения. Изделия домашнего производства шли главным образом на удовлетворение потребностей домашнего и сельского обихода. Сюда можно отнести: производство деревянных изделий, войлока и сукна.

Производство деревянных изделий. Различные ценные породы леса, имеющиеся в изобилии в лезгинских районах, давали обширный материал для производства деревянных изделий.

Деревянные изделия удовлетворяли самые различные потребности лезгин. Вырабатывались: сельскохозяйственные орудия — вилы, деревянные лопаты, спицы для колес, ободья, сохи, бороны, молотильные доски; средства транспорта — арбы, фургоны, сани; орудия домашнего обихода — треугольные скамеечки, разного рода ткацкие станки, мотовила, вертена и т. д.

Производством арб и фургонов отличались селения Кусарского, Докузпаринского, Магарамкентского и Касумкентского районов. В изготовлении фургонов особой славой пользовались мастера лезгинских селений Гиль и Хазры бывшего Кубинского уезда. Сюда приезжали покупать фургоны лезгины из других селений. В конце XIX в. в Гиле и Хазрах имелись специальные мастерские, где изготовлялись фургоны и арбы.

Горские сани, горные сохи, бороны, молотильные доски, разного рода ткацкие станки, деревянную посуду, веялки и т. д. изготовляли лезгины почти во всех селениях. Изящные красивые ложки из абрикосового дерева («машмаш тур» — абрикосовая ложка) делали в селениях Гиль, Пирал, Хазра, Юхари, Яраг, Капир, Калук. Эти ложки отличались прочностью, гладкой поверхностью и не давали трещин. Ложки же, сделанные из мягкой породы дерева, неаккуратной работы, называли «яхул тур» («яхулами» лезгины называют представителей других народов Дагестана).

Производством красивых люлек, чанахов (деревянные корыта) и некоторых других предметов домашнего обихода отличались мастера Кусарского, Касумкентского, Ахтынского и Магарамкентского районов.

Деревянная посуда изготовлялась от руки или же вытачивалась при помощи токарного станка. Чанахи вытачивались на станке, ложки делались от руки. Гребни для расчесывания шерсти, челноки, гребни для ткацкого станка изготовлялись теми же мастерами, которые выделывали столы, чанахи и др.

Челноки употреблялись лезгинами для утковой пряжи или тканья сукна для одежды. Концы челнока делались заостренными, чтобы удобнее было пропускать утковую пряжу между рядами продольных нитей основы как в одну, так и в другую сторону.

Наконец, важное значение имело изготовление плетеных амбаров, корзин, метелок, деревянных частей сит и др. Их также производили повсеместно, но они очень редко выходили из рамок удовлетворения потребностей домашнего обихода. Производством этих изделий занимались мужчины, женщины и дети. Детям доставляло большое удовольствие подниматься на горные вершины за прутьями. Здесь дети иногда на месте изготовляли метелки и веники. За день подросток изготовлял 10—15 веников.

Из древесного луба и прутьев жители селений самой верхней горной полосы изготовляли плетеные амбары для хранения зерна и муки, большие плетеные корзины для перевозки кормов для скота, сапетки для ульев и т. д. Амбары и пчелиные сапетки сверху обмазывались глиной.

Жители предгорных селений плели амбары и корзины из ореховых, каштановых или дубовых прутьев. Они изготовляли и корзины маленьких размеров для домашнего обихода, для сбора винограда, вишен, яблок и других фруктов.

Предметы домашнего обихода украшались резьбой. У лезгин преобладала контурная, мелко-выемчатая и плоско-рельефная резьба, реже встречалась трехгранно-выемчатая резьба; практиковалось также выжигание.

Однако вывоза этих предметов, несмотря на их художественное совершенство, почти не было.

Войлочное производство. Производство войлока было вызвано климатическими условиями: холода в нагорных районах и обилие влаги в плоскостных районах вызывали потребность в такой одежде, которая могла бы защищать и от холода, и от сырости. Эти качества соединены именно в войлоке, который плохо проводит тепло и влагу.

Выделяемый лезгинами войлок по своей дешевизне был доступен почти каждому и как чрезвычайно полезный продукт домашнего хозяйства имел распространение повсюду. Так называемый «чубандин лит» — плащ из войлока для чабана — являлся необходимой принадлежностью его одежды. Такой плащ служил чабану защитой от холода, дождя и солнца, тюфяком и одеялом. Войлок служил также мягкой и теплой попоной («семерар») для лошадей, мягкой и сухой подстилкой на сырых полях эйлагов. Войлок стелили на земляном полу и дома вместо дорогих паласов и ковров. Пользуясь непромокаемостью войлока, лезгины прикрывали им разные то-

вары; отправляясь куда-нибудь с семьей, устраивали из войлока на арбах или фургонах навесы, под которыми вся семья укрывалась от дождя и холода, а также от солнца летом.

Мастерами войлочного производства у лезгин были мужчины; только во вспомогательных процессах участвовали и женщины. Мастера («пемпечияр») имелись во всех селениях, за исключением некоторых небольших аулов. Работали они в основном осенью и весной.

Прежде чем приступить к изготовлению войлочных изделий, мастера подвергали шерсть некоторой предварительной обработке. Сначала шерсть мыли, причем мойку шерсти повсеместно у лезгин вели (и ведут) в холодной воде. Перед мытьем шерсть вымачивалась в течение 2—3 дней в лоханках в небольших запрудах у берегов речки; иногда шерсть клали в плетеные корзины и спускали на некоторое время в речку, придавливая камнями. После вымачивания шерсть клали на камень у берега речки. Затем одна женщина обливала шерсть водой, а другая била ее массивной деревянной колотушкой, или топтала ногами до тех пор, пока не стекала совершенно прозрачная вода. Мыло при мойке шерсти нигде не применялось.

После мытья шерсть отжимали и расстилали на воздухе тонким слоем. Сушилась она в течение 2—3 дней.

Когда шерсть совершенно высыхала, ее начинали трепать тонкими прутиками, чтобы размягчить, или же щипали комки руками, выбирая из шерсти травы и колючки. Размягченную таким образом шерсть очищали при помощи «пемпе». Главная часть этого снаряда — струна («сим»), погруженная в шерсть и приводимая в быстрое колебательное движение ударами колотушки, очищала и разрыхляла шерсть.

Затем приступали к выделке войлока. Для этого на полу комнаты или (в хорошую погоду) на дворе под навесом, иногда даже на гладком месте под открытым небом, стелили какую-нибудь грубую материю, например, толстое полотно. На этом полотне равномерно рассыпали очищенную шерсть.

На этот первый слой чистой шерсти стелили другой слой из шерсти часто невымытой, а также и из той, которая оставалась как мусор после расчески шерсти между зубцами гребня (кильки — «Камар») при приготовлении пряжи. Затем стелили третий слой — опять из чистой шерсти, как и первый. Все три слоя настилали такой толщины, какой при уплотнении их, должен был получиться желаемый войлок.

Разостланную шерсть обрызгивали горячей водой, затем, положив на один конец верхнего слоя круглую каталку, начинали осторожно наворачивать на нее все три слоя вместе с посланным под нее полотном точно так, как это делают с

бсльем, которое собираются катать. Намотав на каталку всю постанную шерсть, крепко обвязывали шерсть с полотном вокруг каталки шнурками и затем надавливали ее ногами, начинали раскатывать с одного конца поля до другого и обратно до тех пор, пока размягченные от кипятка волокна шерсти не слеплялись и не образовывался один сплошной слой.

Чтобы волокна слиплись и повсюду образовали слой одинаковой толщины, каталку несколько раз разворачивали, расправляя и уравнивая толщину наслоений, переворачивали, вновь обрызгивали кипятком и, наконец, обернув шерсть вокруг той же каталки обратной стороной и обвязав шнурком, продолжали катать до тех пор, пока не образовывался готовый войлок.

Если не обрызгивать кипятком обратную сторону изготовляемого войлока, то одна поверхность его получится не гладкой, а мохнатой, как это имеет место на внешней стороне бурок, производством которых лезгины не занимались.

Над изготовлением куска войлока работало от одного до пяти человек, смотря по тому, какой величины выделявался войлок. Работая вместе, трое или пять человек, не только не мешали один другому, но и, подбадривая друг друга, занимались делом еще успешнее; сняв обувь и взявшись за руки или обнявшись за плечи, они ловко перекатывали каталку, надавливая ее ступнями своих босых ног.

Иногда войлок окрашивали, иногда он оставался некрашеным. Часто войлок красили жители Докузпаринского и Ахтынского района. Окраска войлока производилась следующим образом: сперва его обрабатывали раствором квасцов, затем на него действовали той или другой краской. Нередко поверх белой шерсти делали украшения черной шерстью.

Производством узорчатых войлочных ковров, так называемых «арбабаш» (у кумыков), лезгины не занимались.

Изготовление сукна. Наряду с производством войлока лезгины издавна занимались изготовлением сукна. До середины XIX в. в связи с натуральным хозяйством у лезгин, в изготовлении одежды первостепенное значение имели ткани местного производства. Лезгины изготовляли ткани исключительно из шерсти.

При этом шерсть мыли вышеописанным способом (но более тщательно, чем при мойке шерсти для войлока). Затем приступали к чесанию шерсти. Для этой цели повсеместно лезгины пользовались примитивным инструментом «регъ». Он состоял из подставки-держателя треугольной формы, в углу которого сверху прикреплены два параллельных ряда железных остроконечных игл-зубьев. Взяв правой рукой пучок шерсти, работница нанизывала ее обеими руками на иглы и, расчесы-

вая, тянула в стороны, отчего длинные волокна проходили, а на зубьях оставались отходы шерсти. Это повторялось несколько раз до тех пор, пока не выделялись из шерсти все длинные волокна. Короткие волокна с запутанными комочками постепенно снимались с зубьев и складывались отдельно. Из этой шерсти приготавливались более грубые изделия — паласы, чувалы, хурджуны и т. д.

При таком кустарном способе очистки получалось приблизительно около 80% чистой шерсти и около 20% оческов.

Основным инструментом для прядения шерсти являлась «чхра», она состояла из простого деревянного станка с вращающимся от руки барабаном, который, в свою очередь, при помощи передачи из промасленного шпагата вращал стальную остроконечную проволоку под названием «тупучI». Работница, беря левой рукой прочесанную шерсть, соединяла несколько волокон ее с проволокой «тупучI» и правой рукой вращала ручку барабана, отчего вращался «тупучI», и шерсть, скручиваясь, превращалась в пряжу.

Оригинальной и ценной стороной такой прялки «чхра» являлась ее универсальность. На этом примитивном станке выработывались все виды пряжи, разных круток и характера: для сукна, для ковров, для носков и т. д. Прочность сукна во многом зависела от крепкого скручивания ниток.

К тканью сукна обычно приступали с начала весны (пряжу приготавливали еще зимой), когда устанавливалась теплая погода. Намотку основы для сукна производили во дворе. Эта операция состояла в следующем: шерстяные нитки натурального цвета — белого, черного, серого — натягивали наподобие струн на два невысоких (около 70 см) крупных кола, крепко вбитых в землю на расстоянии 5—6 метров друг от друга. Между нитками не оставляли почти никаких промежутков, затягивая нитками колья или во всю высоту, или несколько меньше, смотря по ширине ткани, которую хотели вы ткать.

Самое тканье производили на специальных ткацких станках, которые мало чем отличались от ткацких станков, известных в литературе под названием «дагестанского ткацкого станка»¹

Станок имел деревянное основание. В один конец этого основания вбивался штатив высотой в один метр. На него надевалась первая запасная петля приготовленной для тканья пряжи.

¹ О. Маркграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М. 1882, стр. 80.

Передняя часть станка была более сложного устройства. На эту часть, перпендикулярно к основанию, насаживался деревянный брусок длиной около 80 см. В обоих концах этого бруска просверливали отверстия, куда вставлялись штативы указанного выше размера (как и в другом конце). В средней части обоих штативов делались выемки, в которые вставляли в горизонтальном положении валеки. К вальку прикреплялись нитки, основы ткани, а затем, по мере выполнения работы, на него наматывалась сама ткань.

Не менее сложной частью станка являлся гребень длиной около 60—70 см. Гребень имел множество отверстий, расположенных двумя параллельными рядами. Каждая нитка проходила через отдельное его отверстие. На концах гребня делались специальные выступы для управления руками во время работы. Для управления же ногами к гребню приделывались специальные стремена из деревянных пластинок, подвешенных на толстых шнурках. Как только работница нажимала на стремена, вверх поднималась одна половина нитей основы, образуя отверстия для пропуска челнока утка. Затем, опустив стремена, работница поднимала другой ряд нитей основы. Так, чередовались оба ряда основы. Гребень также был необходим для прибавания утка.

Готовое сукно обрезалось и мылось в теплой воде. Затем его опускали на несколько минут в котел с кипящей водой и только после этого приступали к валянию, которое производили ногами. Иногда до окончательного уваливания красили сукно, чаще всего в черный цвет.

Уваленное, но еще мокрое сукно, высушивали на солнце, но не совсем досуха, чтобы его можно было расправить, разгладить и вытянуть руками. Только после этого его вывешивали для окончательной просушки. Затем мокрыми руками скатывали сукно в трубку и в таком виде сохраняли до употребления.

Клетчатую ткань под названием «шалеи», которую уваливанию не подвергали, ткали на ковровом станке. Из такой ткани шили покрывала и занавески, изготавливали тюфяки и пр.

Производством сукна занимались как азербайджанские, так и дагестанские лезгины и изготавливали его одним и тем же способом. Но сукна азербайджанских лезгин (Кусарского района) отличались изяществом и добротностью. При этом азербайджанские лезгины изготавливали сукна не только для своих семейных потребностей, но и для сбыта, поскольку их сукна имели большой спрос.

Производством сукна среди лезгин занимались только женщины — это считалось женским делом. Лезгинские девушки уже с 12—13-летнего возраста умели ткать сукна

Большое место в домашнем производстве лезгин занимало также вязание шерстяных носков. Изготавливали их повсеместно, в каждом семействе, поскольку этот труд являлся простым и доступным каждому.

Нитки для носков приготавливали почти таким же способом, что и для сукна, но делали более толстыми. Вязали шерстяные носки только женщины. Посредством железных спиц они делали петлю из нитки, потом в эту же петлю продевали другую петлю. Процесс этот продолжался до тех пор, пока не заканчивался целый круг. Следующий круг вязался так же, как и первый и т. д.

После того, как носки были готовы, их мочили и надевали на колодку, имеющую вид подошвы, и не снимали, пока не высохнут досуха. Это необходимо было для того, чтобы носки растянулись, смягчились и стали ровными и гладкими.

Изготавливались носки одним и тем же способом, с той лишь разницей, что узорчатые носки вязались из разных 6—8 цветов ниток. Среди лезгинских узорчатых носков славилась ахтынская, которые отличались мягкостью и яркостью, но не были особенно прочными. Азербайджанские же лезгинские узорчатые носки были относительно темных тонов, но считались более прочными.

Орнамент лезгинских узорчатых носков был растительный и геометрический.

Выделывались носки круглый год, и работа эта была очень производительной. Женщина изготавливала узорчатые носки за 2—3 дня, так как вязать их можно было во всяком положении — и сидя, и стоя, и даже во время ходьбы.

3. Ремесленное производство

В конце XIX в. многие изделия местного производства носили не только ремесленный, но и мелкотоварный характер и играли подсобную роль в хозяйстве, являясь дополнительным источником в экономической жизни населения. Изделия ремесленного производства не только удовлетворяли нужды самих производителей, но и имели товарное значение. К ним можно отнести гончарные, ковровые и металлические изделия.

Производство гончарных изделий. Гончарное производство существует у лезгин с давних времен. Археологическими работами, проведенными в течение ряда последних лет на севере Дагестана, установлена здесь глубокая древность происхождения гончарного производства. Памятники «каякентско-хорочоевской» культуры, могильники Манаса

и др. свидетельствуют о значительной развитости гончарного производства на севере Дагестана в первом и даже втором тысячелетии до н. э.

Большие пространства, где живут лезгины, покрыты глинистой почвой, представляющей прекрасный материал для выделки гончарных изделий. В этих местах и сосредоточивалось производство гончарных изделий. Оно зародилось и развивалось у лезгин в обстановке земледельческого труда, для снабжения хозяйства домашней посудой.

Лезгинская группа керамики охватывала селения Испик, Сальян Касумкентского района, Гезеркент Магарамкентского района, Кахул Ахтынского района и селения на Азербайджанской территории: Испик, Милюч, Епикент Кубинского района. Предметами производства являлись различные сорта горшков, чашек, гончарных труб, графинов и т. д. На гончарных изделиях делали различные украшения. Наиболее распространенными орнаментальными мотивами лезгинской росписи являлись украшения в виде параллельных и пересекающихся прямых линий, завитков и дисков.

Лезгинские гончары вносили в форму и внешнюю отделку гончарных предметов свои самобытные черты, формы и рисунки у них отличались своеобразной красотой. Благодаря высокому качеству гончарных изделий, изготовленных в Кюринском округе (ныне Касумкентский, Магарамкентский районы), многие предметы были представлены в апреле 1912 г. на первой областной сельскохозяйственной и кустарной выставке в Темир-Хан-Шуре.¹

Гончарные изделия производили обыкновенно в жилых помещениях, где мастерская находилась в одной комнате, в которой вдоль стены на скамейке («кьехчӀинкӀапарин дезге») ставились готовые изделия из необожженной глины. Здесь же помещался гончарный станок. Станок был деревянный и состоял из двух кругов, соединенных осью на расстоянии 67 см друг от друга, верхний — диаметром в 27 см, а нижний — диаметром в 64 см.

Станок помещался по середине комнаты в вырытой для него яме глубиной в 1 метр, так что верхний круг находился на одном уровне с поверхностью пола. Материалом для производства служила глина, которую добывали сами гончары. Глину складывали на площадку, обставленную досками, обливали водой и мяли ногами, выбирая при этом из глины посторонние предметы, сор, камешки. После первого мятья глиняное тесто оставляли на два-три дня, затем опять его мяли.

¹ Обзор первой областной дагестанской сельскохозяйственной и кустарной выставки в гор. Темир-Хан-Шура, 1913, стр. 20.

Из приготовленного глиняного теста начинали формировать изделия. Для этого гончар, взяв достаточное количество глины, еще раз мял ее руками и клал на верхний круг станка, затем садился за станок, упираясь ногою в нижний круг, и приводил его во вращательное движение. Это было то основное движение, при помощи которого гончар придавал своим изделиям ту или иную форму.

Что касается сушки изделий из необожженной глины, то она производилась или в том же помещении, где они изготовлены, или же где-нибудь под навесом, на крыше, на дворе и т. д. Высохшие изделия обыкновенно полировались гладким камнем, после чего они поступали в обжиг.

Обжиг производился в специально-приспособленных обжигательных печах под названием «куым». Печки эти строили на горке из сырцового кирпича недалеко от мастерской гончара. Печка имела куполообразную форму с четырьмя дымоходами у основы, глубина ее достигала до 2,5 метра с диаметром в 64 см у основания. Спереди находилось небольшое отверстие, где в течение 3—5 суток постоянно поддерживали огонь. Наверху также имелось небольшое отверстие, откуда было видно достаточно ли обжигаемые предметы покраснели. Обжиг производился с помощью дров, хвороста и кизяка, обжигали изделия до красноты.

Лезгины редко покрывали гончарные предметы глазурью. Полива применялась, главным образом, как декоративный материал. Глубокое покрытие глазурью производилось обжиганием нагреваемого изделия поваренной солью или обливанием кислым молоком. А при производстве лучше отделанных кувшинов и некоторой мелкой посуды для покрытия глазурью лезгинские гончары, как и гончары других народов Дагестана, употребляли металлические окислы. Для приготовления поливы пережигали свинец на сильном огне, при постоянном помешивании, до тех пор, пока весь он не превратится в окись или свинцовый глет. Глет разводился с водой и яичным белком и употреблялся в таком виде для мелкой посуды. Для крупных кувшинов глет готовился с нефтью. Этой смесью вымазывали посуду и помещали для выжигания в гончарную печь. Изготовленные изделия иногда покрывались для красноты масляной краской и делались зарисовки различных форм местного орнамента.

Стадионально наиболее древним и самым примитивным способом гончарного производства не только среди лезгин, но и среди других народов Кавказа является производство «кахульской» (Кажуль — название селения Ахтынского р-на) посуды, сохранившееся по сей день в горных районах. Это совершенно

примитивный способ изготовления посуды без гончарного круга с обжигом на костре.

Благодаря особому способу приготовления гончарной массы с примесью толченого камня и волоса, «кахульская» посуда обладала необычайной для глиняных изделий прочностью, что видимо явилось одной из причин, обусловивших ее производство до наших дней.

Производство гончарных изделий у лезгин занимались как мужчины, так и женщины. Резкого разделения труда между ними не существовало. Мастер (мужчина или женщина) бывал занят формовкой гончарного изделия, а помощник его приготовлением глиняного теста.

Кроме станка и дощечки для срезывания излишнего количества глины других инструментов у гончаров не бывало.

Производство гончарных изделий у лезгин было распространено не повсеместно, изготовляли их специально для сбыта, причем продажа их совершалась на больших базарах Касумкента, Кубы и т. д. Гончарные изделия пользовались спросом, поскольку в быту горской семьи они играли большую роль.

Производство ковровых изделий. Изготовление ковров у лезгин представляло собою одно из ярких и живых проявлений народного творчества. Столетиями в условиях нищеты и угнетения передавались от матери к дочери и сохранялись лучшие традиции коврового искусства.

Экономические условия создавали устойчивую базу для коврового производства. Богатая флора, множество садовых и дикорастущих красящих растений и плодов, превосходные сорта шерсти тонкорунных овец определили прочность и качество ковровых изделий.

В патриархально-феодалных условиях производству ковровых изделий содействовало также наличие свободной женской рабочей силы. В силу культурной отсталости и бытовых предрассудков женщины-лезгинки не могли искать работы на стороне, вне дома. Ковроткачество, требующее усидчивости и кропотливой работы, распространялось именно среди женщин, которые, не отрываясь от семьи и хозяйства, занимались изготовлением ковров, сумачов, паласов и т. д.

Паласы, производившиеся в большом количестве, использовались для укрытия навьюченных животных от непогоды в пути, мешки служили для перевозки зерна и фруктов, для упаковки постельных принадлежностей, «хурджуны» и «хейба», в виде двухсторонних небольших мешков — для перевозки разного домашнего имущества, «кашу» (ремни) — укрепляли грузы на спине животных.

Производством ворсовых ковров («халича»), повидимому, стали заниматься немного позже, когда появилась потреб-

ность покрывать полы и стены землянок. Лезгинские ковры издавна славились, их красивый орнамент свидетельствовал о большом художественном вкусе мастериц. Ковровщицы были художницами, вкладывавшими в рисунки свои поэтические замыслы и тонкое искусство орнаментации.

Ковровое производство в Азербайджане и Дагестане имеет особенно большое развитие в лезгинских районах. Наиболее известными ковровыми районами считаются Ахтынский, Докузпаринский, Курахский, Касумкентский и Кусарский районы. Раньше эти районы, за исключением Кусарского, входили в Кюринский и Самурские округа, а Кусарский район в Кубинский уезд Бакинской губернии.

В Кюринском округе наиболее известными по ковроделию селениями считались Касумкент, Аликент, Койсун, Орта-стал, Ашага-стал, Юхари-стал, Магарамкент, Гильяр, Ашага-араг, Куркент, Юхари-яраг, Зизик, и все селения Кутур-Кюринского участка. В этих селениях до революции выделялись ковры и сумахи стоимостью от 30 и очень редко до 300 руб., паласы пеньковые — от 3 до 5 рублей, шерстяные — от 8 до 200 рублей.¹

В Самурском округе ковры и сумахи, ковровые мутахи и подушки производились в селениях Ахты, Маза, Хрюк, Микрах, Каладжур, Кара-кюре, Мака и др. Мафраши и переметные сумы делали в селениях Ихир, Маза, Фий, Гдым, Куруш.²

Тонкие и плотные ковры Кубинского уезда (где живут азербайджанские лезгины) отличались чрезвычайной оригинальностью и красивым рисунком. Ковры изготовлялись небольших размеров (2х3 арш. и 2¹/₂х4 аршина), встречались ковры и меньших размеров, но крупнее — очень редко³.

Ковры и ковровые изделия производились не только для домашнего употребления, но и для продажи. Они продавались на местных рынках, а также вывозились в различные города России и за границу. В 1905 г. из Кюринского округа разными скупщиками было вывезено ковров и паласов на 279945 рублей⁴.

Производством ковровых изделий занимались исключительно женщины. Ткать ковры умели все лезгины, хотя специальных школ для этого не существовало. Дочь училась у своей матери, обучение состояло лишь в том, что дети сначала присматривались к работе родителей, а потом мало-помалу сами

¹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, ед. хр. 108, л. 48.

² Там же, л. 32.

³ А. Р. Пиралов. Организация производства и вывоза ковров за границу. Журн. «Экономический вестник Закавказья». № 1, Тифлис, 1921 г., стр. 34.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, ед. хр. 47, л. 6.

начинали принимать в ней участие и, таким образом, постепенно изучали это дело.

Девочка почти с пятилетнего возраста умела выполнять узел и ткала по указанию матери, а с восьмилетнего возраста она уже ткала без всякой посторонней помощи. По рассказам старух селения Кымыль Кубинского р-на, девочки к брачному возрасту (т. е. к 13—14 годам) имели по 3—4 ковра приданого собственного изготовления. Если же девушка не умела изготовить такого количества ковров, то сваты не приходили в ее дом. Они говорили: «Да какая из нее выйдет жена! Она не смогла справиться с тремя коврами, а как она будет справляться с заботами дома и хозяйством мужа?».

Девочек приучали ткать быстро и ловко. Качество ковра всегда имело первостепенное значение.

На качество готовых ковров большое влияние оказывали качество сырья-шерсти, способы изготовления пряжи, крашение пряжи и, еще больше, — самый процесс ткачества.

Для производства высококачественных ворсовых ковров применяли полугрубую овечью шерсть весенней стрижки, т. к. она имеет большую прочность, упругость и лучше подходит для стоячего ворса. Несмотря на большую засоренность, эта шерсть бывает более длинной, поэтому ею издавна пользовались для ковровых изделий. Осенняя шерсть меньше применялась в ковроделии.

Для изготовления ковра прежде всего мыли шерсть и приготавливали пряжу вышеописанным способом, затем приступали к ее крашению. В ковроделии крашение пряжи имело важное значение и для художественного оформления, и в смысле прочности окраски. От вида применяемых красителей, их прочности, сочности и подбора цвета зависело качество ковровых изделий и общее впечатление, которое они производили. Лезгинские ковры издавна отличались своей специфической окраской. Приемы окраски и подбор красителей передавались по наследству, из поколения в поколение сохранялись и совершенствовались.

До Октябрьской революции каждое хозяйство само окрашивало пряжу домашним примитивным способом. Лишь в некоторых случаях обращались к услугам мастеров-красильщиков «кипчи», которые открывали свои красильни в наиболее оживленных местах, большей частью на базарах. Такие красильщики обычно работали на заказ.

При выработке ковров красили только ворсовую пряжу; пряжа для основы и утка, как правило, поступала в производство в своей естественной окраске.

Окраской шерсти в домашнем хозяйстве, как правило, занимались женщины, а в красильных мастерских — преимущественно мужчины.

При окрашивании шерсти растительными красками обязательно применяли протравы, так как протравливание помогло закреплению красителей на пряже и усиливало тон окраски. Основным материалом для протравливания ковровой пряжи у лезгин издавна считались алюминиевые квасцы (рухул).

Процесс ткачества ковров начинался с установки станка. Деревянный ковровый станок «гамун тарар» в несколько видоизмененной форме существовал у лезгин в течение столетия. «Гамун тарар» изготовлялся из твердых пород дерева. Это были два столба плоской формы, высотой 3—4 метра каждый. В двух местах, ближе к концам, они имели отверстия для осей (ульуьганар). Оси предназначались для натягивания пряжи — основы, они раздвигались и закреплялись благодаря наличию клиньев (кунар). Для удобства работы станок укреплялся в несколько наклонном положении, приблизительно в 60°.

Ковры делались различных размеров, и поэтому необходимо было сразу предусмотреть размер будущего ковра как по длине, так и по ширине. Длина ковра зависела от расстояния между нижней и верхней осями, ширина — от длины указанных осей, т. е. расстояния между столбами станка.

Станок имел еще три дополнительные части — «Йикъид ланш», «гамун ланш», «йикъидин т'вал». Они предназначались для удваивания основы и давали возможность по мере проведения уточной пряжи передвигать и закреплять уток.

К числу дополнительных инструментов, необходимых для ковроткачества, относились «кирkitI» и «гамун регъ». «КирkitI», длиной 15—20 см, изготовлялся из рога оленя: рог распиливался на два зуба и предназначался для прибивки уточной пряжи после каждого ряда узлов.

«Гамун регъ» (гребень) изготовлялась из твердых пород дерева и имела длину вместе с ручкой 35—40 см; она представляла собой колотушку с ручкой наверху и гребнем внизу. Общий вес достигал 2—3 кг. «Гамун регъ» предназначалась для прибивки уточной пряжи над ворсальной и уплотнения поочередного ряда последней.

После того, как устанавливали станок, на его оси натягивали основу. Операция эта имела очень важное значение, т. е. сильно влияла на качество будущего ковра. Эту работу проводили очень опытные ковроткачи.

Обыкновенно две женщины, из которых одна стояла позади станка, а другая сидела спереди станка, начинали натягивать пряжу — основу. Затем для удобства работы с передней стороны станка, на высоте 2—3 метра от земли, вешали рядами на тонкой веревочке мотки для ворсальной пряжи, а с правой стороны — с края — уточную пряжу, тоже в виде мотка. После всех указанных подготовительных работ приступали непосредственно к ткачеству.

Узел выполнялся следующим образом: работница, сидящая с передней стороны, выравнивая пальцами левой руки пряжу основы, прижимала нити друг к другу, просовывала руку между нитями основы ближе к месту предполагаемого завязывания узла, захватывала целую пачку их и в это время левой рукой выделяла с правой стороны две нити из захваченной части, т. е. четную и нечетную. Затем из висевших с передней стороны ковра ворсовых прях правой рукой спускала вниз одну пряжу, высовывая между этими двумя основами начало ворсовой пряжи, заворачивала влево, выводила с левой стороны направо спереди эту пряжу и, огибая правую руку, выводила нить опять между двумя основами. Конец выведенной петли срезала ножом.

Этот процесс продолжался до тех пор, пока не заполнялся один ряд, после чего мастерица проводила опять справа налево и слева направо два ряда уточной пряжи и опускала ее с помощью «киркитI» до основания; затем вышеописанным тяжелым инструментом «гамун регъ» начиналась забивка и полное осаждение уточной пряжи, а вместе с ней и нижнего ряда узлов из ворсовой пряжи.

Так происходило ковроткачество ворсовых изделий, где чередовались ряды ворсовых и уточных нитей. После проведения 4—5 рядов этих нитей ткачихи приступали к стрижке ворса. Стрижка должна была быть ровная, одинаковая по всей площади ковра, не очень длинная и не очень короткая, чтобы предохранить основы петель.

Высота ворса на лезгинских коврах бывала различной, в зависимости от района производства, размера ковра, его типа и т. п.

Ткачество продолжалось до тех пор, пока не затруднялась дальнейшая работа. Тогда передвигали сотканную часть назад, опуская ее вниз, и поворачивали ковер назад. При этом клинья вынимались, а после передвижения ковра снова вставлялись в станок.

Так продолжалась работа до окончания ковра.

С ковроткачеством связан у лезгин ряд поверий. Если в семье много девочек, то семья будет богата коврами — гласила лезгинская пословица. Лезгины говорили, что если во время натягивания основы ковра на дворе завоет собака, то произойдет несчастье, а если в дом войдет петух и запоет, то будет много гостей и веселья. Лезгинки, снимая готовый ковер со станка, первым сажали на него маленького мальчика, чтобы в той семье, где будет этот ковер, рождалось много мальчиков. Существовал ряд поговорок, которые были связаны с ковроткачеством: «раз села на ковер, то не вставай, пока гость не придет», «ряд на-половину не оставляй, а то жизнь брата наполовину останется» (т. е. он умрет преждевременно) и т. д.

Лезгинские ворсовые ковры бывали разных размеров — маленькие, средние и большие: маленькие — минимум 70x120 см, максимум 120x180 см; средние — минимум 130x200 см, максимум 180x270 см; большие — минимум 200x300 см, максимум 300x400 см.

В соответствии с размерами менялись и рисунки на коврах.

Традиции ковроделия среди лезгин имели свои местные особенности, выраженные в содержании коврового рисунка, характере его решения и красочной гамме. В лезгинских коврах хорошо сохранились старо-кавказские рисунки, имеющие иногда растительные мотивы, иногда воинственные. Например, «урус тур» («русский меч»), «бендирме» (розы), отличавшиеся чисто геометрическими «суратами». Такие узоры встречались в микрахских, ахтынских и кубинских коврах. Это говорит о том, что самурские ковры во многом родственны кубинским. То же самое можно сказать и по отношению к сумахам Кюринского округа. Кюринские и кубинские сумахи и ковры напоминали «сураты» и «накиши» (рисунки) курдских «ямони», безворсовых ковров, носящих печать кочевнической сухой орнаментики.

Основным мотивом лезгинских ковров является ромб, «фур» (что на лезгинском языке означает «яма»). Обычная композиция ковра состоит из трех ромбов различных вариантов, определяющих название рисунка.

В кусарских, микрахских, капирских, икринских, кымыльских коврах можно встретить ромб, украшенный геометрическим орнаментом — «поднос», или «хунча» с крупными цветочными розетками, расположенными между медальонами. Часто ромбовидный медальон заменяется восьмиугольной фигурой («будала фур» и «тергъиле», т. е. крупный ромб), украшенной изображением змей.

В ахтынских коврах, как и в коврах Куруша, Гра, Ихиря, Капира, Икра, встречаются интертрафированные розетки-звездочки, приближающиеся к квадрату. Отход от круга к квадрату делается при посредстве ряда уголков, острой звезды. Эта форма хороша в коврах с сильно выраженными геометрическими приемами рисунка. Такие розетки часто встречаются в поле узора «чичи» (в коврах Кусары, Кымыля, Микраха и Ахты).

Широкое распространение в ахтынских коврах имеют также цветочные узоры, связанные с древними верованиями и обычаями села (к древним празднествам Ахты относится праздник цветов, который встречали каждую весну).

Орнаментальные мотивы ковровых изделий азербайджанских лезгин родственны в отдельных своих чертах произведениям коврового искусства дагестанских лезгин. Узоры дагестанских лезгин — «подносы», или «хунча», «фурар», «чичи»,

в несколько других красках встречаются и на коврах азербайджанских лезгин.

Раньше из Кубы в Дагестан в большом количестве приезжали скупщики самурских ковров, причем они привозили образцы кубинских ковров и заказывали копии с них. Это говорит вовсе не о том, что ковры Самурского округа были хуже по рисунку, но о том, что в течение долгого времени вкус массового покупателя воспитывался на кубинских рисунках, которые явились результатом обработки лезгинских, арабских, персидских и кочевничьих мотивов.

Среди лезгинских ковров как по рисункам, так и по качеству тканья славились микрахские ковры Докузпаринского района. Аул Микрах, расположенный на крутых склонах Шалбуздага, является давно известным центром ковроделия. Старики этого селения говорят, будто бы микрахцы, прибыв из Ирана, впервые распространили ковроткачество среди лезгин.

В этом, быть может, есть доля правды, микрахцы действительно отличаются от всех лезгин искусством быстрого тканья. 15-летняя девушка в течение 45—50 дней заканчивает ворсовой ковер размером 120x180 без посторонней помощи. Поэтому лезгины говорят: «Если хочешь иметь дома много ковров, то женись на микрашке». Хотя среди лезгин брак был строго эндогамным, жены из Микраха (как раньше, так и теперь) встречаются даже в самых отдаленных от Микраха селениях Курахского, Кусарского, Касумкентского районов.

В микрахских коврах, как и в коврах других лезгинских районов, встречались узоры «будалай фулар» (крупный ромб), «подносы», «чичи», «гасан-къала» (крепость Гасана), «тапанча» (пистолет). Узор «Гасан-къала» представлял собой три медальона со стрельчатыми краями, где помещено изображение топоров и зубчатых башенных стен. «Тапанча» считался цветочным узором богатого украшения, состоящим из трех крупных орнаментальных форм, каждая из которых представляла собой изображение четырех лезвий сабель,ходящих от центральной ромбовидной фигуры.

Изображение цветов, сабель, звездочек в ковровом искусстве лезгинских мастериц тесно было связано с местной лирической поэзией. Молодые девушки, сидя за ковровым станком, пели лирические песни.

Кроме ворсовых ковров, лезгины изготавливают ворсовые накидки на седла, ворсовые хурджуны (особенно в Микрахе), ворсовые наволочки для седельных подушек (больше всего их производили в Ахтах) и т. д.

Кроме указанных выше ворсовых ковровых изделий лезгины издавна вырабатывают еще ряд изделий, относящихся к безворсовым коврам. Из них наиболее распространенными являются сумахи, паласы, хурджуны, чувалы (мешки), перемет-

ные сумы и особые паласы, предназначенные для ношения воды в кувшинах под названием «херцелаг», украшенные интересным декоративным узором. Эти изделия изготавливаются не из трех, а из двух видов пряжи — основы и утка.

При изготовлении вышеуказанных безворсовых ковровых изделий большей частью применяется цветной уток, поэтому, они очень часто имеют полосатый вид.

В грубых изделиях, предназначенных для перевозки грузов, их укрытия и т. д., для утка используют более твердые нитки, чтобы придать изделиям прочность и сделать непромокаемыми.

Из безворсовых ковровых изделий следует остановиться на сумахах, которые особенно славятся среди лезгин.

Это — почти те же ковры, только без ворса. Все орудия и инструменты, вся подготовительная работа, все то же. Только в ворсовых коврах нитки основы сидят ближе, гуще, нежели в сумахах. В сумахах после обматывания двух нитей основы концы узлов не обрезают, как на ворсовых коврах, а оставляют на нижней стороне сумаха длиной 4—5 см.

Сумахи, в отличие от ворсовых ковров, изготавливаются только больших размеров: минимум 200х300 см и максимум 300х500 см. Лезгины приравнивали один сумах к одной корове и очень часто в натуральной форме совершали обмен сумаха на корову, и наоборот. Поэтому ковры и сумахи считались семейными ценностями, которые берегли на черный день.

Производство сумахов как в Азербайджане, так и в Дагестане встречается в основном среди лезгин. В Азербайджане изготовлением сумахов занимаются жители Кусарского района, где проживают лезгины, в остальных районах Азербайджана сумахи почти не производятся.

В Дагестане, кроме лезгинских районов, сумахи встречаются у табасаран.

Лезгинские сумахи сохранили несколько типичных оригинальных рисунков, отличающихся художественным подбором красок.

Основным мотивом лезгинских сумахов был крупный ромб «фур» (яма). По числу фуrows местных жители определяли величину сумахов: большие имели до пяти фуrows (обычно — три), маленькие — один. Фур заполнял центральное поле, имея различные очертания контуров.

Любимыми рисунками на сумахах являлись также «урус тур» (русский меч), «афнияр» (огурцы), «тапанча» (пистолет).

Сумахи пользовались большим спросом как среди самих лезгин, так и среди других народов Азербайджана и Дагестана, поскольку сумахи являлись предметами художественной и вещественной ценности (как и ворсовые ковры), предметами

украшения и утепления квартир, создания уюта и красоты в жилых помещениях.

Металлообрабатывающие производства. Наряду с ковровым производством большую экономическую роль в XIX в. играли металлообрабатывающие производства: кузнечное дело, оружейное дело и художественная обработка металла.

Кузнечное дело. Лезгинские кузнецы имелись в каждом земледельческом селении, поскольку их промысел неразрывно был связан с земледелием. Они занимались производством сельскохозяйственных орудий и предметов домашнего обихода. Изделия кузнецов в основном удовлетворяли потребности того селения, крестьянами которого они сами являлись.

Материалом для кузнечного производства служили железо и сталь, покупаемые кузнецами в городах; инструментами служили три пары молотков разной величины, столько же клещей, один или два резака, подпилки, сжимательный станок, точильный станок.

Кузница представляла собой помещение, разделенное горном, выложенным из кирпича-сырца, на две части. В передней части находилась одна большая наковальня и несколько малых. Большая наковальня устанавливалась перед горном, а прочие в стороне. На большой наковальне ковали крупные вещи; небольшие наковальни служили для одиночнойковки мелких вещей. Вторая половина, за горном, служила складом угля и местом для двух больших мехов.

У каждого кузнеца имелись обычно 2—3 помощника — ученика. Обучение их продолжалось три года и только по истечении этого срока кузнец назначал определенное жалованье тому из своих учеников, который пожелал работать у него.

Изделиями, которые производил кузнец, были: топоры, серпы, косы, мотыги, сохи, ножи для виноградников, щипцы, подковы для лошадей, гвозди к подковам, решетки, болты, крючки и т. д. Из предметов домашнего обихода — щипцы для сахара, щипцы для очага, маленькие лопаточки для скобления теста с корыта, ножи и пр.

Кузнецы удовлетворяли текущие нужды всего селения и в вознаграждение за свой труд получали с каждого двора продукты и деньги.

Слесарей, по сравнению с кузнецами, среди лезгин было очень мало. Если для примера взять Кюринский округ, то, по данным обследования Дагестанского областного статистического комитета, в 1900 г. насчитывалось кузнецов 91, а слесарей только 3¹.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, ед. хр. 8, л. 226.

Оружейное дело и художественная обработка металла. Оружейное дело, несмотря на свою значительность, не получило у лезгин заметного развития. Однако там, где оружейное дело возникло, оно достигло высокого совершенства.

Вокруг оружейного дела развивались художественные, ювелирные производства по оправе оружия в серебро под чернь, в слоновую кость с золотыми инкрустациями и т. д. Крупными центрами кустарного производства серебряных ювелирных изделий, имевшими значительное число кустарей, считались селения Кюснет Кубинского уезда, Ахты, Ихир Самурского округа и Икра, Койсун Кюринского округа.

По технике выполнения ювелирные изделия лезгин отличались чрезвычайным разнообразием. Практиковались гравировка, чернь, инкрустации по дереву серебряной и медной проволокой, а также насечка по дереву и металлу. Однако производство филигранных и эмалированных изделий не получило распространения. Наибольшего развития достигли чеканные изделия. Чеканка производилась особыми стальными резцами и штампами при помощи молоточка.

Ассортимент ювелирно-художественных изделий был разнообразен: холодное и огнестрельное оружие (отделанное серебром, слоновой костью золотой насечкой), пояса, ожерелья, подвески для поясов, кольца, серьги, наборы для сбруи и т. д.

Особой славой среди лезгин пользовались кинжалы мастеров селений Икра и Койсун. В «Асари-Дагестан» упоминается, что в Кюринском округе в селении Койсун был искусный оружейник и золотых дел мастер по имени Гаджи-Магомед-Али. Ружье, сделанное этим мастером, нельзя было отличить от ружья мастера Гаджи-Мустафы, пользовавшегося в то время славой в Крыму. Гаджи-Мустафа в мастерстве золотых дел превосходил кубачинцев, а также делал очень хорошие «револьверы» — шестизарядные пистолеты¹.

Конечно, кубачинское оружие нельзя было сравнить с лезгинским. И среди лезгин, и среди других народов Кавказа кубачинцы пользовались большой славой. Однако встречалось оружие местного изготовления не худшего качества, чем кубачинское или кумухское.

Производство лучших кинжалов и сабель передавалось по наследству. В лезгинских песнях воспевается боевое и декоративное преимущество лучших образцов оружия. Оружие занимало важное место в быту лезгина: ружье, кинжал или сабля составляли как бы одно целое с черкеской, являлись необходимыми предметами в быту. Прежде на стенах каждой лезгинской

¹ Г. Алкадари. «Асари-Дагестан». Махачкала, 1929, стр. 16.

семьи можно было видеть не менее двух ружей и несколько кинжалов, составлявших обязательную принадлежность одежды даже в детском возрасте. Умение владеть оружием считали признаком счастья, удачи.

Изделия мастеров-ювелиров встречались на всех узловых лезгинских базарах. Многие мастера работали на заказ.

В. И. Ленин относит появление ремесла к началу производства на заказ. «Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя. Материал может принадлежать при этом потребителю — заказчику или ремесленнику, а оплата труда ремесленника происходит либо деньгами, либо натурой»¹.

Работа на заказ носит временный характер и предполагает правоспособность ремесленников свободно договариваться с заказчиками.

«В этой форме промышленности, — пишет Ленин, — нет еще товарного производства; здесь появляется лишь товарное обращение в том случае, когда ремесленник получает плату деньгами или продает полученную за работу долю продукта, покупая себе сырые материалы и орудия производства»². На более высокую ступень поднимается ремесло в том смысле, когда появляются ремесленники — мелкие производители, сбывающие свои изделия на местном, ограниченном рынке, еще не нуждающиеся поэтому в деятельности посредника-купца. На этой стадии «продукт попрежнему переходит непосредственно из рук производителя в руки потребителя, причем продаже продукта предшествует иногда обмен его на сельскохозяйственные продукты»³.

Среди лезгин обмен ювелирными изделиями и другими продуктами ремесла происходил или непосредственно между самими производителями в натуральной, реже — в денежной форме, или с участием скупщиков и торговцев.

На местных рынках торговля носила по преимуществу массовый характер. Обмен и продажа на деньги исчислялись в зависимости от цен на зерно.

Постепенно продукты ремесла стали приобретать товарное значение, такие продукты, как ковровые изделия, стали проникать не только за пределы местных рынков в Россию, но и за границу. С конца XIX в. в связи с завозом оружия из России производство огнестрельного оружия прекратилось. Оружейное дело у лезгин потеряло характер специального ремес-

1 В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 285—286.

2 Там же, стр. 287.

3 Там же, стр. 288.

ла, а затем постепенно исчезло производство художественно-ювелирных изделий. Починка старого оружия стала делом кузнецов и слесарей.

В начале XX в. был принят ряд мер для развития кустарных промыслов Дагестана. В 1908 г. Кавказский кустарный комитет в Касумкенте открыл учебно-показательную мастерскую (в следующем году она была переведена в с. Ахты). При мастерской был организован склад материалов и усовершенствованных орудий и инструментов, предназначенных для продажи населению. Были приняты меры к внедрению в ковровый промысел лучших станков, производился сбор оригинальных старых ковровых рисунков для внедрения в производство.

В 1912 г. в Темир-Хан-Шуре состоялось открытие Дагестанского музея кустарной промышленности им. штаблекаря И. С. Костемеровского. Музей должен был собирать образцы кустарных изделий, знакомить население с усовершенствованными способами производства, снабжать кустарей приборами, инструментами, сырьем и материалами повышенного качества и т. д.¹.

Однако эти меры, проводившиеся незадолго до Октябрьской революции, были незначительны и не давали должного простора для использования имевшихся возможностей.

Великая Октябрьская социалистическая революция освободившая лезгинский народ от векового эксплуататорского гнета, способствовала развитию кустарных промыслов в новых экономических условиях, в условиях социалистического труда, неуклонного улучшения материального положения трудящихся и повышения их культуры.

С 1921 г. с окончательным установлением Советской власти как в Дагестане, так и в Азербайджане, правительство сразу же приняло первые меры к улучшению положения кустаря путем снабжения его сырьем и материалами, а также предметами оборудования (станками, инструментами и т. д.). В 1924 г., в связи с общим подъемом материального уровня страны, правительство получило возможность усилить материальную помощь кустарям Дагестана. К 1 сентября 1924 года было организовано 39 первичных кооперативных товариществ с 1547 чел. во всех округах Дагестанской АССР. 20 сентября 1924 г. представителями кооперированных артелей и некооперированных кустарей было созвано совещание и учрежден в Махачкале

¹ И. Р. Нахшунув. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Дагкнигоиздат, 1956, стр. 88.

Дагестанский союз кустарно-промысловых кооперативов — «Дагкустпромсоюз»¹.

С тех пор число кооперированных кустарей и число артелей стало возрастать. Наряду с коллективизацией сельского хозяйства при колхозах стали организовывать специальные кустарные мастерские для производства деревянных, гончарных и других изделий.

В конце 30-х годов, с завершением коллективизации в лезгинских районах, почти в каждом колхозе организовывались плотничные и кузнечные мастерские по производству и починке сельскохозяйственных орудий. В них стали производить сани, арбы, молотильные доски, деревянные лопаты и другие сельскохозяйственные орудия.

Гончарные мастерские были организованы в тех колхозах, где имеются технические глины. Мастера в этих колхозах работают за трудодни, а доход от реализации гончарных изделий идет в пользу колхоза.

К большому сожалению, в настоящее время в лезгинских колхозах нет специальных мастерских по производству войлочных изделий. В большинстве случаев чабаны за свой счет старыми дедовскими способами изготавливают себе войлочные бурки из шерсти, отпускаемой колхозом. Некоторые колхозы закупают для чабанов индийские бурки, которые обходятся им втридорога.

Лезгинским, особенно животноводческим колхозам следовало бы обратить на это внимание и поставить развитие бурочного производства на должную высоту.

Советское правительство уделило большое внимание организации ковровых артелей, поскольку ковровое производство у лезгин имеет широкие перспективы. В 20-х и начале 30-х годов были организованы ковровые артели в Ахтах, Орта-стале, Микрахе, Капире, Кусарах и др. В Азербайджане, начиная с 1927 г., ковроткачи в большинстве своем стали объединяться в артели и переходить на коллективное производство ковров в специальных помещениях.

В 1928 г. при центре промкооперации Азербайджана «Аз-сэнаышурасы» был организован ковровый отдел. В 1933 г. этот ковровый отдел выделился в самостоятельное объединение — «Азхалчысоюз» (Азхалчабирлиги), а в 1937 г. он был реорганизован в союз ковроткачких артелей Азербайджана под названием «Азхалчайттифак», куда в настоящее время входит Кусарская ковровая артель им. Кашена. «Азхалчайттифак» имеет в г. Баку собственную красильную мастерскую.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 21, ед. хр. 96, л. 31.

В Дагестане также был принят ряд мер по улучшению качества ковров. С 1930 г. в Дербенте начала работать шерстепрядильная фабрика «Дагюп» с красильным цехом. В том же году в Дербенте был открыт ковровый техникум, реорганизованный позднее в ковровую школу ФЗО. В настоящее время в Дербенте работает специально оборудованная красильная артель «30 лет Октября». Там же находится и ковровая база Дагхудожпромсоюза.

За сорок лет Советской власти произошли большие преобразования в кустарной промышленности лезгин. Древние народные традиции коврового искусства получили все возможности для дальнейшего развития и совершенствования в условиях социалистического труда. Крупные ковровые артели в селениях Ахты, Микрах, Капир, Успик, Орта-стал, Кусары и др. с просторными светлыми помещениями являются преемниками древнего ковроделия. Эти артели выполняют и перевыполняют свои производственные планы.

В настоящее время народные традиции лезгинских ковровщиц обогащаются новыми орнаментальными мотивами и темами. Новым видом искусства, неизвестного в ковроделии среди лезгин до Октябрьской революции, является портрет. Мастерицы-ковровщицы с большой любовью выполняют портреты вождей, поэтов и других выдающихся людей нашей страны.

Великая Октябрьская социалистическая революция, раскрепостившая женщину-горянку, создала все условия для развития ковроделия, как большого искусства лезгинского народа.

2. Поселение и жилище

У лезгин существуют три типа поселений:

I тип — селение «хуър» — является основным типом поселения лезгин. Лезгинские селения по общему правилу были основаны в глубокой древности, причем более древние лезгинские селения расположены на территории дагестанских лезгин. Заселение территории азербайджанских лезгин происходило позднее, о чем свидетельствуют как эпиграфические находки на территории дагестанских лезгин и многочисленные предания, так и ряд объективных факторов, которые должны были способствовать этому. Записанные автором предания и легенды, рассказывающие о возникновении и ранней истории отдельных лезгинских селений, являясь реально историческими воспоминаниями, свидетельствуют об автохтонности лезгин и о многовековом пребывании на данной территории многих ныне существующих селений.

II тип поселения — «казмаляр» (отселки) — возникали на местах как летних, так и зимних пастбищ в результате разложения населения, в отдельных случаях в результате распада

больших патриархальных семей. В названии отселка всегда сохраняется название основного селения, от которого он отделился, с прибавлением к этому собственному имени слова «казмаляр».

III тип поселения — «оба» («оба» на тюркских языках — «кибитка», «шатер»). Вопрос об «оба» представляет особый интерес и еще требует специального изучения. Этот тип поселения распространен не на всей территории лезгин, а лишь на плоскости, в бывших Кубинском и Кюринском ханствах. В отличие от «казмаляр» жители одного «оба» в большинстве случаев были выходцами из различных селений, панявшихся батраками к хану или беку.

Характер планировки поселений тесно связан с рельефом местности. В горных районах встречаются селения, расположенные на крайне недоступных участках, подступ к которым крайне сложен. Селения эти представляют собой как бы естественные крепости. Если естественные условия не способствовали усилению обороноспособности селения, то создавались искусственные сооружения. Возводили стены, строили башни-крепости и пр. Планировка поселений предгорной и плоскостной зоны совершенно иная. Если при заселении горных аулов прежде всего учитывалось его стратегически выгодное положение для обороны от врагов, то при заселении предгорных плоскостей стратегический принцип не соблюдался. Здесь нет той тесноты и скученности построек, которые характерны для горных аулов. Улицы в этих селениях широкие, прямые, дома окружены садами и расположены на некотором расстоянии друг от друга.

Лезгинские селения состоят обычно из нескольких кварталов. В древности все жители квартала принадлежали к одному тохуму, и название квартала соответствовало наименованию тохума. С постепенным исчезновением междуродовой вражды квартал состоял уже из жителей различных родов. На смену родственным патронимическим поселениям (сохранившимся лишь пережиточно) пришли поселения сельской территориальной общины. Впоследствии развитие феодальных отношений среди лезгин привело к исчезновению тохумного принципа расселения по кварталам. В дальнейшем, с постепенным проникновением капиталистических отношений и затем с установлением советской власти, произошли еще более крупные изменения в планировке поселений, а также в характере построек.

Исследуя лезгинское жилище, мы ставили целью проследить его историческое развитие и выяснить причины изменений, которые произошли и продолжают происходить в типах, в характере построек, в строительной технике и во внутреннем убранстве жилых помещений.

Жилище лезгин находится, как и всякое жилище, в тесной связи с социально-экономическим строем, с рельефом местности, с природными ресурсами строительных материалов, с климатическими условиями и пр.

Условия сельскохозяйственного и земледельческого труда у лезгин с давних времен привели к тому, что в жилищно-хозяйственном комплексе построек издавна выделялись три вида помещений: жилье (к'вал), хлев для скота (цур) и сарай для сена (муьхц). Наиболее характерна для лезгин такая организация жилищно-хозяйственного комплекса, при которой жилье и хлев для скота объединены в одноэтажном или двухэтажном доме, а сарай для сена построен рядом или неподалеку от жилого дома.

Исследование, проведенное нами в различных районах, дает возможность утверждать, что жилища на территории лезгин двухтипны: I — тип, одноэтажный, саманный или каменный, состоящий из трех элементов: жилых комнат, хлева и внутреннего крытого двора; II — тип, двухэтажный, саманный или каменный, состоящий также из трех элементов: жилых комнат, хлева и внутреннего крытого двора. В таких домах крытый двор и хлев составляют нижний этаж, а жилые помещения — верхний.

Эти два типа жилища прошли свою эволюцию и соответственно принимали разнообразные формы, начиная от домов для больших патриархальных семей с одним общим жилым помещением (с отверстиями в потолке и открытыми дверями) и кончая современными, просторными светлыми многокомнатными домами.

Эти два основных типа жилища с их разновидностями распространены в той или иной степени на всей территории лезгин. Различия же между домами в отдельных районах заключаются в своеобразии конструктивных и декоративных приемов, зависящих в основном от характера местных материалов и от некоторых местных особенностей быта населения.

Комплекс хозяйственных построек у лезгин состоит из хлева для скота, крытого двора для хранения сельскохозяйственных орудий, дров и проч. и сарая для сена. При одноэтажном типе дома хозяйственные постройки, кроме сарая для сена, находятся под одной крышей с жилым домом. При наличии в доме двух этажей, первый этаж состоит из нескольких помещений для скота и крытого двора. Сарай для сена прежде строился рядом с домом или неподалеку от него. В настоящее время, при коллективном способе производства, хозяйственные постройки колхозников сведены к минимуму. Крытый двор все более отходит в прошлое, а нередко не строят и специального сарая для сена.

Приусадебный участок у лезгин состоит из сада, огорода и внутреннего двора. Прежде в горных скученных селениях приусадебных участков не было вовсе, и огороды располагались на окраинах села. В настоящее время новые дома и в горных селениях в большинстве случаев имеют приусадебные участки. В плоскостных районах как прежде, так и теперь сад и огород располагаются вокруг дома. Огораживают усадьбу забором из камня, самана, также из плетенки.

Основным строительным материалом в нижних предгорьях и в плоскостных районах (Касумкентском, Магарамкентском, Худатском, Кусарском) служит саман, причем строительный камень почти совершенно не употребляется. Дерево применяется в конструкциях перекрытий, а также выполняет декоративные функции. В горных селениях Докузпаринского и Кусарского районов основным строительным материалом также служит саман, но применяется и камень. А в горных селениях Ахтынского и Курахского районов основным строительным материалом служит как горный, так и речной камень.

Постройка дома у лезгин была большим, радостным праздником, который сопровождался рядом процедур и был связан с рядом обычаев и поверий.

Внутренняя обстановка старых жилых домов была весьма примитивна. Существенным элементом в композиции интерьера старых домов составлял камин, стены прорезывались нишами для постельных принадлежностей, в стенах выше дверей устраивали полки для посуды и т. п.

За годы советской власти в обстановке и убранстве жилого помещения лезгин произошли большие изменения: в комнатах лезгин теперь можно увидеть кровати, столы, стулья, швейные машины, музыкальные инструменты и т. д. Современное внутреннее убранство лезгинского жилого дома развивается, сохраняя и совершенствуя лучшие национальные традиции и воспринимая наиболее подходящие для местных условий элементы горского убранства.

3. Одежда

Как и изучение других явлений материальной культуры лезгин, изучение одежды представляет большой интерес с этнографической и с широко исторической точки зрения. В одежде народа отражаются самые разнообразные факторы: природные условия, формы хозяйства, культурные связи, требования морали и идеологии и т. д.

Вплоть до XIX в., в связи с натуральным хозяйством лезгин, основным материалом для одежды служили продукты животноводства: овчина, кожа и шерсть. Из овчин лезгины изготавливали шубы и папахи, из шерсти — войлочные туфли, до-

мотканые сукна и вязанные носки, из кожи крупного рогатого скота и коз шили обувь.

Роль привозных тканей в XVIII и XIX вв. не везде была одинаковой. Процесс вытеснения тканей местного производства в предгорной полосе завершился раньше, чем в горной; здесь вплоть до XX в. самодельные ткани играли весьма значительную роль. В проникновении фабричных тканей в среду лезгин большую роль сыграли города Баку, Дербент, Нуха и Куба.

Приток одежных тканей значительно расширился со второй половины XIX в. Помимо бархата, парчи, тяжелых цветных шелков, в это время у лезгин появляются также дешевые бумажные ткани, которые в какой-то степени были доступны и среднему слою лезгинского населения. В лезгинском народе сохранилось много воспоминаний о том, как кюринские и кубинские ханы и беки (как и их жены) носили одежду, отличную от одежды крестьян.

Поскольку у лезгин существовали тесные связи с Ширваном и Кубой, в одежде лезгин должны были иметься общие элементы с азербайджанской и персидской одеждой. В дальнейшем, с более глубоким проникновением в Дагестан русской культуры, в одежду лезгин стали вливаться некоторые элементы русской одежды.

Швейные машины, фабричные ножницы и пр. стали проникать в среду лезгин особенно со второй половины XIX в.

Мужская одежда лезгин состояла из нижней рубахи, штанов, бешмета, черкески, шубы и папахи.

Самой легкой нательной одеждой мужчин была туникообразная рубаха (перем) и штаны (кьелеч вахчаг). Мужские верхние штаны (шалвар) почти ничем не отличались по крою от нижних, но только делались из плотных тканей темных тонов.

С начала XX в. у лезгин стали появляться брюки «галифе», которые в условиях горной местности (особенно для всадников), оказались очень практичными. Поверх рубахи (перем) одевали бешмет (валчагь); в ряде лезгинских селений его называли азербайджанским термином «архаллук». На бешмет надевали черкеску (чухва). Черкеску или бешмет перетягивали мужским поясом, который состоял из узкого ремешка с накладными чеканными, медными или серебряными, пластинками и подвесками. Кинжал подвешивали к поясу.

Описанный комплекс мужской одежды лезгин аналогичен мужскому костюму не только агулов, рутулов, табасаран и других народов Дагестана, но и всего Кавказа. Различие было только в материале, из которого шили одежду, а также в отделке.

Зимой поверх бешмета или черкески одевали овчинные шубы. Мужские шубы у лезгин были двух типов: «кавал» и «Курт». «Кавал» — длинная, почти до земли, шуба, надеваемая только в накидку, без застежек, с болтающимися длинными фальшивыми рукавами. Такая шуба является локальной горской одеждой; она имеет распространение только среди горского населения. Кроме Дагестана, она распространена в Азербайджане, но только в основном среди лезгинского населения, у азербайджанцев встречается редко, только по соседству с азербайджанскими лезгинами. — «Курт» — более легкая шуба, которую одевают в дорогу и на работу.

Верхней одеждой, защищавшей от холода, дождя и ветра, у лезгин служила также распространенная почти у всех кавказских народов бурка (япончи) и войлочная накидка (лит).

Национальным головным убором лезгин как и у всех кавказских народов является овчинная шапка — папаха. Лезгины носили также башлыки, в основном как дорожный головной убор.

Национальной мужской обувью лезгин были шерстяные простые и узорчатые поски (кульутар), вязаная узорчатая обувь (шатарар), кожаные поршни (шаламар), башмаки (башмакьар) и легкие сапоги (мягьсерар).

Лезгинский женский национальный костюм отличается большим разнообразием. Если мужской национальный костюм был единым для всех лезгин и азербайджанских, и дагестанских, а также имел много общего с мужским костюмом других народов Кавказа, то костюм лезгинок имел много локальных особенностей, связанных с местными условиями, и испытывал влияние других народов, живущих по соседству, в частности азербайджанцев.

Женская одежда лезгин состоит из рубахи, штанов, платья, верхней одежды, головного убора, платка и обуви. На тело лезгинки одевают хлопчатобумажную или шелковую рубашку (перем). Под рубашку одевают длинные узкие штаны (вахчаг). Более чем полвека назад лезгинские женщины кубинского и кюринского ханств носили штаны азербайджанского покроя (тайбалаг). С виду такие штаны имели форму широкой юбки в складку. Эту одежду лезгинки заимствовали у соседней азербайджанцев, а азербайджанцы, в свою очередь, подражали персам.

Старинной верхней одеждой женщин, которую они одевали на рубашку, был длинный «валчагъ». Азербайджанские лезгинки носили «валчагъ» в виде архалука, немного длиннее талии. С таким коротким «валчагъом» они носили длинную широкую в складку юбку — «вахчаг» (называется тем же термином, что и женские штаны).

Описанный комплекс женского костюма дагестанских и азербайджанских лезгин является наиболее древним.

Примерно с XVIII века лезгинки стали носить, как носят и по сей день, поверх рубашки (длинные в талию, с длинными широкими рукавами на манжетах) платье — «булушка». Поверх платья зимой носили женскую шубу — «курт».

Женской обувью были узорчатые шерстяные носки (кульь-тар), вязаная узорчатая обувь (шатарлар), кожаные поршни (шаламар), чувяки (чивекар), кожаные цветные сапожки (тикдабанар).

На голове лезгинские женщины носили «шуткью», имевшую вид узкого, открытого сверху и снизу мешка. Этот женский головной убор встречается в различных покроях почти у всех народов Дагестана. Поверх шуткью лезгинки носили и продолжают носить в настоящее время большие платки.

Женским украшением служили золотые, серебряные, металлические пояса, кольца, серьги, браслеты, разные цепочки, подвески, бусы и пр.

Жених во время свадьбы одевал рубашку, брюки, бешмет и черкеску. Черкеску перетягивали узким поясом с серебряными или золотыми подвесками. На ноги одевали легкие сапоги, на голову папаху из овчины или каракуля.

Одежда невесты у дагестанских лезгин состояла из рубашки, штанов, длинного валчагъа и золотого или серебряного пояса. На ноги одевали цветные кожаные сапожки, а на голову нарядный шелковый «шуткью» и платок. Окутывали также большим шелковым красным платком — «дуюгьюром». Азербайджанские лезгинки как и сами азербайджанки на невесту одевали рубашку, штаны, короткий валчагъ, длинную широкую юбку, золотой или серебряный пояс и различные украшения, на ноги одевали кожаные сапоги, а на голову нарядный шелковый платок и окутывали «дуюгьюром».

При погребении лезгинки окутывают мертвеца в «кафан» (саван). Во время траура женщина одевается во все черное, а мужчина не бреется сорок дней.

После Октябрьской социалистической революции благодаря изменению способа производства большие изменения произошли и в национальной одежде лезгин. Исчезла необходимость в самодельных тканях, их полностью вытеснили фабричные. Сильным изменениям подвергся как мужской, так и женский костюм, особенно мужской. Совершенно исчезли бешметы, черкески, овчинные шубы, курт, и др. Молодежь в настоящее время носит почти полностью городскую одежду. Анализ национальной одежды лезгин приводит к выводу, что лезгинский мужской костюм в основном сходен с мужским костюмом других народов Кавказа, имеет однако и ряд своих национальных особенностей. Костюм лезгинки также имеет

некоторое сходство с женским костюмом народов Дагестана, а костюм азербайджанской лезгинки имеет много общего с костюмом азербайджанки.

* * *

Изучение материальной культуры лезгинского народа позволяет сделать следующие выводы:

1) Материальная культура лезгин создавалась и развивалась народом в течение всей его истории не изолированно, а в тесной связи с культурой других народов Кавказа, в особенности, с культурой народов Дагестана и Азербайджана.

2) Общие черты в поселениях, жилищах, одежде, пище и других видах материальной культуры у лезгин носит отпечаток культурных традиций соседних народов Кавказа и отражают наличие еще в далеком прошлом культурных и исторических связей с этими народами, в первую очередь с народами Дагестана и Азербайджана.

3) Общие черты в материальной культуре лезгин и других народов Кавказа указывают на этнические связи между ними. Поэтому можно предполагать, что некоторые общие черты материальной культуры у этих народов обусловлены их общим происхождением. Для полного выяснения этногенеза лезгинского народа требуется более глубокое изучение его материальной культуры в плане более широкого сопоставления и сравнения с материальной культурой других народов Кавказа. Для разрешения этой проблемы необходимо совместная работа историков, этнографов, языковедов как Дагестана, так и Азербайджана.

4) Наряду с общими чертами материальная культура лезгин носит ярко выраженные черты самобытности, которые развивались на почве обогащения местных национальных традиций.

Несмотря на территориальное разделение лезгинского народа (на дагестанских и азербайджанских лезгин) и не смотря на резкое многолетнее влияние на них со стороны азербайджанцев, материальная культура азербайджанских лезгин сохранила свои специфические особенности, которые указывают на единство и неразделимость лезгинского народа.

5) Созданная в течение всей истории лезгин их материальная культура получила все возможности для своего дальнейшего развития только благодаря Великой Октябрьской социалистической революции. Социалистические преобразования, начавшиеся в области хозяйства лезгин, постепенно захватили все стороны их материальной культуры.

В условиях советского строя и социалистического труда материальная культура лезгин обогащается элементами культуры других братских народов и в особенности русского народа.

ЛИТЕРАТУРА

МАГОМЕД-ЭФЕНДИ ОСМАНОВ

(К вопросу об оценке его литературного наследия)

Магомед-Эфенди Османов (1840—1904 гг.) занимает видное место в истории кумыкской литературы конца XIX в. В его произведениях нашли дальнейшее развитие многие традиции кумыкской поэзии, сложившиеся в творчестве родоначальника кумыкской поэзии Ирчи Казака. В творчестве Османова это проявилось в реалистическом отражении общественной жизни кумыков, в близости к фольклору, в развитии сатиры, в приемах мастерства.

Османов известен не только как поэт, но и как собиратель и издатель кумыкского и ногайского фольклора. В 1883 г. Османов издал в Петербурге первую книгу на кумыкском и ногайском языках «Сборник ногайских и кумыкских народных песен»¹.

Литературное наследство Османова дошло до нас в единственном сборнике, составленном после смерти поэта его другом поэтом М. Алибековым. Эта книга «Сборник стихотворений Магомеда-Эфенди Османова увидела свет уже в советское время, в 1926 году»².

Первые попытки осмысления творчества Османова были сделаны в конце 20-х годов вслед за выходом в свет сборника его произведений. В 1927 г. в газете «Красный Дагестан» появились две рецензии на этот сборник — К. Алиева «Кумыкские стихи»³ и Четки «Еще раз о стихах Османова»⁴.

¹ М.-Э. Османов, Сборник ногайских и кумыкских народных песен, СПб, 1883 г.

² «Магъаммат-Апенди Османовну шиърулар мажмуасы», жыйгъан Манай Алибеков, тизген Абулгамид Батырмурзаев. Буйнакск, 1926.

³ «Красный Дагестан», 1927, № 262.

⁴ Там же, № 285.

Авторы рецензий видели в творчестве Османова только воспевание господствующих классов, из среды которых он происходил. Такой односторонний подход обусловил отрицательную оценку наследия Османова в целом и явился в известной степени проявлением пролеткультовских тенденций.

Однако в эти годы делались попытки и положительной оценки творчества поэта. Так в 1926 г. появилась статья профессора Чобанзаде «Заметки о языке и словесности кумыков», в которой имеется раздел, посвященный Османову. Чобанзаде считает Османова одним из «первых поэтов и культурных работников кумыкского народа, живо реагировавшим на всякую отрицательную сторону кумыкской жизни и... быта»¹.

Роль Османова, как поэта и первого собирателя кумыкского фольклора была отмечена в 1931 г. Литературной энциклопедией², а в 1937 г. Большой Советской Энциклопедией³.

Положительно оценивал деятельность Османова и Эффенди Капиев. Он написал биографическую справку об Османове для первой «Дагестанской антологии» (1934) и включил туда отрывки из его произведений в переводе на русский язык⁴.

Однако эти положительные высказывания не повлекли за собой исследования творчества поэта. И лишь в послевоенные годы вопрос об отношении к литературному наследию Османова вновь привлек внимание критики. В 1950 г. в «Хрестоматии по литературе для 7 класса кумыкской школы», составленной К. Султановым, Османов характеризуется как видный кумыкский поэт и собиратель кумыкского фольклора. Однако в 1951 г. на страницах газеты «Дагестанская правда»⁵ была изложена концепция, дававшая отрицательную оценку творчеству Османова.

Вскоре стало очевидно, что литературному наследию Османова была дана односторонняя неверная оценка. На это было указано на II съезде писателей Дагестана в 1954 г.

В 1957 г. в постановлении «Об итогах обсуждения научно-исследовательскими учреждениями вопроса о характере движения горцев Дагестана под руководством Шамиля»⁶. Обком КПСС обратил внимание научной общественности Дагестана и на необходимость ясной и четкой оценки литературного наследия Османова.

1 «Известия Восточного факультета Азербайджанского Государственного университета», т. I, Баку. 1926, стр. 120.

2 Н. А н и с и м о в. Кумыкская литература. «Литературная энциклопедия», т. V, стр. 432.

3 Большая Советская Энциклопедия. Т. 35, 1937, стр. 482.

4 «Дагестанская антология». Составил и комментировал Эффенди Капиев. ГИХЛ, М., 1934, стр. 107—110.

5 «Дагестанская правда» от 29 августа, 1951 г.

6 «Вопросы истории», 1957, № 1, стр. 195—196.

В июне 1957 г. Институт ИЯЛ Дагфилнала Академии наук СССР провел дискуссию о творчестве Османова. Выступавшие говорили о положительной роли Османова в истории кумыкской литературы и в то же время отмечали недостатки его произведений. Данная статья является сокращенным изложением нашего доклада, сделанного на дискуссии.

Творчество Османова должно рассматриваться в тесной связи с исторической эпохой, в которую он жил и работал.

Как известно, во второй половине XIX в. в Дагестане происходит ломка феодальных устоев и начинают развиваться капиталистические отношения, особенно на кумыкской плоскости, заметно оживляется хозяйственная жизнь, расширяются экономические и культурные связи народов Дагестана с русским народом.

Вместе с тем в Дагестане в этот период усиливается жестокий произвол господствующих классов, местных властей и русских чиновников, процветает взяточничество и стяжательство. Феодально-патриархальные устои в быту, религиозный дурман и суеверия, темнота и невежество продолжают оплетать общество своими путами.

Османов являлся представителем нарождавшейся новой буржуазной интеллигенции. Будучи по происхождению представителем господствующих классов, Османов сумел в ряде произведений подняться до критики отдельных пороков своего общества. И в этом несомненно значительную роль сыграло пребывание его в Петербурге в 60—70-е годы.

Османов родился в 1840 г. в селении Аксай Хасавюртовского округа. Отец его был кадием в царской конвойной роте из мусульман. Дядя его служил офицером русской армии.

Получив в родном ауле духовное образование, Османов в 25-летнем возрасте едет в Петербург и занимает место своего отца в конвойной роте. В эти годы он много работает над собой, совершенствуется в знании русского, арабского, турецкого и других тюркских языков.

В эти годы происходит сближение Османова с известным ученым, профессором Петербургского университета Казембеком, по рекомендации которого он был в 1867 г. принят в университет в качестве преподавателя татарского языка, блестяще выдержав экзамен по татарскому, азербайджанскому и кумыкскому языкам. Через несколько лет, в 1871 г., ему было предложено вести новый курс на Восточном отделении — мусульманское законоведение.

Курс, читанный Османовым, был значительным событием не только в личной жизни Османова, но и событием в истории Петербургского университета.

Для выяснения этого вопроса интересным является представление декана факультета заслуженного профессора Березина о необходимости введения курса мусульманского законовещения и назначении лектором по этому курсу Османова.

В этом документе говорится следующее:

«Политическое и социальное устройство мусульманских народов очень тесно связано с религией, из постановлений которой вытекает все мусульманское законодательство, поэтому невозможно основательное знакомство с Востоком без знания религии мусульманской, точно так же, как невозможно оно без знания мусульманского законодательства, столь тесно связанного с религией.

С самого открытия факультета Восточных языков важность и необходимость преподавания мусульманского законовещения была вполне признана всеми членами факультета и только за неимением сведущего преподавателя предмет этот не входил в круг факультетского преподавания. Единственный глубокий знаток мусульманского законовещения профессор А. К. Казем-бек занимал уже кафедру персидского языка.

В последнее время внимание факультета по предложению декана было обращено на лектора г. Османова, как на способного преподавателя для объяснения мусульманского законовещения. Хорошо владея русским языком и с любовью знакомясь с русским образованием, г. Османов охотно принял предложение факультета преподавать мусульманское законовещение»¹.

Восточный факультет по предложению профессора Березина выступил с ходатайством перед советом Университета о введении курса мусульманского законовещения и назначении лектором по этому курсу Османова. Совет университета в свою очередь ходатайствовал перед попечителем Петербургского учебного округа. В 1872 г. по решению министра народного просвещения вводится курс мусульманского законовещения «в круг обязательных факультетских предметов для студентов арабско-персидско-турецко-татарского разряда»².

Османов преподавал этот курс с 1872 г. по 1881 г. вплоть до ухода в отставку. Профессор Березин, высоко оценивший деятельность Османова, писал: «Постоянно следя за препода-

¹ «Материалы для истории факультета Восточных языков», т. II, СПб, 1906, стр. 96—97—98.

² Там же, стр. 98—100.

ванием г. Османова и присутствуя на окончательном испытании студентов, я мог вполне убедиться, как в примерном и отлично дельном преподавании, так и в успехах слушателей, хорошо ознакомившихся с некоторыми отделами мусульманского законовещения, а также с общим духом его»¹. Весьма лестно отзывался об Османове и доцент арабской словесности Гиргас².

Несколько позже фамилию Османова встречаем мы в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета». В статье ученого-ориенталиста Н. Веселовского, посвященной Османову, дается высокая оценка его преподавательской деятельности в университете: «По глубокому и основательному знанию своего предмета Османов был выдающимся лектором и оставил по себе в факультете самую добрую память»³.

Совершенно очевидно, что Османов занят был в университете не проповедью религии ислама, а читал впервые в истории Петербургского университета важный и нужный курс, знакомящий студентов, которым предстояла служба на Востоке, с мусульманскими судебными-правовыми нормами. Именно с этой точки зрения оценивали этот факт русские ученые.

В Петербурге Османов жил и работал до 1881 г. с кратковременными выездами домой. Общение с русскими учеными оказало большое влияние на него и во многом предопределило характер дальнейшей деятельности Османова.

Работа по исследованию истории, быта, культуры и языков народов Кавказа, проводившаяся русскими учеными в этот период, захватила и Османова. Он занялся сбором фольклорных произведений кумыкского народа и родственного ему по языку ногайского народа. В 1883 г. по решению Восточного факультета Петербургского университета Османовым был издан «Сборник кумыкских и ногайских песен». Этот сборник является первой кумыкской и ногайской книгой, изданной в Петербурге. Факт издания этого сборника самим кумыком в Петербурге является примечательным событием в культурной жизни народов Дагестана.

В 1881 г. Османов по болезни ушел в отставку и вернулся на жительство на родину, временами выезжая в Петербург. В 1904 г. Османов скончался.

Литературная деятельность Османова делится на два периода. Каждый из них характеризуется своими особенностями.

¹ Там же, стр. 97.

² Там же, стр. 98.

³ «Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета», СПб, т. II, 1898, стр. 80.

Первый период начался в Петербурге. От этого времени известны лишь несколько его произведений, написанных в форме писем, среди которых выделяются письма Джаммалутдину и родным, одно философско-дидактическое произведение «Не всякий называющий себя мужчиной есть мужчина» и лирическое стихотворение «Гюлькыз»¹.

В этих произведениях ценно стремление поэта затронуть отдельные стороны действительности. Так, в «Письме» к юному Джаммалутдину Османов поднимает вопросы о пользе обучения. Османов первый в кумыкской литературе заговорил о важности образования для человека. Просветительские позиции Османова ясно выступают в этом произведении. Автор советует своему адресату больше писать, чтобы рука привыкла не бояться показывать написанное учителю, поучает его не тратить зря время как делают плохие дети, резвясь и бегая целыми днями. Назидания и советы автора согреты любовью к мальчику, которому он пишет. Все в этом произведении рассчитано на юного читателя: задушевность и лиричность повествования, простота и доходчивость языка, вся система образов. По своему характеру это произведение является одним из первых стихотворений для детей в кумыкской литературе.

Задушевностью отличается и «Письмо к родным», в котором автор рассказывает о себе, с теплотой рисует портреты матери, отца и сестер. Лирическая окрашенность произведения придает ему большую эмоциональность.

В стихотворении «Не всякий называющий себя мужчиной есть мужчина» он продолжает философско-дидактическую линию творчества Ирчи Казака. Идея благородства пронизывает это произведение. Как и Ирчи Казак, Османов подходит к решению этой проблемы с позиции морально-этических норм поведения человека. Он считает, что не всякий может называться мужчиной. Мужчины — те люди, которые верны своему слову и долгу и никогда не откажутся от сказанного, если даже смерть им будет угрожать. О таких людях поэт с восхищением говорит. В то же время поэт сурово осуждает лживых лицемеров, которые под приятной улыбкой скрывают черное сердце. Моралистическая тенденция этого произведения направлена на воспитание человека в духе честности и благородства.

Несколько в ином плане написано стихотворение «Гюлькыз», в котором поэт с горячим сочувствием рисует бесправное положение кумыкской женщины. Судьба ее сравнивается в стихотворении с цветущей розой, которая сначала радуется своей красотой и свежестью, а затем вянет и осыпается. Так

¹ Г ю л ь к ы з — женское имя.

и кумыкская женщина увядает и гибнет, безропотно подчиняясь своей судьбе.

Эти произведения свидетельствуют о том, что Османов стремился продолжить традиции Ирчи Казака как в отношении жанров (у него тоже имеются лирические письма в стиха, философско-дидактические стихи), так и в намечающемся интересе к общественным вопросам.

Возвратившись на родину в начале 80-х годов, Османов много и плодотворно работает. Большинство произведений Османова относится именно к этому периоду. Среди них выделяются произведения, в которых дана критика отдельных сторон общественной жизни кумыков, причем эта критика сочетается с сатирическим изобличением.

В произведениях «Шамхал», «Жалоба Розия-ханум» поэт осуждает нравы феодальной знати, их дикий произвол и бесчинства. Особенно сильное впечатление оставляет рассказ о бесчинствах и глумлениях над людьми одного из крупнейших кумыкских владетелей («Шамхал»).

«Жил когда-то кумыкский шамхал:
Жадной, бешеной силой своею
Он кичился, в разврате коснея.
И дрожал перед ним Дагестан:
Ни один из князей иль дворян
Не решался перечить хоть словом
Приказаньям владыки суровым.
Нежных розовых девушек в дом
Он заманивал лестью, потом
Только все уходили: — За дело! —
Приказавши раздеться одной
(Из намеченных прежде, хмельной),
Долго, долго рассматривал тело,
Как товар выбирает купец.
Оценивши его наконец,
Говорил: — Бог велик! Пригодится
На три ночи вот эта девица...

Ой, кого только не оскорблял
Лютый зверь, старикашка шамхал!
Сколько воплей там к небу несло!
Сколько наземь там слез пролилось!»¹.

(Перевод Д. Бродского)

¹ «Дагестанская антология», составл. Э. Капиевым, ГИХЛ, М., 1934, стр. 107—108.

В связи с тем, что произведения Османова, за исключением трех отрывков, помещенных в Антологии 1934 г., не переведены на русский язык в дальнейшем в статье приводятся национальные тексты и подстрочные переводы к ним.

Эта реалистическая зарисовка воспринимается как типическая картина бесчинства и произвола власть имущих.

В ряде произведений, написанных в форме писем, Османов резко критикует представителей местных властей. Особенно достается в этих произведениях старшинам, которых поэт рисует сатирически, показывая их взяточничество, нечестность, стремление к наживе. Выделяется среди этих посланий «Письмо к Мутаву», написанное от имени ушедшего с поста старшины Бекмурзаева к ранее смещенному старшине Мутаву. В неприукрашенном повествовании раскрывается вся подноготная жизнь старшин, грабивших народ. Ни долга, ни совести, ни чести для них не существует.

Изобличая этих «блюстителей» гражданских интересов общества, проводивших жизнь в кутежах и увеселениях, бессовестно грабивших народ, поэт показывает как на старости лет они пытаются «покрыть» свои грехи поездкой в Мекку.

Резкая критика взяточничества судей дана поэтом в стихотворении «О горских судах». Стихотворение написано от имени судьи, который в начале своей карьеры дал слово быть честным, ни для кого не делая исключения. Но окружающая среда, постоянные увещевания друзей и кадия, считающих «неудобным» не брать приношения, сделали его взяточником. Поэт выступает здесь против пагубного влияния на человека этой морали.

В стихотворении «Пристав и аксайцы» поэт с горечью говорит о равнодушном отношении царских сатрапов к местному населению.

Интерес к общественным вопросам пронизывает и произведения поэта, объединенные в цикл «Вред напитков».

Центральное место в творчестве Османова занимают произведения, направленные против хаджи. В этих произведениях Османов развенчивает веру в непорочность и чистоту паломников в Мекку, которые после возвращения домой из «святых» мест считались почетными и уважаемыми людьми, истинными мусульманами, чуждыми грехов.

Значительными произведениями являются стихотворения «Письмо к Герею от Исмаила», «О хаджи — ростовщиках», «Назидание муллы и ответ народа» и др., в которых в остро-ироническом плане Османов раскрывает истинное лицо этих святош, облаченных в белую чалму и мантию, с неизменными четками в руках. С большим мастерством показывает поэт, что под внешним благообразием этих людей кроется бездушие, лживость и хищничество. Он разоблачает их отвратительный облик, рассказывает о том, как они ложью и обманом разбогатевают, на старости лет «покрывают» свои грехи поездкой в Мекку. Поэт прямо и открыто говорит, что никто из этих

людей не заслужил почета и уважения святостью и непорочностью своей жизни.

В изображении Османова почти все эти «хаджи» являются торгашами, бездушными стяжателями и хищными ростовщиками. Все они находятся во власти губительной силы денег. Османовым хорошо показаны в этих произведениях картины разложения нравов, жестокости ростовщиков, получающих большие прибыли. Поэт с возмущением говорит, что им чужды стыд и совесть «что превыше всего для них деньги».

Правдивым изображением действительности поэт срывает лицемерную маску с этих святош. Поэт говорит, что они настолько пресытаны ложью и обманом, что даже Атлантический океан не смоеет эту грязь. А паломничество, пожертвования, чалма и четки не скроют их грехов. Язвительно звучат строки, рисующие этих паломников:

«Гъабас закат¹ берелер,
Жувулур деп кирлери,

Напрасно дают закат,
Думают, что смоеут грязь

Закат якъламас хари²
Супу болуп герюне
Бош сёйлей ялгъан айта,
Гъеч инанма бирине
Женнетге гъазирленлер
Сунет намаз кёи кылып
Намарт женнетге гирмес
Башын тешсе йыгъылып³.

Закат не спасет их.
Показывают себя верующими,
Лживые, пустые слова говорят.
Никогда не верь ни одному,
Готовясь в рай попасть,
Они совершают даже не обязательные обряды.
Нечестивый не попадает в рай
Если даже голову пробьет (от молитв).

(подстрочный перевод).

Так издевается поэт над хаджи.

В то же время поэт обрушивается и на мулл. В стихотворении «Назидание муллы и ответ народа» Османов высмеивает муллу, который поучает народ жить честным трудом, не собирать грешным путем богатства, а сам на каждом шагу грешит, обирая сирот, не брезгуя ничем, вплоть до белья покойного.

Никто до Османова в кумыкской литературе не касался этих проблем, не обнажал так открыто порочность мулл и хаджи. Османова можно считать зачинателем антимульского направления в кумыкской литературе.

¹ Пожертвования бедным

² «Магъаммат Апенди Османовну шиърулар мажмуасы», 1926, стр. 69. Рукописный фонд ИИЯЛ, д. № 2049.

³ Там же, стр. 71.

Однако, останавливаясь на отдельных злоупотреблениях и пороках своего общества, рисуя бесчинства и произвол власть имущих, лживость служителей религии и суда, поэт не смог подняться до больших социальных обобщений в силу ограниченности своего мировоззрения.

В целом ряде произведений Османова отразились его классовые симпатии. Характерными в этом отношении являются стихотворения «Об узденях и биях», «Восхваление щедрого богача», «Письмо к сыну удмия Хасая Мехтихану», «Письмо о Тавсолтане». В этих произведениях поэт призывает дорожить званием бия, воспеваает тех, кто соблюдает «благородные» традиции своего класса.

Основной формой произведений Османова являлась эпистолярная форма, которая была развита и в творчестве Ирчи Казака. Но во многих произведениях Османова личность автора не выступает на первый план, как у Ирчи Казака, где автор и лирический герой всегда тождественны.

В произведениях Османова при том же приеме — рассказе от первого лица — различные герои. То это сам поэт, то хаджи, то бий, то старшины, то мулла, то певица Розия-Ханум и другие, от имени которых написаны многие стихотворные письма Османова. Действительность отображается в зависимости от их отношении к тем или иным явлениям, сквозь призму их восприятия автор высмеивает различные пороки жизни.

Устами этих персонажей, непринужденно рассказывающих в дружеских письмах о себе, о своей жизни, о своих взглядах и планах, автор заостряет внимание на отдельных отрицательных явлениях. Например, в «Письме к Мутаву» поэт от имени автора письма говорит:

Сени гъаким чагъынгда
Начакъы зат ашадынг

Алападан бещ къабат
Халкъны талап яшадынг.
Ол заман иш башгъа эди
Гъали бир озге кюйда
Начакъы таласанг да
Гъейде екъ эди гъюйде¹.

Когда ты был хакимом,
Чего только ты не делал (не ел)

В пять раз больше получки
Обирая народ, жил.
Тогда дело было иначе,
А теперь по-другому стало.
Сколько бы не обирал,
Никто не сказал бы ни «гей»,
ни «гъюй».

Или дальше:

Барысында ташладым
Къолума зувгъан да алып,

Все бросил,
В руки взяв четки,

¹ Там же, стр. 26.

Дин тутмагъа башладым

Начав придерживаться рели-
гии.

Гел, къурдаш, сен де ташла
Ичги, ялгъан, къыбатны.

И ты, товарищ, тоже брось
Пьянство, ложь, обман.

Ахыратны ойлама
Сагъа да болгъан заман¹

Подумать о загробной жизни
И тебе настало время.

За словами письма чувствуется отношение автора, ирони-
зирующего над образом жизни этих людей. Он разоблачает
их фальш и лицемерие, показывая их истинный моральный
облик. Этот сатирический прием находит затем распространение
и в кумыкской поэзии назала XX в.

В тех же произведениях, где поэт пишет от своего имени,
он прямо высказывает свое отрицательное отношение к изо-
браженным фактам.

В целях полноты обрисовки характера Османов иногда
вводит в стихотворение портрет того или иного персонажа. В
стихотворении «О хаджи» поэт рисует такой портрет отпра-
вляющегося в путь паломника:

«Устюне аба гийип,
Башына чалма чалып
Давут гъажиге бара эди»².

Надев халат,
Голову повязав чалмой,
Давуд идет в святые места.

Как бы мал ни был этот внешний рисунок, он помогает
полнее представить образ отправляющегося в путь паломника.

В других произведениях Османова также даны небольшие
портретные зарисовки. В связи с этим следует отметить, что
искусство реалистического портрета только зарождалось в
кумыкской поэзии.

Портретные зарисовки обычно даются Османовым при опи-
сании хаджи и мулл. При этом автор останавливается на их
наряде, отличающем их от других людей. И это не случайно.
Автор все время подчеркивает несоответствие образа жизни
этих святош и их благообразной внешности.

Основной жанр — посланий — обусловил и тон задушев-
ной разговорной речи большинства произведений Османова.
Например:

Ачувланма тилейман,
Къурдашым Муртазали,
Мен де гайдым къуллукъдан
Тепбетень болдукъ гъали.

Прошу не злиться,
Друг мой, Муртазали,
Я тоже отошел от службы
Теперь сравнялись мы.

¹ Там же, стр. 27.

² Там же, стр. 43.

Не буса да тайдырдым

Аварадан башымны.
Уйде олтуруп ашарман
Пача берген ашымны¹;

Как бы то ни стало, освободил
голову

От забот и беспокойств.
Сидя дома будут есть теперь
То, что дал мне царь.

(«Письмо Мутаву»)

Форма разговорной речи обусловила отсутствие всякой вычурности, простоту и доходчивость языка поэта. Творчество Османова является новым этапом в использовании живого разговорного языка кумыков и его интонационного богатства. У Османова меньше арабизмов. Слова живого кумыкского языка умело использованы в его творчестве.

Наряду с простотой, язык произведений Османова отличается образностью, меткостью и афористичностью. Вот, например, отрывок из произведения, где он говорит о хаджирововщиках:

Гъарам елда жыйылгъан
Мал жыйма эте гъаракат,
Гъарам елда жыйнылгъан
Малда бермес берекет.
Гъарам сюекге синген
Багърумугъит чаймасдай,
Эт булан териге оьтген
Дабагъаланса тоймасдай².

Не считаясь с тем, что грешно или нет,
Они стараются собрать богатство.
Нечестным путем приобретенные
Богатства на пользу не пойдут.
Грех пропитал кости так,
Что даже Атлантический океан не смоет,
А с кожи и мяса,
Даже при кипячении не сойдет.

Здесь простота и образность языка в сочетании с пафосом обличения придают стихотворению яркость и красочность.

Следуя традициям Ирчи Казака, Османов многое черпает из поэтики устного народного творчества. У него тоже встречаются фольклорные образы. «Аюв иймик акъыра» (орет как медведь) говорится, например, о приставе. («Пристав и аксайцы»).

Часто он употребляет пословицы и поговорки. Например:
Мишик сакълыкъ этмесе, Если кошка не следит,
Чичгъанда бере зарал³. Даже мышь приносит вред.

¹ Там же, стр. 25.

² Там же, стр. 70.

³ Там же.

Все эти поэтические средства усиливают образность и своеобразие языка его произведений.

Форма посланий с интонационным разнообразием разговорной речи обусловила и особенности стихотворного размера произведений Османова. Излюбленными его размерами являются семисложный стих, который напоминает народные «сарыны». Реже встречаются у Османова девяти- и одиннадцатисложные размеры. Если у Ирчи Казака в основном была двестишная строфа (бейты), то у Османова преимущественно четверостишья.

Стих у Османова беднее, чем у Ирчи Казака. У него отсутствует сложная рифма и вообще она не отличается у него таким разнообразием и богатством, как у Ирчи Казака. Османов пользуется типичной для кумыкского фольклора перекрестной рифмой, причем обычно рифмуются в строфе только вторая и четвертая строки.

Таким образом, место Османова в истории литературы и культуры кумыкского народа определяется его деятельностью как поэта и первого собирателя и издателя кумыкского фольклора. Творчество Османова знаменует собой определенный этап в развитии кумыкской поэзии. Лучшие произведения Османова способствовали расширению тематики и развитию реализма в кумыкской литературе конца XIX века. Заслугой Османова является также демократизация кумыкского литературного языка.

Османов был гуманистом и поборником справедливости, он обличал лицемерие и ханжество, ложь и фальш дореволюционной общественной жизни кумыков. Галерея сатирических образов представителей феодальной знати, местных властей, служителей религии и суда, впервые созданных Османовым в кумыкской литературе, свидетельствуют о большой поэтической значимости его произведений.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ДАГЕСТАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА СОРОК ЛЕТ

Многоязычие — одна из характерных особенностей Дагестана. На сравнительно небольшой его территории сконцентрировано около тридцати языков. Лишь отдельные из них принадлежат к индоевропейской семье (русский, а также язык евреев — татов, обычно в языковедческой литературе называемый татским или еврейско-татским языком и относящийся к иранской группе) или к тюркской семье (кумыкский, азербайджанский, ногайский). Все остальные относятся к собственно кавказским горским языкам, которые в последнее время стали называться иберийско-кавказскими. Эти языки, как известно, резко отличаются от индоевропейских, семитических и тюркских языков специфическими особенностями как фонетической системы (богатство консонантизма, троечная и даже четверичная система смычных, наличие смычно-гортанных, латеральных, лабиализованных согласных), так и грамматического строя (многopaдежность, наличие специфического эргативного падежа субъекта при отсутствии винительного, нейтральность глагола в отношении залогов, наличие грамматических классов, эргативная конструкция предложения, очень слабое развитие гипотаксиса, богатство причастных, деепричастных и масдарных конструкций и т. п.).

Обилие языков и своеобразие их фонетической системы и грамматического строя издавна привлекали к дагестанским языкам внимание ученых как в нашей стране, так и за рубежом.

Первым печатным трудом, в котором были опубликованы некоторые материалы по ряду дагестанских языков — аварскому (в анцухском, джарском и хунзахском наречиях), андийскому, даргинскому, кубачинскому, лакскому и цезскому, нужно считать сравнительный словарь языков и наречий мира, изданный в 1787 году Российской Академией наук под редак-

цией Палласа¹. Собиравший эти материалы для указанного словаря член Российской Академии наук И. А. Гюльденштедт опубликовал их позже в описании своих путешествий по Кавказу².

Материалы по указанным языкам в этих трудах составляют лишь небольшие списки слов; многие слова записаны неверно, переведены неточно; нет текстов и грамматических очерков.

Следующим, кто после Гюльденштедта занимался дагестанскими языками, является Г. Ю. Клапрот, адъютант Российской Академии наук, совершивший по поручению последней путешествие по Кавказу. Кроме представленных в работе Гюльденштедта языков, Клапрот дал материалы еще по двум языкам: лезгинскому и кумыкскому. Материалы Клапрота, опубликованные им в качестве приложений ко второму тому описаний его путешествий³, отличаются несколько большей подробностью и разнообразием, чем у Гюльденштедта; они состоят не только из лексики, но и отдельных фраз и очень небольших текстов, а также некоторых грамматических сведений (напр. по аварскому языку). Однако и материалы Клапрота содержат те же недостатки: фонетическая искаженность записей, неточность переводов и т. п. Любопытна оценка, данная работе Клапрота П. У. Усларом: «Чтобы убедиться в совершенной бесплодности такого труда, стоит взглянуть, например, на сочинение Клапрота, который немецкими буквами записывал черкесские, чеченские, аварские и прочие слова. Вообразим русского, который бы со слуха записывал английские слова русскими буквами, и потом грузина, который записанное переписал грузинскими буквами, подделываясь под русский выговор»⁴.

Таким образом, незначительные материалы, состоящие почти из одних лишь списков слов, записанных без учета фонетических особенностей горских языков, не могли дать хоть сколько-нибудь правильного представления о сложной фонетической и грамматической системе и лексике дагестанских языков.

Интерес русской лингвистической науки к дагестанским и вообще к горским кавказским языкам значительно возрос

¹ Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Всевысочайшей Особы, Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. СПб. 1787 г.

² J.-A. Guldenstadt. Reisen durch Russland und im Kaukasischen Gebrge. St. Petersburg, 1787—1791.

³ J. Klaproth. Reise in dem Kaukasus und nach Georgien, II Berlin, 1814.

⁴ П. К. Услар. О составлении азбуки кавказских языков. Этнография Кавказа, Т. I. Статьи. Тифлис, 1887, стр. 46.

начала второй половины XIX столетия. В работу по изучению дагестанских языков включаются такие ученые, как А. П. Берже, А. А. Шифнер, П. К. Услар и другие.

В 1862 году Российская Академия наук выпустила в свет книгу академика Шифнера «Опыт изучения аварского языка»¹. В этой работе Шифнер дал более или менее подробное описание фонетического состава и грамматического строя аварского языка с приложением текстов и словаря. Хотя книга Шифнера не свободна от серьезных недостатков и ошибок, она до сих пор не утратила своего значения и представляет определенную ценность в историческом изучении аварского языка. Заслугой Шифнера нужно считать и то, что он опубликовал на немецком языке подробные отчеты о лингвистических исследованиях Услара и систематизированные изложения их по ряду языков: аварскому², лакскому³, лезгинскому⁴, сделав их доступными для широких кругов западноевропейских ученых.

Труды П. К. Услара открывают новый этап в кавказском языкознании. Именно благодаря его фундаментальным исследованиям изучение дагестанских языков оказалось поставленным на прочную основу и получило дальнейшее развитие.

Услар занимался дагестанскими языками не как некоторые исследователи, которые записывали небольшие словарные и редко фразеологические материалы сразу по ряду языков, встречавшихся им во время путешествия, или же материал для своих работ собирали через третьих лиц, в обоих случаях используя несовершенные, не соответствующие сложной фонетической системе дагестанских языков средства. Он изучал языки во время своего длительного пребывания на Кавказе, поставив перед собой задачу планомерного и основательного изучения всех горских языков независимо от числа их носителей.

Изучая тот или иной язык, Услар тщательно готовился к этому, разрабатывал для него алфавит на основе русской графики. Таким образом он создал для всех изученных им дагестанских языков специальные алфавиты, почти полностью отражающие их фонетический состав. И записи Услара, сделанные при помощи этих алфавитов, за редкими исключениями, отличаются точностью и достоверностью.

¹ A. Schiefner. Versuch über das Awarische, 1862.

² Его же. Ausführlicher Bericht über Baron Usler Awarische Studium, СПб, 1862.

³ Его же. Ausführlicher Bericht über Baron Usler's kazikumukiche Studien, 1866.

⁴ Его же. Ausführlicher Bericht über Baron Usler's kürinische Studien, 1873.

Из дагестанских языков Услар успел исследовать только пять: аварский, лакский, даргинский, который им был назван хюрклинским, лезгинский (под названием кюринский) и табасаранский¹. Монография по табасаранскому языку не была окончательно подготовлена к печати и осталась неопубликованной. Рукопись ее в настоящее время находится в Институте языкознания АН СССР.

В своих монографиях по дагестанским языкам Услар дает краткую характеристику звукового состава, подробное описание грамматического строя, богато иллюстрированное фразеологическими примерами, затем тексты из фольклора с подстрочным и литературным переводом, и, наконец, национально-русский словарь с обратным указателем к нему.

Труды Услара, человека огромного таланта и трудолюбия, отличаются тщательностью и точностью записей, тонкими наблюдениями над морфологией языка, богатством и достоверностью фактического материала и доброкачественностью переводов. Работы Услара по дагестанским языкам не свободны от некоторых серьезных недостатков и ошибочных взглядов (например, неправильное понимание и толкование залогового значения глаголов, грамматической функции эргативного падежа и т. п.) и от погрешностей в записях и переводах, но по богатству и достоверности материалов и по высокому качеству их обработки и характеристики во много раз превосходят все работы его предшественников и современников.

Поэтому вполне понятно, что они популяризировались и комментировались как при жизни автора, так и после его смерти его биографами и комментаторами, а представленный в них богатый фактический материал использовался и доньше используется в различных целях (для сравнения, подкреплений отдельных выводов и т. п.) теми, кто занимается исследованием дагестанских языков как в нашей стране, так и за рубежом. Однако до сих пор мы, к сожалению, не имеем подробного критического анализа монографий Услара по отдельным языкам со стороны представителей этих языков. Такой анализ вскрыл бы и конкретно показал бы ошибки и погрешности в записях и переводах фактического материала и тем самым помог бы избежать их исследователям, которые

¹ П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание, III. Аварский язык, Тифлис, 1889; его же. Лакский язык. Тифлис, 1890; Его же. Хюрклинский язык. Тифлис, 1892; Его же. Кюринский язык, Тифлис, 1896.

в своей работе опираются на этот материал, не будучи носителями данного языка¹.

Когда речь идет об истории изучения дагестанских языков обычно вслед за Усларом упоминается имя Эркерта, автора книги «Языки кавказского корня»². В ней Эркерт дал материалы и краткие грамматические очерки по ряду дагестанских языков. Но эти материалы, полные грубых ошибок, настолько недостоверны и недоброкачественны, что нельзя считать работу Эркерта движением вперед в изучении дагестанских языков после Услара и надежной основой для построения научных выводов.

Плодотворно работал над дагестанскими языками А. Дирр. Занимаясь в течение ряда лет преподавательской работой в Тбилиси и в Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск), он изучил ряд дагестанских языков и опубликовал более или менее подробные грамматические очерки их с приложением небольших комментированных текстов и словарей: «Грамматический очерк табасаранского языка» (1905), «Грамматический очерк андийского языка» (1906), «Агульский язык» (1907), «Арчинский язык» (1908), «Рутульский язык» (1912), «Цахурский язык» (1913). Кроме того, Дирр опубликовал «Материалы для изучения языков и наречий андо-дидойской группы» (1909). Все работы его изданы в Тифлисе. По качеству они во многом уступают работам Услара, страдая серьезными недостатками, но стоят несравненно выше работ других его предшественников и до сих пор не утратили своего значения, занимая определенное место в истории изучения дагестанских языков.

Незначительные работы по отдельным дагестанским горским языкам оставили также М. Завадский, Л. Загурский, А. Старчевский и другие.

Следует особо отметить опубликованную в 1917 году работу «Непочатый источник кавказского мира» («Известия Академии наук», № 5) крупнейшего ученого нашей страны академика Н. Я. Марра, проявлявшего особенный интерес к дагестанским языкам еще в дооктябрьский период.

¹ Более подробно общую характеристику деятельности и трудов П. К. Услара читатель найдет в статьях: 1) А. С. Чикобава, П. Услар и вопросы научного изучения горских иберийско-кавказских языков (к 80-летию) в сборнике «Иберийско-кавказское языкознание», т. VII, Тбилиси, 1955; 2) Ю. Д. Дешериев. Значение научного наследия П. К. Услара для советского языкознания, «Вопросы языкознания» АН СССР, 1956, № 3; У. А. Мейланова. П. К. Услар — выдающийся ученый кавказовед, «Ученые записки» ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. I, Махачкала, 1956.

² R. Erkert, Die Sprachen des Kaukasischen Stammes, Wien, 1895.

Из языков других систем, о которых упоминалось в самом начале, в этот период академиком В. Ф. Миллером¹ был хорошо изучен татский язык, и почти неисследованными оставались кумыкский и погайский языки.

Такова была в самых общих чертах картина изучения дагестанских языков ко времени установления Советской власти в Дагестане².

Глубокое и всестороннее изучение дагестанских языков началось после Великой Октябрьской социалистической революции, предоставившей дагестанским народам, как и всем другим малым народам царской России, возможность обучать своих детей и развивать свою культуру на родных языках. С первых же дней установления Советской власти в Дагестане был осуществлен ряд мероприятий, направленных на превращение этой возможности в действительность: издание первых книжек и газет для отдельных народов с использованием существовавшей у них письменности на арабском алфавите и т. п.

Еще Услар, изучая дагестанские языки, прилагал немало усилий к созданию для народов Дагестана письменности и светской школы и распространению таким образом грамотности среди населения на родных языках. С этой целью Услар или его информаторы под его руководством составили первые буквари на созданном им алфавите на русской графической основе («Аварская азбука», Тифлис, 1865; «Кюринская азбука» Темир-Хан-Шура, 1871 г. — составлена Казанфаром).

Однако эти попытки Услара и его сторонников из местных жителей натолкнулись на сопротивление духовенства и его последователей и на полное равнодушие со стороны царского правительства. Забота последнего о распространении грамотности на родных языках среди дагестанцев ограничилась изданием, уже после смерти Услара в 1911 году, букварей на лезгинском и даргинском³ языках и невыполненным обещанием издать таковые еще на лакском и других языках.

¹ В. Ф. Миллер. Очерк фонетики еврейско-татского наречия. Москва, 1900; Очерк морфологии еврейско-татского наречия. Москва, 1901; Татские этюды. Ч. I, Москва, 1905; ч. II, Москва 1907.

² Мы не будем упоминать работы зарубежных ученых как до октябрьского, так и советского периода, которые работали над дагестанскими языками или привлекали для различных целей материалы этих языков, используя главным образом труды Услара, Шифнера и других.

³ Кюринская азбука и первая книга для чтения. Тифлис, 1911; Даргинская азбука. Тифлис, 1911; насколько нам известно, первая была составлена покойным народным учителем, жителем с. Касумкент Абу-Джафаром Мамедовым, а вторая группой даргинских учителей.

Таким образом ко времени установления Советской власти в Дагестане письменность на родном языке оказалась только у некоторых народов Дагестана, причем она была создана на основе арабского алфавита и очень слабо развита: она не использовалась ни в школе, ни в делопроизводстве, языком которых оставался (за исключением русского языка в единичных русских школах для дагестанцев) на севере арабский, а на юге тюркский и арабский (а с 1913—14 гг. и русский) языки.

Одним из первых мероприятий Советской власти в области просвещения и культуры была реформа алфавитов на основе арабской системы письма, проведенная в 1920 году с целью приспособления их к фонетическим особенностям родных языков. Затем на этом реформированном алфавите были изданы буквари и первые книжки для начального обучения, а также начали издаваться газеты на аварском, даргинском, кумыкском и лакском языках. В том же году были организованы в Дербенте и Буйнакске краткосрочные курсы по подготовке учителей из представителей дагестанских народов. Однако, как ни странно, преподавание на курсах велось на тюркском языке, изучались тюркский язык и литература. Да и школа полностью не была переведена на родные языки, а в южном Дагестане у лезгин, табасаранцев и других она почти до конца двадцатых годов продолжала работать на азербайджанском языке.

Вопрос о языке школы, культурных мероприятий и делопроизводства в первые годы Советской власти в Дагестане стоял чрезвычайно остро, вокруг него разгорелась ожесточенная борьба. Одни из националистических элементов пытались в качестве такого языка навязать дагестанским народам тюркский язык, а другие добивались признания кумыкского языка государственным. Те и другие выступали против русского и родных языков. Лишь в 1925 году Областной комитет Коммунистической партии и правительство Дагестана вынесли решение в пользу родных языков.

Однако претворение этого решения в жизнь оказалось очень трудной задачей и задержалось еще на несколько лет вследствие непригодности арабской системы письма. Необходимо было создать совершенно новую систему письма, которая бы полностью отражала сложный фонетический состав дагестанских языков, отвечая в то же время требованиям современной техники письма и полиграфической промышленности.

Лишь в 1928 году для аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев, лезгин и татов, а в 1932 г. и для табасаранцев были созданы алфавиты на основе латинского.

Вслед за принятием латинизированных алфавитов был осуществлен постепенный перевод школы и прессы на родные

языки, были созданы буквари, переведены арифметические задачки, а несколько позже были составлены и небольшие учебники родных языков с грамматикой для начальной школы. Следует отметить что составителями этих первых букварей и учебников по языку были опытные педагоги из представителей дагестанских народов: А.-К. Алкадарский (лезгинский яз.), С. М. Омаров (даргинский яз.), А. Исаев (лакский яз.), М. Темирханов (кумыкский яз.), Г. Шахназаров (аварский яз.), а по табасаранскому языку они были составлены позже Т. Ш. Шалбузовым.

Однако это были лишь первые шаги. Необходимо было разрешить ряд вопросов, связанных с новым алфавитом, с нормализацией формирующихся младописьменных литературных языков, их орфографии и терминологии. Для этого в 1931 и 1933 годах в центре республики были проведены широкие конференции с участием учителей, местных научно-педагогических кадров и языковедов Москвы и соседних республик и областей.

Латинизированные алфавиты были приняты взамен существовавшего аджамского письма. Но и эти алфавиты имели свои серьезные недостатки: параллельное изучение двух алфавитов — латинизированного и русского тормозило овладение грамотой как на родном, так и на русском языке, а необходимость специальных, дополнительных средств машинописи и печати (машинки, шрифты и пр.) задерживали широкое развертывание издательской работы, ослабляя тем самым темпы развития родных языков и литературы на них. Поэтому в 1938 году письменность дагестанских языков была переведена на основу русского алфавита. Это мероприятие имело громадное политическое и культурное значение для народов Дагестана.

Развернулась большая работа по приведению орфографии в соответствие с особенностями новых алфавитов, по разработке вопросов грамматики, составлению учебных пособий по языку и т. п. В конце тридцатых и в начале сороковых годов были составлены и выпущены в свет своды орфографических правил, орфографические словари, программы и учебники грамматики для старших классов семилетней школы (в двух частях: I — фонетика и морфология, II — синтаксис) почти по всем письменным языкам: аварскому (Ш. И. Микаилов, М. С. Саидов), даргинскому (С. Н. Абдуллаев), лакскому (Г. М. Гаджиев, Г. Б. Муркелинский), лезгинскому (М. Гаджиев), кумыкскому (А.-Г. Н. Батырмурзаев, М. К. Гафуров). По табасаранскому языку эти учебники появились позже — первая часть в 1947 (автор Т. Ш. Шалбузов), а вторая в 1954 (Г. А. Гаджиев, Б. Г. Ханмагомедов).

Работа по усовершенствованию письменности, улучшению качества учебной литературы на основе результатов научного исследования языков и диалектов, расширяясь и углубляясь, продолжается и ныне.

В 1952 году (декабрь) была проведена специальная научная сессия Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, посвященная вопросам развития и нормализации молодых литературных языков Дагестана и письменности на них. В работе сессии, кроме научных, педагогических и литературных работников республиканских учреждений, принимали участие приглашенные из районов преподаватели родных языков и представители научно-исследовательских учреждений соседних республик. Сессия показала, что формирование и развитие молодых литературных языков поставлено на правильно избранных диалектных основах; они обогащаются за счет всех других диалектов, а также под влиянием богатейшего русского языка, совершенствуя свою грамматику и орфографию, которая становится все более единообразной и устойчивой.

Благодаря огромной работе по созданию и развитию литературных языков, проведенной Советской властью в чрезвычайно трудных и сложных условиях многоязычия, за эти годы достигнуты значительные успехи во всех областях просвещения и культуры, связанных с использованием литературного языка. Создана и успешно работает на родных языках начальная школа, а в старших классах семилетней и средней школы они преподаются как один из основных предметов: все литературные языки стали предметом изучения в педагогических училищах и институтах, где созданы специальные отделения для подготовки преподавателей родных языков; на родных языках издаются четыре областных и десятки районных газет, литературные альманахи и журнал «Горянка»; переведено много произведений классиков марксизма-ленинизма, а также русской классической и советской художественной литературы; создана и успешно развивается оригинальная художественная литература в ее различных жанрах.

Таким образом, изучение дагестанских языков в послеоктябрьский период вначале было тесно связано с мероприятиями практического языкознания. Эта связь в ряде случаев сохранилась и в настоящее время, выражаясь в приложении результатов научного изучения конкретных языков и диалектов к разработке вопросов практического пользования ими. Однако дагестанское языкознание (под дагестанским языкознанием мы подразумеваем деятельность не только одних дагестанских, но и всех советских языковедов, занимающихся дагестанскими языками) никогда не было полностью подчинено утилитарным целям. Оно было направлено на научное

изучение и описание конкретных языковых фактов с последующим их анализом для теоретических обобщений и выводов. Даже те отдельные работы, которые, на первый взгляд, кажутся далекими от задач теоретического языкознания, тесно связаны с последним: они служат для накопления фактического материала, без которого немислимы никакие научные обобщения и выводы.

Начало научного изучения дагестанских языков в советский период нужно отнести к 1920—23 гг., когда были организованы специальные экспедиции на Северный Кавказ и в Дагестан.

Дагестанскими языками в эти годы занимались московские ученые Н. Ф. Яковлев (паряду с другими языками Северного Кавказа), Л. И. Жирков и др. Позже начали над ними работать и другие ученые Москвы, Ленинграда и Тбилиси: Р. О. Шор, С. Л. Быховская, А. Н. Генко, В. Т. Топурия, А. С. Чикобава, Р. М. Шаумян, А. А. Бокарев, Е. А. Бокарев и др. Кумыкским языком занимался Н. К. Дмитриев, а погайским — Н. А. Баскаков.

В 1933 г. была организована еще одна лингвистическая экспедиция в Дагестан под руководством академика Н. Я. Марра.

Одним из замечательных достижений Советской власти за этот период нужно считать организацию научного исследования дагестанских языков представителями самих дагестанских народов. К ним относятся А. Н. Батырмурзаев, Г. Б. Муркелинский, Ш. И. Микайлов, М. С. Саидов, А. Н. Абдуллаев, М. Гаджиев, получившие научную подготовку в советский период и начавшие работать над родными языками с начала и особенно со второй половины тридцатых годов. Позже, с конца сороковых и начала пятидесятых годов, эта группа местных языковедов пополняется молодыми кандидатами наук, успешно работающими над различными дагестанскими языками, среди них У. А. Мейлапова, З. М. Магометбекова, С. М. Гасанова, Г. И. Мадиева, С. И. Хайдаков, Р. И. Гайдаров, Б. Б. Талибов, З. Г. Абдуллаев и др.

С начала сороковых годов занимается исследованием отдельных дагестанских языков и ряд грузинских ученых: Ш. Г. Гаприндашвили, Т. Е. Гудава, И. И. Церцвадзе, А. А. Магометов, Д. С. Имнайшвили, Е. Ф. Джейранишвили.

Изучением входящих в дагестанскую группу языков и диалектов, находящихся за пределами Дагестана, занимались также Ю. Д. Дешериев (Москва; хиналугский), А. Р. Махмудов (Баку; закатальский диалект аварского языка),

В. Н. Панчвидзе (Тбилиси: удинский), Ш. М. Саидов (Баку; крызский).

Разностороннее и глубокое изучение дагестанских языков с участием такого большого числа специалистов оказалось возможным только благодаря всемерной поддержке и помощи со стороны Советской власти, создавшей все необходимые условия для развития науки. И результатом этой помощи являются возникновение и развитие дагестанского советского языкознания и достигнутые им за сорок лет большие успехи.

Рассмотрим более или менее значительные работы, выполненные за этот период по отдельным разделам языкознания.

Фонетика

Фонетика дагестанских языков в большинстве случаев представлена в качестве одного из разделов грамматического очерка того или иного языка. Так, например, рассмотрением фонетического состава аварского языка начинается «Грамматика аварского языка», проф. Л. И. Жиркова (М. 1924). Так же построены и другие его работы: «Грамматика даргинского языка» (М. 1926); «Грамматика лезгинского языка» (Махачкала, 1941); «Табасаранский язык» (М. 1949); «Лакский язык. Фонетика и морфология» (М. 1955)¹. В этих работах автором дана более или менее подробная характеристика фонетического состава соответствующих языков, классификация их звуков и сравнительные таблицы алфавитов — использованного самим автором алфавита, аналитического алфавита и алфавита Услара; отмечены основные комбинаторные изменения звуков. Данные автором описания фонетических систем и классификация звуков принципиально отличаются от работ его предшественников (Услар, Шифнер, Дирр и др.) большей полнотой, точностью и последовательностью.

Описание фонетического состава агульского языка, одного из бесписьменных языков лезгинской группы, дано в работе Р. М. Шаумяна «Грамматический очерк агульского языка». Автор дает довольно подробный перечень звуков агульского языка, сравнивая отдельные из них с русскими, грузинскими и армянскими, критикует данную А. Дирром характеристику лабиализованным звукам; в работе даны сравнительный список букв двух алфавитов — использованного автором аналитического и лезгинского практического на основе русской графики, таблица согласных звуков и незначительные сведения о звукосоответствиях между диалектами, причем послед-

¹ Фонетические системы этих и ряда других дагестанских языков, как сообщает Н. Ф. Яковлев, были разработаны им с участием Л. И. Жиркова и других, однако все эти разработки, к сожалению, остались в рукописях; см. статью Н. Ф. Яковлева в сборнике «Языки Северного Кавказа и Дагестана», 2, М.-Л., 1949, стр. 296—315.

них, по мнению автора, не два, как предполагали Эркерт и Дирр, а четыре.

Разделы фонетики имеются также в «Очерке грамматики чамалинского языка» А. А. Бокарева (М.-Л. 1949) и в «Грамматике даргинского языка» С. Н. Абдуллаева (Махачкала, 1954). Последняя интересна тем, что отдельные звуки и грамматические формы в ней рассматриваются в сравнительном плане по диалектам.

Ряд работ с разделами фонетики, выполненных местными языковедами, пока остается в рукописи (Г. Б. Муркелинский «Грамматика лакского языка»; М. С. Саидов «Грамматика аварского языка»; Е. А. Бокарев «Цезские (дидойские) языки»; Г. И. Мадиева «Очерк грамматики бежтинского языка» и др.).

Значительная работа проведена по изучению фонетического состава диалектов и говоров различных языков. Почти во всех диалектологических работах, из которых пока опубликовано, к сожалению, лишь несколько¹, в специальных разделах рассматривается фонетическая система диалекта или говора в сравнении с фонетической системой соответствующего литературного языка или его ведущего диалекта.

Из специальных работ, посвященных фонетике или отдельным ее вопросам, мы можем указать следующие: И. В. Мегрелидзе «Звуковой состав цезского (дидойского) языка» («Язык и мышление», т. VI—VII); Р. О. Шор «К вопросу о консонантизме яфетических языков С. Кавказа» («Культура и письменность Востока», т. V, 1937) и «К вопросу о так называемых «геминатах» (усиленных смычных, в яфетических языках Дагестана» («Языки Северного Кавказа и Дагестана», I, 1935). Все три работы представлены в «Аннотированной библиографии фонетической литературы» под редакцией проф. Г. С. Ахвледиани (Тбилиси, 1940). Здесь следует указать, что некоторые языковеды выражают свое несогласие с утверждениями Р. О. Шор о «геминатах» в отдельных языках (даргинском, лезгинском).

Особого внимания заслуживают работы Т. Е. Гудава «Фонетический обзор тиндийского языка» («Иберийско-кавказское языковедение», т. V, Тбилиси, 1953); З. М. Магометбековой «Фонетика ахвахского языка» (Там же, т. VII, 1955); Т. Е. Гудава, Д. С. Имнайшвили, Э. А. Ломтадзе, З. М. Магометбе-

¹ А. А. Бокарев. — Наречие аула Тукита» в сборн. «Памяти ак. Н. Я. Марра», 1938; Ш. И. Микаилов «Основные фонетико-морфолог. особенности чохского говора аварского яз»; Г. Б. Муркелинский «Краткие сведения о вихлинском диалекте лакского яз.» в сборн. «Языки Дагестана», вып. I, 1948; И. И. Церцвадзе «Анцухский диалект авар. яз.» в сборн. «Иберийско-кавказское языковедение», т. II, 1948 и др.

ковой и И. И. Церцвадзе «О звуковых соответствиях в языке аварско-андийско-дидойской группы» (Тезисы. III (IX) научн. сессия Ин-та языкознания, Тбилиси, 1952; Ш. Г. Гаприндашвили «Фонетические особенности цудахарского диалекта даргинского языка»¹ и «Фонетика даргинского языка» и Ш. И. Микаилова «Сравнительно-историческая фонетика аварских диалектов».

В первой из указанных работ Гаприндашвили даны подробная характеристика звукового состава цудахарского диалекта в сравнении с акушинским и урахинским, классификация согласных с приложением нескольких таблиц, все виды комбинаторных изменений согласных; засвидетельствовано наличие геминат, отсутствующих в других диалектах. Автор выражает свое несогласие с определением и характеристикой, данными геминатам Р. О. Шор, считает неудачным название «усиленные смычные», так как в диалекте геминаты существуют как среди смычных, так и среди спирантов, предпочитает характеристику геминат «как долгих согласных..., чем подчеркивание интенсивности их образования». Вторая работа автора, более значительная по объему, широте охвата материала и глубине его разработки, к сожалению, еще не опубликована².

Также не опубликована еще, но намечена к изданию в текущем году упомянутая выше работа Ш. И. Микаилова. Она имеет большое значение как первый опыт сравнительно-исторического изучения фонетического состава одного из младописьменных языков Дагестана. Для этой работы автор использовал огромный фактический материал, добытый как самим автором в результате изучения южно-аварских диалектов, так и другими языковедами, изучавшими фонетику аварского языка и его диалектов. Привлечены также данные из ряда других горских языков. В результате подробного сравнительного анализа такого материала автор дал характеристику отдельных звуков и звуковых групп аварского языка в их движении и развитии, делая при этом попытку осмыслить этот процесс в историческом аспекте.

В советский период хорошо изучены также фонетические системы двух языков тюркской семьи: кумыкского³ и ногайского⁴.

¹ «Языки Дагестана», вып. I. Махачкала, 1948; см. также тезисы диссертации на груз. яз. с резюме на русском в «Известиях ИЯИМК», Т. XII, Тбилиси, 1942.

² Защищена автором в качестве докторской диссертации в 1956 году.

³ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.-Л. 1940; также диалектологические работы И. А. Керимова и др. (рукоп.).

⁴ Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. Москва, 1941.

Таким образом, дагестанское советское языковедение в области фонетики достигло значительных результатов. В основном они сводятся к следующему.

1. Выполнено более или менее полное и глубокое изучение фонетического состава всех письменных и большинства бесписьменных языков и диалектов с четкой и последовательной классификацией их звуков.

2. Засвидетельствованы четыре типа согласных (звонкий, глухой непридыхательный, глухой придыхательный, смычно-гортанный).

3. Внесена ясность в вопрос о так называемых геминатах в разных языках; установлено, что геминированные (долгие) согласные в одних языках существуют как среди смычных, так и среди спирантов, в других — только среди аффрикат и спирантов, а в третьих, например, в лезгинском¹, несмотря на утверждения некоторых языковедов (Л. И. Жирков), они вовсе отсутствуют.

4. Установлены закономерные звуковые соответствия между изученными диалектами и литературными языками, а также комбинаторные изменения во всех изученных языках и диалектах.

5. Сделана первая попытка сравнительно-исторического анализа фонетического состава одного из литературных языков — аварского — с привлечением большого материала как из его диалектов, так и из ряда других языков.

6. Впервые установлены в работе² Л. И. Жиркова законы ударения в лезгинском языке, которое является фиксированным и падает не «на разные слоги», как предполагал Услар, а на второй слог, за исключением ряда аффиксов. Разработаны также законы ударения в аварском и значительно продвинут вопрос об ударении в даргинском языке³.

7. Наконец, накоплен и подвергнут первоначальному анализу огромный фактический материал, позволяющий установить закономерные звуковые соответствия в более широком масштабе и начать опыты сравнительно-исторического исследования в области фонетики с охватом преобладающего большинства дагестанских языков.

¹ См. Р. И. Гайдаров «Ахтынский диалект», М. Гаджиев «Кубинский диалект» (рукописи).

² Л. И. Жирков. Законы лезгинского ударения. «Язык и мышление». Т. II, М.-Л. 1940.

³ С. Н. Абдуллаев. Ударение в даргинском языке, «Языки Дагестана», вып. II, Махачкала, 1954.

Морфология

Изучение морфологии дагестанских языков в советский период также значительно продвинулось вперед. Разработана и описана морфология всех литературных языков: аварского, даргинского, кумыкского, лакского, лезгинского и табасаранского. Она представлена специальными разделами в упомянутых выше грамматиках соответствующих языков Л. И. Жиркова (по даргинскому языку также в более полной грамматике С. Н. Абдуллаева) и Н. К. Дмитриева (кумыкский язык; также в работе А. Н. Батырмурзаева «Грамматика кумыкского языка», «Махачкала, 1933 — на кумыкском яз.». Имеются еще неопубликованные работы по морфологии аварского (М. С. Саидов) и лакского (Г. Б. Муркелинский) языков.

Изучена также морфология ряда бесписьменных языков: агульского (Р. М. Шаумян), чамалинского (А. А. Бокарев), цезских (дидойских) языков (Е. А. Бокарев), бежтинского языка (Г. И. Мадиева) и др. Пока опубликованы только первые две работы. Значительный интерес представляют специальные разделы морфологии в большом количестве диалектологических работ, из которых пока опубликованы лишь отдельные.

Кроме монографических исследований по тому или иному языку в целом, выполнено много работ, посвященных углубленному изучению отдельных вопросов морфологии. К ним относятся статьи и тезисы докладов А. С. Чикобава, В. Т. Топуриа, Ш. Г. Гаприндашвили, Т. Е. Гудава, З. М. Магометбековой, И. И. Церезвадзе, А. А. Магометова, Д. С. Имнайшвили, Э. А. Ломтадзе, Е. Ф. Джейранишвили, Л. И. Жиркова, Г. Б. Муркелинского, Ш. И. Микаилова, М. С. Саидова, У. А. Мейлановой, И. А. Керимова, М. Гаджиева и др., посвященные образованию частей речи, склонению имен, спряжению и прочим категориям глагола, словообразованию, грамматическим классам и т. д. Они опубликованы в различных изданиях¹. Заслуживают внимания пока еще неопубликованные, к сожалению, кандидатские диссертации на различные темы: образование и функции падежей в лезгинском (У. А. Мейланова) и даргинском языках (З. Г. Абдуллаев), в трех языках лезгинской группы (Б. П. Ханмагомедов); значение времени глагола в лакском (С. И. Хайдаков), система глагола в цахурском языке (Б. Б. Талибов), спряжение глагола в диалектах даргинского языка (С. М. Гасанова).

¹ Сборники «Язык и мышление», Ленинград; «Языки Северного Кавказа и Дагестана», Москва; «Известия ИЯИМК», «Иберийско-Кавказское языкознание» (особенно в VIII томе), «Тезисы докладов на научных сессиях Ин-та языкознания», Тбилиси; «Языки Дагестана», «Ученые записки Даг. базы АН», «Ученые записки Ин-та ИЯЛ», Махачкала и др.

Подытоживая результаты изучения морфологии, можно сказать следующее:

1. В упомянутых описательных грамматиках, в отличие от дореволюционных работ, достигнуто строго систематическое и последовательное изложение обширного материала с наибольшим углублением в него и достаточно четкой и правильной характеристикой частей речи в их движении и переходах.

2. Особо следует отметить установление сериальной системы образования местных падежей (Л. И. Жирков) и изыскания в области истории образования эргатива в отдельных языках (А. С. Чикобава).

3. Засвидетельствованы следы грамматических классов в лезгинском языке (Л. И. Жирков и М. Гаджиев), что служит дополнительным доказательством его генетического родства с другими дагестанскими языками.

4. Опровергнуто выдвинутое Усларом положение о страдательном характере глагола дагестанских языков и установлена его нейтральность в залоговом отношении.

5. Развивается и подтверждается на материалах дагестанских языков выдвинутое А. С. Чикобава положение о двухэлементности (согласный + детерминативный суффикс) древнейшего состава корня (И. И. Церцвадзе и др.).

6. Достигнуто более глубокое проникновение в природу грамматических категорий отдельных частей речи в различных языках.

Синтаксис

Дореволюционные исследователи почти не затрагивали вопросов синтаксиса дагестанских языков. Изучая морфологию, они лишь вскользь касались некоторых синтаксических функций при морфологической характеристике отдельных частей речи. Исключение составляла эргативная конструкция, которой уделялось особое внимание, так как она не укладывалась в синтаксические нормы, известные по индоевропейским языкам. И она была понята и интерпретирована совершенно неправильно.

Почти в таком же плане написаны перечисленные выше грамматики дагестанских языков. В них отдельные синтаксические категории упоминаются лишь в связи с рассмотрением морфологических. Однако надо отметить, что элементы синтаксиса, хотя и в растворенном в морфологии виде в них представлены сравнительно яснее, чем в предшествующих, дореволюционных работах. А в одной из них, в «Грамматике лезгинского языка», нашла более или менее правильное отражение одна из актуальных проблем синтаксиса — проблема эргативной конструкции. Подвергнув критике точку зрения

Услара и его западноевропейских последователей, автор показал, что лезгинская эргативная конструкция никакого страдательного значения не имеет. В грамматике лакского языка (Л. И. Жирков) всего несколько страниц отведено особому разделу «Основные правила синтаксиса»; в нем рассматривается всего два вопроса: порядок слов и согласование членов предложения.

Значительно больше внимания уделено синтаксису в «Грамматике кумыкского языка» — одного из языков тюркской семьи. Вслед за фонетикой и морфологией в ней особо рассматривается ряд вопросов синтаксиса: порядок слов в предложении, согласование подлежащего со сказуемым, безличные обороты, различные типы придаточных предложений и т. д.

Специальных работ, посвященных синтаксису дагестанских языков, всего несколько. В числе их первым и значительным исследованием в области синтаксиса дагестанских языков является «Синтаксис аварского языка» А. А. Бокарева, опубликованный в 1949 году. В ней рассматриваются способы выражений ряда членов простого предложения различными категориями речи, а также специфические причастные и прочие конструкции, безоговорочно приравниваемые автором к придаточным предложениям. Весьма ценная работа, богато иллюстрированная фактическим материалом, к сожалению, страдает неполнотой исследования.

Значительный интерес представляет также большая статья М. С. Саидова «Развернутые члены предложения в аварском языке» (сборник «Языки Дагестана», 1954 г. вып. II). В ней автор дает подробное описание причастных, деепричастных и масдарных конструкций, называемых автором развернутыми членами, которые, по мнению автора, «по своей форме суть именно предложения *зависимые, придаточные, подчиненные*, связанные с главным особой специальной формой сказуемости».

Сравнительно полнее изучен синтаксис лезгинского языка. В 1954 году выпущена в свет первая часть работы М. Гаджиева, посвященная синтаксису простого предложения¹. В ней поставлен вопрос о простом и сложном предложении в лезгинском языке, рассматриваются функциональные и структурные типы простого предложения и средства их оформления, состав предложения, включая однородные члены и грамматически не связанные с членами предложения слова и группы слов. Вторая часть работы, посвященная синтаксису сложного предложения, намечена к опубликованию в 1958 г.

¹ М. М. Гаджиев. Синтаксис лезгинского языка. Ч. I. Простое предложение. Махачкала, 1954.

В ней подробно рассматриваются все виды сложно-сочиненного и сложно-подчиненного предложений, средства и способы соединения частей сложного предложения, типы придаточных предложений, а также специфические причастные, деепричастные и прочие конструкции, которые с оговорками считаются автором придаточными предложениями особого типа.

Краткий обзор специальных исследований в области синтаксиса дагестанских языков показывает, что мы имеем некоторое отставание в изучении одного из основных разделов грамматики.

Диалектология

Диалектологию так же, как и синтаксис, нужно считать новой областью в дагестанском языкознании, начало которой положено в советский период. Известно, что дореволюционные исследователи дагестанских языков изучали тот или иной язык с помощью информатора из местных жителей. Такой информатор обычно являлся представителем одного из наречий изучаемого языка, а иногда в результате долгого проживания на территории чужого диалекта, речь этого информатора оказывалась пересыпанной формами последнего. Что же касается количества и особенностей остальных диалектов изучаемого языка, то о них сообщались очень скудные, неполные данные.

Почти все данные о делении того или иного языка на диалекты основывались не на их изучении, а на показаниях информаторов, знавших о существовании каких-то диалектов лишь понаслышке. И почти все эти показания впоследствии были опровергнуты или значительно исправлены работами советских лингвистов.

Таким образом, до революции диалектологического изучения дагестанских языков по существу не было. Оно началось в советский период, в двадцатых годах. С этого времени и до начала сороковых годов изучением отдельных диалектов или говоров занимались А. Н. Генко («Материалы по лезгинской диалектологии. Кубинское наречие»), Л. И. Жирков («Язык аула Кубачи»), А. А. Бокарев («Наречие аула Тукита», а также наречие чамалинского языка в упомянутом выше очерке грамматики этого языка), Г. Б. Муркелишский («Вихлинский диалект») и другие.

Особенно плодотворно работал в этот период А. С. Чикобава, занимавшийся изучением южных диалектов аварского языка («Диалектические вариации инфинитива в аварском языке», «Особенности гидатлинского говора аварского языка», «Особенности карахского говора аварского языка» и другие.

Много материалов, как и последние две работы, к сожалению, не опубликовано). Позже в изучение диалектов даргинского и аварско-андийско-дидойской группы языков включились Ш. Г. Гаприндашвили (даргинский язык, о результатах см. выше), И. И. Церцвадзе («Анцухский диалект аварского языка»), Т. Е. Гудава и другие.

Однако в диалектологической работе этого периода не было еще необходимой систематичности и плановости. Иногда целью ставилось не диалектологическое изучение объекта, а изучение его как самостоятельного языка, лишь впоследствии оказывавшегося одним из диалектов или говоров уже известного языка.

Плановое и систематическое изучение диалектов началось в сороковых годах нашего столетия и приняло более интенсивный характер с начала пятидесятых годов. Оно в основном проводилось научными работниками ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. За это время ими выполнена следующая работа по фронтальному изучению диалектов главным образом литературных языков.

Аварский язык. Исследованы диалекты южного наречия: анцухский (пять говоров), карахский (пять говоров), андалальский (десять говоров), гидский (три говора), батлухский (три говора) и пять самостоятельных говоров: кахибский, келебский, унтибский, шуланинский, бацадинский. В результате исследователь этих диалектов Ш. И. Микаилов составил большой сборник «Очерки южноаварской диалектологии», принятый к изданию Институтом языкознания АН СССР, и, кроме того, подготовил к печати отдельные очерки по некоторым говорам, не вошедшие в указанный сборник. Северные диалекты — хунзахский с тремя его говорами и салатавский исследованы М. С. Саидовым. Таким образом, диалектологическое изучение аварского языка можно считать законченным. В результате этого удалось разработать упомянутую выше сравнительную фонетику по диалектам и приступить к такой же работе в области морфологии.

Даргинский язык. Кроме упомянутых выше работ Ш. Г. Гаприндашвили по фонетике цудахарского диалекта и вообще даргинского языка по диалектам, в течение 1954—1956 гг. С. М. Гасановой исследованы: Муиринский диалект и его говоры и говоры Дахадаевского района. Учитывая большую диалектную раздробленность даргинского языка, можно сказать, что еще предстоит много работы, чтобы завершить его диалектологическое изучение.

Кумыкский язык. В диалектном отношении почти полностью изучен. И. А. Керимовым исследованы кайтагский, буйнакский и хасавюртовский диалекты, а казанищенский говор изучен Р. Г. Шахмановой.

Лакский язык также можно считать диалектологически в основном изученным. Его диалекты: аштикулинский, балхарский, вихлинский, вицхинский и кумухский исследованы Г. Б. Муркелинским. Пока опубликовано только одно исследование вихлинского диалекта.

Лезгинский язык. Пока изучены: гюнейский, яркинский диалекты и говоры Докузпаринского района (У. А. Мейланова), ахтынский диалект по данным аула Ахты (Р. И. Гайдаров), кубинский диалект (по данным центральных говоров) и особенности аныхского говора (М. Гаджиев). Продолжается исследование говоров ахтынского и курахского районов (У. А. Мейланова). Остается еще не изученным ряд говоров азербайджанских лезгин.

Диалектологическое изучение дагестанских языков как письменных, так и бесписьменных еще далеко не завершено и, как и другие разделы языкознания, имеет ряд недостатков. Подытоживая проделанную работу, можно сказать следующее.

1. Установлены междудиалектные звуковые соответствия в отдельных языках, что дает возможность шире поставить работу по выявлению звукосоответствий между языками.

2. Выявлено много новых диалектных вариантов фонетического и морфологического оформления слов, а также средств и способов их изменения и образования.

3. Накоплен огромный диалектологический материал, который можно пустить в научный оборот для того, чтобы проанализировать и проследить развитие фонетики и грамматики отдельных языков в сравнительно-историческом плане по диалектам (как указывалось выше, первая попытка в этом направлении уже сделана в области фонетики одного языка) и сделать в дальнейшем необходимые обобщения и выводы о взаимосвязях диалектов и языков как родственных, так и не родственных и о генетическом родстве дагестанских горских, а затем и всей семьи иберийско-кавказских языков.

Лексикография

В дореволюционное время лексикография была представлена только в монографических исследованиях по отдельным дагестанским языкам. К ним были приложены небольшие национально-русские словари с обратными указателями. Лексикография долго оставалась незатронутой областью языкознания и в советское время. Только в конце тридцатых годов были выпущены в свет небольшие (около 5000 слов) школьные русско-национальные словари: русско-аварский (Ш. И. Микаилов), русско-лезгинский (М. Гаджиев), русско-табасаранский (под ред. Г. А. Гаджиева).

В эти же годы и в начале сороковых годов изданы орфографические словари аварского (Ш. И. Микаилов), даргинского (С. Н. Абдуллаев), кумыкского (А. Н. Батырмурзаев), лакского (Г. Б. Муркелинский) и лезгинского (М. Гаджиев) языков. Было начато и составление больших, академического типа русско-национальных словарей. Однако вследствие гибели подготовленных материалов в годы Великой Отечественной войны только в 1950—1955 гг. удалось издать следующие словари: русско-аварский (М. С. Саидов и Ш. И. Микаилов), русско-даргинский (С. Н. Абдуллаев и др.), русско-лакский (Г. Б. Муркелинский) и русско-лезгинский (М. Гаджиев). Русско-кумыкский словарь (А. Н. Батырмурзаев и другие) еще находится в печати. Разумеется, было бы более правильным, с точки зрения изучения родных языков, собрание всего их лексического богатства и составление национально-русских словарей раньше, чем составление русско-национальных. Однако такая нормальная очередность была нарушена по соображениям практического порядка. В настоящее время некоторые работники сектора языка ИИЯЛ заняты составлением аварско-русского и лезгинско-русского словарей.

* * *

В заключении необходимо еще раз сказать, что советские языковеды, занимавшиеся и продолжающие заниматься изучением дагестанских языков, за сорок лет проделали огромную работу и добились значительных успехов. Однако дагестанское советское языкознание имеет и свои недостатки: слабо разработаны некоторые его разделы, например, синтаксис, лексикография; вовсе не пачата лексикология, отсутствует экспериментальная фонетика, слабо применяется метод сравнения и исторических изысканий и т. д.

Перед дагестанскими языковедами стоят большие и серьезные задачи дальнейшего, углубленного изучения дагестанских языков. К ним относятся, примерно, следующие вопросы: продолжение и завершение диалектологического изучения всех письменных языков; изучение всех бесписьменных языков и их наречий; создание необходимых условий (лаборатория и т. п.) и развертывание работ для экспериментального изучения фонетики; расширение исследований в области синтаксиса, лексикографии и лексикологии; более глубокое исследование отдельных категорий морфологии: расширение опыта применения сравнительно-исторического метода во всех областях языкознания; составление сравнительных грамматик дагестанских языков и т. д. Не должны забываться и вопросы

практического языкознания: дальнейшее усовершенствование алфавитов и орфографии дагестанских языков, возобновление и развертывание терминологической работы, разработка вопросов нормативных грамматик и составление учебных пособий по дагестанским языкам для средних и высших педагогических учебных заведений.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ЭРГАТИВА В ЯЗЫКАХ ВОСТОЧНО-ЛЕЗГИНСКОЙ ПОДГРУППЫ

В языках восточно-лезгинской подгруппы, куда входят лезгинский, агульский и табасаранский языки, эргативный падеж в системе склонения играет особую роль. Это объясняется тем, что склонение в этих языках строится по «принципу двух основ», который, как известно, заключается в том, что именительный падеж служит основой для эргативного падежа, а последний — основой для остальных (косвенных) падежей. Таким образом, в языках восточно-лезгинской подгруппы мы имеем прямую основу имени, представляющую собой форму именительного падежа, и основу косвенных падежей, в качестве которой выступает форма эргатива.

Способы образования эргативного падежа в рассматриваемых нами языках, в отличие от остальных падежей, очень многообразны. Для человека, изучающего эти языки или плохо владеющего ими, определить, как образуется эргативный падеж от того или иного слова, представляет очень большую трудность, в то время как, зная форму эргатива, он без особых затруднений может образовать остальные падежи. Трудность эта объясняется не столько обилием детерминантов (показателей) эргатива, сколько отсутствием в большинстве случаев определенных закономерностей, последовательности при образовании эргатива в этих языках.

В современном табасаранском языке имеется десять основных детерминантов эргатива: и, у (ю)¹, ди (тти, джи, ччи),

¹ Через ю мы обозначаем характерный только для табасаранского и агульского языков гортанный гласный верхнего подъема переднего ряда (ö); согласные непридыхательные обозначаются двойными буквами (тти, чч и др.), а лабиализованные — добавлением к ним в. Е всегда обозначает гласный э (дифтонги с й пишутся йе, йу, йа и т. д.).

ли, ни, ри, йи, ну, ру, лу; в лезгинском — семь: и, а, у (уь), е, ра (ре), ни (ини, уни, уьни), ди (еди, ади, чли, джи, цци, дзи, ччи, зи); в агульском — десять: и, у, а (аь), ди, йи, ла (ала, ела), ри, ра (ура, юра), на (уна), ни (ани, уни).

Помимо основных показателей эргатива, в скобках нами даны также показатели, вторичность которых легко доказывается даже данными каждого отдельно взятого из рассматриваемых нами языков, вследствие чего мы на них в дальнейшем не будем останавливаться подробно. Одни из этих показателей являются диалектными вариантами основных детерминантов эргатива и объясняются фонетическими корреспонденциями, действующими между диалектами и говорами данного языка. К таковым относятся: 1) в табасаранском языке: **ди—джи**, ср. лит. гъванди', нитрикск. гъванджи' от сущ. гъван (камень); лит. асла'нди, нитрикск. асла'нджи от сущ. аслан (лев) и т. д.; 2) в лезгинском языке: **ди—зи**, ср. лит. сттха'ди, ахтынск. сттха'зи, от сущ. сттха (брат); лит. лампа'ди, ахтынск. лампа'зи от сущ. лампа' (лампа) и т. д. Другие представляют собой видоизменения основных показателей под влиянием корневых звуков (регрессивная ассимиляция, сужение гласных в показателе эргатива под влиянием гласных переднего ряда в корне слова и т. д.), что имеет место обычно в словах, где ударение перемещается с корня слова на детерминант эргатива. К таковым относятся: 1) в табасаранском языке: **у-ю**, ср. дукI-дукIу' (просо), йикк-йикку' (мясо), **но** нюрх-нюрхю' (полба), маьхъв-маьхъвю' (дуб) и т. д.; **ди-тти, джи-ччи**, ср. лит. члар-чларди', нитрикск. члар-чларджи' (волос); **но** лит. гъунши'-гъунштти', нитрикск. гъунши'-гъуншччи' (сосед) и т. д.; 2) в лезгинском языке: **у-уь**, ср. къавкъаву' (крыша), ракъ-ракъу' (железо), **но** къуьн-къуьну' (плечо), мегъв-мегъу' (жёлудь) и т. д.; **ра-ре**, ср. къазкъазра' (гусь), йац-йацра' (вол), **но** сикI-сикIре' (лиса), клек-клекре' (петух) и т. д.; **ди-чли, джи, цци, цли, дзи, ччи**, ср. айа'л-айа'лди (ребёнок) диде'-диде'ди (мать) **но**, ччар-ччарччи' (лист), члар-чларчли' (волос), джин-джинджи' (джин) и т. д.; 3) в агульском языке: **а-аь**, ср. сул-сула' (лиса), йагъ-йагъа' (день), **но** ччаьм-ччаьма' (масло) и т. д. Что же касается показателей **ни, ди** в лезгинском языке и **ла, ра, на, ни** в агульском языке с предшествующими им тематическими гласными **а, е, и, у, уь, ю** (лезгинск. **ини, уни, уьни, еди, ади**, агульск. **ала, ела, ура, юра, уна, ани, уни**), то их мы не выделяем как отдельные показатели. Дело в том, что появление тематических гласных при образовании эргатива имеет место и в сугакском (северном) диалекте табасаранского языка: ср. лит. арх-архли', сугакск. арх-архили' (канава); лит. лик-ликри', сугакск. лик-ликири' (нога); лит. луф-луфру', сугакск.

луф-луфуру' (голубь); лит. диф-дифру', сугакск. диф-дифиру' (облако); лит. дих-дихну', сугакск. дих-дихину' (зов), лит. хьюхь-хьюхъни, сугакск. хъахъ-хъахъни' (нос) и т. д. Факты отдельных говоров сугакского диалекта (говоры селений Куми, Хюрюк, Аркит, Дюбек и др.), где эти гласные сохранились по сей день и в именительном падеже: ни'кки—молоко, йи'кьи — день, си'фи — сито, йа'кью — барап и т. д. (ср. слит. никк, йигъ, сиф, йакъ) показывают, что в табасаранском языке эти гласные исторически относились к корню, а затем под влиянием тенденции к утрате конечных гласных исчезли. Тенденция эта заключалась в том, что гласные в исходе слова, находясь в безударном положении, ослаблялись и отпадали с течением времени. Таким образом, эти гласные в табасаранском языке, относящиеся первоначально к корню, в одних говорах исчезли совсем, в других всплывают в эргативном, следовательно, и в косвенных падежах, а в третьих сохранились до сих пор и в именительном падеже.

Некоторые факты дают основание предположить, что появление гласных перед детерминантами косвенной основы в лезгинском и агульском языках также связано с переосмыслением корневых гласных, то есть, представляет собой явление, аналогичное отмеченному нами выше в табасаранском языке. В табасаранском литературном языке, как и в подавляющем большинстве его говоров, где ударение переместилось с корня на детерминант эргатива, эти гласные исчезли совсем, а в лезгинском и агульском языках, где эти гласные находятся в ударном положении, они сохранились за исключением именительного падежа. С течением времени они стали ощущаться как составные части детерминантов эргатива, чем объясняется тот факт, что они стали добавляться и к заимствованным словам. Характерно, что в лезгинском языке детерминант **ни** без предшествующего ему тематического гласного вообще не употребляется. Это объясняется, по нашему мнению, тем, что в противном случае детерминант эргатива **ни** мог бы путаться с соединительным и усилительным союзом **ни**, который может быть присоединен также к форме именительного падежа.

Приведем ряд примеров, доказывающих, по нашему мнению, сказанное нами о происхождении тематических гласных в лезгинском и агульском языках:

Сер. лезгинск. верг-верге'ди (крапива) с табасаранск. варджи'-вардж(и)ди', варджи'-варджи'ри (сугакск. диалект); лезгинск. нек-некле'ди (молоко) с табасаранск. ни'кки-никк(и)ри' (сугакск. диал.), агульск. нек-некди'; лезг: цуьк-цуькве'ди (цветок) с табасаранск. куьки'-куькти' < куькди'; лезгинск. ракъ-ракъу'ни (железо) с табасаранск. ру'кью-рукьди' (сугакск.

диалект); лезгинск. рагъ-ракъи'ни (солнце) с табасаранск. ри'къи-рикъири' (сугакск. диалект.); агульск. вадз-вадза'ла (луна) с табасаранск. ва'дза-ваздли' (дюбекск. говор) и т. д.

Нужно отметить также, что во всех трех языках появление того или иного гласного перед детерминантом эргатива обусловлено характером корневого гласного: ср. лезгинск. йеб-йеппи'ни (верёвка), сес-сеси'ни (голос); но гаф-гафу'ни (слово), гьал-гьалу'ни (нитка) и т. п., и мы не наблюдаем случаев противопоставления тематических гласных с смысловозначительными целями. Все сказанное нами по этому вопросу и заставляет нас не рассматривать варианты показателей эргатива с различными тематическими гласными как отдельные, самостоятельные детерминанты.

Для удобства при дальнейшем анализе детерминантов эргатива приведём их упрощённую (без вариантов) таблицу:

языки	детерминанты
табасаранский	и, у, йи, ни, ли, ри, ну, лу, ру, ди
агульский	и, у, а, йи, ла, ри, ра, на, ни, ди
лезгинский	и, у, а, е, ра, ни, ди

Теперь произведём классификацию этих детерминантов по принципу: детерминанты, общие для всех трех языков, и детерминанты, характерные для двух или отдельных из них:

Дет., общие для всех трех языков	и, у, ни, ди
Дет., характерные только для таб. яз.	ли, ну, лу, ру
Дет., характерные только для агульск. яз.	ла, на
Дет., характерные только для лезг. языка	е
Дет., характерные для агульск. и таб. яз.	йи, ри
Дет., характерные для агульск. и лезг. яз.	ра

Анализ основного лексического фонда языков восточно-лезгинской подгруппы показывает, что большинство слов, имеющих общее происхождение, образует эргатив, как правило, по одному и тому же способу. Однако, прежде чем перейти к этому вопросу и сделать некоторые выводы относительно принципа отнесения тех или иных слов к той или иной группе слов, необходимо остановиться на отдельных способах образования эргатива, которые при более внимательном их рассмотрении и сравнении между собой, оказывается, вовсе не являются самостоятельными типами, а представляют собой варианты одних и тех же типов, в которых детерминанты исторически подверглись различным фонетическим видоизме-

нениям, обусловленным позиционными или же другими фонетическими условиями. При таком подходе к вопросу число детерминантов эргатива значительно сократится, и слова, которые, казалось бы, образуют эргатив различными способами, окажутся в одной и той же группе.

1. В табасаранском языке часть слов, которые образуют эргатив посредством детерминанта *у*, в остальных падежах меняет его на *а*, в то время как другая часть их сохраняет этот *у* и в остальных падежах. Ср. баб-бабу'-баба'н (род. п.) — баба'з (дат. пад.)... (мать), укл-уклу'-укла'н-укла'з... (травя) и т. д. но нис-нису'-нисун'-нису'з... (сыр), кьюрд-кьюрду'-кьюрду'н-кьюрду'з... (зима) и т. д. Сравнение этих слов с лезгинскими и агульскими словами приводит нас к выводу, что слова, сохраняющие *у* во всех падежах, исконно образовывали эргатив посредством детерминанта *у*, а слова, содержащие *у* только в эргативе — посредством детерминанта *а*. У в эргативе этих слов в данном случае должен рассматриваться как видоизменение *а* под влиянием слов, образующих косвенную основу посредством *у*, т. е. по аналогии. Ср.:

табасаранск. дукI-дуклу'-дуклу'н... (просо)

лезгинск. цуькI-цуьклу'ь-цуьклу'ьн...

агульск. дукI-дуклу'-дуклу'н...

табасаранск. йикк-йикку'-йикку'н... (мясо)

лезгинск. йак-йаклу'-йаклу'н...

агульск. йакI-йаклу'-йаклу'н...

табасаранск. зав-заву'-заву'н... (небо)

лезгинск. цав-цаву'-цаву'н...

агульск. зав-заву'-заву'н... и т. д.

НО:

табасаранск. йис-йису'-йиса'н... (год)

лезгинск. йис-(йи)са'-(йи)са'н...

агульск. ис-иса'-иса'н...

табасаранск. йигъ-йигъу'-йигъа'н... (день)

лезгинск. йугъ-(йи)къа'-(йи)къа'н...

агульск. йагъ-йагъа'-йагъа'н...

табасаранск. риш-шуру'-шура'н... (девушка)

лезгинск. руш-руша'-руша'н...

агульск. руш-руша'-руша'н... и т. д.

Таким образом *у* в эргативе табасаранского языка разно-го происхождения, чем и объясняются особенности склонения существительных, образующих эргатив посредством данного детерминанта.

Следовательно, образование эргатива посредством детерминанта *а*, которое характерно в настоящее время только для

лезгинского и агульского языков, раньше было характерно и для табасаранского языка. Здесь не лишним будет отметить, что и в современном табасаранском языке одно слово образует эргатив посредством а, а именно — йукІв-(йу)кІва (сердце). Кроме того, а сохранился и в окончании I лица ед. числа глагола — за, которое, бесспорно, представляет собою форму эргативного падежа от личного местоимения I лица (форма эргативного падежа в настоящее время в табасаранском языке утрачена личными местоимениями).

2. Сравнение табасаранских слов, образующих эргатив посредством ну, лу, ру, с фактами агульского и лезгинского языков дает основание предположить, что гласный у в этих детерминантах также идет из а. У в этих словах имеется только в эргативе, в остальных же падежах в качестве детерминантов косвенной основы выступают соответственно формы с а—на, ла, ра. Ср. гаф-гафну'-гафна'н-гафна'з... (слово), микІ-микІлу'-микІла'н-микІла'з... (ветер), битІ-битІру'-битІра'н-битІра'з... (змея) и т. д. Это лишний раз подтверждает наше предположение о том, что прежде и в эргативе эти детерминанты выступали с а. Ср.:

табасаранск. луф-луфру'-луфра'н... (голубь)
 лезгинск. лиф-лифре'-лифре'н... (лифре' < луфра')
 агульск. луф-луфу'ра-луфу'ран...
 табасаранск. лукІ-лукІру'-лукІра'н... (раб)
 лезгинск. лукІ-лукІра'-лукІра'н...
 агульск. лукІ-лукІу'ра-лукІу'ран...
 табасаранск. маш-машну'-машна'н... (лицо)
 агульск. маш-машна'-машна'н...
 табасаранск. микІ-микІлу'-микІла'н... (ветер)
 агульск. микІ-микІла'ла-микІла'лан...
 лезгинск. мекь-мекь'ла (холод) и т. д.

Характерно, что в табасаранском языке посредством лу эргатив образуется всего лишь от нескольких слов: микІ-микІлу (ветер), гаш-гашлу (голод), ахъ-ахълу (холод), из которых последние два потеряли остальные падежи и превратились в наречия причины. Любопытно, что от этих и еще нескольких других слов в лезгинском и агульском языках также имеются причинные наречия с ла (ела, ила), которые также по своему происхождению, безусловно, являются формами эргативного падежа: лезгинск. мекь-мекь'ла (от холода), ккаш-ккиши'ла (с голоду), кич'е'-кич'е'ла (со страху), чими'-чими'ла (от жары), регъу'ь-регъу'ьла (со стыда) и др.; агульск. гаш-гаш'ла (с голоду) и др.

Если в лезгинском, а также и в табасаранском языках детерминант лу (ла) уже как таковой является непродуктивным, то в агульском языке посредством его образует эргатив

довольно большое количество односложных существительных с согласным исходом, например: йакIв--йакIва'ла (топор), джакъв-джакъва'ла (воробей), ердж-ерджа'ла (кузнечные меха) и др.

3. Детерминант е, который характерен только для лезгинского языка, образует эргатив от небольшого количества односложных существительных с согласным исходом, причем корень этих слов всегда содержит гласный переднего ряда. Сравнение этих слов в лезгинском языке с табасаранскими и агульскими примерами показывает, что е в этих словах является вторичным, что он представляет собой видоизменение исконого а под влиянием корневого гласного переднего ряда:

Ср. лезгинск. къур-къурэ' (заяц), агульск. гIур-гIура' и табасаранск. гIур-гIуру'-гIура'н; лезгинск. кIел-кIеле' (ягненок), агульск. ккал-ккала', табасаранск. ччил-ччилу'-ччила'н (в говорах ччал-ччалу'-ччала'н), лезгинск. кьел'-кьеле' (соль), агульск. къаьл-къалаь', табасаранск. къил-къилу'-къила'н; лезгинск. хьел-хьиле' (гнев), табасаранск. хьаьл-хьюлу'-хьюла'н и т. д.

4. Полугласный й в составе детерминанта йи, посредством которого в агульском и табасаранском языках эргатив образуют слова с гласным исходом, является результатом ослабления д в интервокальном положении. Этот процесс не коснулся лезгинского языка и этегского диалекта табасаранского языка Ср.:

лезгинск. халу'-халу'ди (дядя), ккино'-ккино'ди (кино), йезне'-йезне'ди (зять), табасаранск. лит. халу'-халу'йи, ккино'-ккино'йи, йазна'-йазна'йи, этегск. халу'-халу'ди, ккино'-ккино'ди; агульск. халу'-халу'йи, ккино'-ккино'йи, йезна'-йезна'йи и т. д.

В табасаранском языке однако в ряде слов, как хю-хюйи (мука), хья-хьайи (шерсть), ху-хуйи (собака) и др. й исторически относился к корню, то есть, он не восходит к д (ср. с сугакск. хюй-хюйи', хьай-хьайи', хуй-хуйи' и др.).

После произведенного нами выше анализа генезиса отдельных детерминантов эргатива, мы можем дать их уже более упрощенную таблицу.

Детерм., общие для всех трех языков	и, у, а (е), ни, ди (йи), на (ну), ла (лу), ра (ру)
Детерм., характерные для агульского и табасар. яз.	ри
Детерм., характерные только для табасар. яз.	ли

Ниже мы приводим перечень целого ряда коренных слов, имеющих общее происхождение во всех трех рассматриваемых нами языках или же в двух из них, выделяя при этом слова, образующие основу косвенных падежей по одному и тому же способу.

ОБРАЗОВАНИЕ КОСВЕННОЙ ОСНОВЫ

Табасаранский	Агульский	Лезгинский	Перевод
йис-йису' (йиса'н)	ис-иса'	йис-(йи)са'	год
йиччв-йиччву'	уьт-уьта'	вирт-виртIе-ди	мёд
йигь-йигьу' (йигьа'н)	йагь-йагья'	йугь-(йи)къа	день
швш-швшу' (швшва'н)	сус-суса'	свас-сваса'	невеста
гьурд-гьурду'	гьурд-гьурди'	гьуд-гьутту'	кулак
бац-бацу'	ппацц-ппаццу'	ппац-ппацу'	лапа
хвар-хвару' (хвара'н)	хвар-хвара'	хвар-хвара'	кобыла
тIуб-тIубу' (тIуба'н)	тIуб-тIубу'	тIуб-тIушIу'	палец
хьад-хьаду' (хьада'н)	хьид-хьиди' (весна)	гад-гатту'	лето
гьуьл-гьуьли'	гьуьл-гьуьли'	гьуьл-гьуьлуь'	море
иб-ибу' (иба'н)	'ибур-и'бури	йаб-йаппу'	ухо
йикк-йикку'	йакI-йакIу'	йак-йакIу'	мясо
гунтI-гунтIу' (гунтIа'н)	кIунтI-кIунтIа'	кIунтI-кIунтIу'	холмик
гьюн-гьюни'	гIун-гIуни'	къуьн-къуьнуь'	плечо
кьурд -кьурду'	гIурд-гIурди'	къуьд-къуьтIуь'	зима
рукь-рукьу' (рукья'н)	рукь-рукья'	ракь-ракьу'	железо
муджри-муджри'йи	муджу'р-муджу'ри	ччуру-ччуру-ди	борода
маьхьв-маьхьвю'	маьхьв-маьхьвю'	мегьв-мегьуь'	дуб
гьаьд-гьаьду'	мугI-мугIи	муьгь-муькъуь'	мост
шид-штту штти	хьед-хьетти'	йад-ци	вода

Табасаранский	Агульский	Лезгинский	Перевод
гъар-гъари	дар-дара' (лес)	ттар-ттарци'	дерево
йиркк -йиркку'	иркк-иркку'	—	кость
мургу'а - мург-ли'	муу'а-муу'ли	ккул-ккулу'ни	веник
муху'р- мухри'	муху'р-муху'-ри	хур-хура'	грудь
зав-заву'	зав-заву'	цав-цаву'	небо
ца-цаи	ца-цаи	цай-цау	огонь
сив-сиву'	су-(в)-сува'	сув-сува' (ах-тынск).	гора
дукI-дукIу'	дукI-дукIу'	ццуькI-ццуь-кIуь'	просо
гъван - гъван-ди'	гъван-гъван-ди'	къван-къван-дзи' (цци)	камень
джин-джин-джи'	джин-джинди'	джин-джин-джи	джин
мурччв - мурччву (мурччва'н)	муртI-муртIу' (муртта'н)	муртI-муртIа'	угол
къун - къуну' (къуна'н)	къун-къуна'	къун-къуна'	козёл
риш-шуру (шура'н)	руш-руша'	руш-руша'	девушка
с(и)ли'б-сиппу'	силе'б-силе'-би	сас-сара'	зуб
тIун-тIуну' (тIуна'н)	тIун-тIуну' (тIуна'н)	тIун-тIуна'	ясли
цал-ца'ли	цал-ца'ли	цал-ц(и)ла'	стена
чIал-чIалну	чIал-чIала	чIал-чIала'	язык, речь
чIив-чIиви'	—	чIув-чIува'	время
чIар-чIарди'	чIар-чIара'	чIар-чIарчIи'	волос
шар-шарди'	шар-шару'	шар-шарччи'	глист
икир-икри'	—	кар-ка'ру	двор
жвуь-жвуву' (жвува'н)	—	жув-жува'	сам
муь-муьку' (муьа'н)	му'къ(у)-муьку'йи	муьв-муькквa'	гнездо, место
мурдз-мурдз-ну'	мурдз-мурдзи'	мурдз-мурцца'	острие
къаьмш-къаьм-шли'	къаьмш-къаь-мши'	къев-къевци'	вторая жена
укI-укIу' (укIа'н)	гIукI-гIукIи'	векь-векьи'	сено, трава

Табасаранский	Агульский	Лезгинский	Перевод
ул-ули'	ул-ули'	вил-вили'	глаз
учв-чав	уч-учи'	вуч-вучи'	он сам
хил-х(и)ли'	гъил-гъили'	гъил-гъили'	рука
кІан-кІану'	кІен-кІена	кІан-кІани'	дно
(кІана'н)			
гъаьн-гъаьну'	гІан-гІана'	къен-къени'	внутрен-
(гъаьна'н)			ность
ликІ-ликІру'	лекІ-лекІи'	лекъ-лекъи'	печёнка
миг-мигу' (ми-	мехъ-мехъа'ла	мек-мекки'	пригорш-
га'н)			ня
кІул-кІули'	кІил-кІили'	къил-къили'	голова
раькъ-раькъю'	раькъ-раькъю'	рехъ-рекъи'	дорога
йукІв-кІва	йиркІв-йир-	рикІ-рикІи'	сердце
	кІвра'		
фун-фуни'	фун-фуни'	руфу'н-руфу'-	живот
		ни	
чиб-чппи	чаб-чиппи'	чеб-чиппи'	сами
джил-джили'	джил-джили	ччил-ччили'	земля
пІипІ-пІипІну'		пІипІ-пипІу'	угол, край
гим-гими'	гим-гими'	кким-ккиме'	учар (сход-
			ка)
йишв-йишву'	гІюш-гІюши'	йиф-йифе'	ночь
(йишва'н)			
ччил-ччилу'	ккал-ккала'	кІел-кІеле'	ягнёнок
(ччила'н)			
хъаьл-хъю-	хъаьл-хъаьла'	хъел-хъиле'	гнев
лу' (хъола'н)			
гъюр-гъюру'	гІур-гІура'	къуьр-къуьре'	заяц
(гъюра'н)			
къил-къилу	къаьл-къаьла'	къел-къеле'	соль
(къила'н)			
вадз-вадзли'	ваз-вазу'ра	вардз-вацра'	луна
пеь-пеъли'	пагІ-пагІа'ла	—	курица
хаьд-хаьдру'	гІад-гІаду'ра	гъед-гъеттре'	звезда, ры-
			ба
сур-су'ри	сур-су'ри	—	моль
йиц-йицру'	вец-вецу'на	йац-йацра'	вол
камк-камкли'	кабк-кабку'	квакв-кукра'	червь
гъюб-гъюбру'	гІуб-гІубу'	къиб-къипп-	лягушка
		ре'	
люкъ-люкъру'	леь-леу'ра	лекъ-лекъре'	орел
лукІ-лукІру'	лукІ-лукІу'ра	лукІ-лукІра'	раб
ницц-ниццру'	нет-нету'	нетІ-нетІре'	вошь

Табасаранский	Агульский	Лезгинский	Перевод
кьюл-кьюлу' (кьюла'н)	гIул-гIулу'	кьиф-кьифре'	мышь
сул-сулу' (су- ла'н)	сул-сула'	сикI-сикIре'	лиса
чIаммчч-чIам- ччли'	тIутI-тIу- тIу'ра	тIветI-тIветI- ре'	муха
тIипп-тIиппу' чарккв-чар- кквли'	— чаркв-чаркв- ра'	тIиб-тIипIре' шараг-шара'г- ди	сова птенец, де- тёныш
маш-машну' (машна'н)	маш-машна'	—	лицо
джвур-джву'ри	зур-зу'ри	ццвар-ццва- ру'ни	моча
тIубла'н-тIуб- лани'	тIува'л-тIува'- ли	тупIа'л-ту- пIа'лди	кольцо
чIул-чIули дуру'ц-дурци'	чIил-чIи'ли дуру'ц-дуру'ци	чIул-чIулу'ни туьре'з-туь- ре'зди	пояс соха
чими'л-чимли'	джими'л-джи- ми'ли	чума'л-чу- ма'лди	кизиль
джихи'р-джих- ри'	джихе'р-джи- хе'ри	чуьхе'р-чуь- хе'рди	груши
джанджа'к- джандки'	джанда'к-джан- да'ки	дженде'к-джен- де'кди	тело
чвул-чвли йагьаг'-йагь- кки'	цул-цу'ли гьюйа'г-гью- йа'ги	зул-зулу' —	осень котёл
хьа(й)-хьайи' хю(й)-хюйи нукь-нукьди'	хьей-хьейи' гIур-гIури' накьв-накьв- ди'	— гьюьр-гьюьри' накьв-на- кьва'ди	шерсть мука могила, глина
даджи-дадж- ди'	даги-даги'	—	осел
ччи-чуччу'// чиччи'	чи-чиччи'	—	сестра
чви-чвуччу' хюни'-хюнди' жви-жвуву' (жви'ди)	чу-ччуччу' хIюни'-хIюни' шуй-шува'	— ви-ви'ди (жу- ва')!	брат корова мужчина

1 В лезгинском языке ви в настоящее время отдельно не употребляется, он выступает как суффикс, обозначающий лиц по месту жительства, по национальности и др. Этимологически ви, несомненно, восходит к табасаранскому жви (человек).

Табасаранский	Агульский	Лезгинский	Перевод
епе'л-епли'	епе'л-епе'ли	—	стог
луф-луфру'	луф-луфу'ра	лиф-лифре'	голубь
хуцI-хуцIру'	хуцI-хуцIуну'	хуз-хузра'	оса, жало
цIигь-цIигьру'	цIегь-цIегь'ла	цIегь-цIегьре'	коза
цицI-цицIру'	—	цIицI-цIицIре'	кузнечик
чIуд-чIудру'	чIид-чIиду'	чIут-чIутра'	блоха
вич-вичу'	хIеч-хIечи'	ич-ичи'ни	яблоко
йиф-йифу'	ибхь-ибхьи'	жив-живе'ди	снег
фуш-шли	фуш-гьа'на	вуж-ни	кто
акв-аквну	гIакв-гIаква'	екв-екву'ьни	свет
швур-швурну'	сур-сура'	зур-зуру'ни	половина
кIарч-кIарч-ну'	кIарч-кIарчи'	карч-крчу'ни	рог
куш-кушру'	куч-кучу'	киф-кифи'ни	коса (во- лос)
куц-куцну'	куц-куцну'	куц-куцу'ни	облик
гьат-гьатну'	кьат-кьату'ни	кьат-кьату'- ни	слой
йурт-йуртру'	лит-лити'	лит-лити'ни	войлок
махьв-махьв- ну'	—	махв-маху'ни	сказка
кьарцI-кьарцI- ну'	—	кьацI-кьацIу'- ни	зарубка
кьаьб-кьаьбу' (кьаьба'н)	гIаб-гIаба'	кьеб-кьепи'- ни	колыбель
кьул-кьу'ли	кьул-кьулу'ни	кьул-кьулу'ни	доска
руб-рубди'	руб-руба'	раб-раппу'ни	иголка
ригь-ригьди'	рагь-рагьу'	рагь-рекьи'ни	солнце
(р)уда'р-(р)уд- ри'	руд-руду'ра	рад-рату'ни	кишка
риб-рибди'	реб-ребу'	риб-риппи'ни	пило
дуьд-дуьдни'	тут-туту'ни	ттуьд-ттуь- ттуь'ни	горло
муччву'р-му- ччври'	ттур-ттура'ла	тIур-тIуру'ни	ложка
заз-зазу'	заз-заза'ла	ццаз-ццаццу'- ни	колючка
иза'н-изни'	иза'н-иза'ни	ццан-цца'ни	пашня
никк-никкди'	нек-некди'	нек-некIе'ди	молоко
ниъ-ниъди'	ни-ни'ди	ни-ни'ди	запах
хиф-хифру'	хев-хев у	хвех-хвеху'	орех
баб-бабу' (ба- ба'н)	баб-баба'	ппаб-ппаппа' (жена)	мать

Табасаранский	Агульский	Лезгинский	Перевод
нини-нини'йи	—	нини-нини'- ди	зрачок, кукла
пнеппе'-пне- ппе'йи	—	пнеппе -пне- ппе'ди	жучок
руг-ругди'	руг-ругу'	руг-руква'ди	земля, пыль
рюкx-рюкxди'	рюкx-рюкxи'	рюкx-рюкx'- ве'ди	зола
сини-синди' сумпа'л-сум- пли'	сини'-сини' сюппа'л-сю- ппа'ли	сини'-сини'ди сппел-сппел'- ди	поднос ус
диф-дифру'	диф-дифу'ра	цциф-ццифе'- ди	облако
куькуь'-куьк- тти'	тук-тука'	цуьк-цуькве'- ди	цветок
тIуму'тI-тIум- тIи'	тIиби'тI-тIи- би'тIи	циппи'цI-ци- ппи'цIди	виноград
ччим-ччимди' бай-бали'	ччаьм-ччаьмаь' баьгIж-баьгI- жи' (буршагск)	чIем-чIеме'ди	масло дита
аба'-аба'йи арфани'-арфа- ни'йи	дад-дада' афни'-афни'	буба'-буба'ди афни'-афни'- ди:	отец, дед огурец
аш-а'штти ччвур-ччвур- ну'	аш-аша'ла ттур-ттуру'	аш-а'шди тIвар-тIвар- цIи'//тIвару'ни	плов, каша имя
варджи'-вар- джи'	медж-медже'- ла	верг-верге'ди	крапива
кум-кумру' дада'-дада'йи дерге'с-дерг- си'	кум-кума' — дире'ц-дире'- ци	гум-гума'ди диде'-диде'ди дирге'с-дир- ге'сди	дым мать коса
амкI-амкIу'	гIемкI-гIем- кIи'	гьекь-гьекь'- ди	пот
ифи-ифтти' лиx-лиxди'	иx-ии'	иви -иви'ди	кровь
мархx-мархx- ли'	леx-леи'	ли-ли'ди	кожа
миркк-микк- ли'	маьркк-маьр- кку'	марф-марфа'- ди	дождь
мюркx-мюр- кxю'	маьхx-маь- хxю'	муьрхx-муьр- хxве'ди// муьр- хxю'	лед ржавчина

Табасаранский	Агульский	Лезгинский	Перевод
нахъв-нахъв-ди'	нахъв-на-хъва'ди	нагъв-нагъва'-ди	солома
нигъв-нигъв-ди'	негъ-негъу'	нагъв-накъва'ди	слеза
хал-хулу' (ху-ла'н)	хал-хула'	кІвал-кІвали'	дом
нис-нису'	нис-ниси'	насу'-насу'ди	сыр
уда'р-удри'	уд-уду'ра	ттвар-ттвар-ци'	зернышко
мелдз-мелдз-ну'	медз-мдзу'ра	медз-мецци'	язык (анат.)

Как видно из приведенного перечня слов, большинство коренных слов, имеющих общее происхождение, образуют во всех трех языках или в двух из них эргатив по одним и тем же способам. Однако, многие из этих слов образуют эргатив в каждом языке по-своему, что вполне естественно, поскольку каждый из этих языков после распада восточно-лезгинского языка-основы развивался по-разному, претерпевал различные изменения. Исчерпывающе ответить на вопрос, по каким принципам делились слова по различным типам образования эргатива в восточно-лезгинском языке-основе довольно трудно. Для этого необходимо более глубокое изучение этого вопроса с привлечением материала и по остальным лезгинским языкам. Однако, и наше рассмотрение этого вопроса дает возможность сделать некоторые выводы и предположения.

1. Показателями эргативного падежа в языках восточно-лезгинской подгруппы исконно являлись гласные **и**, **а**, **у**, которые могли выступать или в чистом виде или же в сочетании с согласными **д**, **р**, **л**, **н**, причем основную роль показателей эргатива играют указанные гласные, так как согласные **д**, **р**, **л**, **н** сами по себе без этих гласных не могут выполнять функцию показателей эргатива.

2. В восточно-лезгинском языке-основе из гласных показателей основным, возможно и единственным, показателем эргатива являлся гласный **и**. Это предположение подтверждается не только тем, что **и** и в настоящее время является наиболее распространенным показателем эргатива во всех трех рассматриваемых языках, но и тем, что в словах, где ударение не перемещается на детерминант эргатива, в качестве показателя эргатива выступает, как правило, именно **и**. Это обстоятельство имеет очень важное значение для выяснения данного

вопроса, потому что наиболее древнюю форму сохранили именно те слова, где ударение не перемещалось с корня на падежные аффиксы. Что же касается слов, в которых ударение перемещалось с корня на аффикс, то они, как правило, подвергались различным фонетическим изменениям. Изменения эти шли по двум направлениям: с одной стороны, с утратой ударения в самом корне слова происходили ослабление, редукция и другие фонетические изменения, а с другой стороны, при перемещении ударения на показатель эргатива, последний сам подвергался влиянию со стороны корневых звуков и претерпевал различные изменения, причем часто он в свою очередь вызывал изменения в корне. Только этим и объясняется тот факт, что различные отклонения, супплетивности и прочие фонетические изменения имеют место именно в словах с подвижным ударением.

Помимо сказанного, нужно еще отметить, что и выступает во всех трех языках как единственный показатель эргатива во множественном числе¹, где, как известно, согласные элементы не фигурируют в составе показателя эргатива, который при этом всегда находится в безударном положении.

3. Согласные элементы в детерминантах эргатива **д, р, л, н** мы вслед за А. Дирром и другими исследователями считаем древнейшими классными показателями, которые в настоящее время уже не ощущаются в языке как таковые. Более того, они не только не ощущаются таковыми в настоящее время, но и перестали ощущаться давным-давно. Это обстоятельство подтверждается тем, что даже в таких древних заимствованиях, как персидские и арабские, они выступают в показателях эргатива без какой-либо определенной системы. Это говорит о том, что отнесение слов к той или иной группе или классу при образовании эргатива, которое в далекой древности основывалось на каких-то семантических принципах, издавна уже стало чисто формальным явлением, и при образовании эргатива впоследствии от новых слов присоединение того или иного согласного к гласному показателю эргатива стало зависеть от различных других причин (структура слова, характер корневых звуков, ударение, аналогия и т. д.). Подтверждением этому является то обстоятельство, что в словах производных, т. е. более позднего происхождения, уже удается проследить определенные закономерности при образовании эргатива, основанные на структуре, морфологическом и фонетическом составе самого слова, в то время как в односложных древних

¹ В табасаранском и агульском языках и является единственным показателем эргатива множественного числа, в лезгинском наряду с **и** выступает и **у**, который, судя по всему, является вторичным.

словах этого мы не можем делать. Зато в последних мы можем проследить отдельные явления, говорящие о том, что в основе отнесения тех или иных слов к различным типам образования эргатива лежали семантические признаки. Так в лезгинском языке почти все слова, в показателе эргатива которых фигурирует *p*, являются названиями различных животных и птиц, что было замечено еще П. К. Усларом, а затем и Л. И. Жирковым. В табасаранском и агульском языках большинство этих слов также образует эргатив посредством показателей с согласными *p*, *l*. Любопытно весьма, что слово *лукI* (раб), которое в лезгинском языке относится к той группе слов, куда входят названия животных и птиц (на что также обратили внимание П. К. Услар и Л. И. Жирков), в табасаранском и агульском языках образует эргатив по тому же способу. Ср. лезгинск. *лукI-лукIpa'* с табасаранск. *лукI-лукIpu'* (*лукIpa'п*) и агульск. *лукI-лукIу'pa*.

Посредством показателей с согласным *n* эргатив образуется большей частью от названия различных частей тела и других предметов. Посредством показателя с *d* эргатив образуется преимущественно от двусложных и многосложных слов с гласным и согласным исходом, относящихся как к классу разумных существ, так и неразумных.

В заключение считаем необходимым отметить, что наша статья представляет собою первую попытку объяснить отдельные вопросы грамматики языков восточно-лезгинской подгруппы в сравнительно-историческом аспекте, вследствие чего не может претендовать на исчерпывающее исследование затронутого нами в ней вопроса.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

	Стр.
А. Шихсаидов . О пребывании монголов в Рича и Кумухе (1239—1240 гг.)	5
Л. И. Лавров . Тарки до XVIII века.	12
А. Г. Мелешко . Расслоение крестьянства в дагестанском ауле накануне Октября.	26
М. Казанбиев . Образование Дагестанской АССР.	69
Б. Омаров . Успехи колхозного строительства в Дагестане в годы третьей пятилетки.	85
Г. Каймаразов и А. Эфендиев . Успехи культурного строительства в Дагестане за годы Советской власти.	120

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Д. Атаев . Христианские древности Аварии.	161
С. Ш. Гаджиева . О семейных отношениях кумыков в XIX в.	183
Д. Габиев . Металлообработка у лаков (по этнографическим материалам).	212
С. С. Агаширинова . Очерки материальной культуры лезгин в конце XIX — начале XX веков.	233

ЛИТЕРАТУРА

Г. Б. Мусаханова . Магомед-Эфенди Османов (1840—1904 гг.). К вопросу об оценке его литературного наследия.	267
---	-----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

М. М. Гаджиев . Дагестанское языкознание за сорок лет.	283
Б. Ханмагомедов . К истории образования эргатива в языках восточно-лезгинской подгруппы.	305

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Техн. редактор **И. А. Клейзмер**

СО3595. Сдано в набор — 16,IV-1958 г. Подписано к печати —
4,IX-1958 г. Формат — 60x92₁₆. Объем — 20,12 п. л. Тираж — 1000.
Цена — 11руб. 50 к. Заказ № 716.

Типография Дагестанского филиала АН СССР,
г. Махачкала, Ленина, 14.